Амулет Святовита. Первая часть.

Амулет Святовита - 1

Роман Валентинович Мискин

SHOUT
SHARE
IT

•

КЛАДОХРАНИТЕЛЬ

Апокриф

Из книжного собрания храма Святовита в Арконе,

Младшие Веды, готский извод, том второй.

Вольный перевод Виндальва Гардарикского.

Никто не знает, откуда берутся драконы. Да и вообще о драконах мало кто нынче знает. Даже самые древние гномьи летописи приводят о них весьма скудные сведения.

Обитают драконы на севере и прилетают оттуда чаще всего ночью, когда их никто не ждет. Живут эти древние гады в смрадных зловонных пещерах в горах или, на худой конец, в чадных норах высоких холмов, где и стерегут свои сокровища. Огромная страсть драконов - золото, и ради него они готовы на любые преступления. А поскольку золото водится в большинстве своем у карликов, то драконы - их самые заклятые враги. Отобрав древний клад, змей собирает его в кучу и спит на нем, причем знает каждую вещицу, сколь много бы их ни было. Все драконы долговечны и могут пролежать на груде сокровищ целые столетия, никем не тронутые. Но ежели их потревожить, то они вмиг становятся, как гласят свитки, "раздраконенными драконами" - и горе тому герою, который решится вызвать его на бой, или похитителю, ловко умыкнувшему какую-либо безделицу из его клада. У дракона тонкий нюх, особенно на человечину, и он всегда безошибочно выслеживает своего обидчика и немилосердно умерщвляет того. Но огнедышащий змей на этом не останавливается и совершает жестокие налеты на окрестные земли, выжигая и выедая все вокруг. Правда, от кровавого гада можно откупиться - нет, не золотом вовсе, его и так у него предостаточно. Любимое его блюдо - юные девы, а потому он в виде большой милости может наложить тяжкую дань на соседнее княжество - и тогда заливаются горючими слезами матери, отправляя своих незамужних дочерей на поталу проклятому змею.

Драконы ползают, извиваясь по земле, или же летают в небе на своих перепончатых крыльях, а выглядят как чешуйчатые голые гады с одной огнедышащей головой. Бывают трех-, семи-, иногда даже двенадцатиголовые чудища, хотя они встречаются все реже и реже, а в последнее время о них и вовсе стало не слыхать. Но это совсем не значит, что эти древние гады вымерли навсегда - просто у драконов есть удивительный колдовской дар превращаться в любое создание, будь то человек или зверь, камень придорожный или вдруг появившийся ни с того ни с сего

прохладный родник. И как знать, кто скрывается под личиной встретившегося на пути страннику приятного с виду попутчика - уж не дракон ли, жаждущий твоей крови?

В старинных гномьих летописях еще встречаются отзвуки древних полузабытых преданий, в которых говорится о каких-то милостивых драконах, в пламени которых гномы ковали волшебные мечи при лунном свете, да и сами древние змеи были охранителями Предковечного Древа. Но времена эти, столь далекие, что и вспомнить-то невозможно, давным-давно канули в небытие. Ужас поступков драконов леденил душу и кровь - а потому и само упоминание его древнего имени вслух стало ненавистным и внушающим дикий страх. Это извечное истинное имя драконов в конце-концов забылось и стерлось из памяти поколений, став достоянием только самой черной волшбы и мрачных последователей, посвященных в ее тайны. И уже не одно столетие подряд ветхие свитки подгорного народа называют драконов боязливыми прозвищами - "кладохранитель" и "пламевержитель", "червь огнекрылый" и "змеечудовище".

Те же рукописи гласят, что драконов убивают обычно снизу, в мягкое чрево, поскольку зловонная драконья слюна изъедает железо напрочь, а сами клинки об их головы попросту дробятся, не причиняя змею никакого вреда. Но убить дракона - занятие отнюдь не из легких, и не только из-за их источающих отраву клыков, наносящих смертельные раны. Все драконы умудрены давностью лет, сведущи в колдовстве и древних знаниях - их чарам из суземных мало кто сможет противиться. Дракон умирает очень долго и весьма мучительно, и может, выведав перед смертью имя своего убийцы, проклясть навечно его род. А посему нечасто и находятся желающие на это столь безнадежное и весьма опасное дело как убийство дракона. И тем более было удивительным то, что однажды все же сыскался такой смельчак из рода погубителей змеев, решивший во что бы то ни стало сразить Фафнира, одного из последних драконов, лежавшего вот уже триста лет кряду на груде сокровищ, похищенных у карликов-нибелунгов. Звали того витязя Сигурд из рода Вилсунгов.

Тот удивительный воин свершил немало подвигов, пока не прослышал про последнего дракона, а узнав про старинного змея, загорелся желанием во что бы то ни стало сразиться с ним и завладеть его сокровищами. У Сигурд был дивный меч Бальмунг, откованный подгорными гномами - и этот чудесный клинок был отточен настолько, что когда его вонзали в речное дно, он разрезал древесные листья, пущенные на него по течению. Выведав логово издревнего гада, Сигурд устроил засаду на драконьей тропе, ибо при взгляде на дракона Фафнира,

облаченного в ужасного вида колдовской шлем, вмиг навечно каменело все живое. И вот, когда чудище ползло, извиваясь, к реке на водопой, витязь вонзил ему снизу в мягкое незащищенное брюхо свой острый волшебный клинок. Так и был сражен древний змей - сражен, но не повержен.

Старинные предания гномов гласят, что тот, кто омоется в крови дракона, сразу же ороговеет и его не возьмут более ни мечи, ни вражьи стрелы. Так и Сигурд, сидя в своей яме, полной драконьей крови, стал полностью неуязвим для людского оружия - и лишь маленький листок, сорвавшийся от дуновения ветра с липы и приставший к спине, оставил на теле отважного витязя одно незащищенное место у его левой лопатки. Дождавшись, когда в страшных мучениях коварный змей издохнет, Сигурд выбрался из своей западни и завладел древними сокровищами, а затем, вырезав у мертвого Фафнира сердце, съел его и получил еще один чудесный колдовской дар - ибо сердце дракона дает свойство понимать птичий и звериный язык.

И вот здесь легенды расходятся. Одни из них, самые известные, а значит, не всегда и самые правдивые, говорят, что Сигурд совершил еще немало чудесных подвигов и погиб лишь от руки изменника, направившей копье в незащищенное место на его спине. А вот другие, тайные сказания, ревниво оберегаемые древним подгорным народом и почти не дошедшие до наших дней, повествуют о том, что Сигурд... сам превратился в дракона! Почему и как это произошло, никому доселе не ведомо - то ли потому, что он омылся в драконьей крови, то ли из-за того, что съел драконье сердце или примерил на себя заколдованный драконий шлем. А может, Сигурд слишком уж долго смотрел на сокровища, и древние чары исподволь источили его мысли, в сердце намертво въелся блеск золота, а жестокая алчность навечно овладела его душой. Ведь дракону положено охранять и собирать злато - а алчущий сокровищ и сам со временем оборачивается в дракона.

Так явился миру еще один Черный Властелин... Ибо чудовищами не рождаются - ими становятся.

ПРОЛОГ

"Свой род от Солнца-Сокола веду,
Имею семь святилищ тайных.
Все семь посвящены ему -
Рарогу-Соколу, прапредку моему..."
Старише Веды,четвертая песнь Сварогу.
Вольный перевод Виндальва Гардарикского.

В те давние-давние времена, когда реки были молочные, а

берега кисельные, когда еще водились лешие, домовые и русалки, жил себе в лесах у студеного Свияжского моря мелкий народец ростом с вершок. Сами себя они именовали барздуками, что на ихнем наречии означало "те, кто носит бороду", или попросту "бородачи", и происходили они из колена стародревних карликов, изначально живших близ корней Предковечного Древа. А поскольку обитали они в земле Неманской, тамошние жители называли их земниками, поскольку верили, будто устраивают они свои жилища в земле. Те же, кто и вовсе не слыхивал ни про каких барздуков с земниками, считали их и вовсе уж сказочными созданиями, а потому иначе их и не называли как чудью. Да и разве ж это не чудо - человечек ростом в половину людского? А потому и понапридумывали про земников всякого разного - будто сами они ростом с ноготок, а борода в локоток, и в этой самой бороде, настолько длинной, что ее оборачивают вокруг пояса, и спрятана волшебная сила; будто живут они только под землей и носа на дневной свет не кажут, а ежели выкорчевать старую-престарую корягу в лесной чаще и посмотреть вниз, то меж древними корневищами эту самую чудь и можно увидеть; будто ходят они на птичьих лапах, не то гусиных, не то вороньих, и запросто понимают пташиный говор. Рассказывали и вовсе уж мрачные истории про то, как три брата пошли в лес за огнем, да и попали к длиннобородому карлику, который железным пальцем жар в огне разгребал и загадки загадывал, а с проигравшего драл кожаный ремень со спины. Другие же, напротив, поговаривали, что сказочный мужичок-с-локоток в скрутную годину приходит на помощь сиротам и одиноким старцам, и частенько освобождает из силков и капканов неосторожную лесную живность. Людское воображение считало коротышек хранителями несметных сокровищ и древних знаний - вот только вот увидеть, а не то что изловить земника, мало кому удавалось. Так и жили себе земники в бабушкиных сказках, из века в век обрастая все новыми и новыми волшебными подробностями.

А меж тем не все в тех небылицах и байках было сказочным. И прежде всего сами земники. Ну взять хотя бы рост - что тут такого, если самый высокий барздук (а таких, почитай, за всю их историю по пальцам можно было счесть) едва-едва дотягивал до груди обычного человека? И то сказать - что такое обычный человеческий рост? Это для людей он обычный, а вот для того же земника совсем даже необычный, можно даже сказать, почти огромный. А вот, положим, для того же асилка-великана обычный людской рост и вовсе уж карликовый. Так что рост - это уж как посмотреть. И ежели смотреть с высоты земников - то у них самый обычный земниковский рост. А раз рост самый обычный,

полагали они, то и судить-рядить больше не о чем.

Что же касается бороды, то бороды у земников действительно были роскошные, и растили они их всю свою жизнь. Поговаривали, что чем длиннее и пышнее борода, тем большим почетом пользуется земник у своих сородичей. Это, конечно, всё вранье и неправда. Ведь бывало и так, что к старости иной барздук бородищу себе о-го-го как отпустит, а ума-то, почитай, так и не наберется - одна только важность и ничего другого. Так что земники больше не к бородам приглядывались, а к толковым делам и поступкам своих сородичей.

Бороды свои барздуки никогда не стригли, а потому, когда они отрастали до невозможности и норовили попасть то в обеденное блюдо, то в пивную кружку, заправляли их попросту за кушак. Иной раз, бывало, борода отрастала так, что земник на нее наступал и падал, а потому и взяли барздуки за обычай особо длинные бороды оборачивать вокруг пояса, чтобы они не мешали при ходьбе. В военное же время (а такое, увы, было очень часто) бороды заплетали в косы и, в зависимости от длины, наматывали то на ухо, то на шею, или вовсе заправляли в кольчуги, чтоб сподручней было воевать.

Что же касается волшебной силы земниковских бород, то это и вовсе уж враки. Ну, во-первых, потому, что к волшбе и колдовству не всякий земник причастен, а лишь особо одаренный и наученный, а таких не только среди людей, но и среди барздуков не так уж и много. А во-вторых, когда творишь какое-нибудь заклинание, то волнуешься (дело-то ведь нешуточное), а раз волнуешься, то руками всегда чего-нибудь теребишь, а когда под руками одна только борода и есть, то как же ее, эту бороду, руками-то не теребить? Вот и кажется со стороны, будто земник в бороду себе что-то шепчет и колдует.

Потерять бороду для земника - все равно, что потерять голову. И нет большего позора и унижения для взрослого барздука, чем отрезание бороды. Земник без бороды - и не земник вовсе, а так, уродец какой-то. И потому без нее он не может спокойно ни есть, ни спать, и хиреет прямо на глазах. Посему и бают досужие языки, что если карлику отрезать бороду, то, мол, вместе с ней уходит и его волшебная сила. Волшебная, это уж, конечно, загнули, а вот сила - да, что верно, то верно. Поэтому схватить земника за бороду - значит, нажить себе кровного врага. И нет для барздука худшего оскорбления, чем пригрозить, что возьмешь его за бороду.

Не только за малый рост и длинную бороду прозвали земников чудным народцем. Водилось у них еще одно удивительное свойство. Все дело в том, что на ногах у них было

всего три пальца - совсем как у птиц, с маленькими перепонками. И вот за эти-то перепонки барздуков в насмешку и называли гусинолапыми. Однако сами земники своими трехпалыми ногами гордились чуть ли не больше, чем бородами. "Подумаешь, - говорили барздуки, - эка невидаль - малый рост и длинная борода. Таковских-то и среди людей порядочно наберется. А вот три пальца на ногах - это уж, извините, это только наша, земниковская порода!" Однако, в отличие от бород, ноги свои земники напоказ не выставляли и как всякий добропорядочный народец босоногими не ходили и носили обувь. Башмаки свои они вырезали из дерева и называли клумпи, и вот в этих самих клумпи ноги-то земника и не разглядеть. Детвора барздуков, конечно же, как это и положено всей ребятне, часто бегала голопятой и босоногой, а в старые времена, резвясь, частенько подкрадывалась к людским жилищам, из любопытства заглядывая в окна и оставляя свои птичьи следы возле домов. Да и взрослые земники иной раз, освобождая лесную живность из силков и капканов, снимали свои клумпи и нарочно следили вокруг своими лапами, вводя охотников в заблуждение.

Капканы барздуки ужас как не любили. И не столько из желания навредить человеку (с соседями и жить надо по-доброму, по-соседски), сколько потому, что в этих ловушках лесное зверье безвинно мучилось и гибло. А барздуки на то и приставлены были, чтоб лес охранять да присматривать. И уж ежели земник усмотрел капкан или силок, то обязательно испортит его. Бывало и так, что в такую западню мог угодить и сам барздук - но тогда уж держись сам хозяин капкана! Разгневанный земник со своими сородичами напакостит такому горе-охотнику, где только сможет - и по лесу заставит его поблукать до самой ночи, и дров не даст толком нарубать и принести, и очаг обязательно зальет или варево вечернее в золу вывернет, а уж снасти-то его все охотничьи, как пить дать, напрочь перепортит! Вот откуда и пошли побасенки про зловредных лесных коротышек, приносящих пакости людям. Но так, в общем и целом, земники были очень даже добродушный и миролюбивый народец и по своей природной сердобольности помогали заблудившимся путникам выбраться из лесной чащобы на торные тропы, а одиноким старцам, сирым удовиченкам или безземельным халупникам, коих нужда задавила до невозможности, могли тайком наносить полный амбар лесных орехов, ягод и грибов.

Вопреки расхожим домыслам, барздуки никаких сокровищ - ни золота-серебра, ни самоцветных каменьев - отродясь не держали. Все их богатство составлял лес. Земники любили лес, и лес любил земников. И давал им все, что нужно в достатке и

изобилии. А в случае опасности или военной угрозы надежно охранял от ворогов под сенью могучих дубов и елей. Однако же не все лесные тайны были ведомы барздукам - земники сторонились глухих чащоб и темных оврагов, где пряталась разная нечисть. Сердце их было открыто солнцу и вешнему ветру, и селились они, хотя и в пуще, но все же поближе к говорливым веселым ручьям, светлым опушкам и полянам, сплошь заросших медовым разнотравьем и кустистым ягодником. И вот эти самые лесные тайны и были открыты барздукам.

Каждый земник сызмальства знал, где и когда растет любая лесная ягода или гриб, от какой хвори и недуга те или иные корешки да веточки, какую траву в какое блюдо заправлять и чем эти самые блюда приправлять. Каждый земник наперечет знал все лесные следы да отметины, и сами они были следопыты отменные. А потому и без слов читали на влажной росистой земле все, что происходило в пуще. Земники без труда понимали птичий язык - и болтливое стрекотанье сороки, и заливистые припевы соловья, и звонкий писк лесных пичуг - и запросто им вторили. Они вслушивались в болтливое журчанье родников и шум древесных крон, в тихий шорох озерной волны и перешептывание трав. Они слышали, как растет стебель, как бежит березовый сок, как дышит земля и распускаются почки. Они настолько срослись с лесом, что считали его не только своим домом - они считали его частью самих себя.

***

В ту пору барздуки были уже единым народом со своими обычаями и устоями, забавными для стороннего взгляда. Свой извод законов они называли Земниковской Правдой, по которой во главе каждого рода стоял вирсайт - старейшина, избираемый всем семейством, а поелику времена были смутные и неспокойные, то вирсайт был еще и воеводой, каждый раз ополчая ратников для обороны земниковских владений. Никакой верховной власти над собой барздуки не признавали, решая все споры на собрании вирсайтов под сенью священных дубов, а при особой нужде могли созвать и вече. Но дело это было трудное и хлопотливое, поскольку осели барздуки раздольно по всей пуще Неманского края - и поди ж ты, попробуй собрать весь земниковский род со всех урочищ Двины и Немана, или, на местном наречии, Даугавы и Нямунаса. "Но раз Правда писана, значит, должно быть и Вече",- считали барздуки и хоть раз в году, но отряжали посланников на самый главный совет, даже если нужды в том и не было вовсе. А раз не было нужды, то и вече со временем превратилось в шумную сходку, а затем и вовсе его стали приурочивать к какому-нибудь большому празднику, на

который и без того собирались вместе близкие и далекие родичи.

Конечно, когда на берегах Немана и его окрестных землях воцарилась единая власть Великого Княжества, под стать его устройству были преобразованы и земли самих барздуков. Из стольного города Ковень-града к земникам был прислан княжеский наместник, а сами местности, населенные маленьким народцем, получили название Земигольского края. Однако ни извечных прав барздуков, ни их древних устоев и обычаев Великий Князь никоим образом не трогал, и в их жизнь не вмешивался совершенно. Вся его власть свелась фактически к тому, что земники платили ему необременительный для себя оброк, сами, своими силами, охраняли свои же кордоны от всякой налезавшей нечисти, при необходимости посылали вооруженные отряды бойцов на помощь Князю по его требованию, а на земниковских шумных вечевых собраниях должен был постоянно присутствовать тот самый княжеский наместник. Однако и его роль, и его присутствие были там скорее чисто символическими - и наместник лишь попросту утверждал те решения, которые сами же барздуки и выносили, отправляя постоянные отчеты в столицу. Однако одну почетную обязанностью на княжеского наместника возложили уже сами хлебосольные земники - и она как раз состояла в том, что он должен был всегда присутствовать на всех больших и малых праздниках племени барздуков.

А уж чего-чего, а праздников у земников всегда хватало. Они готовы были радостно и весело отмечать хоть каждый новый день недели - но всему же есть предел. А потому и отмечали с особенным размахом лишь самые большие и знаменательные даты, среди которых числились, например, тот же Вечевой Сбор или Новый год. Начало нового года барздуки отмечали по-своему, по-земниковски - в начале весны, когда начинает звенеть веселая капель и оттаивают первые прогалины, а вместе с ними просыпаются после зимнего сна разные божьи создания, в том числе и земники. Да-да, именно просыпаются, поскольку барздуки всю стылую зиму напролет проводят в глубокой спячке. И то дело - зачем же в лютые холода присматривать лес, коли он сам спит и присматривать, по сути-то, не за чем? И поэтому Новый год особенно радостней встречать и после глубокого зимнего сна, и после трескучих морозов, когда воздух в лесу наполняется вешней теплынью и пригревает ласковое и пока еще несмелое солнце. Тогда земники посылают друг другу гонцов с приглашением на совет по поводу празднования Нового года (как же без совещания-то обойтись в столь важном деле), который тоже превращается в своего рода маленький праздник. А уж сам Новый год растягивается на добрую седмицу дней с преобильным

угощением и доброй попойкой с бесконечным поднятием кубков, чарок, рогов и еще множества видов посуды для питья и распития с провозглашением пожеланий всевозможных благ в наступающем году.

Помимо самого Нового года земники с превеликим удовольствием провожали и год уходящий, или Старый год. Сам праздник отмечался, как это и должно было быть, в конце осени, перед распутицей и мерзкой слякотью, за которыми придет сердитая зима, а сами земники уйдут на покой до следующей весны. Тут уж пир устраивался, как говорится, на весь мир (правда, земниковский мир большей частью, хотя барздуки рады были и гостю незваному, волею случая забредшему в их исконные вотчины без лихого умысла). Тогда по древней традиции земники сжигали Бадняка, чучело Старого года, а с ним вместе и все напасти и невзгоды года уходящего, и ели-пили, что называется, до упаду, последний раз наедая жирок перед долгим зимним сном.

Кроме того, в списках у барздуков числились и другие большие праздники. А уж праздников помельче и всевозможных дат было и вовсе не счесть - открывай себе любой старинный месяцеслов и выбирай на вкус любой праздник хоть на каждый день. Кстати сказать, различные месяцесловы наряду с поваренными книгами и семейными родоводами как раз и были самим любимым чтивом барздуков - чего уж не скажешь о многом другом.

Вести же свое летоисчисление барздуки доверили мудрецам-вайделотам, которые ведали не только знахарством и мелкой волшбой, но и загадочными руническими знаками, а равно и другой какой наукой и календарем, принесенных из северных таинственных земель во времена столь древние, что обычному барздуку и знать о них вовсе не хотелось. А потому и пользовались в обыденной жизни названиями месяцев, позаимствованными у своих соседей людей - протальник, цветень или там липень с падолистом, хотя самих названий для одного и того же месяца было довольно-таки много, ну а чтоб не получалось путаницы и неразберихи, на то и приставлены были вайделоты (по крайней мере, так рассуждали сами барздуки). Владеть письменами земники также доверили своим мудрецам, поскольку с рунами тесно связано колдовство и гадание всякое, хотя накрапать грамотку там какую-нибудь на бересте или прочесть надпись на замшелом придорожном камне мог каждый взрослый земник, ежели не поленился в свое время этой самой грамотой овладеть.

Жили земники многолюдными семьями и обитали больше по

хуторам, понастроенным в разных лесных урочищах, хранителями которых они являлись. И со временем, дабы не запутаться, кто где жил, понапридумывали друг другу множество родовых прозвищ. Скажем, ежели барздуки были родом из березовой рощи и хутор свой иначе как Подберезки или Березань и не называли, то кем же им быть, как не березовиками Бирзулисами? А если обитали они в шумной дубраве - то быть им только дубовиками Озолсами и никак по-другому. А потому и числились среди земниковских прозвищ всевозможные рябинники Шермукшнисы, лещинники Лаздонисы или даже хранители священной бузины Пушкайтсы - весьма старинный и достопочтенный, смеем заметить, род. Попадались и вовсе чудные семейства приозерников Ежеринасов или даже бородачей Бардойтсов, хотя какой же земник без бороды?

Хутор земника так просто со стороны и не заметишь - стоит себе зеленый холм и стоит, лбом своим уперся в край опушки или в излучину лесного ручья, лишь с боков заматерел, пышно оброс травой и кустарником, да так, что и не продерешься через него. А коли продерешься, то и увидишь жилище барздука - затравевшую землянку, рубленную из столетних дубовых колод, поблескивавшую маленькими слюдяными оконцами из-под поросшей сивым мхом крыши, одной стороной своей уходящей в подножье холма. Внутри чисто и уютно, пол выстелен светлыми сосновыми досками, пахнет медом и ягодами - сама тишина и покой. А иначе и быть не может - ведь лес шума не любит, а потому и земникам по душе больше тишь да благодать. В таком жилище (по-земниковски троба) и обитали обычно многолюдные семейства барздуков. Бывало и так, что иной отшельник-бирюк, волею судеб иль по собственному желанию обособившийся от своих сородичей, устраивал себе землянку где-нибудь в укромном месте под вековой корягой и коротал там свои земниковские дни. А на тот случай, если жилище все-таки обнаружил какой-нибудь лиходей (хотя это было ох как непросто), у барздуков имелся не один потайной лаз, через который и исчезали в мгновение ока шустрые земники - ищи-свищи потом их по всей пуще!

Хозяйство свое барздуки вели крепко, а потому мед, пиво и хлеб - исконная земниковская еда - водились у них в изобилии и постоянно. Отправляясь дозором в лес, барздук никогда не забудет припрятать съестное где-нибудь в чаще под старой замшелой корягой для своих сотоварищей или просто для путника, заблукавшего в пуще, отчего и существовало среди неманских жителей поверье, будто земники хранят свою еду под пнями в лесу. Однако не только медом и хлебом сыт был барздук - они были сущими знатоками в части того, что касается

приготовления всевозможных блюд из лесных продуктов - ягодных узваров и цветочных варений, печеных кореньев с душистыми приправами из трав, пряных разносолов из грибов и жаркого с зайчатиной, поскольку в качестве домашней живности земники пасли по лесным опушкам зайцев, за что их и называли частенько "заячьими пастухами" (в отличие, скажем, от угрюмых лешаков - "пастырей волчьих"). Ежели рассказывать про земниковский дар изготавливать различные хмельные напитки, то и здесь их следует признать непревзойденными умельцами - испробовать их медовую брагу, густой сбитень или хмельное пиво не гнушались даже такие изысканные ценители утонченных блюд как дивы, от которых, между прочим, судя по древним преданиям, и научились земники варить пиво, хотя сами они это горячо отрицают, считая его своим исконно барздучьим умением и гордятся им не меньше, чем своими длиннющими бородами.

От дивов же барздуки научились и песни свои со сказками слагать - правда, они не были такими чарующими и древними, как песни Дивного Народа, даже, можно сказать, совсем наоборот, мотивчик их был незатейливым и простым, но зато обязательно и веселым, и разухабистым, под стать самим земникам, готовым без конца смеяться и плясать хоть весь год от зимы до зимы. А уж вот в чем могли барздуки потягаться не только с дивами, но и с другой волшебной нелюдью, так это в загадывании всяческих загадок, которых у них было просто несть числа, да еще постоянно новые придумывались. Уменье это было столь древнее, что восходило корнями своими к самой поре мироздания, и считалось наукой особой, ведовской, освященной нерушимыми испокон веков правилами, когда могли, не таясь, запросто встретиться два смертельных ворога и в честной игре в загадки разрешить затянувшийся спор. Земники же, известное дело, врагами друг другу отродясь никогда не были, но умение это любили всей душой и подняли его на небывалую доселе высоту. Порой два старых-престарых, умудренных долгой жизнью барздука, обмотавшись несколько раз своими бородищами, могли за кружкой пенного пива целую ночь напролет провести в загадывании мудреных загадок, супя мохнатые брови и шамкая уже беззубым ртом. Однако даже самые великие из мудрецов и знатоков загадок не могли пролить свет на один-единственный вопрос - откуда же взялись сами земники?

***

Никто не знает, откуда взялись барздуки. Однако достоверно известно, что когда возникло Предковечное Древо, земники уже обитали близ его корней вместе с различной волшебной нелюдью. Род их был в то время весьма людным и

многочисленным, и жили они беззаботно. Но когда появилось первое Зло и настала пора Лихолетья, под влиянием темных сил род карликов распался на несколько колен. Многие из них, поддавшись мрачным чарам, навеки отвратили свой взгляд от небесного светила - их больше манил блеск золота и самоцветов, чем сияние солнечных лучей. Все глубже и глубже вгрызались они в землю, пока навеки не остались в ней. Они вырыли длинные и запутанные ходы под горами, создали прекрасные чертоги в каменных подземельях и научились делать дивные вещи. Порой и они поднимались наверх, к подножию скалистых гор и утесов, но все больше ночью, при зыбком лунном свете. Они стали бледны и кряжисты, а сердца их закаменели. Часть из них, в погоне за сокровищами гор, отчаянно спускались в бездонные колодцы, уходили во мрак и тьму бесконечных пещер, проложенных невесть кем и когда. Уходили, чтобы затем никогда не вернуться - ибо там, глубоко внизу, за чертой земных пределов, они встречали свою погибель.

О тех седых временах земники ничего уже не помнили и лишь глухие отзвуки мрачных событий иногда проскальзывали в древних преданиях. Свой отсчет времени барздуки стали вести с той поры, когда одно из последних колен карликов, спасаясь от настигавших напастей и войн, пересекло Свияжское море и осело на его берегах. Эти племена твердо придерживались прадедовских обычаев и поклонялись Мировому Древу - они по-прежнему оставались лесными жителями и не собирались менять свои вековечные устои. Расселившись в пуще на берегах лесных рек и озер, они быстро переняли наречия местных племен и вскоре и вовсе позабыли предковский язык, о котором напоминали разве что старинные имена да чудные названия, сохранившиеся в песнях и сказках. И вот оттуда, из неманских лесов, барздуки зорко следили за поступью Зла.

Земники видели, как суровые морские волны выносили на берег все новых и новых лазутчиков Тьмы, но от его Огненного Ока барздукам удалось укрыться. Они помнили, как вторглись с севера безжалостные племена готов и ушли на юг, в дебри Великолесья, как совершали свои кровавые набеги жестокие варяги, вырезая подчас целые поселения. Они помнили, как темные чары затмевали людской разум, и битвы то и дело вспыхивали вдоль всего побережья. И для земников слово "море" стало созвучным слову "мор" и они его постарались забыть как можно скорее, углубляясь все дальше и дальше в чащу.

Во времена властителя Видевута людским племенам удалось на время сдержать злобный натиск севера. Под княжескими стягами с изображением священной триады богов, или Триглава,

неманские племена отбили набеги варягов, и на землях от Даугавы до Вислы наступил покой и мир. В то время брат короля, чародей Брутен, основал в урочище Рикойто святилище Триглава, где поклонялись древнему дубу и огню - символам Предковечного Древа, вокруг которых сплотились люди, земники и дивы, еще не тронутые злою волшбой. Брутен объявил себя Криве-Кривайтисом - верховным жрецом - и еще долгое время его чары оберегали Неманский край от лихих напастей.

Продвигаясь все дальше и дальше на юг, уже в самом Великолесье, земники встретили иное племя - то были высокие и ясноглазые люди в светлых одеждах. За спиной у них чаще висели гусли, чем лук или меч, хотя обвинить в трусости их никто бы не посмел. Они были открыты солнцу и добру, чтили предков и священное Древо, а себя считали внуками Дажбога - небесного светила. Язык свой они называли Словом, и всех, кто на нем говорил - словянами, хотя соседние народы нарекли их склавинами. И Слово это было так близко и созвучно неманским говорам, что вскоре вольготно разлилось по всей ятвяжской земле.

В княжение Швинторога еще одна напасть сотрясла Неманские земли - Зло уже подготовило свой новый сокрушительный удар, исподволь, тайком собираясь с силами. Отряды варягов все чаще и чаще нападали на прибрежные земли, поднимаясь вверх по Двине и Неману, грабя и разоряя все вокруг, а некоторые их шайки бесследно исчезали в пущах Великолесья. В глухих дебрях стали плодиться оборотни-вилктаки, а по глубоким оврагам творили свою черную волшбу колдуны-буртининки и ведьмы-раганы. Колдовские чары, словно липкая паутина, оплетали леса и перелески, убивая все светлое и доброе, высасывая волю к борьбе, сея раздоры и смуту. Свияжское море грызло берега ледяными волнами, готовя землю к новой нечисти. И однажды, в грозовую страшную ночь, море выплюнуло на берег орды новых пришельцев.

Жестокие чужаки были одеты с головы до пят в железные латы, а многие из них сидели верхом на конях, закованных в броню. Они говорили, что поклоняются кресту, вышитому на их знаменах и плащах, и проповедуют любовь и смирение. Но в прорезях рогатых шлемов хищно светились глаза убийц - и они убивали всех и вся. В те мрачные годы дым костров застилал небо, и даже по ночам багровые сполохи лизали облака. В смрадном пламени пожарищ сгорел дотла идол Триглава и священный дуб в Рикойто, а с ними и обереги Кривайтиса. Чужаки на некогда благодатных землях основали мрачный Орден Меченосцев и заковали взморье в неприступные каменные

крепости - изможденные беглецы с побережья с расширенными от ужаса глазами говорили, будто строили те замки на костях и замешивали на крови.

В это тяжкое время последние свободные людские племена холмников-аукшайтов и дольников-жемайтов сделали еще одну попытку сплотиться перед лицом новой опасности. В долине Швинторога, где был погребен этот славный князь вместе со своими чудесными соколом, конем и псом, неожиданно объявился новый Криве-Кривайтис. Был ли это последний спасшийся верховный жрец или кто другой, взявший его имя, никто не знал. Вместе с правителем окрестных, еще свободных земель, князем Миндовгом, новый Кривайтис основал Великое Княжество Неманское, ставшее последним оплотом светлых сил. Однако слишком слабы и разрознены были они - ибо волшебные дивы бесследно исчезли в Великой пуще, устав от бесконечных распрей и войн, а племена дольников раз за разом отступали перед стальным натиском меченосцев, пока и вовсе не бежали из отчих земель во владения аукшайтов.

А с юга доходили слухи и того страшней, будто там, за неоглядными окраинами лесов, в степных просторах Дикого Поля просочившееся Зло свило себе новое гнездо и лизало склавинские земли огненным языком, из года в год опустошая и выжигая некогда людные места, подбираясь все ближе и ближе к землям барздуков, того и гляди, грозя достать и их. Муторно и неспокойно стало в Великолесье, таяли светлые силы, а с ними угасали и последние надежды. Зло строило новые козни, а в лесах бесчинствовала распоясавшаяся нечисть.

Над огромным краем от моря до моря повис сумрак Лихолетья...

ГЛАВА 1
ШКОЛЯР

По всему земниковскому краю царили веселое оживление и приятная суматоха. Еще бы - ведь пришел месяц цветения лип, а разом с ним - и самый светлый праздник Лиго, макушка лета, зоряная купель. И во все урочища неманских лесов, где только ни осели семейства барздуков, помчались гонцы с приглашениями на свято.

Лиго, или Янов день, который еще кое-где называли Купалой, в этом году обещал быть особенным. Лето выдалось ласковым и теплым, ягод, грибов и орехов уродилось столько, что такого не припоминали даже самые старые бородачи. Да еще ко всему прочему вот уже как двадцать один год (три семерки - священное число) народ земников жил в мире и спокойствии. Тогда, больше

двух десятков лет назад, барздуки, призванные на помощь Великим Князем, объединенной ратью отразили нападение хищных меченосцев. В кровавой сече на Семи Холмах, которая навсегда вошла в летописи Неманского края, засадный полк земников вырвал победу из когтистых лап нечисти, ударив в тыл врагу именно в тот миг, когда войска холмников дрогнули под натиском железной конницы и готовы были вот-вот бежать сломя голову, а разрозненные дружины жемайтов, истекая кровью, пытались прорубиться из окружения. Тогда полк барздуков во главе с воеводой Лютнем из рода Бирзулисов, до поры до времени скрывавшийся в чаще с чисто земниковской сноровкой и ловкостью, в самый подходящий час неожиданно бросился на рати меченосцев и обратил их в панику. Исконный земниковский клич "Валио!" поверг чужаков прямо-таки в какое-то колдовское оцепенение, а вид их старинной хоругви с Предковечным Древом слепил им глаза. Меченосцы постыдно бежали на побережье, побросав свои шатры и снаряжение, а вслед им неслось победоносное земниковское "Валио!" и людское "Холм!" и "Дол!"

Победа была полной и просто ошеломляющей, ибо такого разгрома нечисть не знала с тех времен, когда на стороне людей выступали волшебные самодивы, или Дивный Народ, воспетый в издревних сказаниях, ясноглазые задумчивые мечтатели и великие воины. Но на этот раз ни к каким чарам не прибегали вовсе, а потому вкус победы был еще более весомым, и вселял уверенность и в людей, и в земников. Последние прямо-таки раздулись от собственной важности и прохаживались туда-сюда по лагерю, засунув руки за кушак, и умудрялись даже как-то свысока поглядывать на людей с высоты своего роста в половину людского. А на следующий после великой победы день земники засобирались домой, и успели точь-в-точь к празднику Лиго, который и отметили с большим размахом.

Но этот Янов день был значителен не только тем, что приурочился к круглой годовщине победы - священному числу в трижды семь. Он выпадал на Перунов день - четверг, а потому вирсайты и решили на праздник провести Вечевой Сбор, тем более что вести стали доходить тревожные и смутные - как бы не пришлось опять браться за кольчуги и кистени, исконное прадедовское оружие барздуков.

А вести воистину были нерадостные - зашевелилась нечисть на границах Неманского края и нападения волколаков то тут, то там уже не были бабушкиными сказками, из дремучих лесных закоулков вновь полезла всякая дрянь вроде умертвий или упырей, а к злокозненному чародейству колдунов-буртининков стали привыкать как к неизбежному. Да и сама пуща становилась

какой-то настороженной и опасной, некогда торные тропы неведомо почему вдруг заворачивали на болотные топи или буреломы, или, глядишь, могли внезапно оборваться на самом краю провального оврага. Несчитано развелось воронья, нетопырей и прочей мерзости, а в глухую полночь замогильно выли и хохотали неведомые твари. Барздуки все чаще и чаще обходили дозорами свои владения и насмотрелись всяческой жути, что называется, за глаза. Об этом и судачили по своим хуторам да урочищам, размышляя что к чему. А пока все шло своим чередом, земники присматривали за лесом, пасли по опушкам своих зайцев и судили-рядили о своем житье-бытье где-нибудь за кружкой пенного пива, готовясь к самому большому летнему празднеству.

Янов день для барздуков, искони поклонявшихся Предковечному Древу, всегда значил очень много - легенд и преданий о нем было сложено столько, что запомнить их все не было никакой возможности. В каждом хуторе и в каждом урочище за добрый месяц до самого праздника начинались долгие рассказы по вечерам про летний солнцеворот, когда на Купалу небесное светило входит в такую силу, что день этот бывает самым длинным за весь год, а потому и считается священным. Травы лесные и луговые на Янову ночь вбирают в себя все соки земли, а разом с ними ее тайны и волшбу. Ручьи и реки обретают способность очищать от скверны, и даже зори небесные, солнцевы сестры, устраивают хороводы в вышине. Однако и нечисть беснуется вовсю на купальскую полночь, противясь светлой воле солнца. А потому и зажигают живые огни сразу же по заходу небесного лика, оберегая себя и своих близких от козней лукавых и лихих, прыгают через священное пламя, дабы отогнать распоясавшуюся нежить, и обливаются водою из лесных ключей и родников, очищая душу и тело. В эту колдовскую ночь сама природа выворачивается наизнанку, давая возможность даже непосвященному прикоснуться к своим сокровенным таинствам, очиститься и набраться сил.

Однако самой извечной тайной купальской ночи были ее клады, про которые во всех землях Великолесья ходили старинные легенды и сказы. Зарытые в землю или спрятанные умело в других потайных местах, эти клады прямо-таки не давали покоя всему Понеманью. Рассказывали про клады разбойников и древних чародеев, чьи имена и вовсе позабыты, про клады варягов и меченосцев, награбленные в кровавых походах, про клады самодивские и великанские, заложенные в прадавние времена, да мало ли какие еще! Рассказывали про клады в пещерах и холмах, в ручьях и колодцах, подле корней и в дуплах

древних дубов, по лесам и полянам, по болотам и разным урочищам. Рассказывали про клады чистые и нечистые, про клады, заклятые на семь или двенадцать голов, про клады, которые превращаются в людей или живность всякую и бродят себе по земле, про клады, которые тужат и воют в своем подземелье, ибо время заклятья давно уж вышло и они просятся на волю. Рассказывали про колдовскую траву нечуй-ветер или таинственный жар-цвет папоротника, призванные навести на сокровища и забрать древний клад. Да и сами эти чародейские зелья отыскать можно было лишь поборов чародейские козни купальской нечисти, потому как не только злато-серебро было в тех древних хранилищах, но и нечто, что совсем уж не стоило бы извлекать на свет божий из вековечного забытья.

Про это и судачили земники в преддверии великого праздника по своим хуторам и корчмам за кружкой доброго пива, перебирая в памяти замшелые предания глубокой и не очень старины, разглаживая свои окладистые роскошные бороды, довольные вниманием младших. А те, в свою очередь, слушали, разинув рты, и мечтая посмотреть на все те страсти собственными глазами. Не минули разговоры эти и хутор Бирзулисов, затерянный в глубине Неманской пущи прямо посреди березовой рощи, которая раскинула свои белые рукава по обе стороны лесного ручья.

***

Вообще род Бирзулисов среди всего земниковского племени был довольно людным и многочисленным, потому как эти самые Бирзулисы и селились только по лесным березнякам, считая себя охранителями этого светлого древа, а поскольку недостатка в березовых рощах не было, то и размножились-расплодились эти барздуки чуть ли не по всей пуще. Однако хутор этот, который называли еще Пригорки, знаменит и известен был тем, что его основал не кто иной, как тот самый воевода Лютень, прославленный в Семихолмском сражении. А потому и обитатели сего урочища считали себя едва ли не самыми правильными земниками не только по всей околице, а может даже и по всему Неманскому краю, уступая в важности разве что старинным семействам Пушкайтсов и Озолсов.

История этого рода, так же, как и история самого барздучьего племени, терялась в глубине веков и изобиловала всевозможными преданиями о геройских подвигах их различных предков. Сами же эти древние сказы являлись едва ли не самым ценным сокровищем рода, пронесенным сквозь века Лихолетья. В долгие осенние вечера, когда земники готовились к осенней спячке, старые седые гусляры, окруженные всеобщим вниманием и

заботой, усаживались поближе к теплому очагу и, потихоньку перебирая морщинистыми пальцами медные и серебряные струны, торжественно и отрешенно напевали о временах минувших, о битвах на Свияжских берегах и подвигах героев славного племени барздуков. Последним таким героем, про которого еще только-только начинали складывать витиеватые песни, был тот самый воевода Лютень, весть о котором прогремела по всему Понеманью. Но кто из седых сказителей, да и вообще из всего земниковского племени, мог предположить, что имя одного из Бирзулисов будет воспеваться не только в Неманском краю, но и по всему Великолесью - и даже в далеком Диком Поле, затерявшемся где-то там, на юге, за окраинами могучих древних лесов.

Звали того последнего героя Лиго из рода Бирзулисов, хотя, по правде сказать, еще ничего героического или хоть мало-мальски стоящего он в своей жизни не совершил. Более того, ни по возрасту, ни по внешности он и вовсе не был похож ни на героев древности, как их описывали старинные сказания, ни даже на своего отца - знаменитого воеводу Лютня. Воевода для земников был очень даже высок и мог сидеть верхом не только на пони, лохматых местных лошадках, выведенных для себя барздуками, но даже и на людских конях, а потому чуть ли не на целую голову возвышался над своими соплеменниками - Лиго в свои неполные двадцать один ростом ну никак не удался в отца и даже, как подшучивали злые языки, совсем наоборот, то бишь был вовсе не отличен от всех своих ровесников. Лютень был могуч и силен, выносливость его, закаленная в боях и походах, почти не знала границ - Лиго же ничем особенным, ни силой, ни статью, ни ловкостью сверх меры похвастаться и вовсе не мог, разве что не был, как говорится, первым из последних. Отец был смел и отважен, в глазах его всегда сверкала твердая решительность воина - сын же был больше отважен в речах, нежели взаправду, и после каждой своей шкоды норовил побыстрее смыться, чем держать ответ за свой поступок. Смелость его, проявлявшаяся от случая к случаю, проистекала скорее даже не от природной отваги, а из боязни и вовсе уж показаться трусливым в глазах сверстников. В общем, Лиго был самый обычный ребенок, совершенно не выделявшийся из среды своих одногодков, ничем не примечательный, в меру трусоватый и с ленцой, как, впрочем, и почти каждый из нас. К нему полностью подходила характеристика - такой же, как все. Вполне может быть, что если бы не внезапная погибель отца, то все эти черты скорей всего при твердом и умелом воспитании его сурового родителя если и не сменились бы на явные добродетели, то уж, по крайней мере, не

так бы бросались в глаза. Но увы - воевода Лютень погиб всего через несколько лет после битвы на Семи Холмах, угодив в дозоре на засаду волколаков на Западном кордоне, и сын почти не помнил своего отца, кроме как по рассказам своей родни и близких (и не очень) людей. А еще через год умерла и его мать, не вынеся тоски от разлуки с мужем. И в свои неполные семь лет Лиго остался круглым сиротой.

Остаться сиротой - всегда огромное горе, и оно еще горше вдвойне, если осиротел в раннем детстве. К чести земников (и, увы, далеко не к чести многих людей) и детство, и старость своих сородичей барздуки всегда окружали особой заботой, так что Лиго не пришлось ни выслушивать оскорблений, ни терпеть побоев, ни тыняться по чужим дворам в поисках краюхи хлеба. Барздуки всегда жили по своим хуторам одной большой семьей - нашлось место у очага и для сироты.

Место у очага - это мягко сказано. Поначалу его забрали к себе Бубиласы - род, конечно, не такой знаменитый, как Бирзулисы, но зато веселый и многочисленный. Ведь мать-то его как раз и была из этого колена, куда она и вернулась после смерти мужа. А затем, по достижении двенадцати лет, так сказать, промежуточного совершеннолетия по земниковским обычаям, его отдали в школу вайделотов при одном из храмов Криве-Кривайтиса в окрестностях Волен-града. Верховный жрец храма, владыка Куреяс, а также глава школы волхвов-вайделотов, счел добрым предзнаменованием, что сирота родился не только в канун священного праздника солнцестояния (в честь которого малыша и назвали), но и в канун великой Семихолмской победы. Да и само происхождение из рода прославленного воеводы Лютня Бирзулиса сыграло в решении верховного жреца взять в науку мальца совсем не последнюю роль.

Еще девять лет Лиго жил в школе вайделотов с такими же недорослями, отпрысками знатных семейств, как и он сам, постигая премудрости науки. Школа вайделотов была общей, в которой учились дети как людей, так и барздуков. Как и дома, здесь он также ничем особым он не отличился - бегал взапуски после занятий, обдирал соседние сады (что вызывало постоянные жалобы Куреясу со стороны местных хозяюшек) и принимал участие в побоищах на кулачках, хоть ему и приходилось частенько ходить после того с подбитым носом. Проявить же особое прилежание на занятиях мешала природная лень и какая-то особая школярская, ничем необъяснимая гордость скорее передрать у соседа выполненное домашнее задание, нежели самому потрудиться над ним. Потому что прилежание во все времена ставилось в заслугу и достоинство лишь самими

преподавателями - и всё было как раз с точностью до наоборот в среде самих недорослей-школяров.

Когда Лиго, как и другие отроки, немного подрос, он стал участником не только детских набегов на окрестные сады, но и участником шумных вечеринок в кабачках на окраине Вильно. Такие кутежи иной раз сопровождались просто самыми нелепыми и веселыми выходками, участие в которых приводило к строгому наказанию вплоть до порки розгами несмотря на знатность происхождения недорослей. Прображничав иной раз всю ночь, отроки тайком пробирались в школу мимо вечно спящего сторожа, с тем, чтобы утром на уроках мило поспать на задней парте и молиться, чтобы учителя тебя в этот момент не вызвали к доске.

Иногда, правда, на Лиго находила странная мечтательность, уводившая его порой прямо на уроках и вечеринках сперва за окно, затянутое цветной слюдой, а затем во двор, и дальше, дальше, по лесным неизведанным тропам в какие-то лишь одному ему ведомые края. Когда его окликали, он не сразу-то и понимал, в чем дело и с трудом возвращался из своих дальних далей никому непонятных грез. Над ним сперва пытались смеяться и подшучивать, но поскольку он вовсе не обращал на это никакого внимания, то вскорости все угомонились. Правда, как поговаривали некоторые недоброхоты, не обошлось здесь и без участия самого Лиго Бирзулиса, парочку раз навалявшему по бокам после уроков не в меру веселым шутникам и пересмешникам, отбив у них всякую охоту похохатывать над ним.

Ко многим школярам их отцами и матерями были также приставлены особые дядьки-смотрители, выполнявшие при них роль не то слуг, не то охранников самих недорослей. И чем знатнее и богаче было семейство, тем больше было таких слуг и у школяра. А потому и самой первой заботой любого уважающего себя спудея было как можно быстрее смыться из-под их бдительного ока - благо, жили такие слуги не в самой школе при храме, а недалеко от него, снимая себе комнаты в самом городе.

Был такой дядька приставлен богатой родней и к самому Лиго - звали его Прок Пеколс. Это был слегка чудаковатый ворчливый малый, с вечно взъерошенными волосами, торчащими во все стороны, и неизменным пенсне на красном носу. Злые языки поговаривали, что, мол, без винопития здесь, видимо, все-таки не обошлось, однако никто и никогда не видел Пеколса выпившим или даже слегка захмелевшим. Хотя, как судачили те же сплетники, постоянной спутницей чудака Прока была большая кожаная сумка с разнообразными банками и бутылками, а также разноцветными пузырьками помельче. Их содержимое как раз и

давало волю воображению многочисленным болтунам - ибо там находились всевозможные настойки и притирки, многие из которых были как раз на винном спирту. Страстью Прока Пеколса была алхимия - и ей он отдавался всё свое свободное время. Из комнаты Прока частенько раздавались какие-то хлопки и вспышки, жилище постоянно было насыщенно всевозможными, далеко не самыми приятными запахами, из-под двери время от времени шел едкий вонючий дым, а несколько раз Пеколс чуть не поднял на воздух не только свою комнату, но и также весь трактир, в котором он ее снимал. Естественно, ему приходилось съезжать и искать себе новое жилье - но там история повторялась вновь, к вящему недовольству всех соседей и самого хозяина помещений. Однако побочным продуктом таких опасных увлечений Прока были его лечебные препараты - а потому за целебными снадобьями и мазями к старине Пеколсу шла вся округа, закрывая глаза на многие чудачества благодаря его сильнодействующим средствам.

Конечно, бесшабашные выходки школяра Бирзулиса не давали Пеколсу столько свободного времени, сколько ему хотелось бы для его загадочных изысканий. Однако компромисс был в итоге найден - когда Лиго подрос, он, бывало, частенько бражничал и кутил со своими одногодками в кабачках на окраине Вильно, а в это время дядька Пеколс выполнял его домашнее задание вместо него. Поэтому трудно сказать, кому же в итоге вайделотская наука принесла больше пользы - самому Лиго или же его слуге Проку, который получил таким образом отличную возможность не только приобщиться к древним знаниям вайделотов, но и получить доступ в их богатейшее книгохранилище, из которого Пеколс, между прочим, почерпнул огромное множество интересующих его сведений для своей всепоглощающей алхимической страсти.

Девять лет науки при храме Кривайтиса пролетели, как один миг. И хотя Лиго научился читать старинные руны и выучил кое-как древние сказания, с грехом пополам мог сплести нехитрые заклинания, а также по разным приметам предсказывать ясный день или непогодь, он к своим двадцати годам твердо решил, что вовсе не хочет стать вайделотом и служить Светлому Древу и Триглаву Богов при храме Криве-Кривайтиса. Тем более, что для этого нужно было пройти еще одно многолетнее обучение со всевозможными таинствами и посвящениями - а скучной книжной наукой Лиго уже был сыт по горло. Как и любой школяр, он с большим нетерпением он ждал окончания учебы и того самого дня, когда он сможет снова вернуться к себе домой. По правде сказать, возвращаться-то было куда, ведь его с радостью

встретили бы как Бирзулисы, родня отца, так и Бубиласы, сродственники по материнской линии. Да еще старый большой скрипучий дом в родовом поместье на хуторе, доставшийся Лиго в наследство от его отца, вместе со старым и ворчливым, а от того не менее скрипучим дядькой Пеколсом.

Двадцать один - не просто особое число и не просто круглая дата в возрасте барздука. В двадцать один год земник, согласно древним обычаям, достигает своего совершеннолетия и вправе сам выбирать себе дорогу в жизни. В двадцать один год же вступают в силу и права наследования. Лиго было что наследовать - старинное родовое поместье Пригорки на круче у Быстрицы, реки, затерянной в Неманской пуще от стороннего ока. Сдав кое-как итоговые испытания и получив на память серебряный рунный перстень - отличительный знак выпускника вайделотской школы - Лиго отправился домой, без особого, впрочем, сожаления покинув пенаты древнего храма.

Что делать дома, Лиго не знал - но особенно долго и мучительно он и не раздумывал над тем, какой же именно шаг ему сделать навстречу своей судьбе. И, как обычно бывает в таких случаях с теми, кто никак не может решиться сам, всегда находятся кто-то или что-то, делающие выбор вместо тебя. Судьба сама шагнула ему навстречу.

Вообще, если посмотреть непредвзято на все те события, которые предшествовали нашей повести, то слишком уж много необычных совпадений, словно игральные кости, выпало тогда на кон. Но кто из нас в гуще повседневности и сутолоке будней обращает внимание на те или иные знаки свыше? Кто прислушивается к голосам знамений и чувствует тихую, но неотвратимую поступь своей судьбы?

Так и Лиго - он ничего не знал и не замечал, а впереди смутно маячило непонятное будущее, такое же туманное, как и то утро, в которое он отправился в путь. Пока Прок Пеколс, охая и причитая, грузил хозяйский и свой личный скарб на лохматых пони, лениво щипавших траву, Лиго прощался со своими школьными товарищами, большей частью тоже разъезжавшихся по родовым поместьям, спеша успеть на предстоящие празднества, а также с владыкой Куреясом и несколькими волхвами-вайделотами из школьных учителей, выслушав от них вполуха добрую порцию напутствий напоследок. После чего он вместе со своим чудаковатым слугой отправился, не оглядываясь, в довольно неблизкий путь. Но если бы он знал, что его дорога лежит не домой, а через дом, который будет всего лишь краткой остановкой на его полном опасностей и невзгод пути, то как повернулось бы колесо судьбы?

ГЛАВА 2
ЗАГАДОЧНЫЙ СТАРИК

Узкая лесная тропа осторожно пробиралась вперед, минуя валежники и буреломы, проходила под сенью раскидистых широких ветвей, перескакивала через болтливые прозрачные ручьи, и обходила стороною топи и болота. Зудящее настырное комарье над кочками и тиной пристально всматривалось в бегущую мимо тропу - не пройдет ли по ней зверь лесной, или человек, или живая нелюдь какая. Тогда гудящее отродье с мерзким писком и зудом порхнет к нему сизым дымом и вопьется в тело сотнями ненасытных жал, охочих до крови.

Однако жители пущи хорошо знали эти гиблые места, а потому и норовили как можно быстрее промчаться мимо комариных топей, оставляя вечно голодный гнус кружиться и дальше без трапезы над своими замшелыми мокляками.

А потому и дятел, лесной трудяга, прервал свою ударную трель из монотонных дробей, и с любопытством уставился с верхушки дерева на неспешно ехавших по тропе странников.

Оба были невысокого, всего в половину людского, роста, коренасты и бородаты. Под сттаь им были и их мохноногие лошадки, груженые разным мудрёным скарбом. Ни земники (а это были именно они), ни их упитанные пони ничего еще не подозревали о комариной засаде, уготованной им буквально за следующей извилиной тропы, и ехали себе преспокойно и, можно даже сказать, весьма лениво и беспечно.

- Солнце уже клонит к вечеру, а у нас с утра и росинки маковой во рту не было, - сказал один из барздуков, что помоложе. - Надо бы остановиться на перекус.

- Да уж, барин, в животе-то урчит, - охотно кивнул земник постарше. - Только вот думаю, надо терпения еще набраться на часок-другой. А то ни то, ни сё получается - ни обед, ни ужин.

- Тебе, Прок, только бы увиливать да отлынивать, - упрекнул его молодой земник.

- Ну что вы, барин, напраслину-то на меня возводите, - с обидой в голосе сказал пожилой барздук. - Вот станем ночевкой, я вам такую кашу сварю - пальчики оближете!

- Далась мне твоя каша, - хмыкнул первый и мечтательно добавил: - Эх, на корчму бы какую наткнуться - уж там поужинали бы на славу!

- Да где уж тут вам, сударь Лиго, корчму-то найти? - виновато развел руками второй. - места-то глухие, какие уж тут корчмы да трактиры? Говорил я вам ехать другой дорогой - дак нет же, сами выбрали этот путь: покороче, мол, будет. А так эвон и заплутали

вовсе - уже полдня блукаем лесом незнамо где.

И старый барздук, которого звали Прок Пеколс, в сердцах махнул рукой.

- Что верно, то верно, - согласился Лиго, - заблудились мы с тобой малость, старый дружище. Той тропы я что-то не упомню совсем - в стороне она лежит, что ли. Хотя, если судить по солнцу, мы все равно едем вроде верно.

- А сейчас уже и не понять, в ту сторону или нет, - сказал старый слуга. - Тропинка извилистая больно, кружит туда-сюда. Может, мы вокруг одного и того же места бродим цельных полдня?

- А вот свернем сейчас - и увидим, - подмигнул ему Лиго и указал на очередной поворот, уходивший крутым изгибом за плотную завесу зелени клубившихся кустов.

Но тут, за поворотом, земников как раз и настигла неожиданная напасть. Дрожащие тучи комарья, дотоле висевшие звенящими комьями над замшелыми кочками да камышом, вдруг взвились все разом и устремились к показавшимся всадникам.

- Ай! Ой! Ой-ой-ой! - закричали земники, когда на них ринулись стаи раззуженного гнуса.

Безжалостная мошкара сизыми клиньями облепила странников, коля тысячами мелких иголок. Барздуки разом замахали руками - но без толку: от назойливого комарья спасенья не было никакого, кроме одного. И это быстрее своих хозяев поняли мохноногие чубатые пони. Взбрыкнув и громко заржав, они, неистово тряся гривастыми шеями и отмахиваясь хвостами, помчали вперед что есть духу, совершенно не разбирая дороги. Земники изо всех сил вцепились в уздечки своих лошаков, боясь быть выброшенными из седел, и неслись во весь опор, закрыв глаза, от назойливой жужжащей напасти.

И лишь за следующим поворотом пони удалось оторваться от жестоких мелких мучителей, противный зуд от которых еще долго стоял у всех в ушах.

- Тьфу, насилу оторвались, - сплевывая попавшую в рот мошку, сказал Лиго и рассмеялся: - Вот так попали в передрягу!

Прок искоса глянул на него и смачно шлепнул себя по шее, раздавив еще одного маленького разбойника, застрявшего в его взъерошенных волосах.

- Нечистый бы побрал эту погань! - в сердцах сказал Пеколс. - Ну кому нужны эти кровопийцы?

Но Лиго только подмигнул ему, ничего не сказав в ответ.

- Я так думаю, сударь, - продолжал ворчать Пеколс, - что надо бы убраться малость подальше от этого гнилого места, будь оно неладно, да и становиться уже на ночлег. Всё одно сегодня мы не

выйдем ни к жилью, ни к тракту. Места глухие - только еще пуще заблукаем. А завтра с утра и отыщем дорогу-то нашу.

- Ну, коли так, давай, присматривай местечко, - кивнул молодой земник, вытряхивая одежду и волосы от затесавшейся мошки. - Действительно, хватит нам на сегодня кружить по лесу.

И барздуки стали высматривать в зарослях какую-нибудь прогалину, годную для ночлега. Однако пока ничего путного на глаза не попадалось - а они всё дальше и дальше отъезжали от ручья, чего им, в общем-то, не очень и хотелось.

Но вот за очередным извивом тропа вдруг сделала крутой поворот и вывела путников на небольшую поляну, на закраине которой журчал ручей.

Оба придирчиво оглядели место и остались довольны осмотром.

- Ну что, остаемся, Пеколс? - спросил Лиго и, не дожидаясь ответа, спрыгнул со своего лошака.

Потягиваясь и разминая уставшие ноги, земник пошел к ручью.

Кряхтя и ворча, старый слуга последовал его примеру и стал медленно выбираться из седла. И тут же вздрогнул от неожиданного вскрика.

- Эй! Тут кто-то был! - громко воскликнул Лиго, указывая рукой на влажную почву у ручья. - И причем совсем недавно, судя по следам.

На мокрой земле четко проступал отпечаток сапога и какая-то странная кругляшка. Обе вмятины уже затянулись водой по самые края и через какое-то время стали бы и вовсе бесформенными лужицами, но пока еще были четко видны.

Пеколс так и замер с одной ногой, застрявшей в стремени, и стал настороженно озираться по сторонам. Встретить незнакомца в лесу, да еще на ночь глядя - это вам не шутки, знаете ли,. никому не ведомо, какая опасность может исходить от него.

Лиго, глядя в ту сторону, куда уходил след, положил ладонь на рукоять своего кинжала, и двинулся было туда, пристально глядя на заросли, среди которых, возможно, и скрылся незнакомец. Однако он не успел сделать и пары шагов, как за его спиной раздался короткий смешок и низкий приглушенный голос сказал:

- Я думаю, сударь, клинок вам не понадобится вовсе!

Земник подпрыгнул от неожиданности и резко развернулся - голос звучал явно за его спиной. Но, к своему удивлению, там никого не было!

Пеколс также ошарашено взирал на него - на поляне было пусто, и в этом старый земник мог поклясться на чем угодно.

- Эй! Кто тут? - с опаской спросил Лиго, всматриваясь в пустоту.

В ответ раздался знакомый смешок - и снова тишина. Или это только показалось?

- Эгей, Прок, ты кого-нибудь видишь? - несколько испуганно спросил земник своего слугу.

- Нет, сударь - ответил тот. - Но вот слышать-то слышал, это уж точно.

Лиго осторожно стал вынимать из ножен кинжал - и разу же осекся.

- Сударь! Спрячьте свой клинок - я вам вреда не причиню! - раздался тот же голос, но уже почему-то с другой стороны.

Земники от неожиданности подскочили оба - и уставились в ту сторону, откуда исходил голос. Но и там по-прежнему никого не было!

- Чертовщина какая-то!.. - затряс головой Пеколс, в надежде избавиться от наваждения.

Но тут с третьей стороны, откуда земники вовсе и не ждали, раздался треск ветвей - и из густых зарослей на поляну вышел высокий сутулый старик в сером, видавшем виды, залатанном плаще, и стал внимательно рассматривать барздуков из-под своих насупленных бровей. Однако взгляд незнакомца был вовсе не враждебным, а даже наоборот, глаза его светились каким-то неподдельным доброжелательным любопытством.

"Так вот они каковы, лесные коротышки из древних сказок, - пробормотал себе под нос старик. - И каких только чудес не припасено на белом свете! Неужели от этих диковинных созданий зависят судьбы нашего мира? Воистину, неисповедимы пути богов - и не нам указывать судьбе дорогу..."

И, повысив голос после этих загадочных слов, старик громко сказал:

- Не бойтесь! Вреда я вам не причиню!

Барздуки замерли, как вкопанные, и смотрели на незнакомца. Тот стоял, высокий, с белой окладистой бородой, опираясь на сучковатый извилистый посох, закутанный по самые пяты в старый выцветший плащ, и с интересом разглядывал земников, слегка наклонив на бок седую голову.

Когда первое удивление прошло, Лиго, уставившись почему-то на посох незнакомца, подумал:

"Вот откуда эта странная кругляшка - всего-навсего след от палки..."

А сам недоверчиво спросил:

- А откуда нам знать, что вы не причините вреда?

Опять раздался тот самый короткий смешок.

- Я думаю, сударь, вайделотам нечего опасаться друг друга, - улыбнулся в свою огромную пышную бороду странный старик. - Ну или, по крайней мере, младшему старшего.

- Вайделотам? - Лиго от удивления даже приоткрыл рот.

- Ну да, - ухмыльнулся незнакомец, внимательно глядя на него своими пронзительными ясными глазами. - Такие перстни, если я не ошибаюсь, вручает своим ученикам старина Куреяс, не так ли?

И старик кивком указал на серебряное кольцо на пальце молодого земника.

Лиго поспешно спрятал руку за спину и все еще недоверчиво спросил:

- Ну а нам-то откуда знать, кто вы?

Незнакомец пожал плечами и спросил:

- А что тебе подсказывает твое сердце?

И, не дожидаясь ответа, сказал:

- Ты разве не видишь кольца на моей руке?

И, улыбнувшись, повел рукой в воздухе - и на пальце старика вдруг тускло блеснул похожий на его собственный, только изготовленный из золота, рунный перстень.

Лиго как завороженный смотрел на кольцо - перед ним только что произвели одно из древних заклинаний, владеть которым имел право только волхв высших кругов посвящения. Но какого именно, молодой земник разобрать не мог - старик стоял относительно далеко, и на его затертом, потемневшим от времени перстне рунические знаки были почти неразличимы.

Еще одно мановение руки - и перстень будто растворился и медленно растаял в воздухе, исчезнув с пальца.

- Меня зовут Велемир, - просто сказал старик и приветливо шагнул навстречу.

- А меня - Лиго Бирзулис, - учтиво поклонился молодой земник.

- Бирзулис? - слегка вздрогнул старик и переспросил. - Ты сказал Бирзулис? Ведь это, если не ошибаюсь, означает березу на местном наречии?

- Да, сударь, - ответил Лиго, пожав плечами.

Старик вдруг снова забормотал себе под нос: "Береза с рунами волшбы... Как странно - всё сходится... Но таким удивительным образом? Неужели это ОН?"

И волхв еще раз внимательно посмотрел на Лиго. Но тот, совершенно не обращая внимания на странное бормотание старика, сказал:

- А это - мой слуга Прок Пеколс.

И, помявшись немного, добавил:

- Но я еще не вайделот вовсе - я окончил только первый круг...

- Я это уже заметил, - кивнул старик и улыбнулся.

***

Каша в котелке весело булькала, разливая вокруг сытный аромат, от которого предательски урчало в животе. Сумерки быстро брали свое - и уже понемногу начинало темнеть.

- Ух! Хороша каша-то будет, - радостно потирал руки Прок Пеколс, и стал помешивать в котле свою стряпню.

Напротив костра, с другой стороны, сидел на пне тот самый загадочный старик, вытянув ноги к огню. Прок покосился на его подошвы и сказал:

- Хм, странные какие у вас сапоги, сударь.

- А, это ты про мои подошвы? - спросил старик.

- Ну да, про них, - кивнул Пеколс. - с виду сапоги как сапоги. А след оставляют - будто задом наперед кто шел.

И еще раз сердито зиркнул искоса на незнакомца. Тот перехватил его взгляд и улыбнулся себе в бороду.

- Ну, это старая, как мир, хитрость, - сказал Велемир. - От опытной погони не скроешься, конечно, благодаря только этой уловке. А вот от всяких там излишне любопытных зевак срабатывает вполне.

- Погони? - удивился Лиго, взметнув брови вверх. - Вы от кого-то скрываетесь? Разве кто-то смеет потревожить вайделота?

Волхв быстро метнул на него взгляд и ответил:

- Ну, не совсем погони. Как бы так сказать? От не совсем желательных встреч.

- Потому и идете такими глухими тропами? - снова спросил Лиго.

Старик кивнул:

- Именно.

И тут же спросил сам:

- А вы-то что пробираетесь глухоманью лесной в стороне от больших дорог?

Земники оба слегка покраснели.

- Да мы вроде как заблудились слегка, - сказал Лиго, рассматривая свой сапог, вдруг показавшийся ему жутко интересным. - Хотели срезать - да и ...

И барздук махнул рукой.

Старик весело поглядел на обоих.

- Ну да, бывает и такое, - кивнул он. - Но ничего - завтра с утра я вам всё подробно обтолкую, как выйти на тракт. А куда хоть идете-то?

- К себе в поместье, домой, - ответил Лиго.

- Отдыхать? Или насовсем? - поинтересовался старик.

Земник почесал затылок:

- Вроде как насовсем...

- А что так? - удивленно поднял брови старик. - Не по нраву пришлась наука вайделотов? Или владыка Куреяс учит плохо?

- Ни то, ни другое, - махнул рукой Лиго, и опять почему-то покраснел. Ему казалось, что лукавый взгляд незнакомца просвечивает его насквозь, и это еще больше смутило его.

Но тут, видя неловкое положение, в которое попал хозяин, на выручку пришел Прок Пеколс.

- А вы-то кто сами будете, сударь разлюбезный, что бродите в одиночку по лесам? - спросил старый слуга.

- Я - странствующий волхв, - поклонился, слегка привстав, старик.

- И куда путь держите?

- Иду, получается, туда, откуда вы как раз вот и идете, - весело сказал волхв. - К владыке Куреясу и направляюсь, в храм Криве Кривайтиса. А уж зачем - так об этом, увы, сказать не могу.

- Ну да - волхвы, секреты... - буркнул Пеколс. - Знаю я вас, насмотрелся на вашего брата в Вольном граде. Всё на себя туман таинственности напускаете. А взять так да и разобраться - на чем все ваши тайны держатся? И окажется всё на поверку - пшик!

- Так-таки пшик? - с хитринкой спросил его волхв.

- Ну да, всё просто, - поднял палец Пеколс. - Вы в большинстве - старые плуты и обманщики, и водите за нос всех своими фокусами.

- И какими же, к примеру? - не менее лукаво спросил старик. - Очень интересно послушать.

- Да взять хотя бы вот этот, - и пожилой земник ткнул в подошву стариковского сапога. - Ведь обычный же обман, плутовство, ежели разобраться - и ничего более!

- Ну а как быть с голосом? - недоверчиво спросил Лиго.

- Тоже всё просто! - провозгласил Пеколс и торжествующе изрек, подняв палец: - Обычное чревовещание!

- Чревовещание?! - поднял брови старик, и тут же громко расхохотался.

- Ага, оно самое, - кивнул Пеколс. - Видал я такие проделки у одного ловкача на ярмарке. Стоит в одном месте - а голос его вроде как с другой стороны слышится. Только я его быстро расколол, вот что я вам скажу!

- Ну а как же с кольцом быть? - снова спросил Лиго.

- Тоже уловка какая-нибудь, - проворчал слуга. - У них, у волхвов, всегда изрядное количество всяких хитростей найдется, чтобы обмануть нашего брата. Вот и пользуются ими, и водят всех

за нос.

И Пеколс, самодовольно ухмыльнувшись, стал ожесточенно помешивать варево в котелке.

- Да уж, - развел руками старик и рассмеялся. - Получается, все мы - ловкачи и обманщики. Ну а кто любимую тобою алхимию придумал?

Пеколс поперхнулся и воззрился на старика:

- А кто вам сказал про алхимию?

И недоверчиво оглядел незнакомца сверху донизу.

- Ну, считай, что мысли читаю, - улыбнулся Велемир. - Или это - не волшба? Тоже набор уловок? А ведь алхимию, как и другие древние знания, придумали именно волхвы.

Пеколс поскреб голову и сказал:

- Но ведь многие алхимики прошлого отнюдь не были волхвами. Я думаю, вы просто присвоили сами себе право решать, кому и какие знания открывать. На этом и держатся все ваши тайны!

- Вот как! - сказал Велемир. - А ты не думал, уважаемый Прок, что далеко не все знания можно давать? Есть ведь и такие, от которых стоит держаться как можно дальше!

- Как, например, от алхимии? - с ехидцей спросил Пеколс.

- Алхимия, дражайший мой, всего лишь игрушка, - с нажимом сказал волхв, - забава для пытливых умов - и не более. Она находится на обочине древних знаний - и к истинной волшбе не имеет никакого отношения. Поэтому и многие алхимики не были волхвами. И, не понимая сути древнего чародейства, пытались всё объяснить со своей упрощенной точки зрения. Ну а то, что не могли объяснить - попросту объявляли уловками и обманом!

Лиго звонко расхохотался:

- Ну что, Прок, получил отповедь от настоящего вайделота?

Пеколс в ответ только крякнул, махнул рукой - и уткнулся в свой котелок. Старик и Лиго, глядя на него, только и могли, что смеяться - такой удрученный и одновременно забавный был у него вид.

- То есть вы хотите сказать, сударь, что с вашим перстнем вовсе не было никакого обмана? - спустя пару минут снова спросил Прок.

- Да, именно - никакого обмана, - кивнул старик.

- И что же, по-вашему, это было?

- Как - что? Обычное волшебство, - коротко сказал Велемир. - В данном случае вы были свидетелями одного довольно простого, но крайне древнего заклинания, которое нынче известно как...

- ... заклинание развоплощения! - перебил его Лиго и тут же, смутившись и покраснев, тихо добавил: - Простите, сударь.

- Да, заклинание развоплощения предметов, - согласно кивнул волхв, быстро посмотрев на молодого земника. - Вы, я так понимаю, его еще не проходили?

Лиго отрицательно мотнул головой:

- Нам только рассказывали про него - учить его должны на следующем круге. Поэтому я и не смог увидеть вашего перстня, сударь.

- Хм, странно, - сказал старик. - Во времена моей молодости такие штуки проходили с самого начала. Или это было так давно, что я уже всё позабыл? Ну, не важно. На самом деле, мальчик мой, оно проще простого - и, если будет необходимость, ты быстро освоишь его.

Но тут снова встрял Пеколс.

- И на чем же оно основано? - спросил он.

- Что? Заклинание? - удивился старик. - На волшбе, конечно же. Ну или на чародействе - называй это как хочешь.

- Я понял, - кивнул Пеколс и продолжил: - Ну а сама волшба на чем основана? Не на знании ли?

- Ах вот ты к чему ведешь, старый плут! - рассмеялся волхв. - Ты намеренно хочешь меня запутать. Ну так вот, я вынужден буду тебя разочаровать - не только на одних знаниях. Иначе это было бы чересчур просто - и действительно тогда не было бы никакой нужды в волхвах и чародеях!

- Так что же еще? - нетерпеливо спросил земник.

- Помимо знания есть еще и чары, - просто ответил старик. И добавил: - Та самая издревняя сила, что была нам передана от богов.

Пеколс на минуту воззрился на волхва, а затем снова спросил:

- То есть вы хотите сказать, сударь, что в вашем кольце, если оно волшебное, заключена некая неведомая древняя сила?

- Ну почему же если? - с нажимом на последнем слове сказал старик. - Кольцо действительно волшебное - и обладает этой силой точно так же, как другие волшебные предметы. Хотя, если так разобраться, любая вещь, долго бывшая у сильного волхва, и сама становится немного волшебной. Потому что соприкасается с этой древней силой и частично впитывает ее и в себя.

- То есть, если я побуду с вами какое-то время, я тоже стану волхвом? - хохотнул Пеколс и тут же осекся под хлестким взглядом старика.

- Ты - не вещь, Пеколс, - резко сказал Велемир. - И во-вторых, ты вряд ли сможешь когда-либо стать волхвом - потому что у тебя нет в это веры. Хотя...

И старик, задумавшись на миг, вдруг пронзительно

посмотрел ему в глаза. Пеколсу стало даже немного не по себе от такого взгляда. А волхв, повременив какое-то время, как будто взвешивая что-то в голове, добавил:

- Хотя, я думаю, тебе все же выпадет такой случай убедиться, что ты не прав.

И, подмигнув ему, улыбнулся. Но от этой улыбки Пеколс только поежился - как-то неуютно и тревожно вдруг стало у него на душе. Однако причину такой перемены настроения он объяснить себе не мог.

- Жаль только, что мой перстень - совсем не волшебный, - вздохнул в этот момент Лиго. - Я не думаю, что он хранился у владыки Куреяса так долго, что смог впитать в себя хоть сколько-нибудь его силы. Наши ведь кольца - самые обычные, школярские, которые выдаются в конце обучения. Их и выковали-то, поди, совсем недавно. Какое уж тут чародейство...

И Лиго махнул рукой.

- Ну, обладать волшебными предметами - занятие весьма и весьма хлопотное, а порой и опасное даже, - обернулся к нему старик. - Тебе не приходилось, часом, слышать истории, что такие чудесные вещи обладают не только волшебной силой, но и своим опасным нравом? И даже могут запросто погубить нерадивого хозяина, неискушенного в волшбе?

- Да уж слышал, сударь, - кивнул Лиго. - Как не слыхать, когда нам об этом в школе-то и рассказывали?

- Вот я об этом и говорю, что небезопасное это дело, - сказал волхв, ткнув посохом в костер и расшевелив там тлеющие головни.

- А ваше кольцо, сударь? - спросил земник. - Как же оно? Тоже опасное?

- В моих руках - нет, - отрезал старик. - А вот в других руках, особливо неумелых или нерадивых - как знать, может очень даже гибельным оказаться. Ты знаешь, сколько народу оно погубило, пока не попало к моему наставнику, а от него мне?

- Нет, расскажите, - с интересом попросил Лиго.

- Много, - со вздохом сказал старик, - очень много. В древности несколько старинных знатных семей веками враждовали из-за него, пока не уничтожили друг друга полностью. А перед этим этот перстень был выкопан из великанского клада - только вот неискушенные кладоискатели не знали, как снять с него заклятие, наложенное первым владельцем кольца. И этот перстень, памятуя свои древние пагубные привычки, свел в могилу их всех до одного - пока не попал в руки одному из того старинного рода.

- Свои привычки? - удивился Лиго. - Разве у кольца такое

может быть?

- О! У этого перстня был довольно-таки скверный норов, - сказал старик. - Потому что у его первого хозяина характер был тоже далеко не подарок - если не сказать больше: нрав его вообще был просто-таки премерзким.

- Почему же?

- Потому что первым владельцем этого кольца, выковавшим его, был некто иной, как один из древних великанов. А эта братия, как ты, наверное, слышал, нрав имела крутой и непредсказуемый. Тем более, что этот великан жил далеко на севере, в Инеистых горах, и к тому же был вдобавок еще и людоедом.

- Брр, - невольно поежился при этих словах Лиго.

А старик тем временем продолжал:

- Так вот, этот мерзкий пройдоха частенько развлекался тем, что подбрасывал свое кольцо на горной дороге - и его якобы случайно затем находил какой-нибудь путник. Несчастный, конечно же, всегда был рад такой нежданной находке и почитал ее за большую удачу, не подозревая никакого подвоха. Но как только он надевал кольцо на палец - всё, ловушка тут же захлопывалась!

- Это как же? - подал голос Пеколс.

- Ну, вы знаете, что чудесные вещи - на то и чудесные, что обладают многими необычными свойствами. Это кольцо, к примеру, могло говорить.

- И что же оно говорило? - спросил Лиго.

- Например, могло крикнуть: "Эй, хозяин, я тут!" - сказал старик. - И на этот зов приходил великан и раздирал свою жертву.

- А если снять перстень и выкинуть? - поинтересовался Пеколс.

- Бесполезно! Кольцо намертво приставало к пальцу - и снять его было невозможно. И оно кричало своему хозяину-людоеду, где находится в данное время.

- Но ведь... - запнулся было Лиго, но затем все же произнес: - Но ведь в конце концов можно же было отрубить себе палец!

Старик с интересом глянул на него и сказал:

- Ну, далеко не каждый мог и додуматься до такого. Но даже тех, кто догадывался так поступить, это всё равно не спасало.

- И почему?

- Да потому что раны после этого не заживали никогда! - мрачно сказал старик. - И такой горе-смельчак все равно погибал, попросту истекая кровью.

Земники поежились и с опаской глянули по сторонам, в наступившую тьму.

- Да уж, сударь, умеете вы обрадовать на ночь глядя, - хмыкнул Пеколс и украдкой посмотрел себе за спину.

- Ну-ну, не бойтесь, - улыбнулся волхв. - Это было очень и очень давно. С той поры воды утекло немало. Великан тот погиб много веков назад, и кольцо пролежало в его пещере долгие годы, пока его снова не извлекли на свет божий невежественные искатели сокровищ. И хотя хозяин перстня к тому времени давно уже превратился в прах, кольцо не изменило своей унаследованной от него мерзкой привычке губить людей. И лишь затем, попав наконец-то в руки к волхвам, оно было перековано заново - и с него были сняты все древние губительные заклятия. Но вот только кто может поручиться, что именно все?

И старик загадочно улыбнулся, разглаживая свою огромную седую бороду. И, пока земники приходили в себя от услышанного, добавил:

- Именно поэтому обладание любым волшебным предметом - дело весьма хлопотное и опасное. И кто знает, как он поведет себя в следующий миг?

Но, заметив некоторое сожаление в глазах Лиго, старик добавил:

- Не расстраивайся, мой мальчик, что твой перстень не является волшебным - а всего лишь знак принадлежности к вайделотской школе. Помни, что любая вещь, долго пробывшая у волхва, и сама становится немного чудесной. И кому ведомо, может, всё повернется так, что ты и сам когда-нибудь станешь великим волхвом?

Но Лиго, подавив еще один вздох сожаления, только с недоверием глянул на старика. Земник-то уж точно знал, что он навсегда покинул стены вайделотского храма и вряд ли когда-либо уже вернется под его гулкие своды продолжить свое обучение.

***

Утро выдалось ясным. Проснулись рано - с первым щебетом птиц. Но, протерев от крепкого сна глаза, земники с удивлением обнаружили, что загадочный старик исчез. Когда он ушел - ночью ли уже перед самим рассветом - было непонятно. На поляне не было никаких следов.

- Ишь ты! Слинял так тихо, что мы и не заметили, - буркнул, позевывая, Пеколс. - Как-то странно все это.

И, приглаживая свои вечно торчащие во все стороны волосы, проворчал:

- Я ж говорил, что волхвам верить нельзя - все они плуты и пройдохи, сударь. И этот туда же. Как бы не прихватил чего с собой...

Но тут же осекся под укоризненным взглядом Лиго.

- Эх ты, Прок, - сказал тот. - И не совестно тебе? Ну что плохого тебе сделал старик?

- Как - что? - вскинулся Пеколс. - А дорогу... Обещал ведь рассказать, как нам найти дорогу. А сам ушел по-тихому, исчез. Ищи его теперь по всей пуще!

- Да, про дорогу - это ты верно заметил, - почесал затылок Лиго. - Приятного мало блукать по лесу незнамо где еще один день.

И земник, вздохнув, оглянулся. И тут его взгляд зацепился за нечто, блеснувшее в высокой траве.

- Хотя постой... - сказал он и пригляделся. - А ну-ка, что это там такое?

И, не отрывая глаз, шагнул в ту сторону.

- Хм, очень интересно, - задумчиво протянул Лиго, рассматривая что-то внизу.

Пеколс вмиг стряхнул с себя остатки сна и моментально оказался рядом, сунув свой любопытный нос:

- Где? Что?

В траве по ту сторону костра, на видном месте, где еще вчера вечером сидел на рассохшемся пне загадочный старик, виднелось нечто весьма примечательное: к верхушке той самой обомшелой коряги блестящей металлической булавкой был пришпилен какой-то небольшой свиток.

Лиго осторожно взял его в руки и развернул.

- Смотрите-ка - записка! - выдохнул ему в ухо Пеколс.

Лиго недовольно покосился на него и немного посторонился.

На слегка желтоватом, тончайшей выделки пергаментном листке красивой вязью разбегались строчками округлые буквицы с причудливыми завитушками. Текст гласил:

Пришедший с севера -

От севера погибнет,

Когда на севере

Наступит мгла...

Всемилостивейший государь Лиго Бирзулис!

Премного благодарен Вам за приятно и с пользой проведенный в Вашем обществе вечер и весьма содержательную беседу. Искренне и всей душой рад нашему с Вами знакомству.

Однако дела, увы, не позволяют мне дольше задержаться с Вами и торопят отбыть как можно быстрей. А посему вынужден покинуть Вас так срочно - за что и приношу Вам свои самые глубочайшие извинения.

Памятуя Ваше пожелание, а также в знак нашей неожиданной приятной встречи, хочу предложить Вам от себя скромный

подарок - вот этот небольшой старинный оберег. Увы, но ничего более ценного у меня сейчас нет под рукой. Эта вещь, хоть и крайне мала, имеет для меня определенную значимость - а потому и Вы постарайтесь беречь ее. Я думаю, она и для Вас принесет некоторую пользу - и Вам будет небесполезно держать ее у себя. Кто знает, может быть, наши пути когда-нибудь еще пересекутся - а Ваши мечты сбудутся?

Сердечно кланяюсь,

Искренне Ваш, странствующий волхв Велемир.

Под текстом стояла витиеватая подпись и личная печать волхва - оттиск сажей из костра с его золотого перстня, изображавшая какой-то сложный узор из нескольких старинных рун.

Ниже был размещен еще один отрывок:

Приписка для господина Прока Пеколса.

Уважаемый господин Пеколс!

Благодарю и Вас за весьма занятный спор и полезную для обеих сторон беседу. Дабы не вдаваться вновь в пространные рассуждения, я выполню также и данные Вам обещания.

Первое: будьте так добры, постарайтесь отыскать и прочесть письменный труд пока еще малоизвестного ныне мудреца Виндальва из Гардарики, который, опуская его крайне длинное и витиеватое наименование, вкратце называется "О волшбе и сути вещей". Я думаю, Вы найдете там многие ответы на ряд интересующих Вас вопросов. Хотя мне почему-то кажется, что Вы и сами вскорости измените большинство из Ваших суждений - даже не обращаясь к этому весьма достойному сочинению.

И второе: выйти на большую дорогу из сей глухомани довольно легко - я думаю, что Вы запомните это с одного раза. Перво-наперво, пойдете всё время прямо по тропе, а затем у разбитого молнией старого дуба свернете направо - и к полудню выйдете на тракт.

За сим прощаюсь и с Вами,

С поклоном, волхв Велемир.

Земники перечитали письмо еще несколько раз - и удивленно посмотрели друг на друга.

- Вот тебе и старик! - сказал Лиго. - А ты сомневался в нем.

- Ну кто же знал? - виновато развел руками слуга.

Лиго стоял в некоторой растерянности и крутил в руках неожиданный подарок. Сама заколка была выполнена в виде прямой тонкой иглы с забавным утолщением на конце, изображавшим короткий изогнутый птичий клюв. При этом и сама булавка, и оголовок были совсем незатейливы и, можно даже сказать, несколько грубоваты, и выкованы из какого-то

темного и невзрачного на первый взгляд металла. Правда, если хорошенько присмотреться, чудился в нем какой-то внутренний то ли отсвет, то ли кажущееся мерцание, идущее словно бы из глубины - хотя это могло и просто показаться. А так внешне - довольно простой и обыденный предмет: как говорят, и глазу-то не за что уцепиться.

"Забавная штуковина - и очень даже кстати" - подумал он, глядя на нее. Интересно, мелькнула затем у него мысль, имеет ли она в действительности хоть какую-то ценность - или это просто первая попавшаяся под руку вещица, которую старик подарил, чтобы не расстраивать его и сделать ему приятное? Есть ли в этой безделушке хоть что-то чудесное, передалась ли хоть капля силы от волхва? Вряд ли, решил он. А затем подумал: "Но как-нибудь потом надо будет все же получше рассмотреть ее".

От этих размышлений его оторвал Пеколс.

- Не пойму вот только двух вещей, сударь, - сказал он.

- Каких же? - спросил Лиго.

- Во-первых, что это за стишок такой непонятный приписан вначале? "Пришедший с севера от севера погибнет..." Он что, этот старик, помирать удумал? Так вряд ли - слишком уж бодр и весел он был. Странно это всё, и слова какие-то странные - что бы они могли означать?

- Да у меня, Прок, это тоже не выходит из головы - диковинные какие-то строки, - сказал Лиго. - Может, какой-то старинный девиз?

- А кто их разберет, этих волхвов, сударь - вечно они говорят какими-то загадками, - пожал плечами Пеколс.

- А второе что ты не понял, Прок? - спросил Лиго.

- Что вы говорите, сударь? - переспросил Пеколс, в задумчивости теребя свою бороду.

- Спрашиваю, второе-то что из этого письма тебе неясно?

- А-а-а, это... - протянул Пеколс и замолчал. А потом тихо пробормотал: - ...Вы запомните это с одного раза... Хм...

- Что-что? - переспросил Лиго.

Слуга почесал в затылке и сказал:

- Смотрите, сударь, старик написал: "...Вы запомните это с одного раза..."

- Ну и что? - удивился Лиго. - Написал да и написал - мало ли кто как письма пишет?

- Да в том-то и дело, сударь, - задумчиво сказал Пеколс, - что это все-таки что-то означает. Иначе зачем же такие простые слова - и как будто нарочно подчеркивать? Такое ощущение, что старик хотел, чтобы мы обязательно запомнили, как добраться к тракту - хотя это, в общем-то, и не сложно совсем. Но что-то все-таки это

да зна...

И вдруг он запнулся на полуслове - и глаза его от удивления стали округляться. Дрожащей рукой он показал на письмо, которое все еще держал Лиго.

- С...с...сударь... - только и смог пролепетать он.

Лиго изумленно воззрился на слугу, а затем - на письмо в своей руке. Посмотрел - и ахнул. Пергаментный листок начал светлеть, истончаться, будто бы растворяясь в воздухе, наконец почти полностью стал прозрачным и невесомым - а через несколько мгновений растаял и вовсе исчез!

Барздуки изумленно захлопали глазами, глядя то друг на дружку, то на место, где только что было письмо от волхва.

- Вот это да! - восхитился Лиго, когда первое удивление прошло. - Что ты на это скажешь, Прок?

И, рассмеявшись, добавил:

- Теперь наконец-то получил ответ на свой второй вопрос?

Но слуга только сплюнул в сердцах и буркнул что-то себе под нос насчет каких-то выходок.

- Что ты там еще ворчишь? - смеясь, спросил Лиго.

- Я говорю, сударь, что неужели напоследок нельзя было обойтись без всяких там прохиндейских уловок? - сердито сказал Пеколс. - И ушел тайком, не попрощавшись - да еще выходки всякие с письмами устраивает, тьфу!

- Да будет тебе ворчать-то, Пеколс, - веселясь, сказал Лиго.

- Смотрите-ка лучше, барин, если письма так в воздухе берут и фррр - и тают запросто так, то как бы и ваш подарочек, того и гляди, не исчез бы тоже. Волхвы - они ведь такие. Одной рукой дарят - а второй ведь и забрать тут же могут, вот оно как.

Но заколка - подарок старого волхва - никуда исчезать пока не собиралась, и тускло отсвечивала изнутри каким-то глубинным мерцанием. "А все-таки да, старинная вещь" - подумал Лиго, взвесив ее в ладони, и, накинув на себя свой дорожный плащ, прикрепил ее на груди.

Собрались быстро и, не мешкая, тут же отправились в путь.

Вскорости тропа вывела земников к большой поляне с высоким холмом, на крутом облезлом взлобье которого стоял старый опаленный дуб, рассеченный молнией почти пополам. За холмом тропа разделялась. Пошли по ней вправо, через лесной распадок, и дальше, в чащу - и действительно, когда полуденное солнце зависло над вершинами деревьев, земники наконец-то выбрались на большак.

До поместья оставалось пару дней пути.

ГЛАВА 3

НА ХУТОРЕ ПРИГОРКИ

Дело шло к вечеру. Старый Брыль Бирзулис, видавший виды многоопытный земник, приходившийся Лютню троюродным братцем (как говорится, близкая родня - третья вода на киселе), а также его жена, матушка Магда, суетились и ворчали на всех не в пример прежнего. Еще бы - сегодня должны были припожаловать сам Лиго, да еще и гости впридачу - новый воевода Бортень Бубилас, вирсайт соседнего хутора, да не сам, а может и еще кое с кем из соседних деревень. Таков уж обычай - перед дорогой на Вечевой Сбор или на какой другой праздник земники прежде собирались у кого-либо из уважаемых родов околицы, и лишь затем, после шумной и обильной снедью вечеринки, пускались наутро в дорогу. Хоть и хлопотно, зато весело и не скучно. А посему удостоенные такой чести быть хозяевами вечеринки земники из кожи вон лезли, дабы не оплошать и не ударить лицом в грязь перед соседями. И больше всего хлопот и сутолоки доставалось вирсайту хутора.

Однако на этот раз, хотя выбор нового воеводы Бортня и пал на Пригорки, самого вирсайта на месте не оказалось - воевода Лютень давно погиб, по срочному делу отбыв на западный дозор, где сгущалась угроза со стороны Ордена Меченосцев. Вместо себя он обычно оставлял за старшего своего брата Брыля, который чаще бывал старейшиной на хуторе, нежели того требовал обычай. Однако какие уж тут правила - со всей окрестной глухомани в земниковский край лезла всяческая дрянь, и Лютень со своей дружиной еле поспевал, мечась от одного дозора до другого. А потому и дела хуторские, и все хозяйственные хлопоты постепенно легли на плечи Брыля. И нельзя сказать, что они так уж отягощали его.

После смерти Лютня Брыль и вовсе стал главой хутора, да он особо и не перечил. И через несколько лет местные земники настолько с этим пообвыклись, что Брыля среди прочих вирсайтов считали равным среди равных и иного в барздучьи головы как-то и не приходило. Однако же сам Брыль всегда помнил истинное положение дел и ждал того дня и часа, когда настоящий наследник Пригорок - Лиго Бирзулис, сын Лютня и его, Брыля, получается, троюродный племянник - вернется наконец-то домой. Ждал, чтобы спокойно, чинно и благородно, как и подобает, вручить ему в руки его родовое гнездо. А к тому времени Брыль и бумаги на наследство выправил честь по чести, чему его женушка Магда вовсе и не перечила, несмотря на то, что слыла в округе теткой властной.

Сам Брыль был земником в летах, годков на пятнадцать старше самого Лютня. Когда-то, пару десятков лет назад, когда в

Брыле и прыти, и молодости было побольше, чем сейчас, он был в одном лице и оруженосцем, и охранителем Лютня. А еще ранее, когда знаменитый воевода Лютень еще и воеводой-то не был, Брыль обучал своего троюродного младшего братца как правильно кистень в руке держать да как вражеские следы выискивать, а также всякой другой воинской премудрости. И много позже Брыль неотступной тенью следовал за Лютнем, прикрывая его со спины, и в гуще схватки частенько выручал своего брата от подлого удара исподтишка или трусливой стрелы из засады. С годами, однако, Брыль здорово сдал - прибавил в весе и обрюзг, стал немного туговат на ухо и менее проворен, да и силы в нем поубавилось. Когда-то еще он, поднатужившись так себе, рвал конские подковы на глазах изумленных людей в совместном походе, а сейчас его еле-еле хватало на то, чтобы согнуть и разогнуть железный прут толщиной в палец. Однако на руку старый вояка по-прежнему был тяжел - и ежели даст кому-нибудь слегка подзатыльника, тот кубарем летит на целую сажень. Рассказывали всякие смешные истории про то, как подвыпивший Брыль выносил на кулаках чем-то не угодивших ему кузнецов из людей в корчме, считавших полуросликов барздуков не достойных даже внимания, или про то, как он спас самого Великого Князя, когда его понес взбесившийся конь - Брыль просто схватил вороного за ногу. Князь вылетел стрелой из седла прямо в кусты репейника и долго потом, смеясь, оруженосцы выбирали из него колючки, а вот с конем было хуже - не рассчитавший силы земник чуть было не оторвал ему ногу, и хотя ее вправили, жеребец еще долго хромал на нее. "Что было, то было",- вздыхал Брыль, вспоминая молодые годы, ибо к старости ему только и оставалось, что воспоминания. Так что даже если бы его жена Магда и вздумала перечить своему муженьку, то уж Брыль, скорый на расправу, смог бы как-нибудь совладать с этой бедой. Досужие языки поговаривали, что иногда Брыль отучивал свою властную женушку командовать им, хорошенько поколачивая ее, дабы выбить излишнюю дурь. А потому после такой науки в их семействе царили мир и благодать - на зависть всем соседям.

От ратных дел Брыль отошел уж давненько, часто подменяя Лютня на хуторе. И воевода был всегда спокоен за родные Пригорки - его братец славился в округе своим крутым нравом и спуску неповоротливым и ленивым не давал. А в случае чего мог и надежно оборонить поселение от непрошеных гостей - волков-оборотней или иных каких шатунов-лиходеев. Многолетние хозяйские хлопоты сделали Брыля строптивым и даже вредным старым ворчуном, и от его недреманного зоркого ока не

укрывалась даже маломальская оплошность.

Вот и сейчас вирсайт вместе со своей ненаглядной супружницей устроили очередной разгон стряпухам, не поспевавшим со снедью. Взмыленные куховарки метались от печи в погреба и кладовки, а между ними колобками катались Брыль и Магда, подгоняя зазевавшихся - времени было в обрез, а скоро и совсем уж свечереет.

- Вот я вас! - напоследок пригрозил Брыль и ринулся во двор, оставив Магду присматривать за кухней дальше.

В воротах пастухи, загонявшие с опушек зайцев, устроили настоящее столпотворение. Длинноухие русаки прыгали один другому на спину, превратившись в мохнатый клубок, который никак не мог протиснуться в ворота, а пастухи оттаскивали друг друга за шивороты и пояса, норовя первыми попасть во двор хутора.

В один миг суровый дядька смерчем налетел на бранящихся и без разбору, не выясняя, кто прав, а кто виноват, накостылял всем попавшимся под руку. Наведя порядок и здесь, Брыль какой-то миг смотрел, как ополоумевшие пастухи загоняют зайцев по клеткам, а потом помчался в гостиную, пыхтя и отдуваясь, мимоходом цыкнув на чересчур раскричавшихся детей, игравших во дворе, от чего те вмиг разлетелись испуганной стаей воробьев по углам и закоулкам. Вскоре из гостиной залы тоже раздалось недовольное брюзжание везде поспевавшего Брыля. Наконец раскрасневшийся от волнения и спешки, а больше от неповоротливости слуг и работников, Брыль снова заторопился мимо ворот в кладовую.

- Где этот лодырь и бездельник Томас? - ворчал Брыль на своего родного внука, поспешая через двор. - Неровен час, нагрянет раньше сроку новый воевода, батюшка Бортень - тогда всем задаст жару за нерасторопливость! Да и перед племянником стыдно будет - почитай, сколько лет кряду не виделись-то? А этот сорвиголова все по лесам да по оврагам шатается со своей дудкой, того и гляди, всех зайцев порастеряет - а вот себе найдет... чего-нибудь на свою голову! Ну как появится он - я вмиг с него шкуру спущу!

И словно в подтверждение его слов из рощи раздались веселые звуки свирели, а в ворота гурьбой влетели зайцы, подгоняемые сзади молодым пастухом, радостно смеявшимся во все свое запачканное веснушчатое лицо. Испуганные зверьки своим ошалелым напором сбили с ног старого Брыля и прыснули во все стороны по двору, устроив очередной бедлам. Старик шлепнулся и только и успел, что охнуть, придумывая на ходу всевозможные кары и готовясь их извергнуть на пастуха, как от

тех же ворот раздался звонкий смешливый голос:

- Вот так-так! Ты всегда так встречаешь гостей, дядюшка?

И в этот самый миг Лиго на своей малорослой мохнатой лошадке, обвешанной нехитрыми ученическими пожитками, въехал во двор. Следом поспевал Прок Пеколс, тихо насвистывая себе под нос какую-то веселую песенку.

Брыль замер, восседая в пыли прямо посреди двора, и очумело воззрился на голос приезжего, словно не веря своим глазам. А тот спокойно улыбался в свою курчавую молодую бородку.

- Так принимаете гостей или нет? - усмехнулся Лиго и спрыгнул с седла. - Здравствуй, дядюшка!

- Батюшки мои! Хвала светлому и тресветлому солнцу! - радостно охнул Брыль, приходя в себя и, кряхтя, бросаясь навстречу. - Принимаем, принимаем гостей!

Грузно облапив приехавшего в свои медвежьи объятия, да так, что у того чуть ли не все косточки захрустели, Брыль трижды звонко чмокнул племянника в щеки и, повернувшись в сторону дома, закричал:

- Эй вы, бездельники и ротозеи! Молодой хозяин приехал!!!

И в тот же миг захлопали ставни и двери, поместье словно взорвалось радостными криками, и десятки ног, обутых в деревянные башмаки, громко зацокали по огромному дому. Земники, и стар, и млад, вывалились оживленной толпой и заспешили к воротам, окружив молодого хозяина. Лиго стоял посредине, смущенно улыбаясь и не зная, как вести себя с этой радостной оравой, переводя взгляд с одного на другого. А вокруг него добродушные, улыбавшиеся во всю ширь своих крепкозубых ртов краснощекие лица оживленно галдели всё громче и громче, перебивая друг друга. Со всех сторон посыпались радостные приветствия и дружеские восклицания. Каждый норовил протиснуться поближе и хотя бы одним пальцем дотронуться до молодого хозяина, и через несколько мгновений земники настолько плотно обступили его, что Лиго с трудом мог пошевелиться.

- Тише, тише вы! - закричал Брыль. - Еще, неровен час, задушите его!

Шум и гам немного улеглись, и тогда Брыль, отпустив свои объятия, сделал шаг назад и сказал, оглядывая племянника:

- Ну, здравствуй еще раз! Хорошо ли доехал?

- Фух, здравствуй, дядюшка! - охнул Лиго, потираясь после железной хватки Брыля. - Силён ты, однако, как я погляжу. Не растерял еще старых ухваток?

- А вот ты, племянничек, жидковат что-то стал, однако, -

заметил Брыль, быстро окинув взглядом Лиго. - Худой ты какой-то весь, измученный. Отощал, поди, на своей науке-то? Гляди-ко, наука не пирог - не всем идёт впрок!

И дядюшка еще раз так тиснул на радостях своего племянника, что тот только крякнуть и успел.

- Ну, ничего. Откормим мы тебя непременно - так что ты быстренько у нас станешь похож на заправского земника, каковым тебе и полагается быть!

И, поворачиваясь к Пеколсу, сердито спросил:

- А ты куда смотрел, старый оболтус? Тебя-то зачем к дитяте приставили?

Прок молча развел руками и намеревался было что-то сказать в свое оправдание, но Брыль уже отвернулся, махнув на него рукой: что взять-то с него?

В этот миг из кухни кудахчущей квочкой вылетела матушка Магда.

- Здравствуй, тетушка! - воскликнул Лиго, обнимая ее.

Та заохала и запричитала, прильнув к нему.

- Ну, будет, будет! - ворчал Брыль, оттесняя ее. - Развела здесь, понимаешь, телячьи нежности. Дай хоть с дороги прийти в себя!

И, подхватив племянника, он потащил его внутрь, окруженный шумной толпой своих сородичей, которые то и дело радостно вертелись вокруг. Затем их внимание полностью переключилось на чудака Пеколса - его похлопывали по плечам и спине, приговаривая при этом "Эгей, Прок!" или "Старина Пеколс!" А какая-то старушка даже умильно прослезилась, радуясь приезду гостей и утирая мокрый нос залатанным разноцветным передником.

Во всей этой веселой суете и толкотне Лиго совершенно растерялся - он, вроде бы привыкший и к шуму, и к гаму в вайделотской школе, лишь смущенно улыбался всей своей огромной родне - и позволял себя обнимать, целовать, вертеть, встряхивать, прижимать к груди, тащить себя за руку, хлопать по спине и еще много чего с собой делать такого, что обычно случается при возвращении домой после долгой отлучки в близкий круг родных и знакомых. Краем глаза он, впрочем, заметил, как их пони под уздцы повели в конюшню расседлывать и вытирать от дорожной пыли и грязи, вежливо, но настойчиво отобрав поводья у Прока. Конечно, умным животным досталась лишь малая толика тех приветствий, что посыпались снежным комом на молодого хозяина и его слугу, однако лошадки были довольна и этим вниманием.

- А вот и твои комнаты, - объявил Брыль, распахивая двери

перед Лиго. - Заходи, не стесняйся! Забыл, поди, родное поместье?

Брыль слегка подтолкнул своего племянника и, сделав широкий жест рукой, не без доли самодовольства заметил:

- Я сам лично распорядился все здесь убрать, так сказать, в твоем вкусе. И поглядывал все эти годы, чтобы всё было, как надо. Ну что, нравится?

Лиго согласно кивнул.

- Ну, давай, осматривайся, располагайся, привыкай. А я пока распоряжусь, дабы баньку тебе приготовили. Ух, и натопили ж мы ее к твоему приезду! - довольно улыбаясь, потер руки старый дядюшка. - Отвык, небось, в школе-то от парилки нашей?

Брыль живо крутнулся и исчез за дверью. По коридору вновь разнеслись его громкие крики:

- Эй, вы, бездельники и ротозеи! А ну-ка, живо вниз! Чего уставились?

Лиго осмотрелся по сторонам. Комнаты были большими и светлыми, с узорочьем, искусно вырезанном на створках дверей и потолочных массивных балках. Сосновые полы были чисто выскоблены добела; тут и там поверх них были брошены звериные шкуры. Над камином во всю длину примыкавшей стены висело старинное родовое оружие - мечи, кривые сабли, кистени и секиры Приятно пахло липовым цветом и пучками сушеного разнотравья, развешанного вдоль остальных стен. В красном углу загадочно мерцали золоченые образа древних богов, хранителей Рода, сурово и пристально смотревших на вернувшегося под отчий кров.

Земник усмехнулся, стоя посреди комнаты и смотря по сторонам. Затем подошел к слюдяному оконцу, выходящему на затерявшуюся в лесу речку Быстрицу, распахнул дубовые резные створки. Легкий предвечерний ветерок игриво юркнул в комнату, быстро промчался по ней, как давешний друг, и зашуршал пучками медового разнотравья вдоль стен.

Солнце уже постепенно клонилось к закату и нет-нет, да и грозило коснуться своими огненными лучами верхушек самых высоких сосен в лесу. Но его багровый огонь был уже не опасен и совсем не припекал, как в полуденный зной. Быстрица мерно и величаво катила свои медленные воды, и было вовсе неясно, за что же так прозвали эту ленивую лесную реку: то ли в насмешку, то ли из-за тех нескольких весенних дней, когда она, пробудившись после зимнего сна и с треском взломав свой ледяной панцирь, несется сломя голову по своему руслу, увлекая с собой в своем неистовом беге всё, что попадётся на её пути.

***

Через полчаса, посвежевший и румяный после хорошо натопленной бани, Лиго сменил свой запыленный дорожный костюм на платье знатного земника, загодя подготовленное дядькой Проком. Одел поверх древний родовой оберег из почерневшей от времени бронзы на тяжелой цепи и, немного подумав, накинул сверху на плечи старинного кроя плотный плащ, над которым наверняка посмеялись бы дворцовые щеголи из свиты Великого Князя, но которые все еще были в ходу у барздуков, живших от людей в те времена уже совсем обособленно.

- Ни дать, ни взять - вылитый княжич! - сказал Пеколс, исподволь любуясь преображению своего хозяина из замученного долгой дорогой школяра в статного красавца. - Теперь вам, сударь, можно трапезничать хоть с самим королем!

И тут же добавил:

- А то я из-за вас, сударь, уже получил хорошенькую взбучку от старого барина. Не пойму только, за что. Разве ж я не следил за вами, как положено?

Лиго, смеясь, подмигнул Пеколсу:

- Будешь жаловаться, Прок, я скажу дяде, что ты вообще все время только своей алхимией и занимался - а на меня времени у тебя не было вовсе. Вот уж влетит тебе! Будешь тогда знать, как хныкать.

- Барин, да за что же так-то? - Пеколс выпучил глаза.

Но Лиго рассмеялся, хлопнув его по плечу:

- Так что ты там говорил насчет трапезы? Будем восстанавливать твое доброе имя в глазах дядюшки Брыля?

И Лиго вдруг явно ощутил, как засосало под ложечкой, и он действительно проголодался. Лишь только он это подумал - как раздался стук в дверь.

- Кто там еще? - недоуменно спросил он, глядя на Прока.

Тот быстро шагнул вперед и широко распахнул двери. Маленький белобрысый барздучонок испуганно таращился на него своими светлыми глазенками и, переминаясь с ноги на ногу, только и смог промямлить, отчаянно заикаясь:

- Там это, сударь... к столу просют!

И, шмыгнув носом, несколько попятился от двери - и вдруг, ни с того, ни с сего крутнулся волчком и дунул вниз, затарахтев по полу огромными деревянными башмаками.

Лиго рассмеялся, перешагнул порог и, плотно прикрыв дверь, стал спускаться, оставив слугу разбираться с огромными лужами на полу.

Гостиный зал представлял собой огромную длинную комнату с пылавшим в дальнем углу камином, несколько низковатую,

ежели для человека, но приходившуюся в самый раз для самих земников. Несмотря на то, что вечер еще полностью не наступил, барздуки плотно притворили все ставни: единственным источником света служили алые сполохи пламени, нет-нет, да и вырывавшиеся из очага. В их красноватых призрачных отблесках, загадочно мерцавших на вороненой стали дедовских доспехов вдоль стен, старинные вышитые рисунки изрядно побитых молью гобеленов казались живыми существами, норовящими шагнуть со стен прямо в комнату.

Прямо посреди залы располагался длинный дубовый массивный стол, упиравшийся в пол едва ли не целой дюжиной толстенных резных ножек. Во главе стола стояли колченогие тяжелые кресла красного дерева - для земников знатных; а дальше громоздилась гурьба лавок сосновых попроще, отполированных до блеска задами барздуков менее знатных за времена долгих пиршеств в этом зале. Весь стол был заставлен яствами с чисто земниковским хлебосольством и гостеприимством - от одного лишь их вида в животе у Лиго предательски заурчало. Посередине царски расположились запеченные молочные поросята с жареной зайчатиной, перепела, утки и другая пернатая дичь, метко подстреленная на охоте и искусно приготовленная на кухне поместья, томно истекающая жиром белорыбица, еще утром резвившаяся в речных плёсах, соленые грузди, сопливые маслята, моченые яблоки, пироги с пылу-жару и другая всевозможная снедь. Вокруг всего этого поварского разнообразия теснились цветного стекла чаши, серебряные кубки, резные ковши, плетеные бутыли и корчаги, хранившие в своих толстых животах различные настойки, наливки, узвары, сбитни, вина с медами и брагами, и еще бог его знает что. Всё это пахло, парило, дымилось, источало тонкий аромат и звало к себе.

Однако наваждение заставленного яствами стола было прервано каким-то горластым и востроглазым мальцом из тех, что день-деньской околачиваются по заборам да стрехам домов. Один из них еще издали заприметил вереницу всадников и примчался доложить:

- Гости едут!!!

Брыль радостно крякнул и заторопился во двор. Магда и остальные барздуки за ним, увлекая с собой по пути Лиго.

Бубиласы с давних времен были соседями Бирзулисов и жили неподалеку, занимаясь разведением пчел и бортничеством. Само родовое прозвище их, происхождение которого порядком подзабыли другие земники, растерявшие от своего древнего наречия большую часть слов, означало не то "круглые", не то

"пышные". Да и сами Бубиласы как нельзя кстати соответствовали ему - все как на подбор пухлые добродушные толстяки, однако далеко не увальни и лентяи, как могло показаться на первый взгляд. А уж сам вирсайт ихний, Бортень то есть, был самым что ни на есть взаправдашним Бубиласом - эдакая бочка на коротких ножках-чурбаках, нос клубнем, щеки оладьями, на толстое чрево ниспадает пышными складками густая темная бородища. Самый вид этого непомерно раздавшегося вширь и упитанного сверх меры барздука внушал и улыбку, и некоторое благоговение одновременно. Однако при всей своей внешности ум его отличался необычайной живостью и остротой, а движения его, несмотря на некоторую грузность, были ловки. За всю свою жизнь Бортень перебывал в несметном количестве приграничных схваток, и горе было той нечисти, что попадала ему под руку под его тяжелую боевую секиру. За свой многолетний воинский опыт вирсайт Бортень и был избран земниками новым воеводой три года назад, ибо со смерти Лютня эту почетную, но крайне хлопотную и опасную должность более года никто из барздуков так и не смог выдюжить. Однако Бортень подошел как нельзя более кстати, и вот уже несколько лет подряд на ежегодном Вечевом Круге ему снова и снова вручали окованную серебром булаву воеводы. Готовился он принять ее в очередной раз и этим летом.

Под стать своему предводителю были и другие земники этого семейства, трусившие следом на своих крепких мохноногих лошадках.

- Мир и благо этому дому! - изрек трубным гласом Бортень, как только голова его лохматого лошака оказалась в воротах. Пыхтя и отдуваясь, он стал слазить с седла. Ему было кинулись на помощь несколько земников из числа помоложе, но он отстранил их одним только взглядом, сердито сверкнувшим из-под насупленных бровей:

- Вы что же это, живчики голопятые, меня посрамить удумали?

И, величаво передав поводья подвернувшемуся под руку слуге, грузно закосолапил в сторону Брыля и Магды.

- Ну здравы будьте, соседушки! - загудел Бортень.

- И тебе поклон, воевода! - улыбнулся Брыль. - Тебя, сосед, как я погляжу, еще больше вширь разнесло на твоих медах. Иль тебя пчелы так покусали?

- Тебе оно, милейший, знать и ни к чему. Ты тоже, ежели поглядеть, супротив своих лет в весе прибавил. Видать, матушка Магда из кухни от своих стряпух - ни ногой!

И Бортень весело подмигнул хозяйке.

- Это я-то? Охо-хо-хо! - сказал Брыль. - Ты мне лучше скажи, сосед, от какого меду такое пузо, как у тебя, бывает-то?

- Чрево не от еды - а для еды, - заметил Бортень, важно подняв палец.

- А не много ли, сосед, на одного старого земника приходится? И здоровьем ты не обижен - да и на язык, как я погляжу, до сих пор скор?

- Какие телеса - такие и словеса, - отрезал Бортень, грозно насупив брови, но больше для виду, в душе чрезвычайно польщенный словами Брыля.

Все эти беззлобные шутки давно уже вошли в привычку у двух старых товарищей, живших бок о бок не один десяток лет. Отсмеявшись, Бортень наконец-то соизволил обратить свое внимание на окружающих - и увидел Лиго.

- Лиго?! - изумился он и его мохнатые брови взметнулись вверх. - Пресвятой лик солнца! Ты ли это, мальчик мой?

Из рода Бубиласов происходила мать Лиго - а потому и Бортень, как ни крути, доводился ему также родней, причем довольно близкой.

- Вот уж чудо из чудес! - гудел Бортень, поспешая к нему навстречу. - Лиго, радость моя, дай я тебя облобызаю!

Лиго, хоть и будучи рад встрече, совершенно не горел желанием быть облапленным старым толстым воеводой. Но не успел и глазом моргнуть, как Бортень безо всяких околичностей привлек его к себе, надежно утопив в крепких объятиях, и трижды звонко расцеловал его в щеки. А затем, словно повторяя Брыля,

немного отстранил от себя Лиго и придирчиво оглядел с ног до головы.

- Зрю я на тебя и не разумею - худосочность твоя меня в уныние приводит, - пробасил Бортень, не очень довольный осмотром.

- Какой уж есть, - улыбнулся Лиго.

- Не к добру сия бледность лица - от него меня грустные мысли снедают. В толк не возьму - ты в кого такой худющий уродился? Батюшка твой, храни его память Священное Древо, земник был видный. А уж матушка твоя, Марта, пусть земля ей будет пухом, и подавно наших кровей, Бубиласов. Вот что, солнце мое, идем-ка в дом - потчевать тебя я сам буду!

И Лиго, увлекаемый Брылем и Бортнем, пошел следом, не зная, радоваться ли предстоящей опеке или же она теперь обернется для него настоящей пыткой, искусно направляемой не в меру любвеобильными родственниками.

Бортень меж тем вещал на ходу, поминутно оглядываясь через плечо:

- Премудрость книжная - утеха для разума. Однако ж негоже забывать и про пищу плотскую, ибо только в здравом теле разум ясный и чистый.

- Ты поведай мне, отрок, - плыл дальше Бортень, - пошто так исхудал? Ежели не кормят школяров, как то положено, при храме Кривайтиса, так я отпишу сим вайделотам и самому владыке Куреясу, дабы не морили голодом нашу земниковскую породу. И Великому Князю немедля же отпишу, дабы разобрался он в сих делах. А пуще того, прикажу не отсылать боле этим книгочеям да чаровникам ни разносолов с моих угодий, ни медов с моих пасек. Ты помнишь мои пасеки, Лиго?

И Бортень хитро улыбнулся, пригрозив пальцем:

- Вижу, что помнишь. По зеницам твоим вижу, отрок. Ты по части меда лакомник был отменный - только тебя и отлавливали в лесных ульях.

Лиго рассмеялся, вспомнив, как в детстве он частенько лазал в дупла деревьев с заложенными там бортями, и лакомился медом без дозволу на то старших. Затем его, всего искусанного пчелами и измазанного с ног по уши в меду, приводили за шкирку к страшному дядьке Бортню, и тот грозно ревел на него, сердито супя свои брови и вгоняя мальца в дрожь. Будучи даже неоднократно выпорот розгами, привычку свою лакомиться медом Лиго так и не оставил вплоть до самого отъезда в школу. И даже напоследок нашкодил, разорив одно пчелиное дупло.

Бортень меж тем басил:

- А за эти лета мы своими трудами скромными заложили

сорок новых ульев да еще невеликую малость бортей по лесам, я ужо и не упомню, сколько. Пчела, труженица небесная, сама плодится и мед плодит, хвала всевышним богам! Так что будет тебе где меду нового испробовать в конце лета, да, Лиго?

И воевода толкнул его локтем так, что тот закашлялся.

- Я тут с собою медов разных - гречишных, разнотравных и липового цвета - в дорогу припас до Янова дня. Да уж коли ты объявился, то тебе они и достанутся. Не насытился поди медом, когда в последний раз в школу уезжал? - припомнил старый грешок Бортень, смеясь в свою густую бороду.

Так, за шутками, земники вошли в гостиную залу. Тут же разом вспыхнули зажженные служками свечи, ярко осветив огромный стол, заставленный снедью. Бортень только крякнул от удовольствия, глядя на все это изобилие лесной земли.

- Ну, хозяюшка, порадовала еси старого воеводу! - сказал он, слегка кланяясь Магде.

Та, усмехаясь, сказала:

- Садитесь, гости дорогие! Милости просим откушать!

- Присаживайся, сосед, - сказал Брыль. - Есть что выпить - а главное, есть и за что выпить! А там как раз и вторая смена блюд подоспеет.

Тяжелой дланью Бортень усадил Лиго между собою и Брылем во главе стола, и, грозно вращая белками глаз, самолично наполнил ему кубок доверху. Когда все земники, шумя и переталкиваясь, расселись у стола, Бортень громогласно возвестил, подняв свой кубок:

- Ну, братья-барздуки, поднимем же хмельные чаши! Ибо сказано еще нашими прадедами в древних писаниях, что земнику положено пить - а без того мы не можем быть!

И под всеобщий гул одобрения и громкого смеха ухнул все содержимое огромного кубка в свое необъятное чрево.

ГЛАВА 4

ПЕРЕПРАВА НА ЛЕСНОЙ РЕКЕ

Вечерело быстро. Солнце не успело напоследок моргнуть своим багровым оком, как тут же упало за небокрай. Из низин поползли клочья сырого сумеречного тумана, окутавшие промозглой пеленой холмы и долы. На западе меж островерхих зубцов соснового бора еще поблескивали пламенистые сполохи почившего светила, отыгрывая зарницами на череде застывших густых облаков, а прямо над головой небесная твердь стремительно меняла свой цвет с задумчивого бирюзового на иссиня-черный. Ночь властно укутывала землю в свой мрачный плащ.

Когда темные покровы ночи заглушили последние отблески заката, стих даже робкий ветерок, неслышно пробиравшийся меж древесных ветвей своей прохладной поступью. Долина утонула в вязкой липкой тишине, словно канула в болотное марево. Захлебнулся в своем шепоте шаловливый ручей, опасаясь своим бестолковым журчанием нарушить сердитое безмолвие. Вокруг царило полное торжество тьмы и успокоения - ни писка, ни звука, ни шороха...

Вдоволь насытившись загробной мрачной мощью, ночь ослабила свою железную хватку, дозволив всему сущему выйти из оцепенения. Первым вздохнул лесной ветер, затем еле слышно забормотал ручей, то ли сердясь на самого себя, то ли оправдываясь за сиюминутные страхи. Возмущенно заскрипели старые вязы, закряхтели сосны и ели, загудели дубы, успокаивая издерганную осину. Когда негодование лесных великанов улеглось, несмело ухнул первый сыч, загалдели наперебой лягушки, удивляясь собственной храбрости, и ночь стала наполняться шорохами и возней.

Любопытные звезды глянули на землю сквозь прохудившийся плащ черноты, оттесняя отары туч за край небосклона. Взбодрившийся ветер пришел зорям на помощь и с удалецким посвистом удвоил напор. Ветхая подкладка неба не выдержала, треснула и вытряхнула из черной торбы звездную россыпь, раскинувшуюся широким рукавом от края до края. Вместе с ней вывалился и круглый месяц, покатился, закувыркался над дремучим бором, зацепился за верхушки сосен и, дернувшись разок-другой, повис над долиной на мохнатой ветке, освещая округу призрачным бледным сиянием.

В ту позднюю ночную пору одинокий всадник осторожно пробирался лесной тропой вдоль небольшой речушки, затерянной в глубине Неманской пущи. Закутан он был с головы до пят в серый, видавший виды дорожный плащ, и лишь время от времени позвякивавшие рыцарские шпоры выдавали в нем человека благородного происхождения. Всадник часто останавливался, всматривался лишь в одному ему известные приметы на тропе, и затем, как будто что-то припоминая, медленно трогался вперед, тихо понукая коня.

На некотором расстоянии от него, немного поодаль, бесшумной тенью след в след скользила в зарослях еще одна фигура. Кралась она по самому краю тропы, прячась за густые ветви кустарников, вздрагивая при каждом позвякивании шпор и замирая, когда всадник останавливался. Не отставая, но и не приближаясь, двигалась она прямо позади ночного путника, словно что-то выведывая и пристально вглядываясь в темноту

своей парой глаз, слабо мерцавших желтыми огоньками.

Иной раз всадник, словно чувствуя на себе эти взгляды, мельком оглядывался, но тень, будто зная, когда это произойдет, тут же отступала на шаг назад и растворялась во мраке. Порой и конь фыркал в своем волнении, но хозяин легонько похлопывал его по холке, успокаивая, и вновь пришпоривал. Немного выждав, преследователь вновь бесплотным призраком трогался вперед, принюхиваясь и присматриваясь к каждому шагу путника, пока лесная тропа внезапно не вывела всадника на речной берег. Конь, почуяв воду, в два скачка оказался у самой ее кромки, ступив передними ногами в речную волну и шумно втягивая в себя вечерний прохладный воздух.

- Знаю, знаю, мы уже близко, - сказал всадник, придерживая коня. - Еще немного, и мы окажемся в полной безопасности. Ты получишь свежего сена и овса, а я - горячий ужин и кружку доброго пива!

Умное животное пару раз ударило копытом в песок, словно поторапливая своего хозяина, а тот тем временем распахнул свой запыленный плащ и стал снимать с груди висевший на тяжелой цепи почерневший от времени серебряный рог. Приложив его ко рту, всадник негромко протрубил старинный сигнал егерей, зовущих паромщика на речном перевозе. Однако ночное эхо тут же усилило его многократ и понесло вниз по ленте реки и дальше, над вершинами спящего леса, всколыхнув и перебудив всю округу. На какой-то миг после отзвуков трубного зова наступила звенящая тишина, а затем разом завозмущались лесные великаны, встрепенулся придремавший было ветер и нагнал на берег под копыта коню несколько беспокойных волн.

Немного погодя, словно задумавшись, ответили и с той стороны - в темноте на противоположном берегу замигал яркий факел, спустился к воде, чуть замешкался и, наконец, стал медленно приближаться. Вскоре раздался и скрип уключин, а вслед за ним из темноты и клочьев тумана, плывущих над водой, вынырнул и сам паром.

- Дорогу и путь! - выкрикнул всадник старинный призыв гонца, едва завидев плот. - Поспеши, человече!

- Тороплюсь и поспешаю по мере сил, - прокряхтел из тумана сиплый голос паромщика, неспешно загребавшего веслом. - А сами-то вы кто будете, достопочтенный, что изволите шуметь в столь поздний час?

- Я - Альгис, гонец Его Светлости Великого Князя, - быстро бросил всадник, опасливо оглядываясь через плечо. - Спешу с важным донесением на тот берег.

- Батюшки-светы, вот оно, значит, ка-а-ак, - протянул

паромщик и, нимало не смущаясь срочностью дела, неторопливо отложил весло в сторону, встал в полный рост, упершись своими крепкими ногами в дощатое днище, огромной ручищей стащил с головы широкополый обвисший колпак и добродушно промолвил, поклонившись так, что через низкие края плота едва не хлынула вода:

- А я, сударь, тутошний, значит, перевозчик. Звать меня Лотарь, но здешние жители частенько кличут меня Растолкуй, или попросту еще Толк.

Всадник слушал разносившуюся над рекой болтовню словоохотливого паромщика вполуха, напряженно всматриваясь в темные заросли позади себя. На какой-то миг ему почудилось не то легкое движение ветвей, не то слабый отблеск зловещих глаз среди листвы. Конь всхрапнул и негромко забил копытом.

- Именем Князя, поторопись! - в голосе гонца зазвучало нетерпение. - А то хоть и кличут тебя Лотарем, но вот и лодырь ты порядочный, как я погляжу!

- Зато вот другого перевозчика в такую пору вам и на сто верст вокруг не сыскать, сударь, - хмыкнул паромщик, вновь принимаясь за дело и бурча себе под нос:

- Экая спешка-то в ночную пору! А раньше-то где изволили быть, спросить позвольте... Небось, при дневном свете так-то не торопились. Кусает вас за пятки эта ночь, что ли?

В это мгновение в зарослях раздался тихий треск сучьев, и конь всадника громко заржал, кося белками глаз. Гонец натянул поводья и, вонзив шпоры в бока скакуна, развернулся лицом в сторону звука. В бледном лунном сиянии засеребрилась сталь слегка обнаженного клинка.

Треск затих. Из темной листвы отчетливо светились два желтых немигающих огонька, убийственно глядевших на всадника. Гонца прошиб холодный пот, его рука рванула рукоять меча из ножен - и мерцающий клинок слабо запел в дрогнувшей руке. Какое-то время две пары глаз упрямо смотрели друг на друга, пока напряженное молчание не разорвал шорох парома, причалившего к пристани.

- А вот и я, сударь, - простовато сказал перевозчик, выпрыгивая на берег.

Факел ярко осветил прибрежные заросли, выхватив из тьмы кусок леса. В отсвете полыхавшего огня медленно потухли и исчезли немигающие желтые глаза, а разом с ними и сиюминутный леденящий страх. Гонец звякнул ножнами, вдевая меч.

- Вовремя... - выдохнул он.

Лотарь удивленно воззрился на него:

- С кем это вы собрались воевать, премилостивый государь? Неужто со мной? Так вам от Толку не будет никакого толку!

И он довольно засмеялся собственной шутке. Альгис устало вытер мокрый от пережитых волнений лоб и стал спешиваться, не обращая внимания на сказанное.

- Растолкуй или Лотарь, как бишь там тебя, - позвал гонец.

- Да, сударь.

- Я войду на плот, а затем ты передашь мне факел. Огня ни в коем случае не гаси!

- Да как же можно-то, сударь? - удивился паромщик. - Ведь и так ни зги не видать.

- Это лишь полдела, - отрезал гонец и продолжил: - Затем что есть духу греби к тому берегу. Да, и еще - что бы ни происходило у тебя за спиной, ни в коем случае не оглядывайся. Ни в коем случае! Ясно?

- Да уж сударь, хоть и темно - а все же яснее ясного! - растянулся в хитрой улыбке паромщик. Но гонец так сверкнул на него взглядом, что Лотарь поспешил спрятать свою улыбку в густых обвисших усах и недоуменно пожал плечами: мол, не разберешь, что у этих господ на уме, но возражать больше не стал.

Альгис шагнул в качающийся на зыбкой волне плот, потянув за поводья коня. Гнедой осторожно ступил в воду, понюхал ее, фыркнул и затем, внезапно вздрогнув, одним прыжком опустился на бревенчатый настил парома. Однако задняя нога в последний момент споткнулась, зацепилась копытом за невесть что и съехала с осклизлого бревна прямо в черную гладь реки, взметнув тучу брызг. Холодная вода окатила обоих людей на плоту и полыхавший пучок смолистых веток. Огонь задрожал, померк и факел начал едко чадить, грозя вот-вот потухнуть. Тьма разом обступила берег, навалившись на людей всей своей мрачной мощью.

- Навались!!! Быстро!!! - заорал гонец, одной рукой размахивая перед собой факелом, а другой схватил паромщика за шиворот, резко дернув на себя.

Тот кубарем свалился на дно плота - и вовремя. Ибо в этот миг огромная черная тень стрелой взметнулась в воздух и опустилась как раз на то самое место на пристани, где перед этим стоял перевозчик. Глухо лязгнули клыки, обдав людей мерзкой слюной и зловонным дыханием.

Всадник с резким окриком ткнул факелом перед собой, осветив на миг и клыкастую пасть зверя, и желтые немигающие глаза, люто глядевшие на него. Запахло паленой шерстью - волк отпрянул.

Ничего не понимающий от нахлынувшего ужаса паромщик ошалело шарил вокруг себя вмиг ослабевшими руками. Нащупав шест, он, словно во сне, медленно и неуверенно поднял его и уперся в берег, на котором бесновался ночной зверь.

- Давай! Налегай! - кричал гонец, размахивая перед собой гаснущим факелом.

Борясь с внезапно нахлынувшим оцепенением, паромщик сперва слабо, а затем все сильнее и сильнее упирался в речное дно завязнувшим в песке и глине шестом. Плот покачнулся, не желая трогаться с места. Толк натужно крякнул и что есть сил навалился на него. Паром дрогнул, зашуршал днищем по речному песку и резко отвалил от берега, зачерпнув холодной воды. Последним движением перевозчик выхватил загрузший было в илистом дне шест, едва не свалившись в реку.

От этого толчка покачнулся и сам гонец, не устояв на ногах. Факел чуть было не выпал из его рук, но каким-то неуловимым движением он удержал его и, размахнувшись, швырнул на берег. Ударившись о землю, пламя разлетелось ярким снопом огненных брызг, на какой-то едва уловимый миг озарив сумрачные прибрежные заросли. В этой последней вспышке огня стоявшие на плоту увидели на берегу огромного черного волколака со вздыбившейся холкой.

- Давай! - еще раз крикнул гонец, выхватывая меч.

Но повторять больше не было нужды. Плот вылетел на речную стремнину и пристань стала исчезать в белесых клочьях густого тумана, плывших по студеной воде. А вслед им с берега понесся леденящий душу волчий вой, полный неистовой злобы и разочарования.

- Батюшки-светы! - только и смог, что охнуть перевозчик. - Вот же ж страхолюдина! Я такого чудища отродясь не видывал!

- Увидишь еще и похуже, - мрачно сказал гонец, крепко сжимая поводья дрожащего коня.

За краями парома покачивалась сизая туманная жижа, норовившая залезть за пазуху промозглыми влажными щупальцами.

***

Причалив к берегу, паромщик выпрыгнул первым и привязал плот покрепче к пристани. За ним на берег ступил гонец со скакуном. Гнедой отряхнулся, обдав и без того промокших людей водяной пылью, и стоял, всхрапывая и тяжело дыша.

- Да уж, толку от тебя, как ты там смеялся, не так уж и много, - заметил гонец на берегу. - Это что, в шутку тебя Толком что ли нарекли?

- Да нет, сударь, - смущенно развел руками перевозчик. -

Просто я ужас как о том, о сём люблю потолковать - вот прозвище ко мне и приклеилось.

- Да уж, болтун ты изрядный, как поглядеть, - улыбнулся гонец. - Я уж грешным делом подумал, что всё, так и останемся мы навсегда на том берегу.

- А лошадка-то ваша, сударь, глядите-ка, все же перепужалась поболе нашего, - подмигнул паромщик, у которого у самого от недавнего страха зуб на зуб не попадал.

- Кони свою погибель не в пример нам, людям, за версту чуют, - сказал Альгис. - А потому и обезумел он при виде волколака. Он его еще раньше заприметил, в лесу, на тропе, когда эта зверюга мой след вынюхивала.

- А где это вы, сударь, такой хвост подцепили-то? - удивился Толк. - В нашенских лесах волколаков давным-давно уж не было - отвадили их еще Бог знает когда. Я такие байки про этих чудищ по многу раз слышал, еще от батюшки своего, а то и от деда, не помню уж. Но вот чтобы воочию увидеть этих тварей вблизи - так это впервой для меня.

- Увы, теперь не в последний, - сурово сказал гонец.

Паромщик быстро взглянул на него:

- Что это вы, сударь, на ночь-то глядя стращать меня вздумали? Я и так из-за вас только что страху натерпелся, какого ни в жисть не испытывал.

- Натерпишься еще и побольше этого, - снова сказал Альгис с мрачным видом. - И вознеси хвалу Священному Древу, если вообще жив останешься.

- Вы, я вижу, от пережитого малость-то переволновались, сударь, - отмахнулся Лотарь. - Ну, оно и понятно, коли такая гадина всю дорогу тебе в спину дышит да клыками лязгает. Тут уж никакой смелости не хватит.

- Да нет, Лотарь, дело тут не в смелости вовсе - а в чарах! - отрезал Альгис. - И ты это знаешь. Или ты думаешь, что Великий Князь послал бы с вестями через леса да глухомань какого-нибудь из робкого десятка, который дрожит при виде любого куста? Посмотри на меня - разве я похож на труса?

И гонец вдруг блеснул взором, враз расправив плечи и откинув полы плаща, обнажившего осанку человека, привыкшего повелевать.

- Вот этот клинок не раз пел смертельную песню в сечах и походах, спасая меня от погибели, - продолжил Альгис, гневно сверкая глазами. - У меня на теле отметин от вражьих стрел и мечей больше, чем ты сможешь сосчитать. И в глаза врагам я всегда смотрел прямо, и не таясь. Но здесь... Здесь иное дело - дрогнула даже моя рука, и впервые страх сжал мое сердце.

Потому что здесь не просто враг, врасплох меня заставший. Здесь чары колдовские, которые исподволь выпивают твою душу до дна, чтобы лишить тебя и смелости, и рассудка, и воли. Чтобы насладиться не только твоей кровью и плотью, но и твоим страхом и ужасом в твоих глазах. Или ты забыл, как медленно ворочал шестом на том берегу? А ведь на труса ты, хоть и болтун изрядный, тоже не похож.

- Ваша правда, сударь, - смущенно сказал паромщик. - Меня как обухом по голове хватили, и я все делал, будто бы во сне. И руки были такие тяжелые-тяжелые и слабые - мне казалось, что я и соломинку-то поднять не смогу, не то, что весло. Кабы не вы с факелом, сударь, то сейчас я бы не чесал здесь с вами язык.

- Что верно, то верно, - впервые за вечер улыбнулся гонец. - Хватит нам с тобой чесать языки, а то всю ночь напролет проболтаем. А время не ждет, да и мне пора.

- И сдалось оно вам, сударь, время это, - сказал Лотарь. - Вы ж только что от лютой погибели спаслись. Тут рядом и домишко мой - давайте-ка я сейчас огонь разведу да обсушимся немного, промокли-то ведь, почитай, до нитки. Я и ужин состряпаю, и пива нацежу - куда вам, сударь, ехать в ночь-то?

- Куда - про то никому докладывать не велено, - сказал Альгис. - А вот про обогреться-обсушиться - это верно подмечено. Давай, разводи огонь побыстрее, а то мне еще с самого утра с вестями скакать... Только вот насчет хижины твоей думаю - надежное ли убежище? Как бы эти твари нас врасплох за ужином себе на ужин не приспособили - ведь еще неведомо, сколько их на этом берегу бродит.

- Да что вы, сударь, - сказал Лотарь, - ни в жисть они сюда не сунутся. Во-первых, и плавать-то они толком не умеют. Где ж это видано, чтоб волколак - да в воде плавал? Что-то я о таком никогда и нигде и не слыхивал. А во-вторых, даже если бы и сумели, то побоялись бы они соваться на этот берег!

- Уж не нас ли бы побоялись, числом двух? - рассмеялся Альгис.

- Нет, сударь, не нас - а барздуков! Ведь здесь - ихняя вотчина, при которой я перевозчиком и состою.

Гонец удивленно поднял брови:

- Барздуков? А я уж думал, они и вовсе в последние годы в глухие леса насовсем забились да и носа оттуда не кажут.

- Так-то оно и есть, сударь, только они земли свои берегут от всякой нечисти получше нас, людей. Здесь, между прочим, недалеко и хутор ихний будет - развеселое, смею заметить, местечко. Всегда и примут радушно, и накормят до отвала, и пива еще вдобавок поднесут. А у достопочтенного Брыля, хозяина

Пригорок, хутора этого значит, я даже вроде как в друзьях числюсь. Так что вот вам и убежище, кров, ежели моя хибара вам не подходит.

И паромщик неопределенно махнул рукой куда-то вдоль берега.

- Как ты сказал, хозяина-то зовут? - оживился гонец.

- А Брылем его кличут, Бирзулисом - хороший, однако, малый.

- Бирзулисом? - изумился гонец. - Уж не из того ли рода, что и воевода земников, славный Лютень?

- Оно самое, - кивнул паромщик, - какая-то там родня. Хотя у этих лесных бородачей все друг другу каким-нибудь боком - да родня.

Альгис на мгновение задумался, а потом решительно сказал:

- Вот что - идем к земникам. Им мои вести нужней всего будут. В самый раз!

И взял коня под уздцы.

- Батюшки-светы! - ошалело всплеснул руками Лотарь. - А обсушиться-то? Обогреться?

- У барздуков и обогреемся, - отрезал гонец. - Ждать некогда!

- И что за спешка такая? - заворчал Лотарь. - Что это за вести такие, что и обождать совсем нельзя?

- Да уж не очень добрые, - сказал гонец. - Ибо срочными бывают только плохие вести...

И словно в подтверждение его слов ночное небо на западной стороне вспороли яркие сполохи приближающейся грозы.

ГЛАВА 5
РАЗГОВОРЫ И РАССПРОСЫ

- Вот, возьмите вкусный кусочек, соседушка, - приговаривала Магда, накладывая доверху всякой снеди воеводе Бортню.

- Премного благодарствую, - отвечал тот, благосклонно наклонял голову и довольно улыбался себе в бороду, польщенный таким вниманием. Брыль делал вид, что не замечал особого отношения своей женушки к именитому соседу.

Земники ели, пили - вечеринка обещала быть удачной.

- Поведай мне, отрок, как дела твои ученые? - спрашивал Бортень, наклоняясь к Лиго. - Каково житье-бытье нонешнего спудея в славном Вольном городе?

Лиго поперхнулся при этом вопросе, заставшем его с набитым ртом.

- Да как, дядюшка Бортень, житье-то, - ответил он. - Житье школярское идет своим чередом. А Вольный град стоит себе - что ж с ним станется-то? Или вы другое что выспросить хотели?

- Ишь, хитрец! - подмигнул воевода. - Да, таким плутом ты с самого детства был. Уж в кого ты таковой уродился - одним Богам только и ведомо! Батюшка твой, хвала Предковечному Древу, земник был видный и солидный, не в пример некоторым. Суровый и серьезный мужик был. Да и матушка твоя была женщина благонравная, истинная дщерь славного рода барздуков.

- Ну уж, дядя Бортень, я каков есть - таков есть, - развел руками Лиго. - Другого не знаю.

- А заниматься-то в жизни чем мыслишь, отрок?

- Еще не думал как-то - всё недосуг было, - ответил Лиго. - Учеба, она, знаете ли, штука серьезная - времени требует много! Вот и некогда раздумывать было.

Брыль и Магда согласно закивали головой, довольные ответом племянника - мол, да, наука дело трудное и хлопотливое.

- Ой ли, вьюнош! - расхохотался воевода. - Ты вот мне, ради светлого солнца, не рассказывай про свои дни хлопотливые, да все в трудах. Али я не ведаю, чем ныне школяры пробавляются в Волен-граде? Подвиги ваши, что по кабакам да корчмам, гремят на всю округу. Сии поступки срамные прославили вас вплоть до чащоб наших дремучих. Куда только владыка Куреяс смотрит?

Лиго слегка покраснел, но тут же нашелся:

- Это вы, дядя Бортень, меня с кем другим может и путаете. Я в кабак-то и дороги не знаю. И какие такие срамные подвиги могут быть у нас, учеников вайделотского храма?

- Ну, про то, что пути в трактиры ты не ведаешь, это ты привираешь, отрок. Присматриваюсь я за тобой за столом - уж больно ты залихватски кубком орудуешь, пьешь не кривясь! - смеялся Бортень. - Где ж ты так руку в хмельном деле-то набил? Наука у вас что ль такая в школе была? Али бражничал частенько, поди, шкодник?

И воевода пригрозил пальцем.

- Я вот еще с этим старым плутом Пеколсом разберусь - попадись он мне под руку! - сказал Бортень, поворачиваясь к вирсайту. - Опять небось своей аспидской алхимией, тьфу на нее три раза, промышлял. Вот уж кому воистину недосуг было, так этому старому хрычовнику. Отрок и так больно шкодливый в детстве был - а с этим Пеколсом и вовсе от рук, чай, отбился. Ежели узнаю, что и бражничали они вместе на пару в Волен-граде - ты уж не обессудь, сосед! Приложу я к ним обеим свою длань! Кстати, где сей холоп у тебя? Что-то не видно его за столом.

- Да крутится где-то тут, - неопределенно сказал Брыль. - Получил он у меня уже выволочку по приезду - за недосмотр за дитём. Вот небось и не попадается на глаза лишний раз, бережется.

- Да при чем тут дядька Прок? - удивился было Лиго. - Служил он мне исправно. Не возводите напраслину на него зазря.

- Ты, отрок, помалкивай иной раз, - сердито сказал Бортень. - С лица весь сошел, оголодал, истощал. Для чего ж слуга тогда надобен? Дабы присматривать хорошенько за своим хозяином. А ежели с хозяином что стряслось - то его наипервейшая и самая главная обязанность была отписать твоей родне, что, мол, так-то и так. Мы бы с дядюшкой твоим уж тут как тут были бы у старины Куреяса.

- Ну, я тогда сам Проку нахлобучку устроил бы, попробуй он на меня доносами заняться, - сказал Лиго, смеясь. - А по трактирам и кабакам мы с ним и не шатались вовсе - нужен он мне там больно был! Ходит вечно и причитает, мол, всё дядюшке отпишу, чернильная его душа!

- Ах ты сукин кот! - расхохотался Бортень. - Не нужен тебе, значит, Пеколс был, когда ты в кабаках бражничал, так?

Лиго густо покраснел, поняв, что допустил промашку.

- Скажи, сосед, - повернулся Бортень к вирсайту, - чем думаешь отяготить племянника своего? Какие заботы возложишь на отрока?

- Да какие там хлопоты и заботы, - отмахнулся Брыль. - Он и прибыл-то не намного раньше тебя, соседушка. Только и управился, что баньку с дороги принял. Мы и поговорить-то с ним толком даже не успели.

- То есть и тебе, как я зрю, недосуг было помыслить о будущем племянника своего? - удивился Бортень.

- Да ежели честно, то вроде бы думал - а вроде как и нет. Пусть принимает поместье родовое, так наверное. А там поглядим, что да как, и куда оно вывернет.

- Да уж что вывернет, то вывернет - это ты верно заметил. Кабы не вывернуло в лихую какую сторону, вот оно как! - сказал воевода. - Чем заниматься он здесь у тебя будет? Мух гонять? Али за девками ухлестывать да пиво из погребов хлестать?

- Ой, да пусть отдохнет малость с дороги-то ребятёночек, - всплеснула руками Магда. - Только-только приехал - еще и в себя-то не пришел.

- Ты, матушка, помолчи, - сказал Брыль. - Воевода дело говорит.

Магда захлопнула рот и сердито надулась.

- Ты вот что, соседушка, - сказал Бортень, немного повременив, - отдай-ка ты его мне в дозор. Приставлю я его к ратному делу, глядишь, и выйдет из него толк. Что он у тебя киснуть, как красна девица, на хуторе будет? Что думаешь о сём?

- А ты что думаешь про это, Лиго? - повернулся Брыль к

племяннику.

- В дозор - так в дозор, - махнул рукой Лиго. - Всё одно плетью обуха не перешибешь. Делайте, что хотите.

- Бедная ты моя сиротка, - запричитала было Магда, но Брыль сердито цыкнул на нее, мол, поголоси тут у меня. Матушка испуганно замолчала, уткнувшись в стол.

- И что там у вас в дозоре, дядюшка Бортень? - спросил Лиго. - Так же скучно, как и в школе? Сиди с утра до вечера, выслушивай чужие и нудные наставления?

Бортень расхохотался:

- Да уж я бы и рад сам посидеть - да вот в последнее время что-то скучать вовсе не приходится!

- А что так? - спросил Брыль. - Поговаривают, совсем нечисть расшалилась на княжеских кордонах.

- Расшалилась - не то слово, соседушка, - сказал Бортень. - Лезет дрянь всякая из урочищ темных. Еле поспеваем от одного кордона к другому. А тут еще наместник княжеский, Кориат Довмонтович, всё требует и требует к себе дружину. Надысь уже выслали малый отряд в стольный град к Великому Князю - ан нет, мало, не хватает всё ему воев. Давно такого не было.

Беседа плавно уходила в другое русло, и Лиго стал прислушиваться с особым вниманием, стараясь вникнуть в пока еще малопонятные для него хлопоты.

- А как же Вечевой Круг? Что он скажет? - спросил Брыль. - Неужто вновь ополчение созывать будем, как в старые времена?

- Да вот что решит Вече, так и будет. За сим я и приехал к тебе, соседушка, обсудить мысли всякие перед Кругом, - говорил Бортень. - Знамо дело, Кориат Довмонтович будет стоять на своём - опять же можно понять, человек хоть и знатный, а подневольный. Княжеский человек, наместник - и всё тут. Какой с него спрос? Что другие вирсайты решат - вот что меня заботит, сосед.

- Ужель о булаве своей хлопочешь? - спросил Брыль. - Так ты это брось, кому, как не тебе в очередной раз и быть воеводой?

- Да о булаве и должности своей я не забочусь, - сказал воевода. - Знамо дело, дурак этот старый, Шпак из Лаздонисов, кровушки мне попьет снова - да и отступится, будь он неладен. Одно дело горланить - а другое дело в дозорах неделями пропадать.

- Ну его в пень да под колоду, - сказал Брыль. - Ты вспомни лучше, как он ратное дело чуть не завалил, когда сам воеводой был-то. И как его с треском и позором из воевод-то и выгнали. Так что уж кому горло драть - а кому и помолчать следует в этот раз. Лучше тебя, думаю, никого и в этот раз не будет - уж

попомни мои слова, соседушка. Давай и чарки поднимем за то!

Выпив и закусив, барздуки под общий шум неспешно продолжали.

- Скажи, сосед, я слыхал, вы недавно волколака с Западного дозора живьем приволокли наместнику, - спросил Брыль.

- Да, было дело, - ответил Бортень. - Разведчики напали на след малой стаи - они пробирались Чертовым оврагом через кордон. Мы их окружили и засыпали стрелами. Ты знаешь, они боятся серебряных наконечников.

- И? - поднял брови Брыль.

- Что - и? Спугнули мы их - вот они и отступили, - сказал воевода. - А несколько зверюг все же прорвались через наших лучников. Мы их и преследовали два дня кряду, не отступая ни на шаг.

- Ну а как изловили-то живьем, что-то не пойму? - почесал голову Брыль. - Эти ж твари просто так в руки не даются.

- Да загнали в волчьи ямы - там и постреляли из самострелов их сверху, - сказал Бортень. - Спустились добить оставшихся, глядь - а один дышит еще, живучий оказался. Мы ему пасть его зловонную завязали как следует - и приволокли наместнику. Он его уже отправил в стольный град - пусть дружина Великого Князя забавляется.

Лиго сидел и слушал рассказ воеводы, открыв рот. "Вот это да, вот это жизнь! - думал он. - Не в пример школьной скукотище вайделотского храма".

- Что сидишь, отрок, уши развесил? - подмигнув, толкнул его Бортень под локоть. - Весела жизнь в дозоре? Ну как, пойдешь ко мне в ратное дело? Или будешь на хуторе под подолом у тетки Магды хорониться, кисели из бочек хлебать?

Лиго замялся.

- Да я бы..., - и он исподтишка глянул на Брыля. - А разве можно?

- Ну конечно можно, - расхохотался Бортень и подмигнул: - Что, пойдешь?

У Лиго перед глазами промелькнули его давешние отроческие грезы о неизведанных путях, нетореных тропах и дальних краях. На миг почудилось, что вот он, случай, дает ему такую возможность свои детские мечты превратить в явь. И он согласно кивнул головой.

- Молодец, отрок! - воевода хлопнул его по спине. - Вижу я, что не пропала кровушка отеческая в тебе. Глядишь, и из тебя справный барздук выйдет - а не токмо сорвиголова школярская! Истинно глаголю - попомнишь мои слова!

Тетушка Магда только вздохнула, но поднять очи от стола

при муже не посмела. Брыль же сидел и с интересом наблюдал за ходом разговора. Конечно, он и в мыслях-то не держал спровадить куда подальше истинного наследника Пригорок - но уж больно прикипел душой старый земник к этому хутору, чувствуя себя здесь полноправным хозяином. А посему появление Лиго, хотя и не доставило бы ему особых хлопот, ибо племянник вряд ли влезал бы в дела хозяйственные и хуторские, но уж как-то исподволь озаботило его дядюшку, грозя нарушить сложившийся привычный уклад жизни.

- А с чего начинать надо? - спросил Лиго у воеводы.

- С чего начать-то? - почесал затылок Бортень. - Эко дело, давай вот прям завтра с утра и поговорим. Я подумаю, куда тебя определить - чтоб и толк из тебя вышел, но дабы ты и под присмотром моим был, вьюнош. Ибо за тобой токмо глаз да глаз нужен.

Через мгновение Бортень добавил:

- Вот что, я придумал, отрок. Поручу я тебя пока дружиннику своему молодому, звать его Мартин, наших кровей он, тоже Бубилас. По возрасту он не намного старше тебя, годков на пару всего - но дело ратное он знает справно. Думаю, сойдетесь вы с ним быстро.

И, повернувшись к другому краю стола, крикнул:

- Эй, Мартин, чтоб тебя! Мухой ко мне!

Среди смеющихся ратников воеводиной дружины поднял голову молодой земник - и проворно подскочил.

- Да, сударь?

- Я говорю, быстро ко мне! - насупился воевода.

В одно мгновение проворный дружинник был рядом, тут как тут.

- Слушай, Мартин, - сказал Бортень. - Видишь вот этого юного красавца?

- Да, сударь.

- Знаешь, кто он?

- Ну как не знать, сударь, - развел руками дружинник. - Это ж господин Лиго Бирзулис, племянник хозяина хутора.

- Ну, положим, тут еще разобраться надо, кто из них настоящий хозяин, - подмигнул Брылю воевода. - Но дело не в этом. Сей отрок только что изъявил желание послужить Короне, Державе и Великому Князю нашему. А посему прямо с завтрашнего дня определяю я его в отряд конных егерей - на выучку пока, конечно.

И Бортень посмотрел на Лиго.

- Так вот, - продолжал воевода. - Внесешь его в ратные списки своего дозора, определишь к котлу да к шатру. Ну и займись там

обучением его, что ли.

- Ага, сударь, понятно, - сказал Мартин, весело поглядывая на то на Лиго, то на своего воеводу. - А учить-то как? С самого начала - или еще как?

- Как, как? - проворчал Бортень. - Выспроси его сам, чему он обучен, а в чем он еще несмышленыш полный, хоть и вымахал с дорожный аршин. Чай, в вайделотской школе чему-то полезному да учили, окромя писаний задушевных, ась, отрок?

Мартин с интересом взглянул на Лиго:

- Сударь закончил школу при храме Кривайтиса?

- Ее самую, у владыки Куреяса, - вместо Лиго ответил воевода. - Ты токмо больно-то не болтай, Мартин! Завтра сам всё и выспросишь, что да как, и чему учился. Всё ясно?

- Да, сударь, ясней некуда!

- Ну вот и славно. Ступай себе, веселись дальше. Да, и еще, Мартин.

- Что, сударь?

- Поднимешь сего вьюношу завтра пораньше - как сам встанешь. Пусть с тобою идет коней чистить да сбрую налаживать. И чтоб там всё у меня было - ух! Ступай себе.

Мартин кивнул головой и так же ловко и шустро вернулся к себе на место. Лиго невольно позавидовал его хватким и складным, будто у ласки, движениям.

- Ну что, отрок, послужим нашему княжеству? - обнял Бортень Лиго. - Да ты нос-то не вешай, вьюнош! Конечно, это тебе не в кабаках лясы точить да пиво со спудеями цедить - зато настоящее мужеское дело. А бражничать и мы тоже неплохо можем - гляди-ко!

И воевода кивнул на шумный гурт своих дружинников, весело распевавших какую-то песенку, раскачиваясь в такт и размахивая пивными кружками. Мартин уже был среди них и, казалось, вовсе не был озабочен завтрашним днем.

- Завтра с утра мы выступаем на Вечевой Сбор, отрок, - говорил басом на ухо Лиго Бортень, - так что Мартин тебя подымет спозаранку. Дядюшка твой, Брыль то есть, пойдет с нами - так что будет у тебя время еще с ним и потолковать, ежели желание имеется. Конечно, только после трудов ратных. Так что всё - веселись пока сегодня, отрок.

- Быстро же вы меня захомутали, - сказал Лиго, - я даже и глазом моргнуть не успел, как уже в егерях оказался.

- Положим, еще не егерь, а только ученик - ибо звание егеря еще заслужить надо, - Бортень важно посмотрел на Лиго, подняв палец вверх. - Но, мыслю так, что кровушка отца твоего, славного воеводы Лютня, даст себя знать, и ты быстро станешь справным

ратником. А пока возблагодарим Богов и Священное Древо - утро вечера мудреней будет!

И Бортень поднял заздравную чашу.

Смеющиеся бородатые лица, стремительно пустеющие блюда, пенящиеся кубки вкруговую - пир у барздуков, как ему и положено, катился своим чередом. Среди всего этого шума и гама - громоподобные раскаты зычного голоса воеводы, заздравные тосты дядюшки Брыля, хмельные веселые возгласы пирующих земников. Служки еле-еле успевали наполнять чаши и кубки, да разносить блюда.

Лишь после не то десятка, не то целой дюжины застольных здравиц Лиго чудом удалось под шумок выскользнуть отдышаться во двор. Он стоял и смотрел на небо, думая о поворотах своей судьбы.

Ночь была в звездах. Вокруг была разлита такая тишина, что любой шорох казался святотатством. Из-за плотно закрытых ставен и дверей гостиной залы звуки пирушки совсем были не слышны. Прохлада упала на землю, и после жаркого застолья Лиго слегка поежился, чувствуя, как под полы одежды постепенно забирается сырость ночного тумана, ползущего чуть заметными сизыми клочьями по земле. Земник плотнее закутался в свой плащ - и внезапно вздрогнул: булавка, подарок старого волхва, неприятной острой болью кольнула его в левый бок. Лиго слегка поморщился и поправил ее - заколка таинственно и холодно мерцала в темноте. Земник глубоко вдохнул полной грудью и на мгновение замер, наслаждаясь тишиной и покоем; в небесной вышине вспыхивали и перемигивались звезды. И в тот самый миг, когда Лиго уже собирался было вернуться к столу, тишина разом рухнула и разлетелась сотней звонких осколков - над замершим лесом вдруг властно и громко затрубил старинный рог.

ГЛАВА 6
НОЧНЫЕ ГОСТИ

- Трубят! - сказал Лиго, влетев в гостиную.

Его сразу и не расслышали - вечеринка была в самом разгаре и только что сменили стол. Подвыпившие земники горланили невпопад разухабистую застольную песню, раскачиваясь из стороны в сторону. Шум стоял несусветный - и всем этим бедламом заправлял Бортень, размахивая своей огромной кружкой, то и дело расплескивая на стол пенистое пиво. Своей лапой он обнимал сидевшего по соседству Брыля - и так они, положив друг другу руки на плечи, пытались своим мощным ревом перекричать остальных. Закатив изрядно осоловевшие глаза себе под лоб, Бортень самозабвенно выводил густым

сочным басом:

Доброго пива,
Друг мой бездельник,
Выпьем с тобою
Мы в понедельник.
Браги медовой
Кружек по сорок,
Выпьем с тобою
Дома во вторник.
В среду заглянем
В бутылку в корчме -
Истина, друг мой,
Только в вине!
А поутру,
После пьянки проспясь,
Мы и четверг
Проведем веселясь.
В пятницу снова
Много работы -
Пить нам хмельное
Вплоть до субботы!
В день же воскресный
Придётся поститься -
Ведь с понедельника
Снова трудиться!

И, прокричав последнюю фразу громче всех, Бортень под общий хохот влил в себя остатки пива и лихо хлопнул кружкой об стол.

Лиго с немалым изумлением взирал на безудержное веселье своих сородичей, и наконец повторил снова:

- Трубят!

Земники разом обернулись к нему.

- Кто трубит? Куда трубят? Где? Когда? - наперебой загалдели голоса.

- А я почем знаю, - пожал плечами Лиго. - В рог трубят.

- Знамо дело - не в дуду же! - пошутил кто-то из-за стола и все снова громко рассмеялись.

- Что там стряслось, мальчик мой? - подал голос Брыль, освобождаясь из медвежьих объятий соседа.

Бортень же удивленно смотрел то на Лиго, то на его место рядом с собой, туго соображая, когда же это он успел так незаметно улизнуть из-за стола.

- Отрок мой, уж не в ухе ль у тебя от медового хмеля зазвенело? - прогудел воевода, лукаво сдвинув брови. - Очень уж

сего дня у старины Брыля пиво удалось - прямо на славу!

Общий хохот снова был ему ответом. Веселье и оживление, отступившие было на миг, вернулись вновь. Земники шумно загомонили, подталкивая друг друга локтями и перемигиваясь - мол, это ж надо, молодой хозяин от браги совсем захмелел, вот и чудится ему невесть что. Да уж, это ведь целое событие, как-никак! Барздуки будут теперь долго его вспоминать - вот уж насмешил, так насмешил.

Но Лиго упрямо мотнул головой:

- Я говорю, из-за реки подают сигнал - старинный знак вестника, который спешит с донесением от Великого Князя!

- Ба! Да это, видать, к старине Лотарю на перевоз, - переглянулись некоторые за столом.

- В такую-то пору? И гонец? - усомнился кто-то из барздуков. - Уж не к нам ли?

- Да я вот никого и не жду, - сказал Брыль. - Да и невелика я птица, чтобы ко мне гонцы от самого Великого Князя торопились. Скорей по твою душу, сосед?

И вирсайт обернулся к воеводе.

- А кто знает, что я к тебе припожаловал? - развел тот руками. - Разве что к наместнику княжескому спешит гонец? И то странно как-то - головной тракт ведь в другом месте находится. Чего это вдруг гонцы окольными тропами да захолустными путями к Кориату Довмонтовичу пробираться будут?

- Нет уж, право, здесь что-то не так! - усомнился, вставая, Брыль. - Выйду-ка я сам во двор - чем лукавый не шутит?

Повернувшись к слугам, вирсайт бросил:

- Вольк, Ждан - за мной! Остальные - принесите броню и оружие!

И стремительно вышел из залы.

Ночь была ясной, однако сизый плотный туман, выбравшийся из низин, упрямо обволакивал землю, поднимаясь все выше и выше.

- Что там у тебя, Хват? - спросил у сторожевого Брыль.

- Пока тихо - больше не трубят, хозяин, - с вышки у ворот ответил страж, сжимая самострел в руках. - Не видно ни зги.

- А слыхать-то что?

- И не слыхать уже ничего. Пока то есть. А трубили же громко, однако.

- Что за сигнал был?

- Старинный зов гонца Великого Князя, - ответил Хват. - Означает он "Дорогу и путь!"

Брыль удивленно присвистнул:

- Уж не почудилось ли тебе, Хват?

Страж с вышки покачал головой:

- Нет, не почудилось. Один раз прозвучал - но явно. Видать, гонец на перевозе - и с важным донесением.

Сзади кто-то из слуг кашлянул.

- Тихо! - цыкнул Брыль сиплым шепотом и замер, прислушиваясь.

Замерли и все остальные, вслушиваясь в ночь. Черное безмолвие ничего не нарушало, кроме тихого сопения самого Брыля. Потом будто бы откуда-то издалека эхо донесло вроде бы обрывки криков - или это только так показалось?

И вдруг - словно ножом по горлу полоснуло. Леденящий душу волчий вой накрыл волною страха и лес, и дол, и всю усадьбу.

Дико заржали пони в стойлах, забили копытом, грозя разнести деревянные стены. Насмерть перепуганные зайцы в клетках прыгали один другому на спину и забивались в ужасе в угол. Заплакала в доме разбуженная ребятня, запричитали со страху их мамки-барздучихи.

- Волки!!! - страшно крикнул на вышке сторожевой, вскидывая самострел.

- Ну, не было печали... - охнул Брыль и резко повернулся к слуге: - Ждан, быстро к воеводе - пусть выводит своих!

И, обращаясь к другому, отдавал наказы дальше:

- Лишнего шума не поднимать. Ставни и двери запереть покрепче. И поторопи там остальных - уж что-то медлят они с оружием. И тихо мне там!

Когда слуги умчались, Брыль снова повторил себе в бороду:

- Да уж, дела...Вот и напророчили себе волколака на ночь глядя, чтоб ему пусто было!

Лиго стоял и смотрел на все происходящее несколько ошарашено.

- Волколаки? - недоверчиво переспросил он. - Да откуда ж им тут взяться, дядюшка?

- Да зачастила в последнее время всякая дрянь из нечистых, - ответил Брыль. - Расшалились, как много лет назад. Рыщут, бывает, прямо в нашенских лесах - совсем страх потеряли. Слыхал же, поди, рассказы батюшки воеводы про Западный дозор?

- Так это ж где! - сказал Лиго. - Мы-то ведь далеко от западного кордона!

- Ну, видать не так уж и далеко, оказывается, - мрачно заметил вирсайт. - Я вот что думаю: похоже, всего один волколак и был - что-то долго не слыхать ответа.

- Какого ответа? - изумился Лиго.

- Ну как - какого? - в свою очередь удивился Брыль. - Когда

стая волколаков идет, они обычно перекликаются между собой воем. Жуть, значится, нагоняют. А здесь один был - видать, отбился от стаи, да и заблукал. Как думаешь, Хват?

Вирсайт обратился к сторожевому на вышке.

- Думаю да, случайно забрел в наши края с пограничья, - согласился тот, напряженно всматриваясь в ночь.

- Ну, коли ночь спокойно пройдет, то мы завтра с утра след этого шатуна возьмем, да и загоним его на рогатины! - сказал Брыль. - Но часовых я удвою, мало ли что.

Сторожевой согласно кивнул, не глядя.

В этот момент двор стал понемногу наполняться вооруженными ратниками воеводы.

- Что тут стряслось, други мои? - тихо прогудел Бортень, подходя к вирсайту. - С такой дружиной, как у меня, мы тут враз всех волколаков передавим, буде они появятся здесь.

Брыль вкратце пересказал происшедшее.

- Да уж, береженого и Боги берегут, - согласился Бортень. - Пусть мои дружинники с твоими стражами постоят на часах - всё ж поспокойней будет. И огня, соседушка, прикажи добавить - чтобы неповадно было этим зверюгам сюда и соваться!

Немного постояв и раздав распоряжения, Бортень и Брыль решили вернуться в гостиную. Проходя мимо Лиго, воевода толкнул его легонько:

- А ты все ж таки молодчага, отрок! Не ошибся я в тебе - будет из тебя толк, однако!

И, прихватывая его под руку, увлек за собой:

- Идем, идем! Свечерело-то как - и ужин, поди, уже поостыл без нас. Негоже его знатным земникам бросать запросто так!

***

Через время переполох понемногу стал утихать. Постоянно отрываясь от трапезы, Брыль появлялся то тут, то там, проверяя всё самолично - хорошо ли заперты засовы на воротах и ставнях, у всех ли из стражей наготове оружие и факелы, кто где стоит. Пригорки стали немного походить на ощетинившийся иголками колючий клубок, изготовившийся к обороне. В туманном полумраке с красноватыми отблесками факелов время от времени туда-сюда сновали тени земников и негромко перекликались часовые.

Прошел час - или немного менее того. Тревожное ожидание, затянувшееся неизвестно насколько, начинало порядком утомлять. Вокруг хутора по-прежнему царила ночная тишь, лишь изредка прерываемая совиным уханьем и стоном. Но ни волчьего воя, ни каких-либо криков больше не было и в помине.

Когда настороженные земники на вышках, застывшие в

ожидании вражьего наскока, стали потихоньку разминать затекшие суставы, чуть слышно переговариваться и даже понемногу улыбаться, стоявший у ворот сторожевой внезапно поднял руку в кованой рукавице. Шепот и смешки мгновенно смолкли.

Сперва тихо, а потом всё громче и громче стал приближаться из лесу конский храп и глухой цокот копыт. Стоявшие ближе к воротам молча переглянулись и прильнули к самострелам в бойницах.

- Стой! Кто идет? - громко окликнул сторожевой с вышки.

Один из ратников метнулся в дом - предупредить воеводу и вирсайта.

Гостиная наполовину обезлюдела и после шумного застолья, внезапно прерванного волчьим воем, казалась осиротевшей. Брыль вбегал то в залу, то выкатывался во двор, то сновал по усадьбе, проверяя всё снова и снова. Матушку Магду, изрядно струхнувшую и саму, он послал успокаивать женщин в поместье. Но она вместо этого, притворив двери на кухне, разом со стряпухами о чем-то настороженно шушукалась, боясь показаться на глаза ноги сердитому Брылю.

Бортень сидел, откинувшись в деревянном резном кресле, и что-то выслушивал от старшего дружинника, шептавшего ему на ухо, согласно кивая. Веселье с воеводы как будто рукой сняло - он был серьезен и суров. Остальные дружинники, не задействованные в страже, сидели все вместе, негромко о чем-то переговариваясь между собой и мрачно жуя холодный ужин.

Лиго находился в стороне от всех, ковыряясь вилкой в жарком. В горло кусок не шел.

- Что думаешь, Прок? - спросил он у старого Пеколса, проведшего весь ужин в кухне у веселых стряпух, скрываясь от глаз вирсайта. Там обычно собиралась вся челядь во время приезда гостей - из тех, конечно, которые не прислуживали за столом. Однако с началом переполоха Брыль быстро выдворил оттуда всех лишних, прервав приятное времяпрепровождение.

- Да что уж тут думать, хозяин, - развел руками Пеколс. - Без нас, поди, разберутся.

- Ага, разберутся, - кивнул Лиго. - Только вот как-то всё лихо закручивается. Не успели приехать - а тут такое, что не приведи светлое солнце! Как думаешь, ночь пройдет спокойно?

- А кто ж его знает, хозяин, - пожал плечами Пеколс. - Коли боги дадут - то и спокойно. А уж нет - так нет.

- М-да уж, утешил, нечего сказать, - криво улыбнулся Лиго и спросил: - Что, получил сегодня, небось нагоняй от дядюшки Брыля-то? То-то я смотрю, испарился ты перед приездом батюшки

воеводы, дабы и ему на глаза не попадать.

- Что есть, то есть, - вздохнул Пеколс. - Грозные они оба на расправу - лучше пересидеть где-нибудь тихонько. А то можно и ни за что схлопотать от них. Ох, крутые оба!

- А пересиживал-то где? На кухне наверное? - толкнул его локтем Лиго. - К молодухам, старый хрен, подкатывался небось?

- Что вы, сударь, - деланно удивился Пеколс, для виду округлив глаза. - Я только там от старого барина скрывался, господина Брыля, значит. Зачем же мне - да к молодухам подкатываться?

- Ну конечно! Еще скажи, они-де сами к кому хошь подкатятся, - хохотнул Лиго. - Травил им байки свои, поди?

- Да нет особо, - сказал Пеколс. - Так только, в картишки перекидывались, закусывали между делом.

- Между каким делом? - хитро улыбнулся Лиго. - Много ль пива выцедил под шумок, старый плут?

- Да я, сударь, только и приложился малость - даже усов толком не намочил, - обиделся старый слуга. - Тем более, не возбранено. И как же его не пить, ежели его подносят и подносят?

- Ну, смотри мне, - пригрозил Лиго пальцем.

- Что вы, что вы, - заторопился Прок, - я ж говорю, что только в картишки чуток перекинулись - и всё. В чупрундырь играли - никакого непотребства.

Лиго быстро взглянул на слугу, хитро улыбнувшись. Затем, немного повременив, спросил:

- Ты скажи, старина Пеколс, ты вот волколака видал живьем хоть однажды?

- А как же, сударь, - ответил Прок. - Видал, конечно. Пока вы изволили по кабачкам с друзьями шастать...

Лиго метнул на него гневный взгляд - слуга мгновенно поперхнулся, кашлянул и тут же исправился:

- В смысле, сударь, со школьными сотоварищами науки изволили одолевать в храме, - и спрятал в бороду хитрую улыбку. - В Вольный град дружинники Великого Князя привозили как-то в клетках эту нечисть. Говорят, вылавливают время от времени мерзость эту по закраинам княжеских земель. Так что да, повидал я их немного. Приятного, смею заметить, мало, сударь - рычит, воняет, глазищи так и сверкают. А зубы у них! Зубы, сударь мой, величиной с полруки - так и скрежещут, так и скрежещут...

- Будет тебе заливать, Пеколс, - отмахнулся Лиго. - Где ты их видеть-то мог, коли всё время пропадал со своими склянками да мензурками? Завонял, поди, не один постоялый двор в Вольно-граде - только и успевал оправдания мне сочинять, почему там-де и там неудобно ему обитать было. Ты хоть здесь вот, в Пригорках,

не чади, ради всех светлых Богов - а то еще хватит ума-то в самом деле. Не то дядюшка Брыль тебя живо взашей из поместья нагонит - будешь потом бирюковать по чащам, дымом своим комарье да мошку по болотам отпугивать.

- Эх, сударь, - вздохнул Пеколс, - неужель вы отдадите старого Прока на расправу? Я ж вам верой и правдой завсегда! Тем более - кому? Кто взаправдашний хозяин хутора - тут еще, сударь, разобраться надо, ежели что...

- Ты вот что, Прок, не суй нос, куда тебе не следует! - сердито оборвал его Лиго, сверкнув глазами. - Не твоего ума это дело, вот как я тебе скажу. Ясно?

Прок прикусил язык. Беседа явно не клеилась.

Как раз эту минуту запыхавшийся ратник и ворвался в залу:

- Идут! - сказал он. - Чужаки у ворот!

Бортень вскинул голову на вошедшего. Оцепенение как рукой сняло. Мгновенно вскинулись остальные дружинники воеводы.

Бортень и Брыль выскочили во двор - за ними поспевали остальные. Двор весь пришел в настороженное движение - тихо, но споро сновали ратники, придерживая от лязга оружие. Сторожевые на вышках и у ворот пришли в напряженное ожидание.

- Стой! Кто идет? - громко повторил свой вопрос Хват, стоявший на часах.

Цокот копыт стих. Сквозь приглушенное лошадиное всхрапывание раздались спорящие тихим шепотом голоса. Затем смолкли и они.

- Будете молчать - стреляю! - грозно предупредил земник и вскинул самострел.

- Погоди, не стреляй - сейчас выйду! - раздалось в ответ и послышались шаги.

На свет факелов из темноты вышел приземистый кряжистый мужичок в грубом войлочном колпаке. Хитро склонив голову набок, он лукаво спросил у сторожевого:

- Никак, Хват?

- Он самый, - отрезал было земник, но, присмотревшись к ночному гостю, весело присвистнул:

- Ба! Да никак старина Лотарь припожаловал!

- Ага, я, - кивнул словоохотливый паромщик. - Тоже он самый. Со всех сторон я - больше ить некому!

- А что это тебя в такую-то пору принесло?

- Ну, положим, не что - а кто, - подмигнул перевозчик и спросил: - Так пустишь - али как? Дело важное, отлагательств не терпит.

- Ты сам, что ли? Чего это тебя нелегкая к нам посреди ночи

занесла? Волков испугался?

- Ты бы, Хват, не зубоскалил здесь со мной у ворот, а кликнул бы старика Брыля - дело есть одно, весьма важное, и не нашего с тобой ума, вот что я тебе скажу.

- Ну погоди пока там, - сказал сторожевой и, перегнувшись во двор, крикнул: - Пришел Лотарь, перевозчик, скорей всего, не сам. Требует самого вирсайта. Видать, дело серьезное.

Брыль отозвался из темноты:

- Здесь я, Хват! Что там стряслось?

- Вы бы поднялись, сударь, сюда на вышку, - сказал сторожевой. - Да и потолковали бы с ним сами.

Брыль, пыхтя и сопя, полез на вышку. Взобравшись наверх, он взял факел и, склонившись вниз, осветил хорошенько ворота.

- Толк! Ты, что ли? - спросил вирсайт, разглядывая пришедшего.

- Да, господин Брыль, это я! - крикнул перевозчик. - Дело есть важное - к вам как раз. Вы уж извините, что посреди ночи вот так - но отлагательства не терпит.

- Ты сам? Или привел кого? - спросил Брыль.

Однако перевозчик только открыл было рот, но ответить так и не успел. Из темноты на освещенный участок выступил гонец и сказал:

- Дорогу и путь!

И, не давая опомниться вирсайту, продолжил:

- Я - Альгис, гонец его светлости Великого Князя! Нас только двое - откройте ворота!

Брыль от удивления чуть не свалился с вышки и только и успел, что охнуть, скатываясь вниз:

- Батюшки-светы! Что же стряслось-то? Вот так-так!

Неожиданный визит княжеского гонца в такую пору мог смутить кого угодно, а не то что увязшего по уши в хуторских хлопотах и ежедневных заботах старого барздука. Впрочем, времени на раздумья особо не было и Брыль, мигом спустившись с вышки, махнул рукой, чтобы ратники открыли ворота.

Отодвинув скрипучие тяжелые засовы, земники впустили ночных посетителей во двор.

- Ого! - весело сказал Лотарь, заглянув во двор и увидав множество вооруженных барздуков. - Вы с кем это здесь воевать собрались?

Оба ночных гостя вошли в арку и очутились посреди двора в окружении земников. За гостями тут же со скрипом закрылись массивные дубовые створки ворот.

Альгис стоял, держа под уздцы коня, и смотрел на барздуков несколько удивленно. Он был на добрых две головы выше любого

из них, а потому и самим земникам казался каким-то великаном. Те же, в свою очередь, молча и несколько настороженно рассматривали его.

- Ужель это вы, сударь? - изумленно прогудел сочным басом толстый, словно кадушка, один из барздуков и, пыхтя, заспешил к гонцу.

- Вы ли это, сударь Альгис? - спросил он. - Что это вас занесло к нам в такую нелегкую пору?

Гонец в полумраке обернулся на голос - его брови удивленно вскинулись вверх.

- Воевода Бортень! - изумленно и в тоже время довольно радостно воскликнул он. - Не может быть! Вот уж и вовсе не чаял вас встретить - тем более здесь!

Гонец обвел рукой вокруг.

- Именно так, сударь, это я, - сказал Бортень. - Я заехал сегодня повечерять к своему старому другу Брылю, вирсайту этого хутора. Так что вы, сударь Альгис, совсем не обознались, нет!

- Большая удача, смею заметить, - сказал гонец.

В его голосе чувствовалось, что настороженность и напряжение последних часов постепенно уходят.

- А что стряслось-то? - спросил Бортень.

- А у вас что за тревога? - в свою очередь спросил у воеводы Альгис, указав вокруг.

- Ну, как вам сказать, - улыбнулся Бортень. - Тревогу подняли дозорные - был волчий вой. А время, сейчас, сами знаете ли, неспокойное.

- Услышали волчий вой? - переспросил Альгис. - Да, это за мной волколак по пятам шел - насилу оторвался от него на переправе. Но думаю, сюда он не сунется - он остался на той стороне реки.

- Как знать, как знать, - сказал Бортень. - Так выходит, и сигнал был ваш, сударь?

- Да, воевода, это я трубил - вот этому бездельнику, - и гонец указал на Лотаря.

Перевозчик, ухмыляясь, стоял немного в стороне.

- Тогда уж позвольте вас, сударь Альгис, познакомить с вирсайтом этого хутора, господином Брылем Бирзулисом, - сказал Бортень. - А это племянник его, Лиго Бирзулис, сын воеводы Лютня, хвала его имени. Лиго, смею заметить, только сегодня вернулся из Вольного града.

Земники чинно раскланялись гонцу.

- Это - Альгис, гонец его светлости Великого Князя, - сказал Бортень, представляя ночного гостя, - из древнего рода Шварнов,

с коими неоднократно воевода Лютень бился рука об руку в славные старые времена.

- Да уж, удачно я сюда свернул, - сказал гонец. - У меня, воевода, крайне важное сообщение для наместника Земиголья, господина Кориата Довмонтовича. Но вам оно, думаю, будет как нельзя более нужным и необходимым. Боюсь только, что и не совсем приятным - если не сказать больше.

- Пойдемте в дом, сударь, - сказал Брыль. - Здесь нам вовсе не к лицу общаться. Да и вы, поди, устали сильно с дороги. Так что будьте моим гостем, сударь Альгис. Прошу вас, проходите.

Барздук слегка поклонился и указал на дом, пропуская вперед гонца.

- А здесь кто-нибудь знает, как обращаться с конем? - спросил тот, несколько недоверчиво поглядывая на земников.

- За коня вашего не беспокойтесь, сударь, - улыбнувшись, сказал вирсайт. - Ежели мы живем в лесных чащобах и в людской мир свой нос суем мало, то это вовсе не означает, что мы и коней-то в глаза не видывали. У нас и у самих свои лошадки водятся, пони которые. Они поменьше вашего конька будут, конечно, но в стойле, думаю, место и для него найдем без труда.

Гонец с облегчением передал поводья слуге.

- Простите, сударь, - сказал Бортень, - так получается, что тревогу из-за вас и подняли? Один хоть был волколак-то?

- Да, волколак был один, - ответил Альгис. - Если бы я нарвался на их стаю, то думаю, я бы сейчас не имел чести беседовать с вами, господин воевода.

- Так что же вас занесло к нам в сей хладный час в такую лихую пору? - спросил польщенный Бортень, идя рядом с гонцом.

- Увы, срочные вести, господин воевода, - сказал Альгис. - И, увы, крайне мрачные.

- И насколько мрачные? - спросил Бортень.

- Вам так не терпится узнать, сударь? - быстро глянул на него гонец. - А где же знаменитые на весь Неманский край гостеприимство и хлебосольство земников?

- Я думаю, сударь, что вас бы не послали за тридевять земель потайными путями, да еще в такую пору, будь эти вести просто срочными, - заметил Бортень. - А также мне сдается, что сия новость касается и меня также - ибо вы были приятно удивлены, завидев меня среди местных барздуков.

- Вы правы, господин воевода, - кивнул Альгис. - Хотя эту весть я в первую очередь должен был донести до Кориата Довмонтовича - но уж вы точно были бы первым, узнавшим ее от него.

- Так за чем же тогда дело стало? - повернулся к нему

Бортень. - Уж поверьте моим седым власам, гостеприимство и хлебосольство нашего племени никуда не делись - в чем вы вскорости и убедитесь самолично, сударь. Но уж два слова перед трапезой вы можете мне сказать?

Альгис оглянулся. Буквально позади их шли Брыль с Лиго, чутко вслушиваясь в беседу. Гонец вопросительно глянул на воеводу.

- Собственно говоря, сударь, вы в гостях у рода Бирзулисов, - ответил Бортень. - А уж более надежных барздуков наша земля пока еще не носила. Можете говорить смело!

Остальные земники шли несколько поодаль и не могли услышать разговор.

- Ну что ж, - сказал гонец, - раз уж вам не терпится всё разузнать сейчас же, я, так и быть, скажу вам эти два слова.

И гонец произнес их шепотом - но шепот этот был подобен скорее раскату грома, внезапно обрушившемуся на земников.

- Аркона пала... - тихо сказал гонец.

ГЛАВА 7

УТРО

Утро выдалось туманным. Еще только развиднялось, и слабые отблески рассвета тайком заползали бледными лучами сквозь слюдяные оконца горницы. Клочья сивого тумана помалу истаивали под набиравшими силу родничками света, весело струившихся в отсветах утренней зари. И хотя густая молочная жижа прохладного воздуха пока еще явно и зримо окутывала всё окрест, она шаг за шагом уступала свои права нарождавшемуся утру. Волглые сырые космы тумана потихоньку прятались в лесных низинах и распадинах, притаиваясь там до следующего вечера, а на смену им из-за окоёма выливались розоватые хвосты пока еще невидимого солнца. День обещал быть чистым и ясным.

Лиго еще крепко спал после тревожной и насыщенной событиями ночи. Ему снилось всё подряд и вперемешку: дорога на хутор, встреча дядюшки и тётушки, приезд воеводы с дружиной. Потом в эти сновидения каким-то непонятным образом вплетались волколаки, преследовавшие его по лесам с леденящим душу воем, скачущий гонец с обнаженным мечом, и полыхающее пламя, нещадно пожиравшее древние языческие храмы. Затем вдруг ни с того ни с сего Лиго оказывался на пароме перевозчика посреди лесной реки, а вокруг, прямо на плоту, шумно пировали земники.

Однако в его сон постепенно проникал какой-то постоянный назойливый шум, раздававшийся из-за двери.

- Не пущу! Не пущу, хоть ты тресни! - раздавалось сквозь

тяжелую дремотную одурь в голове земника.

Послышалась какая-то возня, и снова раздался тот же ворчливый голос:

- Не пущу! Барин спит еще!

Сквозь наваливавшийся сон Лиго с трудом расслышал, что это голос старика Пеколса, с кем-то пререкавшимся за дверью.

- А я говорю - пустишь! - звонко и с напором отвечал ему чей-то веселый голос. - И причем, сию минуту же пустишь!

- Не пущу, пропади ты пропадом, окаянный! - огрызался Пеколс. - Вот же принесла тебя нелегкая на мою голову! Иди себе по-хорошему!

- Ты что же это, дурья башка, мне перечить вздумал? - говорил тот же голос. - А как у меня приказ воеводы - так что, снова на своем стоять будешь?

"Какой еще приказ воеводы? - подумал Лиго, борясь со сном. - Что за чертовщина? Приснится же такое поутру..."

И земник повернулся было на другой бок, покрепче натянув на себя одеяло, как в этот момент раздался сухой и резкий треск - это задрожала под чьим-то напором дверь.

- Что ж ты творишь-то, оглашенный? - глухо и сердито вскрикнул Пеколс. - Разбудишь ведь барина!

- Ну и славно! - отвечал голос. - Я затем сюда и послан был, чтоб его растолкать.

- Да на кой ляд оно тебе сдалось-то, окаянная твоя душа? Что ж ты устраиваешь тут ни свет ни заря?

- У меня приказ воеводы, - упрямо отвечал голос. - Буди давай сам своего барина - а не то я вверх тормашками весь дом подниму!

И в дверь снова раздался громкий настойчивый стук.

"Какого еще рожна?.." - ошалело подумал Лиго, подскочив на кровати. В этот миг он ясно понял, что поспать сегодня, видимо, больше так и не удастся.

- Уйди, охальник, чтоб тебе провалиться прямо здесь! - ругался Пеколс. - По своей балде лучше постучи, чурбан неотесанный!

- Открывай давай двери! Живо!!! - заорал голос.

И снова раздались возня и шум борьбы.

"Что за тарабарщина какая-то?" - подумал Лиго и, спустив с кровати свои босые ноги, так и пошел прямиком к двери, сонно зевая и почесывая взлохмаченную голову. Смачно зевнув еще разок на пороге и кое-как протерев слипающиеся глаза, Лиго с треском распахнул двери и осоловело уставился в коридор.

На пороге возились Пеколс и какой-то молодой земник в сбруе дружинника из свиты воеводы. Причем последний настойчиво пытался оттереть от двери упиравшегося изо всех сил старого слугу. От распахнутой настежь двери борьба мгновенно прекратилась.

- Что за балаган поутру здесь творится? - зевая и почесываясь, спросил Лиго.

Пеколс виновато заморгал глазами, глядя на хозяина.

- Здрасьте! - громко и весело, с наглой лукавиной в голосе сказал дружинник. - Никак, встать уже изволили, сударь? Да еще сами? Ну наконец-то!

И он, легонько оттолкнув вцепившегося в него слугу, язвительно отвесил нарочитый поклон до самой земли:

- Наше вам, с кисточкой!

И расплылся в насмешливой улыбке.

"Да кто он такой? - подумал Лиго, с недоумением глядя на эту сцену. - Как его зовут? По-моему, я его вчера уже видел... Да как же его звать-то?"

И вдруг Лиго точно жаром обдало - в один миг сон как рукой сняло. Он вспомнил весь вчерашний вечер, застолье, и, в особенности, свой разговор с Бортнем о службе.

"Мартин! - всплыло в голове у Лиго. - Его зовут Мартин! Боги мои!!! Я же вчера записался в дружину воеводы!"

- Ну что, сударь, вспомнили меня? - с поддевкой в голосе спросил дружинник. - Гляжу, прояснение у вас в голове наступило.

Лиго ошалело смотрел на него и глупо хлопал глазами. Он чувствовал, как от стыда краска заливает его щеки.

Мартин оглянул его оценивающим взглядом с ног до головы и процедил сквозь зубы:

- Нечего сказать, хорош! Тоже мне еще, горе-егерь выискался - эдак всю службу проспишь.

И, сделав паузу, вдруг звонко и четко хорошо поставленным голосом отвесил:

- Даю вам, сударь, ровно три минуты на сборы! Жду внизу!

И, круто развернувшись, ушел.

Пеколс стоял, разинув рот и хлопая глазами.

- Что он, сударь, вам указания раздает? - спросил старый слуга. - И какой такой егерь?

Лиго какой-то миг стоял, словно впав в забытье. Затем вдруг резко встрепенулся

- Прок! Воду давай - умыться надо! - резко сказал Лиго. - И побыстрей пошевеливайся!

- Но, батюшки-светы, ведь... - заикнулся было ничего непонимающий Пеколс.

- Никаких ведь! - отрезал Лиго. - Некогда, Прок. Не сейчас. Все вопросы - потом.

И молодой барздук метнулся в комнату.

Умывшись на скорую руку, Лиго бегал по комнате, одеваясь на ходу и раздавая указания слуге. Новость о том, что хозяин записался в княжеские егери к воеводу Бортню, ошеломила Прока..

- Но, сударь, как же так? - недоуменно лепетал Пеколс. - Вы же ведь только вчера приехали домой. А как же усадьба? Как же хутор?

- Не знаю, - беззаботно пожал плечами Лиго, прыгая в одной штанине по комнате и торопливо пытаясь совладать со второй.

- Да Бог с ней, с этой усадьбой, - сказал наконец Лиго, подпоясываясь расшитым старинным узорочьем земниковским поясом. - Потом как-нибудь разберусь - никуда она от меня не денется. Да и дядька Брыль получше меня с ней совладает.

- Но, барин, а как же я? - тихо спросил Прок. - Мне-то куда деваться?

Лиго на мгновение замер.

- Хм, действительно, - задумался он. - А с тобой, дружище, я даже не знаю, что и делать. Со мной поедешь?

- Конечно, сударь! - радостно ответил Прок. - С вами хоть на

край света, барин!

- Ну, вот и славно, - сказал Лиго. - А затем разберемся, что да как. Хотя погоди...

Пеколс, метнувшийся было собирать вещи, насторожился.

- Тут, Прок, понимаешь, вот какое дело, - сказал Лиго. - Я даже не знаю, а положено ли княжескому егерю иметь слугу? Не засмеют ли меня?

И Лиго почесал затылок:

- Надо бы спросить у воеводы.

И, повернувшись к слуге, бросил второпях:

- Да ты не расстраивайся, Прок - что-нибудь да придумаем для тебя. Собирай вещи пока - а там глянем.

Однако глядеть было уже некогда - в этот момент раздался раскатистый зычный сигнал старинного рога, пронесшийся над утренним лесом и хутором земников. А вслед за ним - команда мощным гласом воеводы Бортня:

- По коням!!!

Лиго подскочил, как ужаленный, и, схватив свой дорожный плащ, стремглав побежал вниз, закалывая его на ходу и не оглядываясь.

Двор хутора гудел, словно растревоженный улей, а сам воевода напоминал скорее старого пасечника, окуривавшего своих пчел. Из стойл выводили уже оседланных коней, туда и сюда метались дружинники воеводы вместе с вооруженными слугами Брыля, а остальные проснувшиеся обитатели хутора глядели во все глаза на происходящее. От этого движения со всех сторон у Лиго на какой-то миг даже слегка закружилась голова.

- Ишь ты, успел! - насмешливо сказал кто-то сбоку.

Лиго повернулся и увидал Мартина, который стоял, слегка развалясь, и пожевывая соломинку. Дружинник осматривал Лиго, тая в глазах лукавые смешливые искорки.

- Ну, сударь, ваше счастье - вы только что избежали наряда, - сказал дружинник, и, круто повернувшись, бросил через плечо:

- За мной!

И зашагал в сторону стойла. Лиго поспешил за ним.

У входа в конюшню Мартин взял у подскочившего слуги двух коней под уздцы и, передав одного из них подошедшему Лиго, издевательски спросил:

- Надеюсь, сударь может держаться в седле?

Лиго хотел было огрызнуться, но вместо этого, гневно сверкнув глазами, резво вскочил в седло.

- Ну что ж, хоть это радует, - поддел его Мартин и добавил: - Только в следующий раз, сударь, извольте вставать вместе со всеми и седлать своего коня самим! Княжеский егерь - не только

сам себе господин, но также и сам себе слуга! Запомните это, сударь!

И, хохотнув, сам лихо взлетел в седло и тронул поводья. Конь, фыркнув, тронулся с места.

- Держитесь меня в строю, сударь, - сказал Мартин и направил коня в сторону выстраивавшегося отряда.

Проезжая мимо дружинников, Лиго исподволь разглядывал этих суровых бородатых земников, охранявших лесной край от всякой нечисти. Однако тем, казалось, и вовсе не было никакого дела до знатного отпрыска, лишь прихотью воеводы причисленного к их отряду. Сам Бортень, взгромоздившись на своего мощного лохматого лошака в богатой сбруе, что-то выслушивал вполуха от старшего дружинника, слегка наклонясь к нему в седле.

- Лиго, мальчик мой! - радостно окликнул Брыль, также восседавший на коне.

Тучная тетка Магда стояла рядом, держа мужнину руку, охала и стонала, прощаясь с ним.

- Да будет тебе, Магда! - сказал ей Брыль. - Я, поди, не на войну-то еду - а всего лишь на Вечевой Круг. Так что вернусь скоро.

Тут тетушка также завидела Лиго и заохала громче обычного.

- Лиго, Лиго, дитятко, - стонала Магда, - куда же тебя-то? Не успел ребенок домой возвернуться - как уже снова уезжает.

- Да хватит тебе! - сердито цыкнул на нее Брыль. - Ты посмотри лучше, какой он красавец - сидит, как влитой, на коне.

Лиго слегка зарделся и хотел было что-то ответить, но в этот момент его заприметил Бортень и, окинув взглядом с ног до головы, одобрительно хмыкнул:

- Успел, отрок.

У Лиго еще больше покраснели уши, но он, невзирая на сердитый взгляд Мартина, подъехал к Брылю.

- Дядюшка, - позвал Лиго.

- Да, мальчик мой, - сказал Брыль, - ты узнать что-то хотел?

- Именно, дядюшка. Я на счет Пеколса...

- А что с ним? - удивился Брыль. - Захворал, что ли?

- Нет, слава Богам, он здоровёхонёк!

- Ну а что тогда приключилось?

- Да я, собственно, хотел спросить - ему можно со мной? Привык я как-то к старому слуге за столько лет. И всё это время мы были вместе.

-Да уж, вот незадачка, - сказал Брыль и поскреб затылок. - Спрошу-ка я у воеводы.

И дядюшка, тронув стремена, подъехал к Бортню и что-то

зашептал ему на ухо. Тот сперва недоуменно слушал, затем воззрился на Брыля и наконец громко расхохотался. Брыль опять что-то горячо ему зашептал - Бортень упрямо мотнул головой. И, не обращая более на него никакого внимания, тут же повернулся к сигнальщику и зычно скомандовал:

- Трубач! Труби в поход!

Заливистый звонкий голос серебряного горна проиграл старинный сигнал. Заскрипели ворота, зазвенела сбруя, зацокали копыта коней, затрепетали на ветру разноцветные воинские флажки - и отряд земников, ощетинившись копьями и мечами, гибкой лентой потянулся из поместья. Обитатели хутора провожали дружину, смотря вслед широко раскрытыми восторженными глазами.

Мартин твердой рукой дернул за узду коня Лиго и направил рядом с собой, более не разрешая тому нарушать походный строй. Лиго сквозь поднявшуюся куряву увидел смешавшийся взгляд Брыля - и тот тут же исчез среди бородатых лиц, древков копий и острых наконечников шлемов. Лиго растерянно закрутил головой, пытаясь крикнуть дядюшке что-то насчет своего слуги - но в поднявшемся походном шуме всё было тщетно.

- Запе-вай! - громко скомандовал кто-то впереди.

И тут же один из дружинников звонким голосом завел:

Из-за леса,

Леса пик и мечей,

Едет сотня лихачей,

Усачей!

И ему в ответ рявкнули десятки глоток, залихватски подхватив песню с удалецким присвистом:

Едут, едут воевать,

Воевать!

Край родимый защищать,

Защищать!

Звуки походной песни заглушили собой весь остальной шум, разбив все надежды Лиго получить хоть какой-то ответ на свой вопрос.

Когда последний дружинник из отряда выехал в ворота, и постепенно улеглась пыль, посреди двора остался стоять лишь один старый земник с вечно взлохмаченными волосами. Прок Пеколс смотрел вслед удалявшемуся отряду, растерянно открыв рот.

ГЛАВА 8

ДОРОГА В ЛЕСУ

Солнце перевалило за полдень. Дружина земников

растянулась длинной вереницей по лесу и извивалась гибким ужом по широкой проторенной дороге хвойного бора.

Ехали неспешно среди звенящей духоты светлого сосняка. Вокруг, на сколько хватало глаз, вздымались ввысь могучие стволы с золотыми слезинками смолы средь заматеревшей от времени и невзгод потрескавшейся коры. Где-то там, в вышине сосновых крон, упиравшихся в бездонную синь, тревожно гудел ветер и волок по небу ярко-белые взлохмаченные облака. Но сюда, вниз, доходил только слабый отзвук извечного спора ветра и сосен. Иногда крепкий порыв прореживал от сухих сорных ветвей верхушки деревьев, и они с треском роняли вниз отжившие свое старые сучья. Копыта коней глухо били в толстый ковер смолистой хвои, обильно рассыпанной вокруг.

Бортень и Брыль ехали рядом, неслышно для остальных переговариваясь между собой. Два соседа вспоминали прошедшую тревожную ночь и нерадостное известие гонца. Альгис ускакал к наместнику еще ранним утром, до восхода солнца, и оставил воеводе и вирсайту беспокойство на душе.

Когда гонец тихо сказал всего два слова - "Аркона пала..." - их также услышали и стоявшие рядом. И эти два слова, произнесенных еле слышным шепотом, прозвучали для земников оглушительней всех раскатов грома. Еще не веря услышанному, Бортень на какой-то миг замер, а затем беззвучно спросил одними только глазами: "Ужели правда?.." Но ответом ему был холодный и каменный, будто скала, взгляд княжеского гонца. И тогда старый воевода с упавшим сердцем вдруг четко и ясно понял, что правда... Стылый холодок тревоги и страха перед внезапно нахлынувшим мрачным неведомым предательской струйкой пополз по спине - впервые за многие годы.

Аркона... Святое и светлое слово для всего Великолесья, раскинувшегося от холодного Свияжского моря до знойного Дикого Поля на дальнем юге. Извечная обитель светлых богов, великий град на закраине мира, стоявший незыблемо сотни веков.

Там, за бесконечными лесами и песчаными берегами с пенистыми шапками прибоя, лежал посреди холодных вод студеного моря сказочный остров Руян, воспетый в издревних преданиях. Умудренные старостью сказители и седые волхвы ведали, как вечная птица Рарог подняла со дна морского дивный остров, ставший изначальной твердью земной, и обронила на нем зерно первоцвета, из которого выросло до синевы святых небес великое Предковечное Древо. Крона его упиралась в заоблачные чертоги Сварги, где обитали светлые боги, а корнями своими оно уходило в непостижимую разумом земную глыбь, к самой

сердцевине мира.

На месте того первого Предковечного Древа спустя многие века был отстроен волшебный град Аркона с дивным храмом Сварогу-Святовиту, где денно и нощно вокруг неугасимого живого огня несли свою почетную стражу священные волхвы. И пока стоял четырехликий идол среброусого Святовита и взирал окрест, незыблемы были устои светлого мира.

Не единожды злые силы разбивались о северную твердыню волхвов - но так ничего и не могли поделать с могучими чарами древних ведунов. И казалось, что так будет всегда - во веки веков стоял и будет стоять град Аркона, дивный храм и многоглавый кумир Сварогу. Это будет также незыблемо и вечно, как вечно и незыблемо лежит бел-горюч камень Алатырь с отпечатком стопы Вышня Святовита, всевышнего бога, когда он спускался в незапамятные времена на остров Руян посмотреть земную твердь. Глыбу ту каменную от этого следа нарекли Стопень-камень, и почитали сей отпечаток стопы божьей наравне с идолом самого Сварога.

А потому и руяне, жители острова, считали себя не просто внуками солнцеликого Дажбога, как и все склавины, а возводили свой родовод к самому соколу Рарогу, который и есть Сварог, хозяин Сварги, отец богов и прадед всех людей, названный ими Святовитом. За великую честь почитали ближние и дальние народы породниться с рарогами-руянами, и смешать свою кровь с их священной кровью.

И не иначе как самым сатанинским умыслом можно назвать случившееся с Арконой, рожденное в изуверских умах меченосцев на дне самых темных подземелий их мрачных замков. Соседний с Руяном князь племени данов, конунг Вальдемар, плативший доселе посильную виру склавинам, был исподволь очарован лиходейскою волшбою меченосцев. Сам конунг этот был дальним потомком одного из прославленных ругов-руян, ушедших сперва за море на восток в таинственную Гардарику, а затем оттуда на юг, в неведомое Дикополье, где основал со своими братьями великую некогда державу Русколань. Спустя века, когда слава той южной склавинской державы гремела по всему Великолесью, и перед ней склоняли свои гордые выи далекие и близкие страны, один из ее князей, названный владыкой мира, или, по-склавински, Влади-Мир, породнился со многими правителями закатных и северных стран. Так священная кровь рарогов-руян, растворенная во многих поколениях, совершила свой полный круговорот и вернулась к своим истокам, на студеные берега Свияжского моря. Потомок того давнего Владимира, названный в честь своего далекого предка Вальдемаром на местном наречии,

стал конунгом норманнского племени данов. А князь руян Яромир, памятуя его происхождение, считал его братом.

Неведомы доселе истоки зла и его потайные тропы. Когда и как оно зарождается, где вызревает в человеческих душах, исподволь отравляя их ядом своих мерзких желаний? Но шаг за шагом и капля за каплей оно подтачивает основы доброты, изначально присущей всему живому. И вот однажды заблудшая душа преображается полностью и бесповоротно, окончательно принимая сторону зла.

Так случилось и с конунгом данов Вальдемар, потомком южного рода ругов-руян. Никто не знает, где и как он попал в хитрые ловушки коварных меченосцев, и когда именно он встал на сумрачный путь зла. Но однажды он прибыл в Аркону со своей свитой по приглашению князя Яромира, и после обильного пиршества, в ту страшную грозовую ночь, открыл меченосцам ворота в древний град. Ворвавшийся враг учинил кровавую бойню. Аркона запылала со всех сторон - а меченосцы убивали руян, метавшихся в багровых отблесках пожарищ. Немногие тогда спаслись из дьявольской западни. Огонь выжег дотла волшебный град и дивный храм Святовиту, а седовласые волхвы пали, защищая его до последнего дыхания.

Чуть живой от нанесенных в кровавой битве ран и увечий был взят постыдно в плен князь ругов Яромир. Когда первые, еще блеклые, солнечные лучи осветили пепел пожарищ, и властитель руян увидел опустошительный разгром и осквернение древних святынь, по его иссеченному шрамами и морскими ветрами лицу скатились скупые мужские слезы. Змеиной тихой поступью к нему подошел один из магистров Ордена меченосцев и своим вкрадчивым голосом из-под черного забрала омерзительного рогатого шлема сказал:

- Это последнее, что узрели твои глаза, князь!

И громко расхохотался.

Яромир дернулся было к нему в праведном гневе, намереваясь раздавить скользкую гадину - но его крепко держали темные рыцари мертвой хваткой. Князь от бессилья заскрипел зубами. Магистр взмахнул рукой из-под широкого черного плаща, подав условный знак - князя тут же повалили на землю и ослепили. Однако напрасно служитель зла надеялся услышать от него слово мольбы или хотя бы стон - Яромир не издал больше ни звука. Тогда отвратительное лицо меченосца исказила страшная гримаса, и он люто прошипел:

- Бросьте его в подземелье моего замка - и пусть память о нем сгниет вместе с его костями!

Развернулся - и огромным черным нетопырем пошел прочь...

Когда через несколько дней весть о падении Арконы достигла Великого Княжества Неманского, из стольного града Ковно во все стороны засобирались гонцы со страшным известием. Всем было ясно, что грядет не просто новая война с меченосцами - а что вскорости сатанинский Орден навалится всей своей злобной мощью на еще свободные от его власти земли. Но в тот же самый день, когда весть о разрушении Руяна объединенной ратью данов и меченосцев докатилась до Ковно, из орденских земель к Великому Князю прибыл гонец, и, недобро и нагло усмехаясь своими рысьими глазами, вручил правителю неманской державы от совета магистров Ордена меченосцев запечатанную сургучом грамоту. В ней высшие иерархи Ордена приносили свои лживые соболезнования в связи с событиями в Арконе и тут же лицемерно сожалели, что их войска прибыли туда слишком поздно, чтобы предотвратить, как было написано в грамоте, кровавую междоусобную распрю данов и руян, приведшую к таким плачевным и разрушительным последствиям. Черные рыцари всячески порицали и осуждали вероломство конунга Вальдемара и даже озаботились судьбой князя ругов Яромира, сгинувшего после взятия Арконы неизвестно куда, а также обещали приложить все усилия, дабы впредь не допускать таких ужасающих событий. И для этого Орден предлагал заключить с Великим Княжеством военный союз, называемый Унией, и клялся князю в вечной дружбе и искреннем миролюбии. А в знак доброй воли и согласия на таковой договор, совет магистров Ордена просил Великого Князя принять от себя советников, как было написано, по всем вопросам с неограниченными полномочиями, а также разрешить беспрепятственное и свободное перемещение любых отрядов меченосцев по всем дорогам Великого Княжества.

Неслыханно наглое и оскорбительное для княжеской чести предложение было зачитано вслух и встречено гробовым молчанием. Первым желанием Великого Князя было изорвать грамоту в клочья - а гонца изрубить в куски. Однако это означало бы неминуемое объявление войны Ордену меченосцев. И коварные магистры не только наверняка были готовы к такому повороту событий, но, вполне вероятно, именно этого добивались и даже страстно желали. В таком случае они попросту могли обвинить уже самого неманского правителя в вероломстве - что, мол, на предложение дружбы и добрососедских отношений Великий Князь ответил убийством посла. Но к новой войне с меченосцами, случись она завтра, неманские земли еще не были готовы. Согласиться же с такими унизительными по своей сути предложениями означало попросту, без боя, сразу же отдаться во власть черного Ордена. Ничего не скажешь - ловушка была

расставлена весьма коварно, с расчетливой тщательностью и дьявольским умом.

Однако князь, потемнев лицом, но совладав с бушевавшей внутри бурей, ответил послу, что предложение это несколько неожиданное и его надо хорошенько обсудить, так как он, хоть и Великий Князь, но является верховным властителем неманских земель скорее по старинному обычаю и прадедовскому завету, нежели единоличным владыкой, а сами вотчины Великого Княжества управляются каждая на свой лад. Обсуждение и обдумывание столь серьезного и важного вопроса, а также вынесение решения по нему займет некоторое время. Однако в знак доброй воли и уважения к Ордену, великий князь тут же, не мешкая, разошлет гонцов во все стороны неманских земель с этой вестью. Великий князь сожалеет, что он пока не может до вынесения решения ни пропускать отряды меченосцев в силу постоянной распутицы и неухоженности из-за этого неманских дорог, ни покамест принять у себя орденских советников. Но он готов всегда и с радостью встречать и принимать в Ковно любое посольство от Ордена, дабы не было подозрений в нарушении перемирия и добрососедских отношений с его стороны. За сим великий князь сослался на свою чрезмерную загруженность делами и сухо дал понять, что более не задерживает посла.

Менее чем через час гонцы из Ковно помчались торными и неторными тропами во все вотчины и закоулки Великого Княжества. Всем было понятно, что князь просто-напросто тянет время перед лицом страшной угрозы, и будет собираться с силами. Однако выдюжит ли неманская земля натиска темных сил на этот раз, пока было неясно.

Непонятно это было и двум старейшинам земниковских родов, Брылю Бирзулису и Бортню Бубиласу, ехавшим бок о бок по лесной дороге на Вечевой Сбор. И тот, и другой думали о наставшей опасности и тихо вели неторопливую беседу.

- Мне кажется, сосед, тут одними лесными дозорами на кордонах уже не отделаешься, - сказал Брыль Бирзулис, придерживая своего не в меру торопившегося коня. - Придется доставать из сундуков запылившиеся секиры да кистени - и созывать ополчение.

- Ну, до ополчения сейчас, я мыслю, пока еще не дойдет, - задумчиво ответил Бортень. - Я вот думу думаю, что преподнесет нам Кориат Довмонтович, что для нас сообразит, старый лис?

- А что там думать? - сказал Брыль. - Он всё так по-хитрому обустроит, что быть теперь тебе снова воеводой, соседушка, в четвертый раз. Уж как пить дать - попомнишь мои слова. Да и то дело - кому как не тебе снова булаву взять? Одно дело воеводой в

мирное время быть, когда хлопот воинских не в пример меньше, чем хлопот по хозяйству. А они куда как приятней, нежели ратные дела. Ну и там почет, уважение и всё такое, что прилагается также. А иной расклад, когда лихо не сегодня, так завтра нагрянет. Тут уж, как говорится, не до жиру.

- Да я не о булаве хлопочу, - прогудел Бортень.

- А ты вот похлопочи! - перебил его Брыль. - Об этом как раз и надобно хлопотать!

- Да что булава? - сказал воевода и махнул рукой. - Так, безделица, да и только. Сила ведь не в булаве - а в руке, ея держащей.

- А что, неужели твои руки утратили крепость? - хитро улыбнулся хозяин Пригорок. - Ты вот только мне не заливай про это, ради светлого солнца.

- Я, друже, о силе душевной говорю, о нутряной. О ней беспокоюсь - достанет ли ее у меня?

- О как ты круто завернул! - удивился Брыль. - Нутряная сила. В точку сказано, хорошо.

И, смерив взглядом воеводу, спросил:

- А что, ты усомнился в себе что ли, сосед?

- Ни в себе, ни в крепости своей душевной я не усомнился вовсе, - ответил Бортень. - Но тут, ежели такая лихая напасть над нашими главами сгущается, не просто воевода нужен, что силой, и разумом, и духом кременным не обделен. Тут иное надобно - больше, нежели все это, вместе взятое.

- И что же это? - изумился Брыль. - Или кто?

- Витязь, - просто сказал Бортень. - Здесь надобен витязь. Тот самый, каким был воевода Лютень, хвала небесным богам. Вот уж воистину был великий и славный воин - я ему, увы, не чета.

Брыль даже не нашелся, что и сказать в ответ - возразить было нечего. Сказать, чтобы Бортень не уничижал себя - означало пойти супротив правды. А поддакнуть и согласиться, в свою очередь вроде бы как получалось, что Брыль и сам считает нынешнего воеводу никуда не годным, пусть и в сравнении с героями прошлого. И так, и эдак - сплошное неудобство выходило: куда ни кинь, всюду клин. И Брыль даже заерзал в седле от этих мыслей.

Однако Бортень на душевные терзания соседа не обратил ни малейшего внимания, ибо размышлял об ином, полностью погруженный в свои собственные думы.

- Витязь надобен нашему краю, - говорил воевода. - А такового, сколь я ни мыслил, нет среди нас. Или стары через меру, немощны, или слишком молоды и юны все те, кто мог быть витязем назван. Я вот сколь ни перебирал в памяти своей всех

воев нашего рода да ратников нашей дружины - не зрю я пока такого достойного, дабы всё в нем было в меру и как надобно. Кто вельми умен - того боги крепостью телесной малость обделили, а у кого силы через край - тому разумом изворотливей и смекалистей быть надо. А у кого и то, и другое в избытке имеется - у того стержень нутра хлипкий, ненадежный, кременного духа в нем нет. Или не выросли еще витязи в нашей земле - или, увы, срамота великая нам, что не взрастили мы сами таковых.

И Бортень тяжко вздохнул.

Брылю вдруг стало страшно жалко до самой глубины души своего соседа и давешнего друга, и, чтобы хоть как-то поддержать его, он сказал:

- Сосед, так тебе и сама судьбина навстречь! Ежели что, то ведь лихо-то это, напасть препаскудная, не завтра, чай, приключится? Есть ведь еще время-то!

- Время? А что время? - переспросил воевода.

- Как - что? - удивился Брыль. - Время есть еще. Почитай, даже предостаточно времени имеется, ежели посмотреть. Вот и воспитай, взрасти себе смену!

- Да из кого хоть? - мельком глянул Бортень из-под насупленных бровей на своего старого товарища. - Ума вот даже не приложу, в ком кровь течет такая, бьется в пульсе хоть каплей единой. Нет в сей час таких у меня на примете.

И воевода горестно махнул рукой, свесив лохматую голову.

Но Брыль в ответ потянул узду на себя - коренастый лошак слегка взбрыкнул под ним и остановился, громко зафыркав.

- Как это нет на примете? - возмутился вирсайт. - Так-таки и нет никого? Эх ты, старая твоя голова - подумай-ка хорошенько!

Бортень тоже придержал коня и обернулся:

- И кто же сей земник по-твоему?

- Как - кто? - удивился Брыль и хитро улыбнулся. - Так вчерась ты его в свои егеря и захомутал, соседушка. Забыл, поди, уже? Лиго ведь это - племянник мой.

- Лиго? - изумился в свой черед воевода и тут же встал, как вкопанный. - Этот бездельник и шалопай?

- А чем он тебе не по нраву, сосед?

- Чем? - расхохотался Бортень. - Да этот оболтус горазд только по кабакам шастать да молодым барздучкам под юбки заглядывать. Толку с него - на ломаный грош не наберется!

- А зачем же ты тогда его в ратники свои заграбастал, в дружину приписал? - побагровел Брыль. - Он и дня ведь одного даже дома не успел побыть!

- Как - зачем? Да затем, дабы он тебе под ногами не путался, дурья твоя борода! Ну возвернешь ты ему сейчас Пригорки -

дальше-то что? Обженить такого сорванца у тебя не выйдет. Намаешься только с ним.

И Бортень хлопнул по плечу своего соседа. Брыль только крякнул в сердцах и, не сказав ни слова, пришпорил коня.

Через минуту его догнал воевода и затрусил рядом на своем мохноногом, под стать себе самому, приземистом лошаке.

- Ну помысли сам, друже, каковский из него толк будет? - гудел Бортень на ухо вирсайту. - Я его и в дружину взял токмо из тех побуждений, что негоже отроку семейное имя Бирзулисов да славу батюшки его, Лютня, позорить, дома сидючи. Или, того хуже в стократ, срамоту на него наводить, в трактирах бражничая. А так пусть под приглядом будет - всё лучше. Озорной больно был он в младости, непоседливый - а толку так и не вышло: выросло ни то, ни сё. Думали ведь как - ежели не воином, то волхвом станет, вайделотом. А что получилось? Ты же сам ведаешь, владыка Куреяс отписывал ведь тебе постоянно, что нет у него интереса ни к наукам тайным, ни к чародейским познаньям. Знай себе сидит, в оконце пялится и грезит наяву. А пошто грезить-то? Не уразумею никак.

Брыль делал вид, что слушает в пол-уха - но возразить воеводе было нечего. Всё правда, как по писаному. Не удался Лиго в отца своего прославленного, воеводу Лютня, ни статью, ни обликом, ни повадками. Может, Бортень действительно дело говорит? Пусть будет лучше приписан к дружине, посидит себе еще несколько годков подальше от глаз и пересудов в дозоре где-нибудь, в чащобе да глухомани, чтобы срамоту неоправдавшихся надежд на славное семейное имя не наводить. А там глядишь, остепенится, войдет в сок - обженим его потихоньку на какой-нибудь ладной молодой барздучихе. Вот и выйдет всеми уважаемый семейственный и добропорядочный земник - ну и что с того, что нет той славы, что у его батюшки Лютня? Зато и грамоте обучен (и не где-нибудь - а при храмовой школе самого Криве-Кривайтиса - не шутка ведь!), и родовое имя очень даже известное, и зажиточное поместье впридачу имеется - всё чин по чину, как и полагается. Будет к зрелости и из этого шалопая самый взаправдашний вирсайт и глава древнего рода Бирзулисов. Так что прав Бортень - как ни крути, а всюду прав. Лучшего выхода сейчас для Лиго и не сыскать вовсе.

И Брыль обернулся посмотреть на своего племянника. Тот ехал неторопясь, почти в самом конце кавалькады, и беседовал с приставленным к нему молодым ратником. Брыль наморщил лоб: "Как бишь его зовут-то, дружинника этого? Ага, вспомнил! Вроде Мартином кличут. Ну-ну, пусть себе толкуют..."

И старый земник перевел беседу на хлопоты хозяйские - на

ожидаемый урожай да на заготовки в зиму. Однако воевода, погруженный в свои мысли, отвечал скупо и невпопад. Разговор явно не клеился, и Брыль под мерную рысцу своего пони, разморенный послеполуденным солнышком, стал погружаться в приятную полудрему.

***

- А что означает это кольцо, сударь? - спросил Мартин Бубилас, указывая на серебряный перстень на пальце Лиго.

Тот пожал плечами и ответил:

- Ровным счетом, ничего особенного. Это всего лишь отличительный знак, что я окончил школу жрецов-вайделотов при храме Кривайтиса. Такие кольца есть у всех, кто там учился или учится поныне.

- И что, у всех серебряные перстни? - спросил дружинник.

- Нет, конечно, - ответил Лиго. - Во время учебы школяры носят медные кольца. А поскольку каждый год обучения обозначен своей, особой руной, каждый следующий год на этом кольце выбивается новый знак. По такому перстню можно судить, в какой школе, при каком храме и сколько лет всего пробыл там этот ученик. А когда школяр заканчивает всё обучение, после сдачи выпускных испытаний ему выдают такое вот серебряное кольцо. Но это только после первого круга обучения - как у меня. Сами же волхвы-вайделоты носят уже не серебряные или медные кольца, а золотой перстень.

Мартин внимательно слушал своего собеседника. Всё услышанное для него было внове и вызывало у молодого ратника неподдельный интерес. И если поначалу с утра ему показалось, что ему навязли еще ту обузу, а сам Лиго - эдакий не в меру изнеженный и разбалованный барчук из знатного рода, то уже в течение нескольких часов совместной дороги Мартин с удивлением для себя отметил, что этот отпрыск прославленного воеводы вовсе не капризен и отнюдь не избалован, как это могло показаться с первого взгляда. За внешне ничем не примечательным и вполне обыденным обликом скрывался острый, хотя и не в меру мечтательный ум и хорошая смекалка, а также лукавая хитринка, нет-нет, да и проскакивавшая озорной искоркой в глазах Лиго. Но особенно Мартина поразила ученость молодого барздука, казавшаяся какой-то особенной и даже несколько таинственной в глазах выросшего в лесах и дозорах простого дружинника.

Лиго же в свою очередь также тайком присматривался к Мартину, к его ладным и гибким движениям, к его ловким ухваткам и самообладанию вполне уверенного в себе, хотя еще и довольно молодого ратника. Вчерашний школяр, так и не

наживший себе за всё время учёбы ни одного сколько-нибудь настоящего друга (если не считать, конечно, школьных приятелей по всевозможным проделкам и выходкам), чувствовал, что этот дружинник, приставленный к нему дядькой воеводой, нравится ему всё больше и даже вызывает в нем желание быть чем-то схожим на него. У Мартина было то, чего так не хватало Лиго - а у Лиго как раз в избытке было то, что вызывало самый неподдельный интерес у другого. Короче говоря, между этими двумя исподволь вызревало то чувство и то отношение друг к другу, что в итоге перерастает в самую настоящую и крепкую дружбу.

- А что означают эти руны? - спросил Мартин. - Ну, которые на кольцах. Они ведь неспроста там выбиты?

Лиго глянул на него и мельком улыбнулся - в роли наставника он был в первый раз.

- Тут дело вот в чем, - начал он. - В школе вайделотов всё обучение поделено на три круга. И чтобы получить звание высшего жреца при храме, необходимо окончить их все.

- И много ли времени требуется на эту науку?

- Конечно, много, - усмехнулся Лиго. - Каждый круг занимает девять лет обучения - восемь основных, обозначенных рунами первого круга, и один девятый, завершающий год, когда в течение его подводят итоги всему, что было изучено за это время. Каждый год носит имя своей руны - вот как первый, к примеру, обозначен руной Феху, что означает "богатство" или "сокровище" на древнеруническом языке.

- Богатство? - удивился ратник. - А какое богатство? Что это еще за сокровища такие?

- Волхвы имеют в виду, что все мы даже не подозреваем о существовании иных сокровищ, кроме привычных нам. Но настоящее богатство - это древнее знание вайделотов. И прикоснуться к нему - вот истинное открытие сокровищ.

Мартин хмыкнул и с интересом почесал затылок.

- А последний год тоже ведь как-то обозначен? Как называется он? - спросил дружинник.

- Последний, восьмой год, помечен руной радости - она же знак мудрости и мысли. Затем еще весь следующий, девятый год, волхвы смотрят на учеников и отбирают самых достойных для второго круга, а там - и для третьего, высшего. И в каждом кругу - также восемь основных и один завершающий год.

- Ого! Так это выходит, чтобы стать жрецом, нужно учиться трижды по девять лет? - ошарашено спросил Мартин.

- Ну да, почитай треть жизни, - кивнул Лиго.

Мартин присвистнул от удивления:

- Да уж, изрядно выходит, сударь!

- А ты как думал? - подмигнул ему Лиго. - Юность жреца только начинается, когда у обычных людей уже заканчивается зрелость - нам так в храме и говорили. Вот почему все до единого волхвы убелены сединами - кто больше, а кто меньше.

- Волхвы?

- Да, волхвы. Ибо звание волхва-вайделота дают только тем, кто прошел все три круга обучения полностью. Все же остальные - всего лишь младшие жрецы-зигноты, гадатели по птицам, звездам и воде.

- А вы, сударь, тоже зигнот? - немного опасливо спросил Мартин.

Лиго рассмеялся:

- Вовсе нет! Я окончил всего лишь первый круг - и на моем перстне это и начертано рунами.

- И что же они означают? - спросил ратник.

Лиго немного помолчал, а потом задумчиво ответил:

- Странник. Эти руны означают странника. Того, кто находится в самом начале пути - но может отправиться и дальше...

И, помолчав, добавил:

- Только вот куда? Вот в чем загадка...

Лиго задумался - этот разговор и расспросы молодого ратника о вайделотской науке вдруг напомнили ему недавнюю встречу в лесу со стариком Велемиром, а также его слова, полные недомолвок и тайн. Земник потрогал подарок волхва, и подумал о том, что так до сих пор и не удосужился как следует рассмотреть его. Хотя надо бы, поскольку вещь, без сомнения, обладает какой-то притягательной ценностью, хотя и вовсе не бросается в глаза. Вполне возможно, с ней связана какая-нибудь загадка или даже тайна. Что там говорил этот старик про вещи, которые приобретают чудесные свойства, когда побывают в пользовании у волхва? Интересно, какие же свойства у этой заколки? Вот-вот, надо бы проверить это каким-нибудь способом при первой же возможности, решил для себя барздук.

Тут Лиго смахнул с лица сиюминутную задумчивость и нарочито весело подмигнул своему собеседнику - но, как показалось Мартину, всё же с какой-то затаенной мыслью, спрятанной в глубине.

ГЛАВА 9

НОЧЛЕГ НА РОССТАНИ

К вечеру добрались до распутья двух дорог. В догорающих отблесках заката стали располагаться ночевкой на поляне,

сплошь усеянной огромными истрескавшимися валунами, на самой кромке густого темного леса. Дружина воеводы споро выставила вечернюю стражу и отправила дежурных по дрова. Вскорости из оставшегося за спиной сосняка дружно затюкали топоры и раздались веселые голоса.

Стреноженных коней пустили пастись на лугу под присмотром молодых земников. Бортень самолично обошел вокруг всё место стоянки, заложив свои огромные лапищи за узорчатый кушак и насупив лохматые брови. Дружина знала, что за каждый недочет от него грозит суровая выволочка и нагоняй, а потому все давно для себя уяснили, что и как делать. Воевода остался доволен произведенным осмотром - но на всякий случай выставил дополнительных сторожевых на самых больших валунах.

Дядюшка Брыль в свою очередь взвалил на себя все хлопоты по стряпне и бойко раздавал приказания своей немногочисленной челяди, отвешивая по своей обычной привычке оплеухи не слишком, по его мнению, шустрым слугам.

Все вокруг бегали и суетились, занимаясь каждый своим делом.

- Ну, чего стоишь? - довольно бесцеремонно толкнул Лиго какой-то крепкий ратник в годах, с густой рыжей бородищей, тщательно заплетенной в косу и заткнутой за пояс. - На вот тебе, держи посуду - и бегом за водой!

И сунул опешившему Лиго в руки два пустых котелка.

- Ручей - там! - он неопределенно махнул рукой куда-то за валуны.

Крутившийся неподалеку земник из челяди Брыля заметил:

- Ты это, того, дядя, полегче - это ж молодой барин!

Рыжий ратник мгновенно обернулся:

- И что с того?

- Ну как, что с того? - даже несколько растерялся челядник. - Барин всё-таки. А ты ему: "Бегом! Чего стоишь?" Полегче, говорю, надо на поворотах - вот что!

Рыжий, слегка наклонив голову, пошел прямо на него.

Так вот что я тебе скажу, парень, - говорил он, наступая на слугу. - Барин, не барин - мне всё едино. Здесь у меня указ один - воевода Бортень. Это тебе раз. Усёк для начала?

Челядник был уже не рад, что связался с дружинником, и ошарашено отступал, высматривая, куда бы ему смыться. "Ну их куда подальше, этих живорезов из дружины Бортня, - думал он, - связался вот на свою голову". Но рыжий не сдавался и вовсе не собирался отставать, а всё напирал:

- А во-вторых, вчера этот малый, - и он кивнул в сторону

Лиго, - поступил на службу в дружину. Так что барин он был вчера. А сегодня - изволь, выполняй приказы старших. Уяснил себе?

- Да уж, яснее ясного, - заюлил и замямлил челядник, пряча глаза.

- Так что вот тебе мой совет, парень - не суй свой нос, куда не следует, а то неровен час, оттяпают!

И, не глядя более на него, оборотился к Лиго. Тот стоял, переминаясь с ноги на ногу. Рыжий хлопнул его по плечу и вдруг неожиданно улыбнулся:

- Что стоишь, сынок? Дуй за водой - а то все мы без ужина останемся!

И, весело подмигнув ему, пошел по своему делу, сурово цыкнув напоследок в сторону перепуганного челядника.

Ручей отыскался без особого труда и оказался как раз за грядой валунов. Но когда Лиго наклонился зачерпнуть воды, за спиной раздался звонкий голос:

- Что, досталось вам на орехи, сударь?

Земник обернулся - к ручью тоже с порожними котелками шел Мартин.

- Да мне-то что, - улыбнулся Лиго. - А вот дядюшкиного слугу он чуть не до смерти перепугал.

- Это он поучил только малость для острастки, - сказал Мартин, - чтоб не лез не в свое дело.

- А кто он такой?

- Рыжий-то?

- Ну да, он.

- Старший дружинник, Суханом звать, - ответил Мартин. - Почитай, правая рука воеводы, его наипервейший помощник.

- Суров, как я погляжу.

- Да нет, это он так, больше с виду, - сказал Мартин и полез в ручей.

- А что это за место такое? - спросил Лиго, указывая на развилку дорог.

Одна из них, что побольше, уходила широким битым шляхом круто влево, будто в обход темного леса, вставшего на ее пути. А вторая, поменьше и поуже, наоборот, забирала слегка правей, а затем устремлялась прямо под кроны древней пущи, теряясь в ее густых зарослях.

- Это перепутье лесное, что зовется Каменной Росстанью, - сказал Мартин и, помолчав, добавил: - Забытое ныне место - редко теперь здесь ходят.

- А что так? - удивился Лиго.

- Да есть на то причины, - уклончиво ответил ратник. - Сами

всё узнаете, коли надо будет.

- А куда же ведут эти дороги?

- Туда, куда нам как раз и надо, - сказал Мартин. - Причем сразу обе - и одна, и другая.

- Как-то странно всё это - хмыкнул Лиго. - Зачем же два пути в одно и то же место? Не проще ли всего одной дорогой обходиться?

- А так оно и было когда-то раньше, в своё время, - рассказывал Мартин. - Пока на той дороге Бирюк не объявился. Вот и пришлось прокладывать новый шлях, в обход этого леса - не каждому ведь охота мимо его логова проезжать.

- Бирюк? Это еще кто такой? - удивленно поднял брови Лиго. - Что-то я не слыхал про такого. Что еще за напасть такая? Откуда он взялся?

- А пёс его знает, - развел руками ратник. - Лет несколько назад поселился он на прямоезжей дороге, что через пущу эту, называемую Синей, идет прямо на Земьгород. Пришел старик-горбун сюда невесть откуда, риза серая на нем, до самых пят, голова вся космами седыми обросла, и борода за ним на сажень тянется. Построил себе лачугу чуть не на обочине пути, прямо посередине леса, в овраге у моста. Как едет кто - так он выйдет на закраину дороги, станет, и стоит, смотрит молча, сопит сердито, брови хмурит.

- И что с того? - удивился Лиго. - Ну стоит себе старик, глядит на проезжих. Сам ведь говоришь - молча стоит, не делает ничего.

- Ну, это еще как посмотреть, - сказал Мартин. - Он-то стоит и молчит будто - а вроде как и шепчет чего. Стали затем путники замечать, что как проедут они по дороге этой лесной мимо старика того странного - так всё, удача от них отворачивается. У кого конь захромает или ногу подвернет, у кого ось тележная обломится и весь товар в грязь да жижу болотную опрокинется весь, перепортится. А у кого ежели ни то, ни другое - так потом всё, что намечал, как из рук валится, будто сглазил кто. Вот и стали поговаривать, что колдун он, этот старик. Живет сам, бобылем, прямо в гуще леса - ни родных у него никого нет, ни близких. Чужих сторонится - а как звать его, никому неведомо. Вот народ Бирюком его и прозвал. А овраг этот из-за него Бирючьим Логом теперь кличут.

- Ишь ты, смотри-ка, - почесал в загривке Лиго. - Интересный какой горбун. А что, согнать его с места не пробовали? Чтобы путников не пугал?

- Как же не пробовали-то! Еще как пробовали! Попервах Кориат Довмонтович, наместник княжий, даже свою дружину

сюда посылал...

- И что, побил он ее всю? - рассмеялся Лиго.

- Да нет, не побил, - слегка обидевшись, насупился Мартин. - Ни он ее - ни они его.

- Это еще как?

- А вот как. Пришли к оврагу - а там нет ничего: ни лачуги той, ни старика того горбатого! Будто и не было никогда! Весь лес прочесали - а не нашли никого. А когда вернулись к наместнику, докладывают - так-то и так, нет того старика лесного. Кориат Довмонтович как закричит на них, как затопает ногами. Мол, что вы тут несёте мне, что нет никого? Вот же только что, прям перед вами купцы прибыли, жалуются - ехали той же дорогой, вышел горбун этот, глянул косо - и всё, кони встали, как вкопанные! А затем он руку свою протянул, шепнул что-то - и кони все дыбом, а потом постромки порвали, да понеслись, кто куда, телеги с товаром попереворачивали.

- Это что ж получается? Горбун на них морок навел, что они его не увидели? - задумался Лиго.

- Морок, не морок - а туману в глаза напустил.

- А дальше-то что?

- А что дальше? Так и повелось - как наместник пошлет туда кого горбуна изжить, так те проблукают до самой ночи и не найдут никого. Так и возвращаются ни с чем. А вот путникам всем тот старик виден бывает. Только вот охочих туда по той дороге пробираться всё меньше и меньше становилось. Ну и проложили в обход леса другой шлях - хоть и длинный, крюк, почитай, в лишний день даёшь, а всё ж безопасней. Вот потому на росстани этой два пути. Вот тот, что влево уходит - и есть обходной шлях. А эта дорожка прямая, что вправо идет, как раз через Бирючий Лог и ведет, в лапы к тому колдуну горбатому.

- А что, кроме дружины наместника никто больше и не пробовал изгнать того Бирюка? - спросил Лиго.

- А кто же еще? - удивился Мартин.

- Ну как же - а воевода наш, Бортень, на что? - улыбнувшись, подмигнул Лиго. - Эвон сколько ратников бравых - вмиг того старикашку вредоносного выследят!

- Так я же говорил - морок он напускает...

- Морок можно на людей наслать - а на нас, земников, не шибко-то и наведешь его! - отрезал Лиго. - Это вот люди к волшбе и чарам всяким народец совершенно негожий, надо сказать, бестолковый совсем. Немудрено поэтому, что горбун этот за нос их водит, туман им в глаза напускает. Но мы-то, барздуки, ведь древнее племя - нас люди самих частенько за волшебный народ почитают. Ну так как?

Мартин почесал взъерошенные волосы и, заговорщицки оглянувшись по сторонам, сказал приглушенным голосом:

- А пробовал ведь как-то Кориат Довмонтович принудить земников выследить того колдуна, да известь из лесу. Только у них там с воеводой старым, который еще задолго до Бортня-то был, размолвка какая-то вышла - вот что! Поехал-таки после воевода тот с малой дружиной поглядеть на того Бирюка...

- И что вышло с того?

- Да ничего и не вышло. Как видите, сударь, Бирюк и по сю пору в зловещем логу том обитает.

- Ничего не понимаю...

- Как говорят, горбун этот от земников прятаться не стал - вышел он прямо к ним на дорогу, да и шепнул что-то там тому воеводе.

- И что?

- Но недолго толковали о чем-то они - говорят, тихо было, не разобрать. Воевода затем к своим - и приказал рот на замке держать про то, что видели - да и вернулись себе назад. А Бирюк у себя остался.

- Вот чудеса - да и только! - изумился Лиго. - А что же так?

- А кто ж его знает? Только воевода тот сказал, чтобы без нужды особой никто больше в тот Бирючий Лог не лез, и горбуна того больше не донимал. Но в случае чего, дорога эта для нас, земников, открыта будет - ничего нам, барздукам, старик этот не сделает. Но связываться больше с ним воевода не будет - вот как!

- А наместник-то княжий?

- О! Кориат Довмонтович, говорят, тогда совсем в гневе был - да поделать уже ничего так и не смог. Мы же, земники, живем сами по себе - и своим законам подчиняемся, а не людским или княжим. Но отыгрался-таки наместник тому воеводе - подстроил всё так, что лишился тот булавы на вечевых сборах ближайших, и впредь никогда боле не избирали его. Уж как наместник-то эдак всё это провернул - я и не знаю даже. Но только ни следующий, ни воспоследующий воевода передают друг другу какой-то там уговор с тем стариком - и тревожить его отказываются напрочь. Уж как ни старался Кориат Довмонтович их упрашивать да улещивать - ничего не помогало. Плюнул он затем, махнул рукой опосля - так и проложили обходной шлях вокруг этой пущи, а дорога в Бирючий Лог заколодела помалу, да заросла. Хотя, говорят, нашему брату там проехать всё еще можно - только вот охочих, сами понимаете, не шибко-то много находится.

- Так-так-так, ну и дела! - задумался Лиго. - Надо будет как-то побольше про Бирюка этого выведать.

- Во-во, сударь, свечереет - вот и выпытайте у наших, - сказал

Мартин. - Они вам много чего всякого разного про старика этого понарасскажут. А сейчас пора бы и возвращаться - времени-то вон уже сколько прошло!

И, набрав полные котелки чистейшей воды, обернулся через плечо:

- Идёмте-ка, сударь - а то неровен час, уже ваш дядюшка на нас накинется. А это, думаю, похлеще Сухана будет, уж поверьте. Слышите, как он там нагоняи раздает?

Шум и гам, устроенный не в меру горластым Брылем, разносился по всей поляне. Лиго усмехнулся и последовал за ратником.

Пока осторожно пробирались с водой мимо каменных глыб, запахло костром - и в небо потянулся сизый хвост густого горького дыма.

***

Языки пламени медленно догорали. Сипя, постреливали смолистые поленья, и темно-красные сполохи огня, вырываясь раз за разом из-под подернувшихся пеплом тлеющих головней, выхватывали из наступавшего сумрака куски ночи. В такие моменты костер лизал почерневшие камни очага, и бородатые лица сидевших вокруг земников казались какими-то суровыми и загадочными.

Давно отужинали наваристым кулешом - и самое время было или расходиться на покой, или же, от нечего делать, по старому обычаю почесать на ночь языки.

- Слышь, Сухан, а спой-ка, - сказал, обращаясь к рыжему дружиннику один из земников помоложе, и протянул ему старинные неманские гусли-кантеле.

Вокруг произошло заметное оживление - видимо, рыжий ратник прослыл среди дружины неплохим певцом. Многие барздуки придвинулись к огню поближе, и кто-то поддержал:

- Да-да, Сухан, спой нам.

Один из челядников Брыля громко спросил:

- А чего петь-то будут?

- Тихо ты! - кто-то из дружинников чувствительно пихнул его в бок. - Не мешай, паря. Сиди себе и знай слушай.

Слуга осекся и примолк.

Сухан откашлялся, взял древний инструмент, примостил у себя на коленях - пальцы несколько раз неспешно пробежали по струнам, издав чарующие звуки. Всякая возня тут же прекратилась.

Рыжий дружинник запел:

В княжестве дальнем,

В забытом уделе,

Жил бедный скрипач,
Как сказители пели.
Мелодией дивной
На свадьбах народ
Умел веселить он -
А сам был урод.
Заклятием страшным
Колдун заклеймил -
К спине его горб
Навсегда прилепил.
Когда все вокруг
Танцевали и пели,
В глазах горбуна
Только слезы блестели.
Получит скрипач
За труды свой медяк,
Идет себе дальше,
Несчастный бедняк.
Однажды он в чащу
Лесную забрел,
Корчму там глухую
Случайно нашел.
Решил попроситься
Скрипач ночевать.
Заходит - и видит,
Что может пропасть.
В углу у камина
Три черта сидели,
И леший с русалкой
На пару им пели.
Косматая ведьма
На картах гадала,
И нечисть ужасная
В зале плясала.
"Ну что ты стоишь?
Заходи к нам, горбун!" -
Сказал одноглазый
Хозяин ему.
"Бери свою скрипку,
Сыграй-ка ты нам -
А мы в благодарность
Отплатим сполна!"
"Была, не была!" -
Так подумал скрипач,

Поднял свой смычок -
И давай им играть.
Веселая песня
Корчму затопила,
И в пляс разудалый
Чертей подхватила.
Им вторили ведьмы,
Хозяин скакал,
А леший угрюмый
На ложках играл.
Бесовские пляски
Мигали в окне -
И даже посуда
Плясала в корчме.
"Ну хватит играть!
Я смотрю, ты умелец -
Смычком ты владеешь
На самом деле.
Что хочешь, скрипач,
Ты в награду свою?" -
Сказал одноглазый
Чертяка ему.
"Играю за грош я,
За старый медяк,
Или за ночлег,
Или вот просто так!"
Горбун улыбнулся,
Убрал свой смычок.
А жуткий хозяин
Мешок приволок.
"Держи-ка вот, парень,
Награду свою -
Червонное злато
Тебе отдаю!"
"Ну что вы, хозяин", -
Ответил бедняк.
"Отдайте вы мне
Лучше старый медяк!"
Тут черти вскочили,
И ведьмы завыли,
Накинулась нечисть -
И парня побили.
И бросили в угол
Его одного...

Он утром проснулся -
Ан нет ничего!
Исчезла корчма,
И чертей след пропал.
Поднялся горбун -
И себя не узнал.
С нечистою силой
Исчез его горб.
Стоит статный парень,
Красив и высок.
На скрипке с тех пор
Веселил всех скрипач -
И сам был красавец,
Каких поискать!
Так в княжестве дальнем,
В забытом уделе,
Жил дивный скрипач,
Как сказители пели.
Но это еще
Не концовка пока -
Однажды колдун
Повстречал паренька.
Завистливым оком
На парня глядел,
Про всё разузнал -
И в тот лес полетел.
Нашел там корчму,
И чертей отыскал,
И пел, и плясал,
И на скрипке играл.
Хозяин косой
Тот мешок притащил.
Колдун те червонцы
На спину взвалил.
Но черти вскочили,
А ведьмы завыли -
И крепко того
Чародея побили.
И бросили в угол
С мешком на спине
Его ночевать
На полу при луне.
А утром корчмы
И чертей след пропал...

Поднялся колдун -
И себя не узнал.
Спина искривилась
Под весом мешка -
И стал тот колдун
Горбуном на века!
За жадность наказан
Был злой чародей.
Ушел он с тех пор
В глухомань от людей.
В том княжестве дальнем,
В забытом уделе,
Жил старый горбун,
Как сказители пели...

Когда песня отзвенела, некоторое время земники, как завороженные, молчали. Наконец кто-то сперва несмело кашлянул разок-другой, а затем все разом зашевелились.

- Уж не про Бирюка ли эта песня? - вдруг подал кто-то голос. - Тот тоже вроде как с горбом, да вдобавок еще и с нечистым общается.

На него все зашипели и зашикали - было видно, что опасное соседство с лесным чародеем многим не по душе.

- А чего? - стал оправдываться темноволосый детина, подавший голос. - Всё на месте: и горб, и блукает в дремучем лесу, и черти вот вам нате!

- Тьфу ты, ну ты! - сплюнул в сердцах Брыль. - Ну кто ж тебя за язык-то тянет? Нашел про кого вспомнить на ночь глядя!

- Да, будь он неладен, этот Бирюк, чтоб ему, - с опаской протянул кто-то из челяди.

- Ну хватит уже вам-то, - попытался еще было вразумить земников Брыль, но было уже поздно: разговор плавно выходил на загадочного горбуна и остановить его уже было невозможно.

- Хватит, не хватит - а хватать-то уже и нечего, господин Брыль, - сказал ему Сухан и кивнул головой в сторону леса: - Кабы ночь-то спокойно прошла - а то мало ли...

- А что может случиться? - спросили одновременно несколько брылевых слуг, и вся челядь на всякий случай сгрудилась друг к другу поближе.

- Случиться может всякое, - назидательно сказал один из ратников. - Но... не здесь все-таки. Бирюк-то шалит только в лесу, на дороге. Чего ж опасаться-то?

Кое-кто из слуг облегченно вздохнул - но бывалые дружинники уже уловили нараставший суеверный испуг, и, тайком перемигнувшись между собой, по своему старинному

служивому обычаю подшучивать над новичками, решили немного потехи ради пострашать на ночь челядников.

- Ну, не скажи, что не здесь, - подхватил Сухан. - И здесь тоже может случиться всякое. Стали поговаривать, что Бирюк этот в последнее время не только у себя по лесу бродит. Видали вот его частенько и на опушке леса в разных местах, и даже тут, на поляне. Блукает промеж деревьев и каменьев, выискивает что-то.

- А как бродит-то?

- Ну как? Идет, шаркает, на палку свою кривую опирается - и рыщет всё время туда-сюда, будто вынюхивает чего.

- Ой, не договариваешь ты, Сухан! - встрял в беседу еще один ратник. - Вынюхивает, рыщет... Так и скажи, что собакой рыщет - а не в людском обличье!

- Как - собакой? - ахнула вся челядь и затаила от ужаса дыхание.

- А вот так - оборачивается запросто в горбатую собаку, и всё тут! Он же колдун, как-никак, Бирюк этот, - поддал страху тот же самый дружинник. - А любому чародею в собаку превратиться - раз плюнуть, сами знаете!

Слуги окончательно скисли, и с круглыми от ужаса глазами притихли совсем.

- Ну, сейчас наши нагонят им жути, - тихонько шепнул Мартин на ухо Лиго, и, весело подмигнув, толкнул его в бок.

И действительно, дружинники стали наперебой рассказывать всякие небылицы. Тут же кто-то нашелся, кто сказал, будто колдуны не только в собаку, но и в свинью запросто оборотиться могут. И бей их, ни бей палками - они всё равно отскакивают от них, словно орех от стенки. Знающие люди, мол, рассказывают, что бить такого оборотня нужно только тележной осью - и то, с особым наговором, чтоб чародей тебе туману в глаза напустить не смог. А то бывали, как говорят, такие случаи, что изловят колдуна, привяжут его к дереву - и ну его дубасить. Бьют, бьют - аж щепки летят, а ему хоть бы хны, всё нипочем! Приходит тут знающий человек и спрашивает: "А что ж это вы, честной народ, тут дерево запросто так бьёте?" И поведет рукой вот так посолонь - и у всех морок с глаз и снимет. И видят - нет никакого колдуна и в помине, исчез он давно уже, а привязали они колоду старую к дереву и ее же и колотят палками.

Слуги охали, ахали, закатывали от страху глаза, сбившись в кучу и выбивая зубами мелкую дрожь. А ратники, пряча в глазах лукавые улыбки, продолжали подтрунивать дальше - и знай себе несли всякую небывальщину. Кто-то из них вспомнил, что колдуны еще и по небу вдобавок летают - но только не на помеле, как ведьмы, а на колесе. Оседлает такой чародей тележное колесо

и мчит на нем зловещей птицей над темным лесом.

Лиго исподволь взглянул на воеводу Бортня - тот сидел и не выказывал к происходящему даже мало-мальского интереса, сложив руки на своем необъятном чреве поверх своей окладистой бороды. Воевода прикрыл веки, и было неясно, слушает ли он вообще все эти разговоры, или же попросту находится далеко отсюда в приятной дреме. А вот дядюшка Брыль, примостившийся рядом с ним, был ему полной противоположностью: все время ёрзал, крутился и явно не находил себе места - по всему было видать, что старому земнику вовсе не по душе были все эти жуткие россказни, но поделать с этим он ничего не мог.

Лиго тайком, дабы не увидали слуги, тихонько улыбнулся - во все эти небывальщины он, выпускник вайделотской школы, не верил, конечно же, ни на грош. Все эти народные байки имели очень мало общего с настоящею волшбой и чародейством, с которым он познакомился в храме, и годились разве что пугать на ночь детишек да разных доверчивых простаков. Но вот личность этого загадочного Бирюка ему не давала покоя, и земник всерьез раздумывал, как бы узнать про него побольше.

Когда небывальщины про колдунов достигли уж совершенно невероятных размеров и грозили перерастет в самую настоящую околесицу, рыжий дружинник вдруг громко кашлянул.

- Ну, хватит заливать-то, - прервал побасенки Сухан. - Совсем уж застращали народ - пора и честь знать.

И отставил в сторону гусли - только тихо тренькнули струны.

Кто-то разворошил очаг - костер взметнулся вверх столбом огнистых светляков и выхватил у ночной темноты кусок поляны с сидевшими барздуками. Вместе со вспыхнувшим огнем и растаявшими в черноте искрами стало улетучиваться и колдовское наваждение. Челядники зашевелились, стали подталкивать друг дружку и переводить дух от всего услышанного. Дружинники воеводы тем временем тихонько пересмеивались между собой.

И в этот самый момент раздалось громкое уханье сыча - а затем снова и снова.

Сухан и еще несколько дружинников моментально вскинулись - а вместе с ними мгновенно очнулся дремавший доселе воевода Бортень.

- А ну, тихо! - приглушенным голосом гаркнул Сухан на перешептывающуюся между собой челядь, и замер, вслушиваясь в темноту.

Через несколько мгновений троекратное уханье сычом повторилось вновь.

- Стража сигнал подает, - сказал рыжий дружинник и

переглянулся с воеводой.

- Притуши-ка огонь, - приказал Сухан ратнику помоложе, и, обращаясь к воеводе, сказал: - Пойду-ка узнаю, в чем дело.

И тут же растворился в ночи, будто сквозь землю канул.

Все как-то вдруг замолчали, не смея нарушить тишину.

Через несколько минут снова появился Сухан и, наклонившись к воеводе, шепнул ему что-то на ухо.

- Батюшки-светы! - ахнул Брыль, сидевший рядом и расслышавший слова ратника. - Колдун опушкой бродит! Накаркали-таки в ночь-то! А я ведь предупреждал!

- Цыц, сосед! - рявкнул Бортень, и, повернувшись к дружиннику, неслышно отдал ему какой-то приказ.

По кругу пробежал тревожный шепоток, слуги снова испуганно сбились вместе. Сухан выбрал глазами несколько ратников и, подав им условный знак, ушел с ними в ночь. Бортень наклонился и стал что-то гудеть Брылю в ухо - но что именно, окружающим было уже не разобрать.

- Эгей, сударь! - кто-то тихо позвал Лиго.

Он обернулся к Мартину - но того рядом почему-то не оказалось.

- Сударь, я здесь, - сказал голос Мартина из темноты за спиной. - Только тихо, ради всех светлых богов! Идите сюда.

Лиго, украдкой оглядевшись по сторонам, ловко юркнул из освещенного круга.

Земника разом обступила такая тьма, что хоть глаз выколи.

- Да тут не видно ни зги... - пробормотал он, мотая в кромешной тьме головой и стараясь разглядеть хоть что-нибудь.

- Держитесь за мою руку, сударь, - тихо шепнул ему Мартин.

Лиго ощутил протянутое запястье и ухватился за него.

- Потише, сударь, - выдохнул в ухо ратник. - Вы эдак еще выдадите нас с головой. А за слепоту свою не волнуйтесь - она скоро пройдет.

И насмешливо хмыкнул себе под нос.

- Чему ты смеешься? - спросил Лиго. - Разве что-то не так?

- Да мы вот, сударь, наук мудрёных у волхвов не проходили вовсе, - со смешком сказал Мартин. - Но зато у нас вот своя наука имеется, ратная.

- И что с того? - раздраженно поинтересовался Лиго.

- А то, сударь, что когда в темноту шагаете - глаза перед этим закрывать надобно, и зажмуриться покрепче. А затем в темноте их откроете - и видеть будете сразу, безо всякой слепоты. Вот так-то, сударь!

И, было слышно, улыбнулся.

Лиго, который стал уже различать в темноте кое-какие

силуэты, сердито выдернул руку:

- А куда это ты меня тянешь, Мартин?

- Вы, сударь, вроде как на Бирюка того самого посмотреть хотели? - ответил ратник. - Ну, так я вам его сейчас и покажу. Идите за мной.

Они бесшумными татями выбрались на окраину каменной россыпи, к огромному седому валуну, сплошь обросшего щетиной древнего мха. С вершины тихо цыкнули. Лиго глянул на голос - и с трудом заметил одного из сторожевых, полностью слившегося с каменной глыбой.

В тот самый миг, когда оба земника взобрались на огромный камень, тонкий серп месяца выглянул из-за скрывавшей его до поры растрепанной тучки и осветил своим призрачным белесым сиянием всю росстань - от стоявшего стеной высокого хвойного бора с резными верхушками сосен, в которых прятались и мигали звезды, до угрюмой молчаливой пущи, раскинувшейся властно впереди. Неровный туманный свет накрыл всю поляну в россыпях огромных седых валунов, будто нарочито принесенных сюда стародревними великанами и разбросанных как попало, и разбегавшиеся в две стороны дороги.

Часовой толкнул Лиго и указал глазами куда-то вперед, в сторону лесного тракта, выползавшего из сосняка на распутье.

- Вот он, нечисть поганая, - еле слышно шепнул Мартин. - И неймётся ж ему...

Лиго присмотрелся - и вдруг увидел еле заметную тень, мелькнувшую на опушке соснового бора. А уже через миг этот странный силуэт появился немного в стороне, вышел на ровное от зарослей место и, словно бы в задумчивости, остановился. Затем призрак наклонился вперед, словно выискивая что-то, вдруг наполовину разогнулся и поднял голову в бок узкой полоски месяца, прилепленной среди звезд.

- Ишь ты, будто вынюхивает что... - снова прошептал Мартин.

Лиго глядел во все глаза, и, чтобы лучше присмотреться, попытался немного привстать. На плечо ему тут же легла тяжелая длань ночного стража - и он, прижав его к валуну, недовольно покачал головой.

Тень между тем, как-то странно прихрамывая, двинулась вперед, словно ощупывая перед собой дорогу. Присмотревшись, земники заметили большую искривленную палку, на которую опирался жуткий гость. Где-то далеко сбоку ухнула сова - призрак вдруг молниеносно застыл и обернулся на звук. И в этот миг барздуки явно увидали за его спиной здоровенный уродливый горб.

- Бирюк это, батюшки-светы! Как я и говорил! - бормотал

Мартин. - По ночи блукает, старый горбун...

У Лиго в этот момент как-то странно изменнически ёкнуло сердце и вдруг засосало под самой ложечкой - прямо на его глазах страшные бабушкины сказки оборачивались самой взаправдашней явью. Заколка на груди вдруг легонько вспыхнула из глубины загадочным мерцанием - но тут же погасла. Или это только так показалось земнику?..

Назад шли в молчаливой задумчивости.

Но когда до освещенного костром круга осталось всего несколько шагов, всю поляну внезапно огласил лихой, прямо-таки разбойничий посвист - а вслед за тем из темноты хлынули радостные крики, вопли и улюлюканье.

- Что? Что такое?! - тревожно вскричал у костра дядюшка Брыль.

Но ответом ему была какая-то разом поднявшаяся оживленная суматоха среди дружинников. И посреди этого шума и гама, заполонившего черноту вокруг, чей-то радостный голос довольно громко произнес:

- Ага! Сцапали голубчика! Сюда тащат!

- Кто? Что? Кого?! - наперебой загалдела ничего не понимающая челядь.

- Кого, кого, - передразнил их насмешливый голос Сухана, внезапно объявившегося у костра. - Да Бирюка этого изловили - вот кого!

Вынырнувшие из ночи дружинники тащили какой-то тяжелый, извивающийся в их руках огромный куль, который натужно кряхтел и брыкался вовсю.

- Ишь ты, еще и дерется, вражина! - заметил кто-то из ратников, и от души наподдал ногой в мешок.

Брыкающуюся ношу подтащили к воеводе. Довольный своими ратниками, Бортень весь расплылся в радостной улыбке - был горд за своих удальцов.

- Ну, потешили, молодцы, на сон грядущий! - оглаживая бороду, пробасил воевода. - Будет ему бродить-то посреди ночи! Как хоть изловили-то супостата сего окаянного?

- Да так и изловили, батюшка воевода, - сказал Сухан. - Подкрались неслышно с двух боков, да и нахлобучили ему мешок на голову - и мигом сюда!

- Ишь ты, какие хваты! - загомонили разом, оживленно переговариваясь между собой, слуги. - Бац! Хлоп! Мешок на голову - да сюда! Вот тебе и Бирюк - нечего ему по ночам-то шляться!

Бортень зыркнул на них грозно - и болтовня мгновенно улеглась.

Но в этот миг удивленно и громко воскликнул дядюшка Брыль:

- Так это что же получается? Бирюк этот - из нашей что ли, земниковской породы?!

И ткнул пальцем куда-то вниз.

Из мешка торчали две ноги. Одна, обутая в грубый драный башмак, была ничем особо не примечательна. Но вот вторая... А вторая нога была босой - с тремя гусиными пальцами и перепонками, как у самого настоящего барздука!

Сухан мигом стащил мешок - и взору ошарашенных земников предстал изрядно помятый и взъерошенный Прок Пеколс с большой заплечной торбой на спине.

ГЛАВА 10

ВОКРУГ ПУЩИ

Рассвет уже понемногу разводнял мглу. Небо на востоке, за громадой темной пущи, стало мутно прозеленяться. Лагерь земников, подобно ранним птахам лесным, уже ожил и весело копошился муравейником бодро снующих во все стороны ратников и челяди.

Пока булькала и закипала вода в котелках, Бортень, Брыль и Сухан с Лиго стали держать совет, на который пригласили и Пеколса.

Земники не без улыбки вспоминали события прошедшей ночи и очень уж неожиданное появление Прока Пеколса. Когда первая оторопь прошла, поляну огласил дружный раскатистый гогот, не смолкавший долгое время.

- Вот тебе и Бирюк! - трясясь и утирая от смеха слезы, сказал вчера воевода. - Повеселили меня на славу, удальцы-молодцы!

Сухан от стыда просто не находил себе места - это ж надо было так опозориться и ударить в грязь лицом: вместо лихого чародея обознались и изловили всего-навсего старого чудаковатого слугу. Какое уж тут геройство! Да уж, набрались сраму по самые уши, нечего сказать - хороши орлы, дальше некуда!

Когда вволю отсмеялись, Брыль, вытирая мокрые глаза и все еще похохатывая, спросил:

- Ты откуда тут взялся, дурья твоя башка?

Надувшийся Прок Пеколс, порядком измятый и малость побитый по дороге дружинниками, пока его тянули в мешке, обиженно рассказал свою историю.

Когда вся дружина Бортня и дядюшка Брыль в сопровождении вооруженной челяди, так внезапно и неожиданно покинули поместье, а вместе с ними и Лиго, старый слуга даже не успел

толком сообразить, что да как произошло. Какое-то время он, ошалевший и растерянный, стоял в воротах, пока его не окликнули. И только тут до Пеколса дошло, что он остался один. Он, который все эти годы был дядькой-смотрителем Лиго во всех его проказах и шалостях, он, который находился неотлучно при нем сызмальства, и вот он теперь во всей этой неразберихе и суматохе отъезда оказался совершенно один и никому не нужен.

Однако первая обида на своего хозяина тут же прошла, когда старый слуга вспомнил, что Лиго попросту впопыхах не успели дать никакого ответа на его счет. Тогда Пеколс мгновенно подскочил, шустро крутнулся и побежал укладывать свои и хозяйские вещи.

"Будь что будет, - думал он, - а я барина догоню во что бы то ни стало!"

Тем не менее сборы заняли не так уж и мало времени, поэтому Прок Пеколс, насилу отбившись от причитаний брылевой женушки, тетки Магды, смог выехать с хутора только ближе к полудню. Собственно говоря, выбраться на лесную дорогу, ведущую на Земьгород, негласную столицу Земиголья, где находился княжий наместник волости, а также возле которого, по обычаю, проходили все последние Вечевые Сборы, не составляло особого труда. Такой крупный отряд земников бесследно проехать здесь не мог - а потому и Пеколс довольно резво нагонял ушедшую вперед кавалькаду, бодро трюхая на своем груженом лошаке. Однако время было вовсе не на стороне старого земника.

Когда свечерело, Пеколс, хоть и наверстал порядочную часть пути, разделявшую его и хозяина, все же еще пока не нагнал отряд. А сумерки тем временем довольно быстро уступали свое место черному бархату ночи. Когда темнота и вовсе плотно укутала лес и пролегавшую по нему дорогу в свое покрывало, старый слуга с огромным сожалением решил остановиться на ночлег - земник не знал, что он находится уже совсем недалеко от Каменной Росстани, а потому рассчитывал завтра встать ни свет ни заря, и до полудня следующего дня нагнать-таки дружину воеводы. А сейчас земнику предстояло провести ночь в темном лесу в совершенном одиночестве, не считая, конечно, своего груженого пожитками мула - не самое, смею заметить, приятное времяпрепровождение, даже если ты барздук, исконный житель леса. Ведь куда как намного уютней коротать ночь за кружкой доброго пива у потрескивающего поленьями камелька за крепкими стенами надежного убежища, нежели в прохладной сырости глухого темного леса. Но, как говорится, увы.

Огня Пеколс разводить не стал - зачем привлекать к себе

внимание в глухомани? Мало ли кто и с какими намерениями здесь бродит. А потому, на скорую руку спутав упрямому мулу ноги, старый слуга не стал сгружать с него всю поклажу, сняв только видавшую виды торбу со своими вещами, и уложил ее себе под голову, примостившись на плаще у корней старого заматеревшего кедра с толстенной, изборожденной морщинами и трещинами коре.

Ужас наступил позже. Когда старый земник наконец-то улегся и закрыл свои глаза, ему вдруг сквозь дрему почудился чей-то голос.

"Ты кто?.. Ты кто... Ты кто..." - шептал свой тихий вопрос загадочный голос, вплетаясь в шуршание хвои.

Сон как рукой сняло. Пеколс тут же подскочил и открыл глаза, прислушиваясь. Однако только ветер шумел в вышине.

"Уф! И чего только не почудится ночью в лесу",- с облегчением подумал барздук и улегся на другой бок.

Но как только он прикрыл веки, неведомый голос раздался вновь.

"Ты зачем сюда пришел?" - шептала хвоя.

А ей вторил ветер в кронах:

"Зачем?.. Зачем... Зачем..."

Земник сел и снова огляделся. Вокруг не было ни души - однако много ли увидишь в темноте, да еще в лесной чаще?

Но, к своему ужасу, Пеколс вдруг понял, что голос ему чудится уже не только сквозь сон.

"Ты кто?.. Ты кто... Ты кто..." - шептались сосны между собой.

"Зачем?.. Зачем... Зачем..." - вторили им вслед другие.

Земник вскочил на ноги... и пребольно ударился головой о нависший над ним толстый сук! Но дотоле - и Пеколс мог в этом поклясться на чем угодно - никаких сучьев и ветвей на стволе старого кедра не было и в помине на несколько аршинов вверх!

Барздук, у которого от неожиданного удара даже заплясали цветные огоньки в глазах, схватился за голову. И в этот момент ему среди шума хвои явно послышался тихий злорадный смешок.

- Да что же это такое! - вскричал Пеколс и стал ощупывать место, которым стукнулся о сук.

Шишка наливалась на славу и начинала прескверно болеть.

- Ах, так! - возмутился старый слуга. - Ну, держись у меня тогда!

И полез в свою торбу, откуда тут же извлек топор.

Сосны тревожно загудели - а старый кедр и вовсе стал зловеще шуметь и громко потрескивать толстыми ветвями.

"Убирайся!.. Убирайся... Убирайся..." - зашелестели отовсюду кроны.

- Ага! Не нравится? - торжествующе сказал Пеколс и, поплевав на руки, размахнулся топором на сердито раскачивающийся кедр.

Однако удара не получилось - топор со всего маху вдруг провалился в пустоту, и старый земник, не удержавшись на ногах, выронил его и кубарем полетел вперед. Сук, о который ударился земник, таинственным образом исчез, как будто его и не было! А вокруг злорадно затрещали старые сосны, заскрипели толстой корой и зашикали сверху хвоей.

Пока ошарашеный Пеколс растирал ушибленное колено, древний кедр весь сотрясался от тихого злобного смеха, раскачиваясь на ветру.

- Ну, погоди-ка у меня! - сердито сказал барздук и погрозил в темноту кулаком. - Сейчас вот я тебе устрою!

Спотыкаясь о торчащие повсюду корни, старый земник собрал с земли в кучу сухой хворост и прошлогоднюю опавшую хвою.

"Ты что?.. Ты что... Ты что..." - зашипели в тревожном предчувствии сосны.

Пеколс достал из кармана огниво и трут.

Р-раз! - и яркий сноп искр брызнул во все стороны. Лес на мгновение замер.

Но уже через миг бешеный порыв ветра налетел на сосны, раскачивая их до самых корней. Деревья натужно застонали, глухо и все разом забормотали на своем древнем непонятном языке. Ветер яростно шумел в кронах, с гневом ломая сухие ветви. Тьма в лесу внезапно сгустилась - и земнику вдруг показалось, будто бы сосны надвинулись на него со всех сторон.

Испуганный Пеколс попытался вскочить - но его крепко схватила за ногу невесть откуда взявшаяся коряга.

И тут старый земник с круглыми от ужаса глазами увидел, как страшный кедр, с треском выдирая из земли свои древние корни, злобно шагнул к нему.

- А-а-а! - заорал Пеколс и дернулся что есть мочи.

В лицо ему хлестнули колючие ветви, грозя навсегда схоронить в своих жутких зеленых объятиях. Будто во сне, барздук нащупал возле себя запропастившийся топор - и в бессильном отчаянии запустил им в страшный кедровый ствол.

Кедр качнулся в сторону - топор, как и в прошлый раз, пролетел мимо и сгинул в темноте. Дерево всё затряслось в яростной дрожи от макушки до самых корней.

"Задуш-ш-шу!" - с глухой ненавистью зашумел страшный кедр и снова шагнул вперед.

Пеколс в ужасе дернулся еще раз. Нога пробкой вылетела из

застрявшего в коряге башмака - земник свалился на спину, вскочил и побежал. Но тут же, через пару шагов, споткнулся обо что-то мягкое и грохнулся еще раз.

Ветер гневно завывал в кронах, кряхтели и скрипели сосны, со всех сторон протягивая свои цепкие корни к старому барздуку. В лицо ему полетели сухие сучья и шишки, норовя ударить как можно больней. Порывы ветра подхватили с земли пожухлую хвою и колючей поземкой швырнули ему в глаза. Лес бесновался в глухой ярости.

Прикрываясь от летевших в него веток и комьев грязи, земник пятился назад, пока не выскочил на какую-то тропу и припустил по ней, куда глаза глядят. А в спину ему сосны бросали хвою и сучья, норовили зло исхлестать ветками.

Оглядываться назад и вспоминать брошенного мула нечего было и думать - земник несся вперед, что есть духу. И лишь ближе к опушке, где сосны росли реже, а тропа стала шире, он наконец-то остановился перевести дыхание.

В груди бешено колотилось сердце, ныли ушибленное колено и шишка на голове, а нога, оставшаяся без башмака, была вся изранена. Пеколс с удивлением увидел, что держит в руках свою старую котомку, о которую, видимо, и споткнулся во второй раз.

Барздук взвалил на спину свою заплечную торбу, подобрал с земли причудливо изогнутую клюку, и, опираясь на нее, пошел вперед, прихрамывая на изодранную босую ногу.

Ветер больше не шумел, и деревья злобно не стонали - но все-таки пару раз Пеколсу краем глаза показалось, будто в свете звезд где-то далеко сбоку, между стволами сосен, промелькнула серая тень. Он не знал, было ли это на самом деле или же только померещилось ему - пережитый ужас все еще не отпускал его и гнал вперед до тех пор, пока он не выскочил на окраину леса недалеко от росстани...

- Ну, а дальше подкрались мои ребята и хлоп! - напялили тебе мешок на голову! - закончил вместо Пеколса Сухан.

Старый слуга только развел руками:

- Ну да. Вот, собственно, и всё!

Все дружно рассмеялись, вспоминая вчерашнее. Но старший дружинник задумчиво пожевал былинку и сказал, прищурив глаза:

- Всё - да не всё, смею заметить. Как-то странно всё это выходит - не клеится одно к другому.

- Почему странно? - похохатывая, прогудел Бортень.

- Да потому, батюшка воевода, - протянул Сухан, - что заприметили мы, что кто-то бродит по лесу еще давно.

- И что с того выходит?

- А этот, - Сухан кивнул в сторону Пеколса, - говорит, что бежал во весь дух вперед, не разбирая дороги. Получается, что бродил по опушке не он - а тот, другой.

- Какой - другой? - вскинулся Брыль.

- Тот, которого мы заприметили раньше, - ответил Сухан.

Брыль тут же обернулся к Пеколсу и спросил:

- Скажи-ка, не ты ли часом блукал по опушке?

Слуга всплеснул руками и воскликнул:

- Батюшка Брыль! Да зачем же мне бродить-то по опушкам? Я только и думал о том, как бы побыстрей выбраться из этого проклятущего леса. Вот страху-то натерпелся!

- Так это получается... - как-то разом скис Брыль.

- Это получается, что лесом бродил все-таки Бирюк, - жестко закончил вместо него дружинник.

И, повернувшись, глядя в глаза в Бортню, сказал:

- А еще получается, батюшка воевода, что ребятушки наши не осрамились вовсе. И выслеживали они Бирюка этого с самого начала! Да вот поймали только не его вовсе - не иначе, как чародейством здесь попахивает.

Бортень на мгновение замер, переваривая уже сказанное, а затем, почесав своей лапой в густой шевелюре, заметил:

- Ну да, сраму-то мы поимели - да не совсем. Ловили одного - а поймали другого вовсе. Эдак что ли выходит?

Тут уж Сухан развел руками и сказал:

- Колдун, одним словом. Затуманил глаза, заморочил.

- И, сдается мне, не иначе как он же причастен и к буйству деревьев в лесу, что перепугали насмерть Пеколса, - задумчиво вставил Брыль. - Тоже навел морок, показал то, чего отродясь не бывает. И сам же, выходит, нам его в руки заместо себя и подсунул - вот оно как. Да уж, дела...

- Ну, будет выяснять, кто там бродил по опушке! - хлопнул себя по колену Бортень, и, повернувшись к вирсайту, спросил: - Что мыслишь сотворить с этим старым чудотворцем, сосед?

И бесцеремонно указал толстым пальцем на Пеколса.

Пока Брыль мешкал с ответом, старый слуга, попеременно глядя то на одного, то на другого, громко взмолился, бухнувшись на колени:

- Батюшка Брыль! Батюшка Бортень! Не разлучайте меня с барином! Право слово, сгожусь и вам, и ему в службе-то!

Воевода, с хитрым прищуром посматривая на вирсайта, спросил:

- Ну, что удумал?

- Да уж и не знаю, что сказать, - хмыкнул Брыль.

- А что тут обмысливать? - прогудел Бортень. - Думаю,

надобно в первую очередь у самого Лиго поспрошать.

И воевода обернулся в сторону Лиго, дотоле помалкивавшего в сторонке.

- Что скажешь, отрок? Надобен тебе сей старый бездельник? - спросил Бортень.

- Да! - несколько торопливей, чем следовало бы, радостно ответил Лиго.

А Пеколс в этот момент быстро-быстро захлопал влажными глазами, стараясь смахнуть нахлынувшую от избытка благодарности слезу.

- Ну, так тому и быть, - изрек воевода. - Сей слуга будет состоять при Лиго. Но только вот одна незадачка имеется малая на сей счет.

Лиго и Пеколс, которые еле сдерживали улыбки, в один голос испуганно воскликнули:

- Какая же?

Воевода прокашлялся для пущей важности и ответил:

- Тут ведь вот какое дело... Тебе, отрок, понятно - польза самая что ни на есть настоящая выходит. А вот, положим, дружине всей какой прок будет от этого оболтуса? Что он умеет? Чем он полезен может быть нашей страже лесной?

Однако вместо Лиго, даже растерявшегося слегка от такого вопроса, в беседу вмешался дядюшка Брыль.

- Эта старая шельма много чего мудрёного может! Думаю, в дружине он будет полезен и как кухарь, и как лекарь, - сказал Брыль. - То бишь по-простому ежели выражаться, травник он, соседушко. Только он того, с закидонами малость со своими - носится с этой, как ее, алхимией, будь она неладна! Тьфу на нее три раза!

У Бортня удивленно взметнулись брови вверх:

- Травник говоришь и лекарь? Это дело нужное и вельми полезное!

И, хлопнув себя по колену, воевода поднялся:

- Ну, ступай с нами!

***

Ехали второй день. Пуща оставалась справа, все время то отдаляясь, то приближаясь и нависая своей темной громадой над дорогой.

Впереди мелькали перелески и рощицы, разбросанные по лугам и полям с буйной теплынью трав. Зелеными и сизыми клубами лохматились кустарники, скрывая в своей глубине прохладные тени, словно ждущие наступления вечера, чтобы выползти оттуда серыми сумерками и затопить окружающие низины до утра сырыми туманами.

Дорога текла, будто река. Извиваясь и теряясь в зарослях, огибая холмы и возвышенности, она вбирала в себя пути и дорожки поменьше, которые вливались в нее ручейками и речками проторенных троп, делая ее шире и полноводней. Вместе с впадающими в нее рукавами путей на стремнину дороги выносило жителей края, спешащих по своим делам то навстречу, то обгоняющих отряд земников.

Сперва попутчики попадались нечасто, в большинстве своем из людей - одиноко вышагивали они по прибитой земле или неспешно трусили на своих конях. Но с каждой верстой их становилось все больше и больше; стали встречаться скрипучие телеги и возы, с высоты которых глазели на вооруженных барздуков лузгающие семечки говорливые бабенки в высоких чепцах, и угрюмые, похожие на хмурых лешаков, неманские мужики. Все спешили к Янову дню попасть в Земьгород на ярмарку. Дорога постепенно переходила в большак.

- Ишь ты, чудь лесная повылазила, - шепча и перемигиваясь, толкали друг друга в бока толстые кумушки.

Барздуки только искоса поглядывали на языкастых теток, но предпочитали помалкивать, и с людьми в разговоры особо не вступать.

Лишь когда телеги и возы совсем запруживали дорогу, несколько старших дружинников позволяли себе покрикивать на зазевавшихся, бряцая оружием для пущей убедительности, и освобождая для остальной дружины путь.

Мужики нехотя сворачивали к обочине, хмуро глядя вслед диковинным бородатым земникам. И было вовсе не понять, какие шальные мысли бродили в этот миг в их угрюмых головах.

- Ты смотри, какие важные, - судачили между собой тетки, глядя вслед отряду. - Нелюдь ведь - а туда же лезет. Тьфу ты!

Но кумушки храбрились только друг перед дружкой, и открыто задевать земников все же опасались.

Барздуки и сами не горели большим желанием вести свои разговоры в присутствии людей. И лишь отъехав от них на значительное расстояние, возобновляли беседу.

Прок Пеколс трусил неспешно на выделенной ему мохноногой лошадке и что-то напевал себе под нос.

- Пеколс! Что на ужин есть будем? Кашу из потерянного топора? - смеясь, хлопнул по плечу старого слугу один из дружинников, проезжая мимо.

Однако Прок не смутился и тут же ответил:

- Да нет, скорей всего из такого шутника, как ты!

Ему ответили громким хохотом все, кто был недалеко. Дружинник покраснел, покрылся пятнами от злости, но так и не

нашелся, что сказать. Сердито гикнув на своего коня, он ускакал вперед, подняв тучу желтой пыли.

- Славно ты его отшил, Прок! - подмигнул ему Лиго.

- Это Зубан, известный насмешник - сказал Мартин. - Только ты, Прок, держи с ним ухо востро - он тебе еще припомнит эту шутку.

- На каждый сучок имеем свой топорок, - улыбнувшись, беззаботно отмахнулся Пеколс, и снова стал мугыкать свою песенку.

Мартин только покосился на него - но ничего не сказал. После той стычки утром у дверей, он смотрел на Пеколса несколько предвзято - и уж никак не ожидал, что старый слуга нежданно-негаданно свалится на голову, как снежный ком. Прок на правах давнишнего и близкого знакомца Лиго тут же стал оттирать от него Мартина, что чуть было не привело к новому раздраю, не вмешайся в назревавшую стычку сам Лиго. Он заставил их замириться и пожать друг другу руки.

А вечером того же дня Пеколс отличился тем, что за ужином, наслушавшись россказней про Бирюка, стал умничать и пересказывать вычитанные когда-то им в старинных книжках давнишние советы, как вычислить колдуна или избавиться от чародея, чем тут же навлек на себя насмешки со стороны дружинников. Но особенное веселье вызвал его рассказ про траву нечуй-ветер, которую надобно-де высушить, перетереть в порошок и дать выпить тому, кого подозревают в колдовстве. Мол, ежели подозрения были верными, то этот-де чародей начнет якобы ходить из угла в угол, а дверей, чтобы выйти, так и не сможет найти вовсе.

Тут уж дружинники, большие любители позубоскалить, дружно загоготали, а Сухан, держась за бока, спросил:

- Скажи, Прок, а какого зелья тебе напиться дали, когда тебе мерещились шагающие кедры, и ты не мог выбраться из лесу? Ты что, тоже чародей небось?

Пеколс попытался было спасти положение тем, что стал запутано объяснять, что он, мол, вовсе не колдун какой-нибудь, а просто интересуется алхимией, а в чародейство и волшбу он и сам не верит. Но этим еще только больше развеселил дружинников.

- Скажи, а нос у тебя от алхимии такой красный? - снова спросил Сухан. - В какой бутылке ты ее держишь, эту алхимию свою? Может, дал бы глотнуть на пробу?

Ратники тряслись, покатываясь со смеху.

- Да ну вас всех! - надулся Пеколс и быстренько замолчал.

Но было уже поздно. Некстати вылетевший рассказ вкупе с

ночными приключениями в лесу самого Пеколса сослужили ему весьма сомнительную службу - в глазах вечно подтрунивающих друг над другом ратников он сразу же превратился в эдакую мишень для шуток и насмешек. Однако, как ни странно, к такому отношению к себе слуга за все свои годы давно уже попривык, и потому не просто сносил его безболезненно, но даже еще со своей стороны еще и умудрялся порой дразниться и едко отвечать самим острякам.

Поэтому Пеколс тихо бубнил себе под нос свою незамысловатую песенку и трясся на выданном ему новом муле по пыльной дороге, совершенно не обращая никакого внимания на шутников.

- Кажись, к вечеру будем, - сказал один из пожилых дружинников, приложив руку ко лбу козырьком. - Ежели, конечно, погода не помешает, и мы не застрянем в поле.

- Да вроде не должны застрять - небо чистое, - ответил ему Брыль. - Смотри, как печет - а наверху ни облачка!

И посмотрел на небо.

- Печет - это неплохо, - лениво ответил дружинник. - Только как бы на дождь не напекло. Больно уж эта пуща - место ненадежное.

И он кивнул в сторону темнеющей громады леса.

Брыль снова взглянул на небо - и от бездонной яркой синевы, уходящей необъятным куполом в невообразимые дали, у него даже слегка закружилась голова.

Стрекочущий зной затопил поле, примыкавшее к пуще, с петляющим по нему битым шляхом. Жара наваливалась сверху густой горячей жижей, пробиралась под воротники и за пазуху, стекала противным липким потом и солёно выедала глаза. От дрожащего марева слегка рябило в глазах, и раскатанное вперед бурое полотно дороги казалось вдали зыбким и нереальным. Солнце давило сверху зноем, кололо и обжигало острыми лучами, слепило взгляд играющими на шишаках и кованых наплечниках яркими бликами.

- Да какой уж там дождь, - отмахнулся Брыль.

Но тут, словно насмехаясь над его словами, где-то справа, далеко-далеко, небо слабо громыхнуло, и с легким дуновением ветерка пахнуло приближающимся дождем.

- Какой дождь говоришь? - недобро ухмыльнулся тот самый дружинник. - Да вот такой - р-р-раз, и пойдет ни с того, ни с сего.

- Это почему же? - спросил вирсайт.

- Как - почему? - удивился старый ратник. - Да потому что пуща эта - место недоброе. Держи всегда ухо востро - и жди от нее всякого подвоха.

И он подстегнул своего коня.

И в тот же миг, откуда ни возьмись, в лицо отряду хлестнул неизвестно откуда взявшийся резкий ветер, закрутил столбами пыль на дороге, и небо стало стремительно затягиваться пунцовыми громадами туч, неумолимо выползавшими из-за мрачной стены пущи.

ГЛАВА 11
НАМЕСТНИК

Сердит и невесел был с самого утра княжеский наместник Кориат Довмонтович. Сурово хмурил он свои брови и угрюмо расхаживал по горнице, заложив руки за кушак. Дубовые полвицы мерно поскрипывали под его грузными шагами, еще больше раздражая наместника. Он повел по комнате тяжелым взглядом, еле сдерживая свой гнев.

Челядь знала - когда хозяин находится в таком настроении, под руку ему лучше не попадаться: только хуже будет. А потому, завидев, как потемнело лицо своенравного наместника, слуги тут же прыснули кто куда. Последним тихо и незаметно испарился писарь, шмыгнув к выходу. Неслышно притворив за собой резную дверь, он с облегчением вздохнул и глазами показал стоявшим с обеих сторон входа рындам, что хозяин лют. Те поняли его с полуслова, тут же подтянулись, выкатили грудь колесом, и замерли, вцепившись в свои бердыши и грозно выпучив глаза.

"Вот это выправка", - с легкой завистью подумал писарь, ссутуленный от долгих лет переписывания всяческих бумаг. И спрятался за витиеватой деревянной колонной - уходить далеко было небезопасно: хозяин мог покликать в любой момент. И ежели замешкаться чересчур, или, не дай боги, вовсе не услыхать зова и не явиться - то наместник был скор и беспощаден на расправу. А Юргис-горбун, палач, только довольно покряхтывал, отвешивая провинившемуся плетей, и радовался, как малое дитя, завидев очередную жертву.

Все в огромном доме затаились - даже мыши, казалось, перестали скрестись за стеной. Ибо сердит и невесел был княжеский наместник Кориат Довмонтович, потомственный шляхтич из славного рода Бутов. Когда-то и он, будучи помоложе, командовал полками и блистал при дворе Великого Князя, отце нынешнего. Но после его смерти, как и многие другие, был выслан подальше от стольного града и великокняжеского двора. Впрочем, Кориату Буту еще, можно сказать, крупно повезло - его не отправили на покой в свое поместье собирать рыжики да маслята, или куда-нибудь на дальний кордон да в глухой дозор, где ратники от нечего делать бражничают с утра до самой ночи.

Однако же и не направили послом в соседние, и не очень, земли и страны - да хоть в любое из тех же склавинских княжеств, мелкой россыпью окружавших Державу Неманскую после падения Русколани. Великое Княжество высилось над ними, как могучий столетний дуб над молодой порослью - а потому и почет, и уважение были обеспечены любому из послов Великого Князя. Однако, зная крутой нрав и беспокойную натуру Кориата Бута, новый Князь не рискнул его отправить во главе посольства куда-нибудь за тридевять земель - дабы он не наломал там дров своей горячностью. Можно им, конечно же, было бы заменить одного из тех дряхлеющих шамкающих старцев, которые просиживали свои зады послами в разных странах - а таковых древних дедов на службе, почитай, с пару десятков, если не больше, набиралось, и давно наступила пора их сменить.

Кориат Довмонтович, зная, что при новом князе он не удержит своего поста при дворе, все же надеялся именно на посольское место. Ведь там его ожидали сокольи и псовые охоты, разудалые буйные пиршества, блистательные выезды в свет, то есть честь и хвала - одним словом всё, к чему он привык при дворе. Но новый князь знал и другое - что через время всего этого Буту будет мало, и он, как в былые времена, вновь начнет собирать вокруг себя ватаги лихих охочих молодцов, да искать себе приключений на свою буйную голову. А это уж вовсе было не то, что не к лицу любому послу - а могло обернуться и против самого Великого Княжества, конечно же, вовсе не по злому умыслу Бута, а лишь от беспокойной природы его.

Всё это знали и сам Кориат Довмонтович, и новый князь Ольгерд. Когда-то еще совсем недавно, чуть ли не вчера, он был еще недорослем, знатным отпрыском, который частенько сиживал на руках у дядьки Бута, а частенько бывал и бит им с разрешения Великого Князя за разные мелкие шкоды и пакости. И вряд ли кому-то в голову тогда могло прийти, что этот разбалованный мальчуган, всего лишь один из многих сыновей Великого Князя, сам когда-нибудь станет им. Но время шло. И вчерашний недоросль вырос, и как-то незаметно для всех возмужал - правда, не изменил своим ребяческим повадкам. Когда старого Князя Любарта хватил удар и он почил в бозе, вся родовая шляхта собралась на Вече выбирать себе нового правителя из великокняжеских сыновей. А ежели таковых не находилось, то тогда, по древнему уложению, Великого Князя выбирали из всех отпрысков мужеского пола славного рода Гедиминовичей. Однако у старого князя недостатка в сыновьях как раз и не было, а потому и шляхта собралась на соборном поле, попила-погуляла три дня, сделала свое дело, присягнула на верность новому

правителю - да и разъехалась восвояси по своим поместьям. Выбор знати тогда пал на молодого Ольгерда, сына покойного Любарта. Особого удивления это, впрочем, ни у кого и не вызвало - ибо шляхта рассчитывала при нем прежде всего на увеличение своих прав и вольностей, памятуя его страсть к охотам, пирушкам и праздному времяпрепровождению - а вовсе не к державному делу. Но удивление пришло позже - молодой князь одним махом бросил все свои ребяческие затеи и забавы, окружил себя людьми значимыми и приблизил к себе мудрецов-вайделотов, не без помощи которых, как баяли злые языки, он и завладел троном. Новый князь перетрусил весь двор, железной рукой взнуздал не ожидавшую такого поворота старую знать и, как ни странно, проявил себя правителем мудрым, хоть и нрава весьма крутого. Наверное, в этом был и свой перст судьбы - ибо Великое Княжество подпирали с моря орды меченосцев, а внутри зашевелилась всевозможная нечисть.

Наведя порядок сильной и уверенной рукой, Ольгерд предотвратил подогреваемую врагом внутреннюю смуту, которая могла разорвать на клочья Великое Княжество. Твердо, но настойчиво и очень мудро, тасовал он старую родовую знать, как колоду карт - то приближая к себе, то вдруг отправляя в опалу, и затем снова милуя.

Так и с Кориатом Довмонтовичем, одним из приближенных своего отца, Ольгерд поступил очень умно. Зная его неудержимый норов и просчитав все возможности, вплоть до отправки его послом куда-нибудь, князь пришел к правильному, и, пожалуй, единственному решению - направить того своим наместником в окраинное Земиголье, вотчину его весьма странных и удивительных подданных, которых люди нарекли чудью, а сами себя они называли земниками или барздуками. Наместник - это, конечно же, не княжеский воевода, тем более, в такой-то глухомани. Однако ж и придраться вроде бы было не к чему - всё чин по чину, не задевая чести знатного шляхтича.

Но сам-то князь знал, что в той глуши беспокойному Буту не будет где разгуляться. Земники, хоть и назывались подданными Державы, жили, тем не менее, по своим издревним законам и обычаям, пользовались привилегией сами выбирать своего воеводу из числа старейшин, и самим же учинять свое собственное войско в случае нужды. И роль наместника в таких условиях была весьма условной и символичной - как ни крутись, а чуть не со всех сторон его власть ограничивали местные правила.

Однако князь знал, что Бут, несмотря на свою горячность и буйный норов, тем не менее муж, умудренный годами и опытом,

а потому ему ума станет не рассориться с земниками. И не ошибся - даже более того.

Кориат Довмонтович, разочарованный, конечно, тем, что его не отправили послом, к своей новой должности отнесся со всей серьезностью, и с барздуками сошелся очень быстро. Буквально за пару лет он обзавелся необходимыми связями и уже был на короткой ноге с самыми влиятельными местными родами. Еще немного - и он сам стал исподволь влиять на жизнь земников, при необходимости вмешиваясь (правда, с большим умом и величайшей осторожностью) даже в их сугубо внутренние дела.

На новом месте Бут развернул бурную деятельность, повинуясь своей неукротимой натуре. Набрав из поселенцев и привезенных с собою слуг свою собственную дружину, Кориат Довмонтович устроил перепись всего людского населения Земиголья, обложив их посильной и весьма необычной повинностью. Тех, кто не мог заплатить оброк, новый наместник стал привлекать к работам по благоустройству края - причем с толком и с умом. Ежели, скажем, мужики с каких-нибудь выселок в чаще не могли отдать положенного в казну, то Бут принуждал их приведению в порядок околиц своего же собственного поселения. Где лежал хилый бревенчатый мосток, срубленный на скорую руку тяп-ляп, челядник наместника заставлял переложить его в настоящий надежный мост. Где избы стояли с покосившимися стенами - там, хочешь не хочешь, силами всего села перестраивали ее наново, да понадежней. А где дороги лежали все в ямах да рытвинах, раскисая от грязи при каждой распутице, там люди наместника заставляли угрюмых диковатых мужиков выстилать их досками, превращая в пути прямоезжие.

А потому при его наместничестве по всему краю застучали топоры, и как грибы после дождя, стали вырастать людские поселения. При нем же стал отстраиваться и расти вширь и Земьгород - дотоле захолустная крепостца в глуши лесной, а ныне уже столица края и довольно крупный по тем меркам город. Народ помалу потянулся в Земиголье из других земель Великого Княжества.

Барздуки, извечные жители этого края, с людьми соседствовали бок-о-бок уже не одно столетие. И, дабы не вышло никакой размолвки или там обид, наместник также приложил немало усилий, чтобы провести четкую границу интересов двух народов, не ущемляя древних земниковских прав. За что и стал пользоваться непререкаемым авторитетом и уважением среди них.

В своей неутомимой жажде деятельности Бут столкнулся с еще одной заботой - как оказалось, пока неразрешимой для него.

В былые времена в Земьгород из разных земель Княжества вел большой тракт, проходивший через Синюю пущу, или Синелесье, как называли его местные жители. Однако же еще при предыдущем наместнике прям посреди того леса поселился старик-колдун, которого прозвали Бирюком. И тот загадочный насельник отвадил от тракта своим недобрым глазом всех путников - дорога заколодела и поросла травой. А потому местные жители проложили вокруг пущи новый шлях, по которому перемещались безопасно - но, увы, приходилось давать большой крюк, что не всегда устраивало многих купцов, предпочитавших по этой причине не заглядывать лишний раз в окраинные земли, и так лежавшие в стороне.

Кориат Довмонтович, не успев толком обосноваться в этой глуши, попытался решить вопрос по-своему - круто и с плеча. Ан нет - только мороки лишней набрался. Ни его дружина, ни просто охочие люди ничего не могли поделать с этим загадочным Бирюком.

Убедившись, что своими силами с чародеем он не управится, отписывал он и Великому Князю, дабы прислал тот помощь. Но в ответ последовал короткий, но внятный приказ - старика того не трогать и оставить в покое: не хватало еще разбередить вместе с ним какое-нибудь древнее лихо. А времена, мол, и так неспокойные - и лишние заботы Державе ни к чему. Ежели не шкодничает тот чародей и не лезет никуда из лесу, а сидит себе там тихонечко и носа оттуда не кажет - ну и хрен бы с ним!

После такой куда уж как понятной отписки из столицы, Бут махнул на Бирюка рукой и сделал вид, что смирился - но не забыл вовсе, оставив решение вопроса до лучших времен. Тем более, что были дела и поважней.

Уже который год подряд через границы и лесные кордоны повадилась шастать по окраинам княжества всяческая мерзость и дрянь. Зачастили с севера и с запада оборотни-волколаки - чего отродясь уже не видывало целое поколение. По болотам и топям, баяли перепуганные охотники и птицеловы, стали появляться умертвия, а ночами иногда небо над ними закрывали огромные стаи нетопырей. Вся эта нечисть лезла о стороны Орденских земель, в тисках зажавших Неманское княжество. Но двуличные рыцари лицемерно разводили руками и лживо ссылались на то, что, мол, и сами-де страдают от засилья нечисти. А потому и просили не первый уже год подряд разрешения беспрепятственно передвигаться своими отрядами по дорогам Великого Княжества - якобы для преследования и уничтожения волколаков и другой дряни. Однако, как небеспочвенно думали в самих неманских землях, меченосцы сами были причастны к появлению всей этой

нечисти своим темным чародейством и недоброй волшбой. А потому и отказывали, ссылаясь на различные предлоги, рыцарям в их настойчивых коварных просьбах.

А сегодня заполночь в Земьгород примчался взмыленный гонец от Великого Князя, и поднял наместника своим донесением. Весть о падении Арконы ошарашила Бута - и он понял, что скоро грядет война. Но увы, Князь так и не пожелал видеть его снова в столице, хотя ведь прекрасно знал ратные дарования Кориата Довмонтовича, памятуя, что от командовал конным полком в знаменитом Семихолмском сражении, а затем не единожды, собирая ватаги лихих людей, вразумлял на границах Державы зарвавшихся меченосцев. Но увы, старого князя уже не вернуть - а новый, как видно, окружил себя своими людьми, и не желал больше лицезреть старую гвардию отца своего.

Обида и злость захлестнули в тот миг Кориата Довмонтовича, перевесив даже известие о падении Руяна. И он, гневно кусая свой желтый ус, распорядился накормить и уложить спать княжеского гонца, Альгиса из рода Шварнов. А затем, удалившись к себе, до утра просидел у слюдяного окна, не сомкнув глаз.

Однако утро рассердило его еще больше. Лишь только солнце встало над Земьгородом, к наместнику на прием стал настойчиво проситься консул Ордена Меченосцев, барон Конрад фон Кинбург, старый лис и пройдоха. Вот уже с год как он прибыл в Земьгород якобы с консульской миссией - но, как небезосновательно полагал наместник, на самом деле с целью выведывать и вынюхивать, что творится в этих неманских землях.

По торговому уложению между Орденом и Великим Княжеством, купцы свободно передвигались меж двумя державами и основывали свои торговые ряды и слободы. Вот и пожилой барон прибыл якобы под видом старшего купца торговой гильдии, облеченного попутно обязанностями консула. Бумаги все были выправлены честь по чести - но даже слепой бы заметил острый взгляд и рыцарскую выправку меченосца.

Бут еще тогда, приняв верительные грамоты и внимательно осмотрев с головы до ног торгового консула, принял решение приставить к нему своих людей. И хотя соглядатаи наместника были вычислены охраной барона в первый же день (что и не удивительно вовсе и только лишний раз убедило Кориата Довмонтовича в своей правоте), обе стороны продолжали делать вид, что якобы ничего не происходит и всё идет своим чередом. Барон, не успев обосноваться в торговой слободе и для отводу глаз назначив в открытую впопыхах лавку приказчиков, тут же занялся своим прямым делом, по которому, собственно и прибыл

- сбором сведений про Земиголье и окрестности, нимало не стесняясь при этом людей наместника. Те же, в свою очередь, заведомо зная, что уже раскрыты охраной консула, ходили за ним и его посыльными совершенно открыто и не таясь, дыша им чуть ли не в спину и в буквальном смысле наступая на пятки. Такая игра в кошки-мышки, тем не менее, привела к итогу довольно странному - казалось бы, обе стороны должны были знать друг о друге всё или почти всё. Но именно поэтому часто и вводили противоположную сторону в заблуждение и сбивали со следу заведомо лживыми поступками - да так, что в конце концов запутались вовсе, и в этой неразберихе взаимного обмана и нагромождения всевозможных уловок утонули окончательно сами. И наместник, и барон поняли очень быстро, что они - противники достойные и стоят друг друга.

А потому и столь ранее посещение со стороны консула Бут расценил как очередной подвох хитрого и коварного врага.

"И какого рожна ему надо?" - сердито думал наместник, ни на миг не сомкнувший глаз за эту бессонную ночь.

Наскоро брызнув в лицо холодной водой и пригладив волосы, надев золоченую вышитую ферязь и водрузив на голову высокую меховую горлатную шапку, Бут стремительно вышел в гостевую залу и бросил слуге:

- Проси!

***

Барон Конрад фон Кинбург вкатился в палату толстой бочкой, отвесил весьма длинный и церемонный поклон, и, расшаркавшись, как положено, начал издалека:

- Ваша честь, наместник волею богов Земьгорода, Земиголья и всех окрестных земель, достославный Кориат, сын Довмонтович, урожденный шляхтич Бут, разрешите мне, барону Конраду Кинбуржскому, купцу торговой гильдии и консулу великого Ордена меченосцев, нижайше вручить Вам от имени Великого Магистра и Генерального Капитула Ордена светлейшее послание.

И, склонив голову, протянул в обеих руках пергаментный свиток.

"Ишь ты, нагородил титулов, толстый черт", - сердито подумал Кориат, пропустив всю эту словесную шелуху между ушей: "Интересно, какого ляда он сюда притащился ни свет, ни заря?"

Бут выждал несколько мгновений, как и подобает в таких случаях, и затем благосклонно кивнул. Писарь, стоявший рядом, осторожно принял из рук консула грамоту и развернул ее, быстро пробежав взглядом. Лицо писчего дьяка похолодело и замерло - он поднял изумленные глаза сперва на барона, а затем

недоуменно посмотрел на наместника. Кориат Довмонтович резко сказал:

- Подай сюда!

И, резким движением выхватив протянутое послание, стал читать про себя.

Первым желанием Бута было стремительно встать и, развернув барона толстым рылом к двери, отвесить ему хорошего пинка под зад и вытолкать взашей. Но как бы ни был гневлив наместник, со своей яростью он мгновенно совладал.

Послание было еще более издевательским и лицемерным по тону, чем послание к Великому Князю. Речь шла всё о том же - если пропустить все эти охи и вздохи в отношении Арконы и руян, смысл его сводился к тому, что Орден настойчиво просил разрешения беспрепятственно пропускать его отряды по землям всего Земиголья якобы для преследования расплодившейся нечисти, и даже предлагал свою бескорыстную помощь и высокое покровительство всему Земигольскому краю со стороны Ордена в случае, ежели Великий Князь не удосужится прийти на помощь своим далеким окраинам. Намек был более чем прозрачным и откровенно наглым по своей сути.

Краска ударила в лицо Буту, но он, пересилив себя, нарочито небрежным движением вернул грамоту писарю и удивленно поднял бровь.

- О какой помощи говорит Великий Магистр, о светлейший барон? - спросил наместник. - Покамест, слава всем богам, мы справляемся своими силами - и, смею заметить, весьма неплохо.

Консул склонил голову в знак согласия и заметил:

- Но времена меняются. Ваша честь. И то, что сегодня кажется незыблемым, завтра может оказаться призрачным или вовсе исчезнуть. Не стоит так сходу отвергать протянутую руку дружбы...

- Даже если она в кованых рукавицах? - улыбнулся Бут. - В таком случае я нисколько не сомневаюсь в Ваших самых искренних и добрых намерениях - я просто боюсь уколоться о шипы ваших лат!

Ответ был достойным. Барон побагровел и поднял на Бута враз потемневшие глаза. Наместник и консул скрестили мечи своих взглядов - в гостевой палате повисла звенящая тишина.

На несколько секунд они так и замерли, глядя друг другу в глаза. Одни, рысьи, с хищной прозеленью и недоброй желтизной - и другие, серые, с холодными разводами, и твердые, как скала. В этот миг оба сбросили с себя порядком утомившие их личины. Один - маску эдакого хитрована, прохвоста-купчины, не видящего ничего дальше носа и своей набитой мошны. И другой, игравший

роль туповатого вояки и наместника-простака.

Но этот миг продлился недолго - миг, когда наружу вырвалась истинная сущность достойных друг друга противников: хищного рыцаря и шляхтича знатного рода.

Консул первым пошел на попятную. Он вдруг резко опустил взгляд, и через мгновение перед наместником снова предстал лукавый купец, который, заморгав поросячьими глазками, якобы невинно спросил, пряча свое ядовитое жало:

- Так что передать Великому Магистру и Генеральному Капитулу Ордена, досточтимый господин Бут?

Это был еще один удар ниже пояса - называть княжеского наместника родовым прозвищем, совершенно не беря во внимание его должность. Так разговаривать могла только более высокая особа с нижестоящим по званию.

Писчий дьяк, стоявший всё это время недвижно, и боявшийся даже пошелохнуться, вздрогнул и быстро захлопал глазами. Но Кориат Довмонтович и бровью не повел на такое неслыханное оскорбление.

- Передайте Великому Магистру, что нам весьма лестно таковое предложение и мы его обязательно рассмотрим, сударь Конрад!

Настала очередь вздрогнуть барона - ибо ответ наместника еще больше умалял его консульское звание, нежели сделал он своими словами в отношении наместника. Покрывшись пятнами, барон прошипел, еле сдерживая гнев:

- Всенепременнейше, господин наместник.

И, быстро раскланявшись, удалился, еле сдерживая злость.

Выждав, когда затихнут шаги орденского посланца, Кориат Довмонтович яростно прорычал:

- Позвать сюда Собыря и Блоху - живо! Из-под земли достать!

И лишь после этого, дав волю клокотавшему в нем гневу, схватил первый попавшийся под руку кувшин и запустил им с маху в стену. Дьяк от неожиданности вздрогнул и еще пуще прежнего заморгал с перепугу.

- Какого лешего ты на меня уставился, Лугвоний? - раздраженно спросил Бут у писаря, по-прежнему сжимавшего послание: - Убери эту мерзость с глаз моих! Тьфу!

И он, стукнув кулаком об кулак, круто развернулся и вышел вон.

***

- Вот объясни мне, милейший, - вкрадчивым голосом говорил Кориат Довмонтович перепуганному насмерть молодцу, навытяжку стоявшему перед ним, - каким образом этот пройдоха барон получил письмо?

Молодец из сыскной службы виновато хлопал глазами, но так и не смог ответить ничего вразумительного.

- Вот скажи-ка, - продолжал, еле сдерживаясь, Бут, - к нему что, приезжал кто в последнее время издалека? И если приезжал, то почему я об этом не знаю ни шиша? А, голубчик?

Молодец молчал, уставившись в потолок невидящим взглядом.

- Язык проглотил? - по-прежнему вкрадчиво произнес Кориат Довмонтович. - Ну-ну, помолчи мне.

И, повернувшись к другому, помельче ростом, спросил:

- А ты что скажешь, Блоха?

И, не дождавшись ответа, вдруг загремел на всю горницу - да так, что задрожали слюдяные стекла в оконце:

- Я вас, распротак вашу так, в землю вгоню! Жрать ее у меня будете, дармоеды хреновы! Я шкуру с вас обоих спущу, до самых костей, растуды вашу медь!

Молодцы из сыскной службы стояли навытяжку, уставившись отсутствующим взглядом куда-то далеко вперед, и только слегка вздрагивали, когда наместник кричал угрозы им в лицо, попеременно поворачиваясь к каждому из них.

Выпустив кипевший в нем гнев, Кориат Довмонтович напоследок хлопнул рукой об стол и, люто поведя разъяренным глазом, наконец сел, тяжело дыша. Молодцы стояли, будто вкопанные - не шевелясь.

Покрутив пару минут свой длинный желтый ус, наместник крякнул и сказал:

- Ну, ладно, будет. Рассказывайте, чего там у вас.

Молодцы испуганно и виновато заморгали.

- Да мы, ваше высокородие, глаз с него не спускали, с аспида этого жирного! - сказал тот, что повыше, по имени Собырь.

Наместник хмыкнул.

- Да? Ну а письмо ему с печатью Великого Магистра кто доставил? - спросил он.

Собырь только развел руками.

Наместник встал и, заложив руки за кушак, стал нервно прохаживаться туда-сюда.

- Это что ж получается, а? - рассуждал он вслух. - Никто к барону в последнее время не прибывал - а письмо с гербовой печатью он мне передал. Здесь одно из двух выходит - или грамоту эту ему раньше доставили, или же... Или же вы, орлы мои, проморгали-таки лазутчика консула - вот что!

И Бут, став перед Собырем и Блохой, вопросительно глянул на них. Те мгновенно вытянулись вновь.

- Да будет вам, - махнул на них рукой наместник. - Давайте

вот лучше кумекать вместе, что да как.

Молодцы из тайной службы заулыбались и повеселели - гроза, слава богам, миновала. Бут только покосился на них и сказал:

- Эх, рожи ваши окаянные... Шельмы вы оба, вот кто! Выпороть бы вас - да кто ж за этим мерзавцем приглядывать-то будет? Ладно, давайте, раскидывайте мозгами.

И, сев на приземистую скамью, закинул ногу на ногу и приготовился слушать.

Собырь, покосившись на высоко загнутый носок сапога наместника, прокашлялся и начал:

- Я вот что думаю, ваше высокородие. Вряд ли барону письмо это из Ордена раньше доставили. Это что ж выходит - будто оно лежало у него и ждало своего часа? А ежели б с Руяном все не так вышло? Чушь какая-то получается, вот что. Так что быть такого не могло - это раз.

Бут с интересом посмотрел на него:

- Ну-ну, давай дальше.

Собырь немного осмелел и продолжил:

- Можно, ваше высокородие, допустить и такую шальную мысль, что письмо сие написано бароном самим - уже тут, в Земьгороде...

- Что-о-о? - изумленно вскинул брови наместник, даже привстав.

Собырь заторопился:

- Я, конечно, не того, но все же...

И, набрав полную грудь воздуха, выпалил:

- Я, ваша высокородь, думаю, что у консула здесь имеются пустые листы писем от Ордена, заверенные гербовой печатью Великого Магистра и Генерального Капитула ихнего! И барон сам вписывает туда в особых случаях необходимый текст.

Бут вскочил:

- Ты из ума выжил, что ли, Собырь? Несешь чушь несусветную! Ты еще предположи, что у барона есть копия самой печати Магистра - а чего уж там скромничать, а? Только думается мне, что не сносил бы он уже давно головы своей - за эдакое самоуправство!

И наместник снова забегал туда-сюда по горнице.

Немного успокоившись, поравнялся с Собырем и сказал:

- Ладно. Валяй дальше. Только есть вот еще и третье объяснение, соколики вы мои. Знаете его?

И в упор посмотрел на сыскарей.

Те взгляд его выдержали, и Собырь ответил:

- Мы, ваше высокородие, еще не закончили. Только третье

объяснение вам, боюсь, не понравится еще больше.

- Да? - выдохнул наместник и, снова усевшись на лавку, показал жестом: - Излагай.

Собырь пихнул локтем своего соседа и сказал:

- Вот Блоха, ваше высокородие, пусть лучше расскажет.

Кориат Довмонтович согласно кивнул.

- Третье объяснение, ваша высокородь, - начал тот, что пониже ростом, - вам не очень придется по душе. Потому что мы действительно упустили лазутчика, если его так можно назвать - и это три!

Наместник захлопал глазами, от удивления открыв рот. А затем вдруг громко расхохотался.

- Сами упустили - и мне еще не понравится?! Да чтоб вас разорвало, шельмецы этакие! Упустили-таки, да? Проворонили?

И Бут, чувствуя, что в нем снова начинает закипать гнев, воззрился на них. Но Собырь и бровью не повел и закончил вместо Блохи:

- Да, ваше высокородие, именно - проворонили! В буквальном смысле этого слова!

- Не уразумел, - протянул наместник. - Что ты этим хочешь сказать?

- А то, ваше высокородие, что летать по небу мы еще не научились. Потому что лазутчик этот и есть...ворона!

В горнице повисла тишина. Бут сидел, ошарашено смотря на сыскарей. Затем, присвистнув, медленно сказал:

- Вы это что, серьезно?

- Серьезней некуда, ваше высокородие! - гаркнули Собырь и Блоха.

- Так-так-так, - застучал пальцами по столу наместник, ловя мысль на лету. - Интересное дело получается. Это что ж выходит-то? Ворона, хоть и птица крупная, а эту грамоту донести все ж таки не смогла б. Значит, послание сие действительно писано самим консулом прямо тут, в Земьгороде, на гербовой бумаге с печатью. А вот текст донесения пришел от Магистра вместе с этой чертовой птицей! Хм, лихо придумано - вместо почтовых голубей использовать ворон! Поди-ка их сосчитай, какие из них местные, а какие из Ордена прилетели!

Наместник задумался на некоторое время. Сыскари стояли тихо, готовясь поймать каждое его слово.

- Тэ-э-эк-с, - протянул Кориат Довмонтович после краткого раздумья. - Значит вот что, орлы мои. Глаз с этого жирного кабана не спускать - обложить его нашими людьми вдвое прежнего. Хочу знать, что он делает каждый миг, каждую минуту - что ест, чем дышит и что думает. Обо всех его гостях и

посетителях докладывать мне немедля, где бы я ни был! Всю его переписку наблюдать тщательно. А что делать с гонцами, что будут с донесениями от него - каждый раз будем решать в своем случае. Почему бы, скажем, некоторым его гонцам и не пропасть вовсе в дороге? Времена-то ведь лихие, сами знаете.

И наместник подмигнул сыскарям. Те понимающе расплылись в улыбке.

- Ворона... Ворона... Что делать с воронами? - в раздумье поскреб затылок Бут и, подойдя к двери, гаркнул:

- Лугвоний, чтоб тебя! Быстро ко мне!

Через миг в двери влетел взъерошенный писчий дьяк.

- Ну вот что, соколики мои, летите покамест - дел у вас невпроворот нынче, - сказал наместник сыскарям. - А я тут кое-кому крылышки-то сейчас пообломаю!

Когда Собырь и Блоха, пятясь, выходили, Бут повернулся к писарю и уже говорил:

- Ну что, душа чернильная... Пиши-ка приказ по Земьгороду и окрестностям.

И, хмыкнув, подмигнул дьяку.

- Приказ, конечно, будет звучать по-дурацки, - сказал наместник, - но, думается мне, найдется все же кое-кто здесь, кто оценит его по достоинству!

И принялся диктовать.

ГЛАВА 12
ЗЕМЬГОРОД

Столица Земиголья встретила барздуков широко распахнутыми дубовыми воротами и многолюдными толпами ее жителей и гостей, суетливо спешащих по своим делам. Ленивые стражи, развалившиеся у ворот, лишь сонно глянули из-под стальных островерхих шишаков на необычных странников, зевнули и снова уткнулись носами в свои рогатины, продолжая прерванную полуденную дрему. Барздуки, хоть и считались исконными жителями Земигольского края, однако же в столице его были нечастыми гостями - Земьгород с самого начала был людским поселением, да и сами окрестные земли всё больше и больше очеловечивались, вытесняя волшебную нелюдь в чащобы да лесные глухомани. Однако ж, справедливости ради, и невидалью какой в стольном городе земники не были вовсе.

Бортень покосился на заспанную стражу и недовольно хмыкнул про себя - такого разгильдяйства в его дружине и помыслить было невозможно.

"Ишь ты, вояки хреновы!" - сердито подумал воевода и, когда его упитанный лошак миновал арку ворот, сплюнул в сердцах на

землю.

Следом за Бортнем трусил на пони дядюшка Брыль, сто лет не бывший в Земьгороде, а оттого и крутивший головой по сторонам налево и направо, разглядывая всё вокруг. Сопровождали их несколько вооруженных челядников из Брылевых слуг да трое дружинников Воеводиных. Остальной отряд Бортень оставил под началом Сухана за околицами Земьгорода, приказав найти место для лагеря недалече от других барздучьих родов, начавших также прибывать к столице на ежегодный Вечевой Сбор. Сам же воевода, прихватив с собой своего соседа вирсайта, отправился в стольный град к наместнику - нанести необходимый в таких случаях визит вежливости.

- Ты видал этих оболтусов, Брыль? - возмущенно сказал воевода, толкнув вирсайта в бок. - Кругом такая каша заваривается - а тут... Эх, моя б воля - гнал бы взашей разэтаких вояк!

И Бортень сердито махнул рукой.

- Да уж, сосед, - поддакнул Брыль и тут же спросил: - Ну а Кориат Довмонтович куда смотрит?

Однако Бортень не ответил - только покосился раздраженно на него из-под своих мохнатых бровей: под густой бородищей зло заходили желваки - негоже выборному воеводе, да еще из барздуков, делать замечания наместнику самого Великого Князя.

Однако гнев воеводы мгновенно бы улетучился, знай он, что при всем видимом безделье и нарочитом разгильдяйстве стражников у ворот, за всеми прибывающими в город и убывающими из него зорко следила не одна пара пристальных и цепких глаз. В отличие от стражи явной у ворот, тайная служба наместника работала споро и незаметно.

Там сбоку от городской стены примостился старичок-горбунок, испрашивающий милостыню у прохожих - только глаза у этого старика были бойкие и всё подмечающие; а сам он сидел и перебирал четки, раскладывая и перекладывая туда-сюда вроде бы бесцельно свои нехитрые пожитки из заплечной торбы, да подсчитывал горсти мелких монет в засаленном войлочном колпаке, куда бросали милостыню сердобольные перехожие.

Поодаль важно примостилась гадалка-карга - вся в ярких бусах и блестящих монистах, в пестрой шали, в которую куталась постоянно, в цветастой косынке, из-под которой выбивались пакли пожухлых седых волос. Карга скрипела неприятным резким голосом и зазывала к себе наивных простаков, хватая иных прохожих прямо за полы длинной одежды. Старуха обещала поворожить на судьбу и погадать на счастье по ладони, трясла в скрюченных пальцах горсти разноцветных бобов и время от

времени высыпала их на некогда белый плат, ныне замызганный и грязный, рассматривая лишь ей одной ведомые чародейские сочетания и знаки.

Еще чуть дальше прямо в толпу вклинивался молодой коробейник, звонким голосом нахваливавший свой товар, слагая прямо на ходу стишки о нем в склад и не в склад. А вокруг него вертелись какие-то бойкие растрепанные мальчуганы с не по-детски умными глазами, так и норовившими стянуть у торговца прямо с лотка какую-нибудь мелочь.

Тут и там, в снующей в обе стороны живой реке, попадались разные колоритные лица, то привлекавшие к себе внимание, то наоборот, старавшиеся избежать его, мешавшие и без того многолюдному движению, и создававшие у ворот и прилегающих к ним улочках столпотворение и беспорядок. И нигде окрест не было никакой стражи, чтобы навести лад в этом бардаке - ежели не считать, конечно же, в край облепившихся вартовых у ворот, по-прежнему похрапывающих в своей приятной дреме и в ус совершенно не дующих.

Однако каково было бы удивление воеводы Бортня, взиравшего на всю эту сумятицу с пренеприятнейшим изумлением, если бы он знал, что весь этот безлад во многом нарочитый - а тайная стража наместника вездесуща и всепроникающа: от ее наметанного ока скрыть ничего не удавалось. Зачем же было считать да отмечать прибывающих и убывающих в Земьгороде привратной страже, ежели все то же самое можно было делать и незаметно, исподволь и тихо, создавая видимость вольницы и не стесняя людей? Да и чего греха таить, строгие порядки у ворот и лиходеев настораживают, отчего те употребляют всяческие меры да всевозможные уловки, чтобы скрыть свои замыслы. А так, при свободном и открытом движении и видимом бездействии и лености стражи, и недоброхоты часто ведут себя более открыто и не та осторожно. А потому и создавалась нарочито у ворот толчея да сумятица - и в этом живом водовороте сновали всякие бойкие людишки, исподволь и незаметно ощупывавшие любой подозрительный груз или зорко оглядывавшие каждого насторожившего их гостя. Промеж собой они обменивались только им одним понятными знаками и жестами, на которые сторонний человек и внимания не обратил бы вовсе.

А помимо этого, воеводу также несказанно бы удивило, что нищий старик, выпрашивающий милостыню, зорко подсчитывает количество народу входящего и уходящего, делая пометки для себя разными монетами, перекладывая их туда-сюда. А гадалка-карга ведет свой, независимый от горбуна счет, отмечая сведения

на бобах; хватая же за полы проходящих мимо людей, старуха дает знак тайным соглядатаям - мол, займитесь-ка этим вот парнем, ребятушки, что-то в нем неладно. Из толпы тут же мгновенно к подозрительному лицу просачивались бойкие люди наместника и осторожно и незаметно проверяли его.

Коробейник же со звонким голосом, смешивший румяных молодиц, и верховодил всем этим действом, зорко высматривая во все стороны происходящее, чтобы вовремя принять меры. А стая мальчишек, крутившаяся вокруг него будто бы с желанием стянуть хоть какую-то безделицу с лотка, на самом деле выполняла роль посыльных при нем.

Вечером же, после закрытия ворот, подсчеты нищего и гадалки, равно как и других незаметных смотрителей, сводились вместе, создавая Собырю, начальнику тайной наместничьей стражи, картину ясную и понятную, сколько и какого народу в город прибыло и убыло, с чем и с какими намерениями. И ежели попадались какие-либо заинтересовавшие тайную стражу лица, за ними сразу же закреплялся хвостом укромный соглядатай, чаще всего какой-нибудь неприметный мальчишка, который и следил за ними до места прибытия.

Так и сейчас - глазастый и горластый коробейник сразу же отметил в толпе въезжающих бородачей-земников и тут же устремился к ним, громко и на все лады расхваливая свой скарб.

- Эй, купцы-молодцы, честной народ у дубовых ворот! - звонко закричал коробейник, бойко пробираясь сквозь толчею к застрявшим в ней барздукам. - Продаю платки и шали - налетай, пока не разобрали!

И, подобравшись поближе к воеводе и его свите, коробейник громко и зазывно сказал:

- А что, господа земники, возьмете бабам своим барздучихам платки и бусы, мониста и бисер? Почитай, они и не видали ни разу такого славного товару. Купите в подарок, не пожалеете!

И барздуков враз облепила толпа юрких глазастых мальчишек и каких-то спорых серых людишек, шустро зашнырявших вокруг - да так, что и проехать вовсе невозможно стало.

- Ты бы, мил человек, посторонился бы малость, - сердито сказал Бортень, недовольно посверкивая глазами из-под насупленных бровей. - Не надобно нам твоего товару ни за деньги, ни за просто так.

И воевода натянул узду лошака.

- Да-да, коробейник, не мешай и не путайся, - ввязался дядюшка Брыль. - Освобождай давай дорогу!

- Ого, какие суровые бородачи! - рассмеялся торговец, с

вызовом поглядывая на земников. - Это ж откель такие сердитые дядьки взялись-то? Сразу видать, что не тутошние - ни тебе здрасьте, ни тебе до свидания!

И коробейник оглянулся вокруг, словно ища поддержки. Толпа весело загалдела, ожидая от него озорной выходки.

- А что ж вы на бусы-то и глянуть даже не желаете, милостивые судари? - с хитрецой спросил коробейник, явно замысливший какую-то шутку.

Бортень почуял в его вопросе подвох и молча засопел, упрямо сжав губы.

- Ишь ты, как надулся! - сказал коробейник. - И бородища-то о-го-го как торчит в разные стороны! Видать, потому и не нужны им ни бусы, ни мониста, верно говорю?

- Это почему же не нужны-то? - спросил кто-то из толпы, ожидая смешной выходки.

- Как - почему? - вроде удивился коробейник и, ухмыльнувшись, выдал: - да потому, что и бабы у земников тоже небось все бородатые - а под бородой бусы да ожерелья не шибко-то и видны будут!

Громкий хохот прокатился по толпе - народ смеялся, держась за животы и потешаясь едкой шутке.

Бортень побагровел. Кровь ему ударила в голову от ярости и он, выхватив плетку, хотел было ею огреть зарвавшегося остряка.

- Ах ты, плут! - взревел воевода с налитыми гневом глазами. - Я т-тебе покажу бороды, сукин кот!

И он попытался было направить своего грузного лошака на наглеца, но толпа вокруг земников вдруг шевельнулась и навалилась на барздуков, оттеснив их подальше от коробейника, в сторону широкой улицы. Вокруг хохотал и улюлюкал народ, смакуя на все лады колкую шутку.

- Вот я тебя! - грозил плеткой Бортень. - Попадешься ты мне в руки - я с тебя живо три шкуры спущу!

Но коробейник и сам, отойдя на безопасное расстояние, только весело смеялся. И вдруг, встретившись взглядом с рассерженным барздуком, нахально подмигнул ему - и вдобавок показал язык.

Бортень чуть не задохнулся от ярости - у него сперло дыхание от такой выходки. Но в этот миг коробейник, отвесив издевательский поклон, быстро юркнул в какой-то переулок и был таков. Толпа, смеясь и улюлюкая, теснила земников в противоположную сторону, постепенно рассасываясь сама.

***

Когда воевода пришел в себя от гнева, все еще клокотавшего у него в груди, их небольшой отряд ехал по городу. Копыта

приземистых земниковских лошаков цокали по дубовым доскам, коими были выстланы от грязи и луж вместо мостовых все большие улицы Земьгорода. Вокруг по своим делам шнырял народ, мало обращая внимания на конных барздуков. Иногда бывало какой-нибудь ротозей замирал на месте, будто вкопанный, с удивлением разглядывая диковинных гостей, а потом снова со скучающим видом переводил взгляд на островерхие крыши домов, бревенчатые стены да суетящийся люд. Или тетка какая, спешащая по своим бабьим делишкам, вдруг открывала от изумления рот, шарахалась в сторону и испуганно шептала себе под нос: "Свят, свят, свят! Вот же принесла нелегкая сюда нелюдь всякую. Тьфу на тебя!" Земники только косились сердито на таких злоязыких бабенок - те испуганно осекались, прятали свои глаза и старались побыстрей испариться.

На пересечении одной из улиц вдруг вывернули два всадника в высоких шапках и заляпанных грязью плащах. Один, спешившись, достал из кожаной сумы какой-то лист и стал прибивать его к стене углового дома. А второй поднял серебряный рог и несколько раз протрубил в него.

- Жители и гости Земьгорода! - звонко выкрикнул горнист, опустив рог. - Слушай указ наместника!

Народ мгновенно замер - все повернули головы в его сторону. Земники также придержали коней и подъехали поближе.

Когда вокруг собралось достаточно людей, всадник протрубил еще раз и, развернув пергаментный свиток, начал громко читать:

"Мы, волею священных богов наместник Его Светлости Великого Князя Неманского, правитель Земьгорода, всего Земигольского края и окрестных земель, достославный господин Кориат, сын Довмонтович, урожденный и потомственный шляхтич Бут, наказываем..."

Тут всадник прокашлялся несколько раз и с новой силой продолжил:

"... наказываем начиная с сей же самой минуты нонешнего дня, как кто услышит сей указ мой, во исполнение воли моей, начать ловить и побивать всех птиц ворон и воронов, грачей и сорок во всем Земьгороде и его окрестностях. Ибо птицы сии наносят шкоды неимоверные и зловредят урожаю нашему, разносят хвори и напасти всякие!"

В толпе зашептались - глашатай грозно повел суровым взглядом, и, дождавшись тишины, загудел вновь:

"Ежели кто принесет в приказный двор ворону или ворона живьем словленных, получит медный грош - а за убитого всего полушку.

За грача и сороку живых - полушка также, а за убитых вовсе - всего четвертушку.

Ежели ни изловить, ни убить сих премерзких злопротивных птиц не удается вовсе, то все одно наказываем строго-настрого гнать их всячески из города нашего и окрестностей его. А кто ослушается приказа моего - тому быть битому плетьми и розгами на площади.

Писано со слов Его чести наместника Земьгорода и Земиголья, Кориата Довмонтовича из рода Бутов.

Записано верно писчим дьяком во вторник день поутру".

И, протрубив еще раз в свой рог, глашатай свернул пергамент и спрятал его в поясной чехол. Через миг, когда его напарник взлетел в седло, оба всадника помчались дальше, покрикивая на ходу на зазевавшихся прохожих: "По-о-оберегись! Ра-а-аступись!"

Еще не стих по мощеным улицам цокот их копыт и эхо строгих окликов, как взбудораженные жители и гости Земьгорода принялись бурно обсуждать приказ.

- Вот тебе на! - крякнул какой-то плюгавый старикашка. - Дожили, батюшки-светы - ворон и граков теперича ловить будем! Совсем что ли наместник там у себя в палатах головушкой тронулся, что ли?

И старик покрутил пальцем у виска.

- Ну-ну, дедуля, ты полегче там, - грозно одернул его розовомордый детина. - А то гляди-ка, схватят тебя за шиворот, да и отволокут на площадь- попробуешь вот плетей там маленько за свой длиннющий язык!

- А я говорю - правильно! Давно пора было! - вмешалась какая-то взопревшая толстая тетка. - А то развелось тут дряни всякой разной - то кошачье поганое бегает под ногами, будь оно неладно, то эти воровки крылатые черноперые. Правильно говорю, а?

Кто-то одобрительно загудел - а кто-то насмешливо выкрикнул сзади:

- Тебя бы, тетка, саму изловить - да в приказный двор сдать: хоть за грош, а хоть и за полушку. И то дышать легче бы стало! На одну языкастую поменьше стало бы!

Вокруг захохотали. Тетка всплеснула руками от возмущения:

- Да кто ж там такой охальник: А чтоб тебя, дубина стоеросовая, и так, и вот так, и растак!

И уличную сплетницу понесло по бурным волнам богатой народной речи.

Но тут вмешался какой-то служивый, жевавший в углу рта соломинку.

- Цыц, ты, шальная! - резко одернул он языкастую не в меру бабу. - А ну, живо уймись!

Та открыла было рот и на него - но, взглянув в его закаменелые решительные глаза, враз от испуга захлопнула пасть, клацнув зубами. Быстро прихватив свои корзины, тетка предпочла шустро убраться восвояси.

Народ продолжал гудеть и дальше, обсуждая странный приказ. Барздуки, осторожно раздвигая толпу, подъехали поближе. Люди расступались, недовольно поглядывая на вооруженных земников, но задевать их побаивались.

- Ну что там, соседушко? - пробасил Бортень, спрашивая Брыля, свесившегося с седла и внимательно рассматривавшего прибитый к стене листок с приказом.

- А то же самое, что мы и сами только что слыхали, - сказал Брыль и поскреб затылок: - Ничего не понимаю - какой урожай, какие напасти?

И еще раз уставился на стену, перечитывая текст.

Указ был написан весьма торопливо и даже неряшливо - по всему было видно, что писари спешили, размножая приказ наместника, и наставили кучу больших и мелких чернильных клякс. Указ был написан на неманском говоре - но сразу всеми тремя азбуками, бывшими в то время в ходу в Державе. Сверху колола глаз своими рублеными углами острая руница, наследие таинственных северных земель. Пониже разбегались округлыми знаками с кудрявыми завитушками мудреная глаголица, пришедшая с далекого юга. А еще дальше шла перенятая у руговруян словянская велесовица - с письменами, будто бы подвешенными снизу к единой ниточке.

- Ишь ты, хоть и торопились - а поди ж ты, сразу всеми известными буквицами указ написали-то, - хмыкнул Брыль, обученный грамоте. - Видать, важности он великой, раз хотят, чтобы уразумели его не токмо жители Земьгорода, но и все гости.

- А пес его знает, что здесь творится! - сплюнул воевода Бортень и развернул своего лошака. - У ворот - бардак и бедлам несусветные. Здесь - дурацкий указ ловить ворон. И что оно только деется? Поди вот, разберись попробуй!

И он с мрачным видом двинулся дальше, сердито соображая, что к чему. Брыль и остальные земники тронулись за ним, недоуменно пожимая плечами от только что увиденного и услышанного.

***

Однако еще одна неожиданность ожидала барздуков на площади недалеко от детинца, в коем обитал княжий наместник. Едва въехав на майдан, они увидели, как посреди толпы какой-то колоритный человечище с голым пузом поставил колом огромную бочку, влез на нее и стал что-то выкрикивать, размахивая руками. В толпе засмеялись, двинулись к нему, заслонив его от земников. Когда крики утихли - гулко забили литавры, загалдели чьи-то голоса, послышались смешки, а в ответ им осуждающие крики.

- Это еще что такое? - изумленно округлил глаза Бортень, взирая на столпотворение прямо на пути к воротам детинца.

Как ни крути, а объехать это очередное препятствие никак не удавалось. И барздуки стали протискиваться сквозь толпу. Народ недовольно уступал дорогу и бурчал вслед: "Хоть бы с коней послазили, нелюдь лесная! Прутся прям напролом, бородатые! " земники молча, но настойчиво и осторожно отпихивали со своего пути зазевавшихся, упрямо двигаясь вперед. И враз толпа расступилась - и прямо в середине ее барздукам открылась следующая картина.

Стоял колченогий небольшой стол, за которым умостился, изогнувшись в три погибели, немыслимо высокий и худой до костлявости писарь, навостривший гусиное перо и готовый мгновенно макнуть ее в открытую бронзовую чернильницу. А рядом стояли литавры, в которые от всей души колошматил двумя палками непомерной ширины толстяк, ежесекундно расплывавшийся в улыбке и показывая свои повыщербленные желтые зубы. Оба они одеты были чересчур ярко, если посмотреть на это с точки зрения местных жителей, и слишком тепло, как для этой поры года. Оба были в одинаковых синих жупанах с отворотами, и лихо заломленных набекрень смушковых шапках, из-под которых залихватски торчали взбитые в пену кудрявые чубы. Оба грозно пошевеливали огромными, торчавшими в разные стороны усами длиной чуть не в аршин, и вид имели весьма диковинный и своеобразный.

В центре торчала огромная просмоленная бочка чуть не в человеческий рост, на которой стоял весьма странный с виду человек - среднего росту, чернявый, в меру поджарый и жилистый. Человек этот был лишь в одних сапогах и широченных, как море, алых шароварах, сплошь измазанных дегтем, грязью и еще невесть чем. По всему было видно, что сукно этих чудных штанов было очень дорогим и редким - но складывалось стойкое ощущение, что испорчено оно было этими пятнами не столько от неряшливости его владельца, сколь скорее всего нарочито и с умыслом, дабы показать, что хозяин этих штанов и в грош не

ставит высокую цену такого дорогого сукна. И сами шаровары эти были даже прожжены искрами в нескольких местах, а мотня их свисала так низко, что чуть не доставала халяв порыжевших стоптанных сапог, смятых в складку щучкой. А когда временами налетал ветер, то под его порывами эти широченные удивительные штаны раздувались огромными красными парусами.

- Вот это штаны - так штаны! - присвистнул Брыль, глядя на такую диковину. - В таковские-то шаровары по целому земнику затолкать можно!

В толпе громко засмеялись шутке барздука.

Чернявый человек на бочке враз обернулся и уставился на земников своим единственным, как оказалось, глазом - другую сторону его лица пересекал уродливый толстый сабельный шрам. Лицо этого странного человека было изборождено морщинами от колючих ветров и суровых испытаний, оставивших на нем свою несмываемую роспись. Сверху со лба нависал черный, как смоль, длинный-предлинный чуб - а еще более длинные усы были так велики, что их пришлось даже намотать на уши.

-Что ты там баешь, добрый путник? - спросил странный человек, грозно вращая своим единственным глазом, уперев руки в бока и выпятив вперед голое пузо.

- Я говорю, что штаны твои - чудо из чудес, да и только! - крикнул, улыбаясь, Брыль, подмигнув хозяину шаровар.

- Ха, кто бы говорил про чудо - как не само чудо лесное! - отшутился одноглазый ко всеобщему хохоту окружающих.

- Да вы оба хороши-то - как на подбор прямо! - крикнул кто-то из-за спин. - Как поглядеть, так один другого краше!

И все снова засмеялись и засвистели. И действительно, если у одноглазого его длиннющие усищи были намотаны каждый со своей стороны на ухо - то у дядьки Брыля его борода была заплетена в косу и также, по старому обычаю, чтобы не мешала, намотана была с одной стороны на ухо. И если у земников такой способ был запросто в ходу и удивления не вызывал вовсе, то в глазах людских как раз наоборот, притягивал к себе взор и внимание, вызывая насмешки и разные шутки на этот счет, равно как и в сторону одноглазого. Так что гляделись оба они друг на друга, словно в какое-то кривое зеркало - вроде бы то, да не то. А вот кто кого из них переврал своей диковинной прической - было и вовсе не понять.

- Фу ты, ну ты! - смеясь, сказал Брыль. - Будто братца какого встретил - это откуда ж такая мода у вас, человек хороший? Сам откель будешь-то?

Одноглазый весело осклабился и, снова вращая своим

единственным глазом, вдруг заорал:

- Кто хочет быть колесован, четвертован и посажен на кол за дело правое, за дело славное - подходи, не стесняйся! Кто хочет быть изрублен на мелкие куски, повешен за ребро на крюк и замучен до смерти - двигай сюда, не робей! Обещаем жизнь голодную, постель холодную - а вот битвы жаркие! Коли охота пуще неволи - ходи к нам своей волей!

Брыль аж рот раскрыл от удивления.

- О как! Ишь ты, как складно чешет! - только и смог крякнуть он.

А одноглазый, весело подмигнув ему в ответ, развернулся и стал вновь выкрикивать свою тарабарщину громкой скороговоркой.

- Это кто ж такие будут? - прогудел из своей густой бородищи Бортень.

- А запороги они шальные, бродники с Дикого Поля, - зевнув, сказал белобрысый толстощекий балбес, с треском лузгавший семечки и стоявший от того весь в шелухе.

- Как? Запороги? - переспросил Брыль. - Это кто ж такие-то?

В этот миг одноглазый, опять услыхав за спиной речь земника, развернулся и снова заорал:

- Мы, войско славное низовое, рыцари дикопольские и самосбройцы вольные, запороги ясновельможные, лугари, камышники и сечевики с Непры-реки, не будь дураки, ищем охочих людей по земле всей! Подходи, не робей, вставай на учет - будет тебе и честь, и почет!

Но в толпе только смеялись и качали головами - по всему было видать, что тех самых охочих людей, которых так искали странные забродники из далеких земель, здесь и вовсе не обреталось.

- Не, дурных нету! - крикнул белобрысый балбес в лузге от семечек, и смачно сплюнул под ноги.

Одноглазый махнул на него рукой и стал слазить с бочки.

- Слышь, Пискун, - сказал ему довбыш, перед этим так неистово колотивший в литавры, - я так кумекаю, мы тут никого не найдем. Айда дальше, братцы!

И троица странных запорогов засобиралась перебраться на другое место. Толпа понемногу расходилась, освобождая дорогу земникам. На прощание Брыль и одноглазый бродник смерили друг друга взглядом с ног до головы, ухмыльнулись и хохотнули оба, и каждый двинулся своей дорогой.

Чуть поодаль за площадью виднелся еще один дубовый тын, окруженный заполненным водой рвом - детинец, или крепостца княжьего наместника. За высоким частоколом с башенками для

стрельцов угадывалось широкое подворье и виднелся богато украшенный резьбой деревянный терем с цветными вставками в слюдяных оконцах.

Когда подъехали к опущенному через ров мосту на толстенных цепях, дорогу барздукам преградили суровые с виду стражи, скрестив свои бердыши - а из бойниц тына высунулись несколько самострелов. Бортень удовлетворенно хмыкнул - хоть здесь-то все было чин по чину и в полном порядке.

- Кто такие? - грозно окликнули из башни над воротами.

- Я Бортень Бубилас, выборный воевода славного племени земников, - важно ответствовал Бортень, оглаживая свою роскошную бороду. - А это вирсайт поместья Пригорки, господин Брыль Бирзулис и охрана наша!

Выждав некоторое время, словно раздумывая, сверху наконец приказали:

- Пропустить!

Стражи убрали бердыши, сверкавшие на солнце, и земники въехали на мост. И едва они по нему попали во внутренний двор, как навстречу им вышел ссутуленный писчий дьяк Лугвоний.

- Ждут, ждут вас, батюшка воевода - а как же! - залебезил писарь, ежеминутно кланяясь. - Рады, несказанно рады вас видеть, господин Бубилас. Его высокородие Кориат Довмонтович уже давно оповещены о вашем приезде и просят вас наверх к нему.

- Давно оповещены? - удивился Бортень и переглянулся с Брылем. - Хм, это когда ж это они успели так быстро?

И воевода, пожав плечами, стал грузно спешиваться. Поддержать его под руки кинулись несколько дворовых.

Доверив их попечению коней и оставив внизу свою охрану, Бортень и Брыль последовали вверх за писчим дьяком.

Поднявшись по крутым лестницам и пробравшись через добрый десяток разных палат и переходов, барздуки вместе с писарем достигли наконец своей цели. Пока весь раскрасневшийся и вспотевший Бортень шумно отдувался и сопел, грузно усевшись на первую подвернувшуюся ему лавку, Лугвоний шмыгнул мимо стоявших на страже рынд внутрь, за резную дверь в горницу к наместнику. А через миг дьяк широко распахнул их, приглашая и земников туда же. Но когда эти двери отворились, Бортень весь побагровел, привстал с лавки, взревел диким туром и зарычал медведем - потому что от наместника выходил тот самый нахальный коробейник, встретившийся ему у городских ворот.

ГЛАВА 13

КОРЧМА "У ГУСЯ"

- Слышишь, Сухан, мне бы в город надо, - сказал Прок Пеколс, подойдя к рыжему дружиннику.

- Это еще зачем? - удивленно воззрился тот на него.

- Ну, понимаешь... - замялся чудаковатый слуга.

- Не велено! - отрезал Сухан и пошел себе дальше, деловито осматривая, как земники споро разбивали походный стан.

Прок засеменил за ним.

- Сухан, а мне ить действительно надо, - тарахтел Пеколс, еле приноравливаясь к широким шагам старшего дружинника.

- Не велено - значит, так и понимай, что не велено вовсе, - бросил тот, не оглядываясь, через плечо. - Воеводой не велено - всё тут!

Затем, вдруг остановившись, резко развернулся и сказал:

- Всё, иди себе, Прок, не мешай! Приедет господин воевода из Земьгорода - у него и спросишь.

И, больше не оборачиваясь, двинулся дальше, всем своим видом показывая, что упросить его не удастся никак.

- Эхма, - вздохнул Прок и, махнув рукой, понуро побрел назад.

Один из дружинников, ловко отесывавший бревно, едко спросил:

- Что, не обломилось тебе ничего, старый пройдоха?

- Иди ты к ляду, Зубан, - буркнул себе под нос Прок Пеколс, покосившись на него.

Дружинник неприязненно посмотрел ему вслед и зло сплюнул. Затем еще с большим рвением принялся за свою работу, чему-то самодовольно улыбаясь.

Когда понурый Пеколс добрел до своей палатки, Мартин, сидевший на срубленной осине рядом с Лиго, пихнул легонько того в бок:

- А чего это он, сударь?

Лиго хитро посмотрел на чудаковатого слугу и, подсмеиваясь, сказал:

- Да выпить небось хотел - вот и отпрашивался у Сухана в Земьгород. А тот, по всему видать, не разрешил.

И, повысив голос, весело спросил:

- Так, Прок? Или не так?

Пеколс грустными глазами посмотрел на хозяина и горестно вздохнул.

- Ладно, Прок, не горюй, - сказал Лиго. - Не сегодня, так завтра обязательно туда попадем.

- Ну почему же не сегодня? - вдруг громко спросил кто-то за спиной. - Может быть, как раз вот и сегодня.

Мартин, Лиго и Прок подскочили - за их спинами стоял, заложив свои огромные ручищи за кушак, Сухан: в уголках его глаз таились смешливые искорки.

- Что? Не ожидал? - улыбнулся старший дружинник.

- Ты вот что, дурья твоя башка, - сказал он, обращаясь к Пеколсу, - вот скажи-ка, за каким шишом тебе надобно в Земьгород было?

- Да мне... я... - начал было мямлить Прок, а затем, словно ухватив внезапно пришедшую ему в голову мысль, выпалил: - Меня ить, извиняюсь, господин Бортень, воевода то есть, назначили временно походным лекарем. Вот для пополнения припасу, так сказать, целительского мне и надобно!

Сухан, а с ним Лиго и Мартин расхохотались.

- Ишь ты, выкрутился как, старый плут! - смеясь, сказал ратник. - Это случаем не те самые припасы твои лекарские, от которых нос у тебя и покраснел?

Прок надулся, отчего его всклокоченные волосы еще больше, казалось, вздыбились в разные стороны.

- Ладно, ладно, не обижайся, - примирительно сказал Сухан. - ты бы не хитрил просто, а говорил всё как есть. Я вот что подумал тут.

И дружинник немного замялся, хитро поглядывая на Пеколса. Тот весь замер - казалось, даже шея у него вытянулась вперед.

- Значит так - поедешь в Земьгород, Прок, пополнишь свой, как ты говоришь, лекарский запас. Но пополнять будешь не сам - узнаю, спущу шкуру с тебя самолично, не дожидаясь господина Бирзулиса-старшего. Привезешь оттуда пару бочонков доброго вина - исцеляться будем все вместе, здесь же, в лагере. А то ребятушки мои заскучали уже - поразмяться малость хотят, пока там воевода с наместником шептаться будут.

Вокруг одобрительно загудели земники, побросавшие свою работу и внимательно прислушивавшиеся к беседе. Вот ведь старшой - ай, да молодец! А Пеколс - тот прям подпрыгнул от радости.

Сухан тихонько улыбнулся в свою рыжую бороду и, нарочито зевнув, сказал:

- Но поедете в город втроем - так надежней будет. Да и толку от вас все равно никакого здесь в лагере. За старшего будет Мартин.

И, бросив ему кожаный кошель, еще раз повторил:

- И глядите у меня, ребятки - ни капли до возвращения в лагерь. Ни капли!

***

Хозяин корчмы "У Гуся", добродушный и немного лукавый

Валдис Тырнович, был родом из дольников-жемайтов, бежавших много лет назад во владения холмников от набегов меченосцев. Когда псы-рыцари выжгли дотла его родную деревушку на взморье, Валдис Тырнович, тогда еще довольно молодой и не обрюзгший, как ныне, погрузил на телегу свои немногочисленные пожитки, уцелевшие от пожарища, усадил кучу малу ребятишек да женушку-молодуху, и поехал куда глаза глядят - подальше от лихой напасти. Потынявшись по чужим деревням то тут, то там, перепробовав уйму всяких дел и занятий, к коим был способен сам, к середине своей никчемной жизни так ничего и не нажил, осев в предместье стольного Ковень-града. И проклинать бы ему ввек свою неудалую судьбинушку, заливая ее горькой где-нибудь в грязной и вонючей корчме, как та же самая судьба вдруг решила сделать крутой поворот и выкинула свой очередной фортель, как это бывает иной раз. И вместо того, чтобы быть нищим и вечно хмельным завсегдатаем какой-нибудь захудалой корчмы - он и сам сделался хозяином трактира.

После отставки Кориата Бута от великокняжеского двора и высылки его наместником в далекое окраинное Земиголье, следом за ним потянулись из стольного Ковень-града не только его собственные приближенные, но также и приближенные приближенных. Один из таковских, сидя за соседним с Тырновичем столиком в пропахшем вонью трактирчике в грязном переулке, изрядно приняв на грудь хмельного пива, говаривал своему собеседнику, такому же гоноровому, как и он сам, захудалому мелкому шляхтичу, коих вечно полным-полно обретается при княжеском дворе.

- Я не знаю, как там и что - а ехать надо! Надо - и точка! - стучал по столу кулаком первый шляхтич.

И, хлебнув еще темного пойла, перегнулся через стол и горячо зашептал своему собеседнику:

- Вот что мы тут с тобой видим, а? Места все при дворе еще при старом князе Любарте, пусть земля ему будет пухом, были заняты до единого. Думалось мне, когда сынушка его на трон усядется, так глядишь, и нам бы на старость чего бы перепало. Ан нет - пришел Ольгерд Любартович, да еще и выводок свой молодой весь за собою привел. Они хоть и зеленые, а прыткие оказались не по годам - быстренько всё взяли в кулак, старичьё всё повыпихивали да повыпроваживали на покой. Подмели и съели всё подчистую при дворе - чужие теперь туда и не суйся. Прямо как волчата голодные, право слово!

- Да уж, да уж, - кивал его напарник, также изрядно посоловевший от перебору хмельного. - Уж ежели сам Кориат Довмонтович, правая рука старого князя, не усидел - что уж про

остальных и баять!

И махнул рукой.

- Вот-вот, и я о том же, - говорил первый шляхтич. - куда уж нам с этими зубастыми молодцами тягаться - не успеешь и моргнуть, как и самого сожрут с потрохами. Надеяться тутова нам с тобой, друже, вовсе и не на что.

И, хлебнув еще из замызганной кружки, заговорщицки оглянулся по сторонам и зашептал:

- Но говорят, Кориат Довмонтович вовсе не на покой уходит - и не послом его куда в захудалую землишку какую зашлют. Новый князь его своим наместником посылает - в Земиголье. И зовет Кориат Довмонтович с собою людей всех верных - да не токмо и верных, а вообще, всех, кому тут житья вроде как и нет, и не будет.

- Да ну? - удивился второй. - Так Земиголье это, говорят, глухомань еще та - чащоба, болот да буреломы одни. Что там делать-то?

- Как - что? Начать всё сызнова, сыграть с судьбой в кости еще разок. Авось и нам счастье выпадет!

- Ага, держи карман шире, - рассмеялся его собеседник. - Много тебе от жизни тут перепало счастья-то? Всю жизнь то служил, то прислуживал - а сейчас так и вообще, непонятно кто и есть таков. К пятому десятку подбираешься - а всё в кости норовишь с судьбой играть! Вот и доигрался, что ни кола у тебя, ни двора - а уже седина в висках!

- Так что думаешь, друже, об этом? Не по нраву тебе, как я погляжу, затея эта?

- Да никудышное, по-моему, дело - вот что я обскажу. Что здесь нам ничего не светит, что там. Только тут, хоть и болото - да привычное, родное. А в той трясине незнаемой, гляди, и утопнуть-то вовсе можно.

- Так на новом месте тебе и все карты в руки! - сказал первый шляхтич. - как себя покажешь - так и заживешь. Считай, с чистого листка свою долю малевать начнешь, как сам того пожелаешь.

- Не-не, я уж отжелался вовсе, - замахал руками второй. - И тебе советую блажь эту из башки выкинуть.

- Ну, как знаешь, - вздохнул первый. - А я вот попробую еще разок в житуху зубами вгрызться. Доколе ж меня она трепать-то будет? Попробую и я судьбу свою за шкирку взять!

Встал и сказал:

- Бывай, друже.

И, не протянув руки, побрел к выходу, шатаясь. Там, почти у самой двери, его качнуло в сторону, и он чуть не влетел в разгульную молодую компанию, шумно пировавшую за

колченогим столом недалеко от входа. Те недовольно покосились на него: "Эй, поосторожней, дядя!"

Шляхтич оперся руками о край их стола, повел мутным хмельным глазом. И вдруг на какой-то миг его взгляд прояснился, он обернулся и на весь трактир громко сказал:

- Я не знаю, о чем вы тут все разговариваете - но ехать надо!!!

На мгновение в зале наступила тишина, а затем все громко засмеялись.

- И куда ж это ты намылился ехать, папаша? - заржали подгулявшие молодцы у двери.

Шляхтич пьяно улыбнулся:

- Куда, куда... Самому свою судьбу за шкирку брать!

И ушел в ночь, не обращая внимания на насмешки.

Когда веселый гогот и улюлюканье улеглись, второй собеседник, оставшийся сидеть одиноко за столом, заглянул в пустую кружке, поскреб в затылке и задумчиво сказал сам себе:

- Оно, конечно, да - попытаться еще разок не мешало бы вовсе. Глядишь, и из меня вышел бы справный пан какой, а не подшляхтич мелкий. Как говорится, верно люди подметили, что лучше быть барином в захолустье - чем прозябать холуем в столице. Что-то в этом все-таки есть...

Допив последний глоток, шляхтич почесал бороду, подправил свои пышные усы... и махнул на всё рукой!

Оглядевшись по сторонам, он заприметил знакомые лица с обвисшими, как у него самого, усами, заказал себе еще пива и подсел к ним.

Валдис Тырнович, случайно подслушавший эту беседу, сидел ни жив ни мертв. Как похожа была на его собственную жизнь этого шляхтича - будто с одного листа списана! Давно уж миновал четвертый десяток, и седина посеребрила бороду, а голову проела плешь - а всё тебе ни кола, ни двора. Почитай, большую половину жизни отмаялся, прислуживал и служил, служил да прислуживал. И что? Маяться так до скончания века по чужим дворам на подхвате?

И когда пожилой шляхтич на прощание сказал свои слова - Тырновича аж в пот шибануло. Взять самому свою судьбу за шкирку... Как верно подмечено - самому, своими руками, а не трепыхаться у нее в лапах безвольным щенком.

И слова эти так пронзили жемайта до самого сердца, так запали ему в душу, что он и не помнил даже, как и домой-то попал, ежели можно было назвать домом ту убогую каморку, в которой он ютился со своей семьей.

Взять судьбу за шкирку. С этой мыслью он ходил, как в тумане, и весь следующий день - и так, и эдак, и на все лады

обдумывая ее. И, как это часто водится, похожее к подобному льнёт. Нет-нет, а то тут, то там всплывет нечаянно оброненный кем-то кусок разговора про Земиголье, то слушок искромсанный про этот дальний край принесет. А там, глядишь, кто-то и вовсе весть распустит - что, мол. Кориат Довмонтович всех, кто с ним в ту глухомань отбудет, подъемными деньгами одаривать начнет. Как обычно и бывает, слух этот враками сильно приукрашенными оказался - но все же и в нем затесался осколок правды. На новом месте подъемными, конечно же, одаривать поселян никто не собирался, но вот от податей на первые годы освободить - это да, это чистая правда.

И тогда окончательно вызрело решение у Тырновича перебраться на новое место и начать всё сначала. Раз уж лихой поворот судьбы сбросил его с родной земли, значит, надо сделать еще одну крутую петлю - и самому взнуздать свою долю и выехать наконец на большой жизненный тракт!

Кориат Довмонтович отбыл из столицы тихо и незаметно - не в опалу конечно, слава светлым богам, но всё же... А следом за ним из Ковень-града потянулись в глухое неведомое Земиголье возы и телеги, а бывало порой шли и вовсе просто одинокие путники с одной лишь котомкой за спиной - заселять далекий край. Вместе с ними со скрипом тянулась и старая раздолбанная телега Тырновича со всем его семейством. Шел упрямый жемайт, как он сам говорил, брать судьбу за шкирку.

И ведь взял же!

Поначалу пристроился к обозу ремесленному - то тут, то там подмог, чем мог и чему обучен был. А жестокая тетка-жизнь научила Валдиса многому. Так что без дела не маялся - чинил поломанные оси тележные, чинил и сами возы, вытягивал их из ненасытной чавкающей грязи, в коей они по брюхо тонули и барахтались, ладил порванные постромки и сбрую, и много чего еще переделал в той дороге. Однако ж и в накладе не остался - народ хоть и ремесленный, и держатся они особняком, но рукастого трудягу заприметили, и даже позвали с собой. Но Тырновича влекло другое - хотел свой дом отстроить огромный, и чтоб двор был любо-дорого посмотреть, и пашенкой мечтал заняться, в нее, родимую, силушки свои вложить. Не влекло его рукоделье вовсе - хоть и мог он много чего сам поладить. А потому по прибытию он и откланялся вежливо своим попутчикам. Но те в долгу не остались - деньжат немножко подкинули в благодарность, да еще к лесорубам пристроили кашеваром, подметив в дороге недюжинный талант жемайта к вкусной стряпне.

Повзрослевшие сыновья Тырновича с теми же лесорубами лес

валить пошли, а сам Валдис с женой куховарить начал. Дело-то нешуточное - пойди попробуй наготовь на эдакую ораву изголодавшихся от работы в лесу мужиков: это тебе не каштанов в золе испечь. Но с этим тырнович не просто совладал - а готовил еще и так, что не то, что слова упрека никогда не слыхал в свою сторону, а часто и наоборот, только одни приятные похвалы. А бывало, кто из соседней артели на огонек ежели забредет, да угостится обедом у Тырновича - то всё, начнет захаживать всё чаще и чаще, по поводу и без, изыскивая разные предлоги.

И вскоре молва о вкусной стряпне разнеслась по всей округе, пока наконец один из таких гостей, облизывая ложку после третье по счету добавки, не брякнул:

- Тебе бы, дядя, корчму свою открыть - вот дело было бы!

Поблагодарил - и ушел. А мысль эта тоже острой занозой засела в мозгу у жемайта.

Быть куховаром? Корчмарем? А почему бы и нет? Такое никогда не приходило в голову Тырновичу. Хотя, ежели по правде спросить себя, он особо и не задумывался - а кем же, собственно, он хотел бы стать? Чем бы, помимо крестьянской заботы, хотел бы еще заняться? И то перепробовал, и это - а всё сердце не лежит никак. А стряпня... Как-то исподволь она у него такой вкусной выходила - будто душу в нее он свою вкладывал, пытаясь передать все те мечты о сытной жизни, коей сам был так долго лишен.

Сказано - сделано. Поднакопив немного деньжат, Тырнович открыл свою кухню. Дело, вроде бы, малое - а постепенно разрослось, стало семейным и довольно зажиточным.

Стоит теперь большой трактир на окраине Земьгорода - ну кто ж теперь не знает корчмы Валдиса Тырновича? И кухня хороша, и постой удобен, и хозяин денег не дерет.

Только вот с названием долго не ладилось - дурацкие какие-то названия получались, не приживались вовсе. И "Огненный дракон" был, и "Три осины" - и всё никак. Кухню Тырновича знали все - а потому так и говорили: "Пойдем к Тырновичу!" Уже Валдис так и думал в итоге назвать свое заведение просто и без околичностей "У Тырновича" - но и тут случай помог.

Забрел как-то суровый с виду дядька - из тех новеньких, что всё прибывали и прибывали в Земьгород попытать и своей доли. Поел, попил, велел принести счет - оказалось, что посетитель этот сборщик податей, взят к себе на службу самим наместником. Расплатился, прикинул там в уме что-то насчет тутошних доходов - и заказал себе еще пива.

Пиво принесли - только вот сборщик этот велел кликать хозяина тут же: чем-то недоволен остался.

- Это еще что такое? - указал он Тырновичу на свою кружку.

- Пиво, сударь, - спокойно ответил Валдис, знавший цену себе и своей кухне.

- Да нет, дражайший - это не пиво, а сплошная пена! - возмутился сборщик податей.

Р-раз - и Тырнович одним махом сдул с кружки пенную шапку до самого янтаря напитка. И тут же положил на стол мелкую монетку.

- А это еще что? - удивился сборщик, указывая на медяк.

- А это, сударь, сдача за пену, - не моргнув глазом, ответил жемайт.

- Ну ты и гусь! - расхохотался сборщик податей, разом осушил кружку и, подмигнув хозяину, ушел восвояси очень довольным.

Над случаем этим все долго смеялись, пересказывали на все лады - а к Тырновичу с тех пор намертво приклеилось прозвище Гусь.

А спустя пару лет, когда очередная вывеска с очередным неудачным названием поблекла от дождей и непогоды, и требовала настоятельной замены, хозяин нанял местного художника из своих завсегдатаев намалевать новую.

- Чего писать? Как назовем в это раз? - спросил художник.

- А так и назовем - корчма "У Гуся", - сказал Тырнович и рассмеялся.

Название прижилось. И вот в эту-то самую корчму люди добрые и направили трех земников за самым лучшим в городе вином.

***

- Что это у вас за бедлам такой творится? - удивленно спросил Лиго у паренька из прислуги, споро принимавшего его пони у дверей корчмы.

Над улицами кружили стаи всполоханного воронья, метавшегося во все стороны. Гвалт стоял несусветный.

- О! Так это господин наместник изволили указ новый издать, - с готовностью сообщил слуга.

- И о чем же он? - поинтересовался Мартин, также сунувший поводья своего лошака в руки пареньку.

- О поголовном избиении ворон, грачей и сорок - и изгнании их на веки вечные из славного Земьгорода! - сказал тот и повел пони на задний двор.

Земники переглянулись.

- Чушь какая-то, - пожал плечами Лиго.

- Да уж, сударь, смешно и сказать кому, - хмыкнул, поддакивая, Мартин. - Однако ж, ежели подумать, весьма странно

всё это.

Один только Пеколс промолчал - обсуждать указы наместника ему, слуге, было и вовсе как-то не с руки, а уж тем более с двумя такими знатными земниками, как его хозяин и Мартин. Пеколс задрал голову и разглядывал малость выцветшую вывеску над входом - по всему было видно, что написано хоть и неказисто, зато с любовью и своеобразным вкусом. На большой доске огромными буквами было выведено "У Гуся" -а рядом красовалась какая-то розовощекая физиономия с пенистой кружкой пива и огромной ложкой в руках.

- Ха, а где же сам гусь? - спросил неизвестно кого Пеколс, ткнув в вывеску. - название есть - а самого гуся-то и не намалевали.

- А Гусь - это я, - улыбаясь, громко сказал Валдис Тырнович, заприметив диковинных гостей и поспешивший навстречу. - Проходите, милости просим.

И посторонился, пропуская барздуков вперед. Когда они проходили мимо, коренастый и невысокий жемайт, всю жизнь втайне страдавший от своего малого роста, с удовлетворением для себя отметил, что как бы мал ни был он сам - а все же повыше будет этих бородатых лесных коротышек.

Барздуки в Земьгороде не были такой уж невидалью и, бывало, наведывались частенько туда по своим делам. Однако же извечная нелюбовь к большим и шумным людским поселениям не давала подолгу им задерживаться там и всегда тянула обратно в лес. А уж в преддверии ежегодного вечевого Сбора этого удивительного народца в Земьгороде обычно намечался наплыв веселых бородачей. А потому и Тырнович, насмотревшись на земников за время своей жизни в Земиголье, знал уже заранее наперед все их вкусы и слабости.

Стрельнув глазом на одного из своих сыновей, бойко разносивших кружки и кубки по залу, Тырнович дал понять, что гости знатные - мгновенно освободили стол.

-Чего желают господа? - спросил Валдис, обмахнув столешницу рушником. - Отменного вина? Доброго пива? Или же моей скромной стряпни?

- Ты вот что, милейший... э-э-э, как там тебя? - напустив на себя личину важности, спросил Лиго, щелкнув пальцами.

- Валдис Тырнович, сударь, - склонился трактирщик мельком гляну на серебряный перстень с рунами на руке молодого земника.

"Ого, видать, я не ошибся - птица залетела важная!" - с уважением подумал Тырнович. и склонился еще чуток ниже на всякий случай.

- Да, Валдис - славное имя! - сказал Лиго.- А принеси-ка нам для начала твоего лучшего пива, которое нам расхваливали встречные на все лады, пока мы добирались до твоего трактира. И прикажи приготовить два бочонка самого отменного вина - ежели верить слухам, самого лучшего в этом этом городе.

- Это тоже - для начала? - лукаво осведомился Тырнович.

- Что - тоже для начала? - не понял земник.

- Говорю, пара бочонков вина - это тоже для начала? - улыбнулся хозяин.

Мартин хохотнул в кулак и пнул под столом Лиго, зашептав:

- Так ведь Сухан же сказал - ни капли до возвращения в лагерь!

Но Лиго, покосившись на него. Только улыбнулсяи подмигнул ему - а сам отметил про себя смешливый характер хозина корчмы.

- Нет, что ты, милейший, - сказал Лиго. - Вино мы возьмем с собой. И сравним затем, так ли оно хорошо и вправду, как его расхваливают.

- Слушаюсь, - поклонился Валдис и вмиг испарился.

Прок Пеколс молча сидел на высоком резном стуле напротив Лиго и Мартина, и болтал ногами. Исподволь оглядывая посетителей корчмы. И хотя дело еще только шло к вечеру - трактир был битком набит разным людом. Там за столиком полдесятка суровых с виду лесорубов о чем-то ожесточенно спорили, стучали натруженными кулаками по столу, и что-то друг другу громко доказывали За соседним столиком наоборот, одиноко примостился пожилой охотник-птицелов в видавшем виды залатанном зеленом плаще - и попыхивал в свою длинную трубочку. Горластые дядьки недалеко от него своими взрывами хохота вызывали у птицелова только легкую усмешку - несколько презрительно он косился на горлопанов и, затянувшись крепким табачком, выпускал вверх ровные колечки сизого дыма.

"Ишь ты, чертяка, ладно кольца пускает!" - подумал Пеколс и перевел взгляд дальше.

Но тут его будто что-то кольнуло - он поперхнулся и закашлялся, напоровшись на стену стылого, промерзшего до ледяного дна встречного взгляда: будто с маху в препятствие какое влетел.

- Ты что это, Прок? - засмеялся Лиго. - Небось, слюной уже подавился?

Пеколс откашлялся и, перегнувшись через стол, негромко сказал:

- Да вот, сударь, компания какая-то странная там сидит. Видно, что вместе они - а сидят порознь. Спрашивается тогда -

зачем? И взгляд у одного - нехороший такой, недобрый. Сидит и пялится на нас - вот оно как.

- Хм, это еще где? - спросил Лиго и оглянулся назад.

- Тс-с-с, барин, не оборачивайтесь так резко, - испуганно зашептал Пеколс.

Лиго быстро смерил глазами указанных незнакомцев и, не дожидаясь неприятностей, повернулся.

- Да уж, действительно странный какой-то тип, - сказал Лиго.

И тут его в затылок слабо толкнуло что-то - будто легкий ветерок холодком в затылок дыхнул. По коже пробежал легкий озноб.

- Смотрит? - побледнев, зашептал Лиго у Пеколса, сидевшего напротив лицом к странному незнакомцу.

- Ага, - закивал головой Пеколс, сам пряча глаза вниз.

- Ты смотри-ка, как взгляд иной чует, - тихо присвистнул Лиго, обученный в вайделотской школе всяким штучкам. - А у самого глаз дурной и тяжелый - аж давит.

В этот момент Мартин, крутивший доселе головой в разные стороны, увидел перешептывание своих товарищей и наклонился к ним:

- Что это вы там шушукаетесь?

Лиго наступил ему под столом на ногу и сказал вроде бы в сторону:

- Там, за спиной, высмотрел нас кто-то недобрый. Надо бы держать ухо востро. И сиди, не дергайся - а то уже повернуться вон вздумал.

Но в этот миг вроде бы из ниоткуда нарисовался румяный Тырнович и хлопнул кружками о стол - аж клочья пены взлетели.

- Вот, господа, испробуйте! - сказал добродушный хозяин. - Конечно, как бают разные языки, нашему людскому пиву и вовек не сравниться с тем волшебным напитком, что готовят у себя в лесах славные земники - но всё же не обессудьте отведать и нашего скромного хмеля!

И в один миг своим радостным расположением духа и лестной похвальбой барздуков снял повисшее за столом напряжение.

- Как мне величать добрых гостей? - спросил Тырнович у земников

- Величать нас никак не надо, любезный сударь, - ответил Лиго. - А звать нас можешь так: я - Лиго Бирзулис, это мой товарищ Мартин Бубилас, а это...

И молодой земник на мгновение задумался, а затем закончил:

- А это - дядюшка Прок Пеколс. Он так давно за мной ходит

нянькой, что у меня и язык-то не поворачивается называть его слугой!

Пеколс покраснел весь и бросил на своего хозяина благодарный взгляд.

-Дядюшка Пеколс - так дядюшка Пеколс, - улыбнулся Тырнович, смерив взглядом Прока, будучи с ним примерно одних годков. - Чего еще изволите, господа? Ежели что - зовите.

И снова мгновенно растворился.

- Какой любезный хозяин, - сказал Мартин, пробуя пиво. - И пиво у него вовсе недурственное, как я погляжу. Не чета нашему - это верно подмечено - но да ладно!

- Будем надеяться, что и вино не хуже будет - а то не сносить нам головы от Сухана, - хохотнул Лиго.

- Да уж, это точно, - поперхнулся Мартин. - Рассиживаться нам тут явно не с руки.

- А кто сказал рассиживаться? - удивился Лиго. - Вот допьем - и всё, сразу поедем назад!

Но никакого "сразу поедем назад", естественно, не получилось. Осмелев после первой кружки, земники заказали еще и еще - пиво и впрямь было на славу. А немного охмелев и расхрабрившись, стали тайком наблюдать за жутким незнакомцем.

Тот сидел в черном плаще с накинутым капюшоном, и явно был не один - спиной к нему за соседними столиками сидело еще четверо таких же странных чужаков в мрачных одеждах, с вымороженными насквозь холодными глазами, уткнувшись для виду в свои кубки. И от этой весьма странной компании исходил такой холод, что заставлял шарахаться в сторону всех проходивших мимо. За все время никто к ним так и не подсел, несмотря на изрядную толчею в трактире.

Эти жуткие странные посетители как будто ничего себе больше и не заказывали, словно ожидали кого-то. И, видимо, дождались.

В трактир с улицы нырнул тщедушный человечишка-мелюзга с хитрым и пронырливым взглядом - и, нисколько не опасаясь странных чужаков, пошел прямо к ним, сев за столик того первого, кто так неприятно смотрел на земников.

- Эй, трактирщик! - визгливым голосом крикнул человечишка и попытался пригладить клочки облезшей бороденки.

Заказав себе стряпни и выпить, он дождался ухода хозяина и тихо сказал:

- Есть новости. Думаю, господин барон будет доволен.

Странный незнакомец слегка подался вперед - и молча пригвоздил человечишку стылым взглядом. Тот замер на миг,

заворожено глядя на него - а потом замахал руками и зло сплюнул на пол.

- Ой-ой-ой, только не надо нагонять на меня жути, - ощерился человечек, показав свои гнилые зубы. - Не из пугливых мы!

- Ну, как знаешь, - просипел чужак и, снова откинувшись назад, бесцветно сказал: - Выкладывай!

Земники тайком наблюдали за этой необычной встречей - так не вязались друг к другу эти неприятные люди, бывшие, видимо, старыми знакомцами. Но что могло их связывать, кроме как не лихие какие задумки да недобрые дела?

И когда Тырнович в очередной раз, как по мановению, возник прямо из воздуха перед барздуками, Лиго поманил его к себе пальцем и спросил:

- Любезный Валдис, могу ли я попросить сделать для меня небольшое одолжение?

- Если это будет в моих силах - то конечно же, сударь, - развел руками хозяин.

Лиго зашептал ему на ухо:

- Милейший, вон видишь ту странную парочку?

И, когда Тырнович утвердительно кивнул, спросил:

- Могу ли я каким-либо образом узнать, о чем говорят эти странные господа? Уж не о нас ли? А то они уже давненько нехорошо посматривают в нашу сторону.

Тырнович захлопал широко распахнутыми глазами, изобразив нешуточное изумление.

- Я вас не совсем понимаю, господин Бирзулис, - сказал он, покраснев, как казалось, от возмущения. - Мы, сударь, здесь такими делами не балуемся и носа не в свои дела не кажем. Уж извините, господин Лиго - но вот эту вашу просьбу я выполнить ну никак не могу, хоть режьте!

И, раскланявшись, поспешно удалился.

Лиго сидел весь зардевшийся от жгучего стыда. Ему было крайне неловко и перед собой, и перед своими товарищами, но особенно перед радушным хозяином трактира, чье доверие он так оскорбил.

-Эх, как это я так впросак-то попал? - горестно сказал Лиго. - И что меня дернуло совать свой нос туда, куда и не следует?

- Ладно, сударь, не переживайте вы так, - подбодрил его Пеколс. - Ну их всех к нечистому! Давайте-ка уж лучше восвояси собираться будем - незачем нам тут с огнем-то заигрывать.

- Да какой там огонь, - ответил Лиго, - когда от этих взглядов у меня до сих пор мороз по коже. Плохое предчувствие у меня какое-то - потому и спросил, не подумав, у хозяина про чужаков этих. Чует ведь душа что-то.

- Да, не к добру это, - кивнул Пеколс. - Как бы нам не вляпаться куда, вот что, сударь!

Но Лиго был прав в своем предчувствии. И трактирщик, возмущенный до глубины души таким неосторожным предложением с его стороны и начавший уже было проникаться расположением к земникам, имел возможность в этом скоро убедиться.

Пробегая ненароком мимо той странной парочки. На которую указывали барздуки, вдруг случайно подцепил обрывок их разговора.

- ...А еще Лугвоний просил передать господину барону, что наместнику сегодня письмо пришло птичьей почтой - от самого владыки Куреяса, - шептал гнилозубый человечишка, бегая своими колючими глазками по сторонам, и многозначительно поднял скрюченный когтистый палец.

- И что в письме том? - просипел чужак со стылым взглядом.

- А в письме том сообщается, что не сегодня-завтра в Земьгород прямо к сборищу этих вредных карликов спешит не кто иной, как сам... - и человечек быстро наклонился к уху своего жуткого собеседника, обдав его своим зловонным дыханием.

Тот брезгливо поморщился, но когда услышал, чье имя произнес шепотом гнилозубый, отшатнулся - и в его застывших ледяных глазах промелькнуло нечто вроде изумления.

- Вот так-так, - забарабанил он пальцами по столу, впервые за всё это время показав хоть какой-то проблеск волнения.

Человечек самодовольно улыбнулся и даже мерзко крякнул, потирая свои ручонки - он явно наслаждался произведенным впечатлением.

- Ладно, ступай, - прошипел ему чужак.

Из-под его ладони выкатился на стол золотой кружок. Человечишка моментально сцапал его своими когтистыми пальцами и, ощерившись на прощание, вскочил и помельтешил к выходу.

"Вот это да! - изумленно подумал Тырнович, не подавая внешне виду, что слышал хоть что-нибудь. - А ведь молодой земник-то оказался прав - причем на все сто! Вот тебе и на!"

И жемайт поспешил на кухню, чтобы не попадаться на глаза странному незнакомцу. Оттуда, из-за двери, трактирщик и стал тайком подглядывать, что будет дальше.

Чужак меж тем медленно встал, окинул взглядом трактир и, бросив на стол какую-то мелочь, мрачно запахнулся в свой черный плащ и пошел к выходу. За ним также молча поднялись его жуткие дружки и пошли следом.

И тут случилось непредвиденное.

Когда мрачная компания двинулась к выходу, Лиго, уже накинувший на плечи свой походный плащ, решил дальше не испытывать судьбу и уткнулся взглядом в стол, стараясь переждать, когда жуткие незнакомцы минуют его. Однако судьба - штука тонкая, и сама всегда испытывает нас. Так случилось и сейчас.

Заколка на плече земника вдруг холодно блеснула и кольнула его льдистой иглой в самое сердце.

- Ох, - только и смог, что простонать, Лиго, и схватился за левый бок.

И в этот миг, подняв свои глаза, уже не смог отвести их. На него стылым, обжигающе ледяным взглядом смотрел странный чужак. И казалось, что его заиндевевшие бесцветные глаза буравят земника до самой глубины, вымораживая всё внутри и западая липким страхом в самую душу.

Сколько продолжался этот студеный взгляд - мгновение или целую бесконечность - земник не помнил. Просто вдруг в какой-то миг заметил, что глаза чужака отпустили его и скользнули ниже. И вдруг они стали расширяться не то от удивления, не то от суеверного ужаса. Или это только так показалось?

На плече полыхала огнисто заколка, как будто стараясь отогнать от себя стылую тьму и свалившееся невесть откуда лихо. Чужак заворожено смотрел на подарок волхва - и вдруг, люто зашипев змеей, стремглав выбежал из корчмы, оставив позади себя ледяную волну ужаса.

- Батюшки-светы! - охнул Пеколс, бросаясь к оседавшему на пол Лиго. - Да что ж такое деется-то?

- Вот тебе и докаркались, - мрачно сказал Мартин, указывая в окно на кружившие над городом черные тучи воронья.

Через весь трактир несся к земникам Валдис Тырнович.

- Господин Бирзулис, что с вами? - убивался он, горестно всплескивая руками.

Однако Лиго быстро пришел в себя. Скомкано поблагодарив хозяина, и так, и эдак старавшегося услужить ему, словно заглаживая свою вину, земники расплатились и быстренько покинули корчму.

Тырнович еще постоял немного у входа, поохал - и вернулся на кухню.

Однако там он, вместо того, чтобы проверить стряпню, вдруг подозвал к себе мальчонку из прислуги и о чем-то пошептался с ним. Малец кивнул, скинул свой белый колпак, повесив его на гвоздь, и проворно выскользнул через заднюю дверь. Задание было ясным - найти Собыря, начальника тайной наместничьей стражи, да и обсказать ему всё подробно про события в корчме: и

про происшествие с земниками, и про жутких чужаков, и особенно про нечаянно подслушанный обрывок их разговора, в котором прозвучало имя Лугвония.

Но трактирщик очень бы удивился, ежели б знал, что не только от него помчался гонец с донесением.

Потому что из-за угла корчмы, куда скрылись жуткие чужаки, ужом выскользнул другой посыльный, и помчался в противоположную сторону - в дом барона Конрада фон Кинбурга, торгового консула мрачного Ордена Меченосцев.

ГЛАВА 14

ПЕРВАЯ УГРОЗА

- Ага, охальник эдакий! - проревел Бортень. - Попался наконец!

И, ослепленный праведным гневом, воевода ринулся на своего обидчика - прямо напролом в дверь. Коробейник еле успел увернуться -и отскочить в сторону. Тучный барздук со всего маху влетел в горницу наместника - оттуда раздался несусветный грохот и треск.

- Батюшки мои... - только и успел прошептать дядюшка Брыль, в ужасе закрыв глаза.

Из горницы наместника послышался шум, какая-то возня. А затем насмешливый раскатистый голос сказал:

- Вот так-так, господин воевода! Это уже что-то новенькое и необычное!

Но в ответ раздалось только долгое утробное мычание Бортня.

- Да что стряслось-то? Сердито спросил тот же голос.

На шум и грохот стала сбегаться челядь и слуги наместника, испуганно заглядывая в дверь через головы рынд. И затем, облегченно вздыхая, только качали головой.

Брыль наконец-то осмелился открыть зажмуренные глаза.

- Ба! Кого я вижу! - радостно воскликнул тот же самый голос, принадлежавший никому иному, как самому наместнику Земиголья, Кориату Довмонтовичу. - Да ведь это же никак сам господин Бирзулис пожаловал! Вот уж воистину приятная встреча!

И наместник, помахав рукой, сказал:

- Заходите-ка побыстрей!

И едва Брыль вошел в горницу, как тут же оказался в крепких объятиях наместника.

- Чертовски рад тебя видеть, друже! - похлопывал его по плечу Кориат Довмонтович и, повернувшись в сторону воеводы, весело сказал: - Равно как и тебя тоже, старина Бортень - хоть и

не пойму, какая такая муха тебя укусила!

Бортень восседал посреди комнаты в мотлохе разбитых в мелкие щепы деревянных обломков мебели. Набежавшая челядь с трудом помогала подняться на ноги грузному и тучному воеводе, который по-прежнему рычал что-то невнятное себе под нос и ошалело мотал головой, стараясь прийти в себя от удара. В светлице царил полный разгром - толстый, как бочка, барздук сломал на своем пути несколько лавок и вдобавок еще и стол, прежде чем врезался на полном ходу в противоположную стену и свалился на пол подсчитывать заплясавшие у него в глазах искры.

В этот миг из-за толстенного резного столба, подпиравшего свод горницы, осторожно выглянул тот самый коробейник. И когда перед пришедшим в себя Бортнем сквозь постепенно рассеивающийся туман вновь замаячило лицо ненавистного коробейника, воевода проревел:

- Он! Он! Аспид!

Попытавшись шагнуть вперед, Бортень запутался в ножнах своего палаша - и снова свалился на пол, увлекая за собой поддерживавших его под руки наместничьих слуг.

- Да что такое происходит, в конце-то концов?! - уже начиная раздражаться, возмутился наместник, известный своими нешуточными вспышками гнева.

Заслышав нотки нарастающей ярости хозяина, слуги быстренько подхватили воеводу и, усадив его на лавку, постарались мгновенно исчезнуть за дверью. В горнице, помимо наместника, остались только земники и тот самый коробейник, затаивший дыхание. И лишь несколько минут, когда дядюшка Брыль взял на себя смелость растолковать наместнику, что и как произошло, дело наконец-то пошло на лад. Кориат Довмонтович слушал рассказ земника о случае у ворот и, весело пощипывая свой желтый ус, только кивал головой, пряча хитрую улыбку в глазах. Окончательно развеселившись, Бут хлопнул себя по колену, рассмеялся и сказал:

- Да уж, давненько не слыхал я подобных проделок!

И, обращаясь к воеводе, добавил:

- Ты уж прости меня, старина Бортень, за моих слуг. Ибо этот коробейник - и не коробейник вовсе. А один из моих самых верных людей в тайной страже - кличут его Блохой. Только вот не думал я, что он и на язык такой же остряк - как и мастак в своем деле!

И Бут еще раз принес свои извинения, грозно и выразительно глянув при этом на Блоху, стоявшего чуть живым в ожидании быстрой и суровой расправы. Однако, быстренько скумекав, что ее и не последует (по крайней мере, сейчас), Блоха несколько

приободрился и сам шагнул к воеводе с повинной, припав на одно колено и склонив кудрявую голову.

- Время нынче такое лихое, - сказал наместник, обращаясь к земникам. - Вот и приставил я к себе своих людей особенных, охранных - так верней будет. На дружину в этом деле, увы, полагаться нельзя вовсе - не тот размах, не те поступки тут нужны. Враг наш общий больно коварен и изворотлив стал, проник даже в Земьгород и, чего греха таить, даже и под эти своды - так что ратью здесь не поможешь вовсе. Нужна стража особая, тайная, скрытная - вот и завел я ее недавно.

- Да что ж тут у вас такое творится-то? - только и смог спросить изумленный Бортень, все еще толком не придя в себя.

- Потом, всё потом, старина, поясню - но попозже, - сказал наместник. - Так что ты уж не обессудь, воевода, но в Земьгороде тебя мои люди поберегут - так надежней и тебе, и мне будет. И приставлю я к тебе своего человека - он у меня тут со своим сотоварищем тайной стражей моей и верховодит. Верней его, наверное, и не сыскать вовсе!

- И кто же он? - хмуро спросил Бортень, начиная смутно догадываться о чем-то.

- Прости уж, старина, - развел руками наместник и, кивнув на Блоху, добавил: - Вот он перед тобой!

Бортень охнул, прорычал что-то еще раз - и шумно засопел. Блоха стоял на одном колене перед грозным воеводой барздуков, не дыша. Однако воевода, насколько был гневлив, настолько был и быстро отходчив. Тем более, что в его голову закралась хитрая мысль - притвориться, что все обиды забыты, а затем самому при первом же удачном случае самому прищучить этого охальника и поквитаться с ним. А для этого пусть он будет всегда под рукой, этот наглец - так верней тот самый случай и подвернется. И Бортень изобразил подобие косой улыбки.

Когда наконец-то мир и лад были восстановлены, наместник отпустил Блоху и гаркнул:

- Лугвоний! Кликни там кого из слуг - пусть нам меду или сбитня горячего принесут! Да поживей, скажи. Мы в залу стольную пойдем.

И, чуть повременив, добавил:

- Да, и приберут пусть побыстрее в моей горнице - а то совсем все по углам да щелям забились!

Затем, обернувшись к земникам, Бут, кивнув Брылю, спросил:

- Это ж сколько времени-то мы с тобой не виделись? Год? Два? Или побольше?

- Да почитай, уже годков пять будет точно, - слегка зардевшись, ответил Брыль. - Еще с той поры, как тебя сюда

Великий Князь прислал - и ты наведывался перезнакомиться поближе со всеми знатными семействами барздуков.

- Ну, тебя-то с Бортнем я и пораньше малость знал, - подмигнул ему наместник. - Как-никак, а в одной рати мы локоть о локоть частенько стаивали супротив всякой нечисти - еще во времена старого князя.

- Да, что было, то было - охотно согласился Брыль, вздохнув. - Только давно уж это всё миновало.

- А ты с тех пор все также сидишь сиднем в этом своем хуторе... Как там бишь его?

- Пригорки, - подсказал земник.

- Точно, Пригорки! - прищелкнул пальцами наместник.

- Верно, там и сижу на хозяйстве, - ответил дядюшка Брыль. - А чо же мне, старику, еще делать-то? Это вон Бортень - тот помоложе меня будет, несмотря на свои пышные телеса. И не угомонится всё никак поэтому - только и знает, что волколаков да прочую дрянь и мерзость по лесам гонять и выискивать! А я уж своё отвоевал, хватит!

- Так-таки после Семихолмской битвы уже и не брался за прадедовское оружие? - удивленно спросил наместник.

- Нет, не брался, - ответствовал Брыль. - С тех пор ратным делом я больше не занимаюсь.

- Да уж, а из тебя добрый был воин - и верный слуга воеводы Лютня, пусть имя его славится вовеки веков, - сказал Кориат Довмонтович.

- Ну, в те времена и Бортень тоже далеко не промах был, - улыбнулся Брыль. - Когда мы спины своим хозяевам прикрывали - ты князю Любарту, а я воеводе Лютню - Бортень наш уже тогда прослыл чересчур веселым и удалым десятским.

- Славные, однако, были времена, - сказал наместник. - Псов-рыцарей в той битве неплохо мы изрубили в куски - а ведь в последний миг мы вырвали у них тогда победу!

И, сбросив с себя легкое оцепенение воспоминаний бурной молодости, наместник с хитрым прищуром спросил:

- А что, вечеринки и пирушки в твоих Пригорках по-прежнему такие же буйные и веселые, как и раньше?

И, не дожидаясь ответа, рассмеялся, по-дружески толкнув земника кулаком в плечо.

- Ну, а дружина-то ваша где? - не унимался Кориат Довмонтович, обращаясь уже к воеводе.

- Да лагерь разбивают у Дубовой рощи, где будет Вечевой Сбор, - прогудел воевода, потирая шишку на лбу. - Я ее оставил под началом Сухана. Помнишь такого?

- Конечно, помню - отличный ратник, - улыбнулся наместник.

- И, если память мне не изменяет, он еще впридачу и гусляр славный, ведь правда же?

Но тут раздались чересчур быстрые и торопливые шаркающие шаги - и следом за ними еле слышное поскребывание в дверь.

- Ну что там еще? - громыхнул Кориат Довмонтович.

В дверь сунулся испуганный дьяк Лугвоний и пригласил к столу.

- Ну вот что, други мои, - обернулся к барздукам наместник. - Идемте-ка в стольную залу - заодно и побеседуем про дела наши. А накопилось их, увы, у нас немало. Даже слишком, я бы сказал.

И наместник встал, приглашая земников проследовать за собой.

***

Распрощавшись с добродушным хозяином трактира, троица земников, загрузив одного из пони бочонками вина, проехав несколько десятков шагов, свернула в переулок. Оглядываясь напоследок, Лиго отметил, как загадочно и пристально провожает их взглядом Тырнович.

- Что, и этот смотрит, сударь? - спросил Мартин, подъехав поближе.

Лиго молча кивнул.

- Ну, у этого хоть взгляд-то человеческий, - сказал дружинник. - Не то, что у того - бр-р-р...

Лиго поежился и сам от неприятного ощущения - внутри до сих пор сидел холодный комок страха, пронизавшего его всего. И если бы только страха - а то и крайне удручающего чувства своей собственной беспомощности, вынырнувшей вслед за охватившим земника беспредельным испугом. Наверное, так чувствует себя затравленная зверушка, загнанная жестокими мальчишками в угол.

Но как только воспоминания пережитого ужаса готовы были вновь поглотить Лиго в свою жуткую пучину, он почувствовал легкий укол в сердце - и вслед за тем слабое жжение.

Лиго схватился за левый бок - и тут же одернул руку.

- Ой! - только и смог сказать он.

- Что такое? - разом воззрились на него его спутники.

- Она - горячая! - удивленно воскликнул Лиго.

- Кто - она? - переспросили Мартин и Прок.

- Булавка эта - заколка на плаще, - сказал Лиго и осторожно попробовал ее еще раз.

Заколка действительно как-то странно замерцала - будто бы из глубины ее проскальзывали еле видные сполохи тлеющего огня.

- Ого! - присвистнул Мартин. - Вот это да!

Лиго и сам с изумлением рассматривал заколку, рдеющую у него на плаще. Теплота, исходящая от нее, вдруг разлилась по всему телу и заполнила сердце - жуткие воспоминания и страхи разом отпустили его.

Прок Пеколс недовольно смотрел на Лиго, а затем хмуро сказал:

Глядите-ка, кабы она вас самих не спалила вовсе, сударь! Выбросили бы вы ее лучше! Ох, не нравятся мне все эти волшебные штучки и подарки волхвов. Жди от них только беды!

- Ну, Прок, - сказал Лиго, - выбросить - это ты, конечно, загнул...

- Чтоб ему самому загнуться, волхву этому, - сердито буркнул себе под нос Пеколс.

- Что ты такое говоришь, Прок?! - воскликнул Лиго.

- Ничего, сударь, - хмуро взглянул на него слуга. - Говорю, чтоб им пусто было, волхвам этим с их лихими подарочками! Наведут порчу какую на вещи - и давай затем их раздаривать. Неспроста ведь это, сударь, вовсе неспроста. Попомните мои слова!

- Не ворчи, Прок, - сказал Лиго. - Я думаю, ты не прав вовсе.

- Да? - вскинулся старый земник. - А я вот думаю, что этот дылда в черном плаще, который из корчмы, и не на вас, сударь, тогда вот пялился!

- Вот как? - поднял брови Лиго и на миг придержал пони. - А на кого же еще?

- Не на кого - а на что! - рубанул Прок. - Таращился он, сударь, на эту вот самую вещицу - подарочек того вредного старикашки в лесу. И отдал он ее вам не просто так - а по всему видать, что с хитрым и коварным умыслом, вот как!

- Это с каким же еще? - ошарашено спросил Лиго.

- с каким? Да хоть бы с таким, чтобы отвести от себя след к примеру - вот с каким! И я не удивлюсь вовсе, если эта, как вы ее называете, безделушка, сгубила уже не одну живую душу!

- Да что ты такое сегодня несешь, Прок! - возмутился Бирзулис. - Уж не перебрал ли ты лишку в корчме-то? В своем ли ты уме?

- Я-то, барин, в своем, - проворчал Пеколс. - А вас, как я посмотрю, тот волхв в лесу и вовсе очаровал. - Вы что, думаете, я не вижу, как вы цацкаетесь с этой штуковиной? То так ее нянчите на ладони, то эдак. Привязала она вас к себе уже - и не отпускает! Вы как хотите, а я вам скажу, что колдовская и недобрая это вещь! Так что мой вам совет - избавьтесь от нее как можно быстрее. Иначе принесет она вам одни только несчастья, сударь - вот что!

И Пеколс сердито надулся. Лиго ушам своим не верил, слушая старого слугу. И, как ни неприятно это было признавать, а ведь Пеколс во многом был прав. Ведь что, в сущности, земники знал об этой заколке? Ровным счетом - ничего. А ведь вещица-то явно не простая - и не только потому, что она была у волхва, и к ней могла перейти часть его таинственной силы. Уже даже только на одном этом основании было крайне безрассудным с его стороны принимать такой неожиданный дар чародея.

А что он знал о волхве? Лишь то, что старик сам рассказал о себе. А была ли это правда - вот в чем вопрос. Да и сами обстоятельства передачи этой вещи были более чем странными и настораживающими - взять хотя бы загадочное исчезновение старика Велемира поутру, а уж про явно колдовское развоплощение его письма и говорить даже не стоило. Ведь если хорошенько мозгами пораскинуть, то любой другой маломальский хоть земник, а хоть и человек даже, в своем уме и полном здравии, не то, что с собой взять, а даже и руками-то не стал бы прикасаться к такому неожиданному подарку - мало ли что. А он, ученик вайделотского храма, вчерашний школяр - на что так самонадеянно рассчитывал он?

А Мартин Бубилас все это время словесной перепалки своих товарищей удивленно крутил головой.

"Что такое? О чем они говорят?" - думал молодой дружинник. И, когда Лиго крепко задумался, решился наконец спросить:

- А что это за подарок такой, сударь? Что за волхв в лесу? Вы ничего мне об этом не рассказывали.

Лиго удрученно глянул на него.

- Да ну его... - махнул он рукой и, повернувшись к слуге, сказал: - Перескажи-ка лучше ты, прок, эту встречу на поляне.

И снова ушел в свои мысли.

- Ну конечно! - едко рассмеялся Прок Пеколс. - Кому же, как не мне, сударь, теперь и пересказывать, как всё было!

Но Лиго даже внимания не обратил на него.

Пеколс пошумел еще какое-то время, но видя, что хозяину сейчас вовсе не до него, принялся-таки рассказывать Мартину случай со стариком в лесу.

Меж тем Лиго думал о заколке, подарке волхва - и в то же время прислушивался к ней. То, что вещь непростая - земник почуял это очень быстро. А сейчас он свел воедино все свои наблюдения - и вдруг ясно и четко осознал, что своим загадочным поведением эта заколка все время предупреждала его об опасности. И тогда в самый первый раз, когда он по приезду воеводы вышел во двор поместья - заколка холодом кольнула его в сердце, и затем раздался вой волколака из-за реки. И после, на

Каменной Росстани, когда дружинники вместо горбатого колдуна Бирюка изловили чудака Пеколса. Да и в этот раз, уже в корчме - когда Лиго примерз к стулу от стылого взгляда чужака, он четко помнил, как за миг до этого ему в сердце словно вонзили ледяную иглу. Как будто заколка предчувствовала беду заранее - и пыталась предупредить его.

И вдруг земника швырнуло в холодный пот.

"А вдруг не предупреждала вовсе? - с ужасом подумалось ему. - Вдруг Пеколс прав? И заколка эта умышленно притягивает к себе беду?"

И Лиго снова посмотрел на булавку, чувствуя, как волна безрассудного необъяснимого страха снова накатывает на него. Но в этот же миг заколка снова изнутри словно бы озарилась вся, вспыхнула и слабо зарделась - и в сердце земника вновь полилось успокаивающее тепло.

"А это что? Ведь второй раз уже это происходит: как только ужас готов поглотить меня целиком - от этой вещи исходит как будто внутренний жар. Или мне только так кажется? Уж не наваждение ли это?" - думал Лиго.

Пеколс тем же временем со всеми подробностями пересказывал Мартину встречу в лесу со стариком-волхвом. Только в его рассказе почему-то было не столько о заколке и о том, каким именно образом она попала к ним, сколько переиначенный на свой лад спор старого слуги и волхва. И выходило по его словам так, будто припер Пеколс этого чародея своими доводами к стенке - да так, что тому и сказать-то в ответ было нечего. В общем, как ни крути, а он, Пеколс, выходил молодцом - в противовес какому-то прямо-таки жалкому старикашке-волхву.

- Ну ладно, Прок, хватит заливать-то, - одернул Лиго своего слугу. - Всё было не совсем так, ведь правда же?

Прок осекся, густо покраснел - и тут же надулся индюком.

- Да ты не обижайся, старина, - хлопнул его по плечу Лиго. - Прав ты, как ни поверни - загадочный ведь был старик, и мы о нем ничегошеньки и не знаем. Поэтому и было большим безрассудством с моей стороны взять эту вещь у него - мало ли что за этим скрывается!

Но тут Лиго почесал затылок и добавил:

- Хотя с другой стороны, не бросать же ее было там на поляне посреди леса?

И, еще немного подумав, тихо сказал:

- Хотя почему бы и нет?

Но затем, снова беззаботно махнув рукой, улыбнулся:

- Прок! Я вот тебе даю торжественное обещание, что буду

хорошенько приглядывать за этой штуковиной!

Мартин, так толком и не уразумевший, о чем же, собственно, идет речь, недоуменно крутил головой, переводя взгляд с Лиго на Прока и наоборот.

- Вы уж извините, милостивые судари, но я так-таки и не понял ничего, - сказал Мартин , уже начиная раздражаться. - Кто такой этот старик? И при чем тут эта заколка и тот чужак в корчме? Может мне здесь хоть кто-нибудь объяснить, что происходит на самом деле?

- Видишь ли, друг, я и сам толком еще ничего не понимаю, - ответил Лиго, поскребывая свою курчавую бородку. - И сам очень хочу, чтобы мне тоже кто-нибудь объяснил, что же происходит.

- Вы что, издеваетесь? - возмутился Мартин и, стеганув своего пони, поскакал вперед, обиженно кинув через плечо: - Да ну вас...

Лиго и Пеколс, переглянувшись, припустили тут же за ним, пришпорив своих приземистых лошаков. Но тут случилось еще одно непредвиденное происшествие.

Пони под Лиго вдруг ни с того, ни с сего взбрыкнул, зафыркал злобно и ожесточенно замотал головой.

- Эй-эй, что такое? - закричал Лиго. - Кажется, у меня что-то с лошаком случилось...

Скотина под молодым земником вдруг громко заржала и стала косить на своего наездника помутневшим от бешенства глазом, норовя укусить за ногу. Затем начала топтаться на месте, попеременно лягаясь то левым, то правым боком. И вдруг, резко вздыбившись и чуть не сбросив с себя своего седока, взбрыкнула еще раз и помчалась с громким диким ржанием куда-то в сторону, в темнеющий от сумерек пустынный переулок.

- Куда? Куда? - закричал остолбеневший от испуга Прок. - Сударь, куда вы? Да постойте же!

Но взбесившийся лошак несся вперед сломя голову и не разбирая дороги. Лиго что есть мочи вцепился в узду закаменевшими пальцами и пытался ближе прижаться к мохнатой гриве коня - но тот дико изгибал свою шею и так страшно фыркал, обнажая огромные зубы, что земник боялся, как бы окончательно сошедшая с ума скотина не цапнула его за руку или за ногу.

Меж тем сумерки окончательно сгустились, опустив черную накидку ночи на паутину запутаных улиц Земьгорода. И ни с того ни с сего взбесившийся пони, понесшийся невесть куда, вовсе сбился с дороги - и заблукал в хитросплетении переулков и обезлюдевших улиц деревянного града.

И когда вдруг впереди выросла стена тупика, на которую во весь опор мчался взбеленившийся лошак, Лиго от страха

зажмурил глаза.

Но буквально за несколько шагов до стены пони вдруг резко встал, будто вкопанный, упершись всеми четырьмя своими копытами в землю. Земник не удержался в седле - и вылетел вперед, прямо через голову бешеной скотины.

Это полет длился всего миг - но земник затем вспоминал, что тянулся он для него очень и очень долго: так натянуты у него были нервы.

Ба-бах - шлепнулся Лиго. Однако приземлился он, на диво, удачно, попросту чебурахнувшись в куст чертополоха, росший у самого края стены.

Лошак еще раз дико заржал и, подвернув хвост, вздыбился напоследок - развернулся и тут же умчался прочь.

- Тьфу чтоб тебя! - выругался Лиго, выбираясь из чертополоха и ощупывая всего себя: ничего ли не повредил случаем? Однако боги миловали - кроме царапин и небольших ссадин, вроде бы ничего больше не было.

Земник отряхнулся, потер ушибленное колено, и стал вынимать из одежды прицепившиеся колючки бурьяна. И в этот самый миг его сердце пронзила острая холодная игла - да так, что дыхание перехватило и потемнело в глазах.

-О-ох, - только и смог простонать Лиго, схватившись за левый бок и оседая на землю.

А в этот момент в конце переулка вдруг сгустились тени и темными клочьями тумана поплыли к нему.

И чем ближе приближались эти мрачные сгустки, тем сильнее сковывали земника замогильный страх и ледяное оцепенение, вынимая из тела душу, выжимая все соки жизни и волю к борьбе.

Ш-ш-ш- - бестелесно шуршали тени, подкрадываясь всё ближе и ближе, колыхаясь черным маревом в сумеречном тумане переулка.

"Не по с-с-сеньке ш-ш-шапка..." - вдруг издалека, будто из глубокого подземного склепа, не то послышалось, не то почудилось барздуку злобное шипение. А вслед за тем ледяным порывом ветра тихо прошелестел пробирающий до самых костей могильный смех.

И когда мрачные сгустки уплотнились, у одного из них глянули на земника знакомые стылые глаза - тот вовсе не удивился. Не было ни воли драться, ни сил кричать - просто гулко билось сердце, отдаваясь эхом во всем теле: бум... бум... бум...

- Ты... кто... такой?.. - пророкотал из-под капюшона сиплый голос.

И пригвоздил земника тяжелым взглядом, проникая в его

мысли всё глубже и глубже, словно ощупывая их изнутри своими мерзкими ледяными скользкими щупальцами.

- Откуда у тебя это? - спросил жуткий голос, и Лиго вдруг показалось, будто в нем сквозит оттенок то ли презрения, то ли лютой ненависти.

Земник молчал, не в силах произнести хоть слово. А мрачный чужак нависал над ним огромной черной глыбой и выжигал дотла душу взглядом. Дыхание у земника перехватило - он судорожно попытался открыть рот, но так и не смог. Забился на земле в пронзившей всё его тело предсмертной боли.

Сердце дёрнулось в последний раз - и затихло обессиленной птицей...

И вдруг в голове земника пронесся тихий звон - и он внезапно увидел себя внизу, лежащим калачиком на земле, у ног этого страшного чужака с жутким бесцветным голосом. А затем душа его устремилась всё выше и выше - и полетела неизвестно куда.

Внизу мелькали знакомые и незнаемые земли, а будто сквозь них проносились дни и недели, заполняя сознание сменяющимися картинами каких-то событий.

Вот остров средь бурного синего моря, объятый пламенем ревущих пожарищ. И утлый челн, борющийся с волнами, в котором сидело двое. Затем дороги лесные и глухие чащобы - и стаи черных волколаков, преследующие по пятам. Бесконечные дни и бессонные ночи, стертые в кровь мозоли и саднящие раны, истощение сил и духа упадок. И лишь одна только мысль стучит в голове, продираясь сквозь намертво сжатые зубы - надо жить и дойти. Надо... надо... надо...

Или это не мысли вовсе? А что же тогда?

И вдруг земник понял, что не мысли это вовсе стучат в голове - это снова бьется его собственное сердце: надо жить... надо... надо... надо...

И барздук, очнувшись от нахлынувших на него видений, судорожно схватил ртом сырой туманный воздух. И это первый глоток, раздирая когтями его легкие в клочья и доводя до умопомрачительной боли, заставил открыть глаза и закричать.

И в этот миг вдруг рядом что-то оглушительно грохнуло, вспыхнула яркая вспышка - и поглотила в своем слепящем белом пламени таящиеся в тумане жуткие тени.

ГЛАВА 15
ЗАГОВОР

День, который для барона Конрада фон Кинбурга начинался совсем неплохо, таким и закончился, хотя оказался крайне сумбурным и довольно хлопотным.

Когда незадолго до рассвета консулу доложили, что далеко за полночь в Земьгород примчался княжеский гонец, Альгис Шварн - барон несказанно обрадовался: ибо весть эта, которую так спешно старался донести сюда, в эти глухие окраины, гонец Великого Князя, для него, Конрада фон Кинбурга новостью уже вовсе не была. И причем давно.

Барон выгнал слуг, запер двери и, проверив еще разок на надежность запоров плотно закрытые ставни окон, радостно потер руки и полез в тайник, находившийся в самом неожиданном для него месте - сразу под камином. Оттуда консул достал кованый тяжелый ларец, в котором хранились самые ценные для него, тайного орденского соглядатая, документы и письма.

Открыв узорчатую черную крышу, барон извлек из шкатулки давно припасенный пергаментный свиток. Письмо это, за подписью и личной печатью Великого Магистра Ордена Меченосцев, хранилось у барона уже давно - и тайно доставлено было загодя в Земьгород с одним из купеческих обозов. Самое интересное было то, что всё, описанное в этом свитке, было как будто вчера произошедшим - но консул твердо знал, что тем не менее письмо это было подготовлено изрядное время назад, когда Аркона стояла еще незыблемой твердыней среди моря. Но создатели письма как будто в воду глядели - и знали, что именно так всё и должно произойти. И когда спустя несколько дней после падения языческой святыни на Руяне барону сообщили об этом событии, он злорадно усмехнулся - и стал ждать. Потому что наставления, данные ему, были весьма четкие и недвусмысленные. А заключались они в том, что после получения этих известий нужно было ожидать прибытия в Земьгород княжеского гонца с этими же новостями - и лишь затем действовать: напроситься на прием к наместнику и передать это давно хранившееся письмо по горячим следам, усилив этим и так крайне удручающее известие о падении оплота волхвов в Свияжском море.

И, надо сказать, впечатление было произведено потрясающее - по крайней мере, как ни старался скрыть наместник бессонную и весьма тревожную ночь за маской нарочитого спокойствия и безразличия, появление у него барона в столь ранний утренний час с предложением от меченосцев о союзе и покровительстве, эффект произвело оглушительный. И вдобавок преследовало еще одну скрытую цель - внушить мысль о полнейшей осведомленности Ордена о всем, что происходит в окружении как наместника, так и самого Великого Князя, каким бы покровом тайны это ни обставлялось. Сама мысль о том, что у зловещего Ордена есть везде свои глаза и уши, и нет ничего, что можно было бы каким-либо образом от него скрыть, играла самим меченосцам как раз на руку - и была всегда частью их планов по разобщению и разложению изнутри их противников. Ибо, как говорили древние мудрецы, в здоровом теле - здравый дух. Но ежели этот самый дух сломить - то никакая уже телесная крепость помочь была не в состоянии тому, кто находится в подавленном состоянии. Этой коварной и подлой политики Орден придерживался всегда, тем самым напоминая паука, который осторожно заманивал в свою ловушку шмеля и, впрыснув в него порцию своего гнусного яда, тут же ретировался и затем уже на безопасном для себя расстоянии плел вокруг свои сети, спокойно дожидаясь, когда отрава подействует и сломит изнутри тело

жертвы, и та в конце концов перестанет трепыхаться и полностью отдастся воле своего убийцы.

Ожегшись несколько раз в прямых столкновениях с войском Великого Княжества, которое оказалось значительно крепче, чем изначально предполагали меченосцы, Орден изменил свою тактику - и заключил мировое соглашение с Неманской Державой. Однако истинной целью этого договора был вовсе не мир - а возможность постоянных сношений с великокняжеским двором, не вызывая при этом никаких подозрений или обвинений во вмешательстве. А это означало для рыцарей прямой и легкий доступ к высокопоставленным сановникам Державы - и возможность воздействовать и влиять через них на жизнь страны. Вдохновленный ратной победой, Великий Князь Любарт не разгадал коварной хитрости своих врагов - и принял посольство от них как знак слабости Ордена и признания державных заслуг его, Великого Князя. А потому и охотно подписал мирный договор с Орденом - и тем самым собственноручно подписал приговор своей стране, сделав первый шаг в надежно расставленную ловушку.

А вслед за первым шагом последовали и другие. Через несколько лет меченосцы, действуя скрытно и крайне изощренно, продавили при дворе новое, выгодное для себя уложение - на этот раз уже торговое. Обставлено всё было чин по чину, не придерешься - и выходило на поверку так, будто бы выгода была в основном для самого Великого Княжества Неманского, а им меченосцам, чуть ли не сплошной убыток и разорение. И мало кто тогда задумывался - а почему, собственно, Орден так вдруг, ни с того, ни с сего изменил своей исконной волчьей хватке и стал так неистово набиваться если не в друзья, то уж в добрые соседи к Великому Княжеству, да еще и явно себе в ущерб? А если кто и задавался таким вопросом, то обычно вскоре почему-то бывал всеми осмеян и предан забвению.

На поверку всё шло хорошо и гладко. Выходило так, что будто бы вразумленный ратной доблестью неманских полков вражеский Орден якобы присмирел и сделал должные выводы - и превратился в весьма миролюбивого и покладистого соседа. Но так ли это было на самом деле?

Заключив после страшного для себя поражения в той самой битве на Семи Холмах мирный договор, меченосцы получили возможность держать постоянное посольство при дворе Великого Князя. И он немало бы удивился, узнай, кто вошел в его состав и чем на самом деле занимались эти послы. Прежде всего меченосцы начали закатывать пышные банкеты и роскошные пиршества в честь своих победителей (что было более чем

странно) - и приглашать на них самые знатные неманские семейства. Простоватые, но весьма чванливые бояре и высокородная шляхта часто необдуманно и довольно наивно отвечали согласием на эти приглашения - и охотно посещали пиры у своих вчерашних врагов. Вдоволь накичившись друг перед дружкой и набахвалившись вволю перед устроителями этих торжеств, которые совсем не подавали виду и крайне благожелательно сносили все выходки своих гостей, неманская знать в конце концов неожиданно для себя начала обращать внимание и на то, что, оказывается, нравы и обычаи меченосцев также были весьма удивительны и заслуживали некоторого интереса. Выяснилось вдруг, что и манеры меченосцев были не так грубы, как у местных жителей - а намного учтивее и приятнее. И суждения их, основанные на знаниях об окружающем мире, были весьма любопытны, занимательны и многосторонни - а кругозор их был намного шире и гораздо богаче. И чем дольше появлялось таких сравнений - тем меньше они были в пользу неманских семейств. И вслед за этим нелицеприятным выводом исподволь стало вызревать желание стать такими же, как благородные рыцари - ну или хоть в чем-то походить на них. И вскоре, сама того не замечая, неманская знать понемногу стала перенимать привычки и манеры своих вчерашних врагов - а свои обычаи потихоньку предавать забвению и осмеянию.

Вначале дело было за малым. То один, то другой юный отпрыск знатного семейства станет кривиться, глядя на грубые привычки своих родителей за обеденным столом. "Фи, маман - как некрасиво! - брезгливо скажет такой юнец. - Поучитесь-ка лучше поведению за столом у господина орденского посла и его окружения из благородных рыцарей - что перед едой пальцы нужно изысканно обмакивать в воду и затем лишь слегка прикасаться ими к поданной салфетке, а не вытирать их остервенело о полотняный рушник, комкая его. И вообще, для всех подаваемых блюд есть свои столовые приборы - так что незачем хватать дичь руками и рвать ее, подобно жадному зверю. Ведь можно красиво отрезать себе небольшой кусочек ножом и деликатно съесть его. Мы же не грубые варвары какие-нибудь в конце концов!"

И затем, чтобы совсем уж не казаться дикарями и неотесанными чурбанами, такие отпрыски начнут потихоньку перенимать у своих новоявленных идолов не только манеры, но и разные чужеземные словечки, вворачивая их в свои напыщенные речи кстати и некстати. Затем уж и покрой предковской одежды, верой и правдой служивший не одному поколению, станет казаться таким юнцам слишком грубым и чересчур несуразным.

"Это пусть мужланы из лесов и болот кутаются в свои длинные плащи, прикрывая ими свои зады - а нам такие нелепости ни к чему!" - говаривали друг другу юные фигляры. И вскоре с их легкой руки при дворе стали все щеголять в дурацких кургузых плащах, ни к чему совершенно не приспособленных. "И на что такое непотребство только нужно? Ни зад тебе ни прикрыть, ни закутаться толком, - поджимали плечами, удивляясь, люди постарше. - И на что только такая одежонка годна?". Но они со своими мнениями и взглядами, как оказалось, стали слишком патриархальными и оттого попросту смешными в глазах молодежи.

А затем не только манеры и покрой одежды начал вызывать неприятие и едкие колкости со стороны новомодных юнцов. Вскорости уже и сами родовые ценности и устои стали подвергаться сперва острожному сомнению в их верности, затем явному несогласию сними, а после и вовсе уж неприкрытым издевательствам и откровенным насмешкам. Во множестве расплодились вроде бы шуточные на первый взгляд истории, на самом деле довольно злобно высмеивающие героев старины и их подвиги. Да и сами эти поступки стали казаться не только нелепыми и ничтожными, но и свершено ненужными и даже совсем глупыми. И сколь противоположны им были в глазах молодежи в своем блеске величия и благородства деяния рыцарей Ордена Меченосцев, поражавшие своим изяществом манер и широтой мысли!

Родители сих знатных отпрысков, пропадавших на званых ужинах и пирах в орденском посольстве, и старавшихся так походить на своих новых наставников, только головами качали, думая, что это обычная юношеская блажь, которая попросту с возрастом выветрится из их голов.

Однако вслед за этими зелеными вьюношами уже и в среде знати постарше то тут, то там стали раздаваться пока еще робкие и тихие голоса, что, мол, у этих меченосцев есть все же чему поучиться и им, старшему поколению. Мол, и устройство державное у них получше будет, не в пример нашенскому, Неманскому, доставшемуся еще от дедов-прадедов, да и ратное дело поставлено у рыцарей верней и обстоятельней. "Как так? - удивлялись другие. - Ведь это мы же победили их тогда на Семи Холмах, наваляли по бокам за милую душу! Так чему же нам у них учиться-то?" Однако первые в ответ только махали руками и объясняли ту победу лишь чистой случайностью, и не более того. Мол, ежели б другой поворот событий, то быть бы уже нам битыми, а не им. И совершенно не хотели слушать других доводов, говоря, что благодарить судьбу мы все должны за то, что

в итоге меченосцы проявили такое великодушие и благородство, заключив мир с Державой Неманской, и тем позволив ей прикоснуться к богатейшему наследию Ордена. Мол, крайне неблагоразумным и даже преступным было бы отвергнуть сей ценный дар.

Такие сперва тихие и немногочисленные голоса меж тем становились всё громче и громче, перерастая постепенно в недовольный ропот. Несогласие с державными устоями и нежелание более следовать предковской старине становилось модным и широко распространилось при дворе. А стареющий князь Любарт со своим окружением только диву давался происходящим в умах его подданных переменам. Однако власть его все еще по-прежнему крепка - и открыто противиться его воле желающих было мало. А потому и в Державе дела шли хоть и криво, всё хуже и хуже с каждым днем, но пока еще по-старому, по дедовским заветам и устоям.

Однако меченосцы, впрыснувшие свою отраву в умы придворной знати, ждать умели. И вили потихоньку свои сети дальше.

Следующим шагом со стороны кованых рыцарей было заключение торгового уложения, по которому купеческие ряды меченосцев появились чуть ли не во всех крупных городах неманских земель. А вместе с заморскими товарами и разными невиданными диковинами орденские купцы стали заводить и порядки, как при посольстве в стольном Ковень-граде. И через несколько лет уже немыслимо было себе представить любой уездный город без торговых рядов и увеселительных заведений иноземных купцов. Они поражали своим ладным устроением, порядком и чистотой, а с их ценами за товары и услуги тягаться местным купчинам было всё тяжелей и несподручней. Да и платили иностранцы своим работникам не в пример больше, переманивая к себе самых лучших- а потому и торговля шла у них бойчее и прибыльней. "Эхе-хе, - чесали головы бородатые неманские купцы, торговавшие по старинке прижимисто и осторожно, - эдак вскорости нас и вовсе эти ухари разорят! И куда только власть на местах смотрит?"

Но влсть на местах, увы, смотрела больше в свою собственную мошну - ибо подати чужаки платили исправно и, главное, не в пример много. А оттого и дорожила этими новыми купцами власть, берегла их - а своих купчин знай только укоряла в жадности да в неповоротливости. Баяли, правда, что от этих иноземцев иной городской управе не только подати в казну перепадали - а кое-что и еще. Но, как говорится, не пойман, не вор - а потому тут только догадки строить могли.

Вместе с иноземными купцами и их бойкими людишками, проникавших всё настырнее и наглее во все области жизни Державы Неманской, распространялась и их подлая незаметная отрава для разума. Молодежь ее охотно принимала, а старшее поколение только недоуменно разводило руками, не понимая, что же творится вокруг. Так бы и сошло всё с рук меченосцам, удачно заманивших в свои сети еще одну крупную добычу - но шмель не муха, может не только взбрыкнуть напоследок и разорвать опутавшие его сети, но также и смертельно ужалить в ответ.

И когда дни старого князя были уже сочтены, и новая партия, ратовавшая за меченосцев и состоявшая из их явных и неприкрытых сторонников, открыто и нагло рвалась к власти, произошло неожиданное. Незадолго до кончины Любарта вдруг один за одним разгорелись скандалы с участием многих высоких сановников из весьма знатных и родовитых семейств. То один, то другой такой чиновник были уличены не просто в подражательстве меченосцам - а в подлой измене на пользу зловещего Ордена. Один вельможа, не стесняясь, брал огромную мзду - за что проталкивал интересы иноземных купцов в ущерб своим, местным торговцам. Другой, как оказалось, плотно висел на крючке у псов-рыцарей за проделки своего весьма беспутного сынишки, и плясал оттого под их дуду, боясь быть разоблаченным и опозоренным. Третий и вовсе за свое сладострастие и любовь к широкой разгульной жизни влез в непомерные долги - и был чуть не в открытую помыкаем меченосцами, занимая при этом пост весьма высокий и ответственный. И таких случаев вдруг вскрылось не в пример много - и почему-то все сразу. Выяснилось неожиданно, что казна оказалась совершенно пустой и полностью разворованной, что устройство державное расшатано напрочь, а ратное дело приведено в вопиющую негодность. И что от полнейшего поражения перед Орденом его еще вчерашних победителей отделял буквально всего один шаг - ибо готовился новый мирный договор, по которому Великое Княжество должно было стать надежным союзником Ордена Меченосцев, а сама Держава наводнялась бы его войсками якобы для ее же собственной защиты, и советниками для проведения якобы так необходимых стране коренных изменений.

Однако чаяниям коварных меченосцев тогда сбыться было вовсе не суждено. Ибо в дело вмешалась еще одна сила, скрывавшая себя до поры до времени. И когда трон под умирающим князем зашатался, а знать была вся запугана нашумевшими скандалами и изменой, уже сам паук чуть не попал в заботливо расставленные для него сети.

Плотно обсев своими людьми стольный Ковень-град и

запустив со временем свои щупальца во все вотчины Великого Княжества, меченосцы буквально за какой-то десяток-полтора лет полностью разложили изнутри огромную державу - и уже потирали свои руки в предвкушении богатой добычи, расставив везде свои капканы. Потому как по смерти Великого Князя Любарта его близкое окружение тут же подверглось бы гонениям и опале, а на его место был бы приведен один из сторонников нового договора, ввергавшего некогда могучую страну в лапы заморских хищников. И ежели б на шляхетских сборах не был бы избран основной кандидат, то остальные, следовавшие за ним претенденты, были такими же точно ставленниками и куклами всё той же партии измены, плотно обсевшей престол.

Однако неожиданно, как гром среди ясного неба, разгоревшиеся обвинения в умопомрачительном предательстве отчизны совершенно смутили всю неманскую шляхту. И в этом удушливом воздухе, плотно насыщенном ядовитыми испарениями всеобщей измены, повальной подозрительности и взаимного недоверия, неманская знать поддалась единственно верному в таких случаях чувству стадному чувству самосохранения. И, внезапно отвергнув всех предложенных кандидатов на престол, сделала ставку на одного из отпрысков старого князя, казалось, совершенно безвольного и нежелающего ничего менять. "Это-то уж точно за своими охотами да пирушками не будет ничего трогать, - рассуждала шляхта. - Как раз такой правитель нам и нужен - ни рыба ни мясо. Ну их в болото, всех этих орденских выкормышей с их не то изменениями, не то попросту изменой. Еще, чего доброго, своими преобразованиями и нас всех, родовую знать, выметут к чертовой бабушке!"

Так рассуждала шляхта, поддавшись стадному чувству. И неожиданно проголосовала за Ольгерда, одного из сыновей Любарта, сделав его Великим Князем и надеясь обрести хоть какой-то покой, не желая вовсе каких-либо потрясений в державном устройстве и уж тем более в своем собственном положении.

Избалованный, как думалось, с самого детства, Ольгерд, сроду не проявлявший никакого интереса к государственному делу, даже сначала запаниковавшим было меченосцам показался в итоге фигурой также вполне подходящей - и, в принципе, не такой уж плохой заменой их собственным ставленникам. Ведь сделать и этого безвольного князька таковым и полностью захомутать в свои сети, не представлялось им делом таким уж трудным. Однако когда на новоизбранного Великого князя возложили корону и он принес присягу на верность отечеству, за

его троном меченосцы вдруг с ужасом для себя заметили тени волхвов. А сам Ольгерд внезапно проявил себя правителем решительным и одновременно мудрым в своих поступках. Ибо действовать ему надо было крайне осторожно - Держава была разложена и полностью разорена. Но, опираясь на волхвов, при помощи которых, как оказалось, он и пришел к власти, Ольгерд в первые, самые опасные годы провел страну буквально над краем пропасти. Самым главным для нового князя было несмотря ни на что сохранить мир со своим вековечным врагом - Орденом, не идя при этом ему на какие бы то ни было существенные уступки. Ибо любые из них мгновенно грозили потерей независимости - и полным поражением.

В первые годы меченосцы еще лелеяли мечту вернуть утраченные позиции, но новый князь, следуя советам волхвов, очень искусно и в то же время настойчиво расставлял везде своих верных людей. И, более того, постоянно менял их местами и должностями, не давая подолгу засиживаться на одном месте. И тем самым не давал возможности подобрать меченосцам ключики к ним.

И лишь когда спустя несколько лет Орден понял, что все его предыдущие усилия обернулись прахом, было уже поздно - Великое Княжество, некогда почти бескровно покоренное, полностью расстроенное и безвольно лежащее у их ног, каким-то непостижимым образом вдруг выскользнуло у них из когтистых цепких лап, и с каждым днем крепло всё больше и больше.

И именно потому взбешенные меченосцы, затаив черную ненависть, спустя некоторое время нанесли удар в самое сердце волхвов - и запылала тогда святая Аркона. А когда устои светлого мира затрещали по швам, коварные рыцари решили нанести еще один подлый удар - в Земиголье, где исстари жили последние союзники светлых сил, таинственные земники, или барздуки, издревняя волшебная нелюдь, наравне с великим дивами противостоявшие Злу с начала времен.

***

Кориат Довмонтович сразу не понравился барону Конраду фон Кинбургу. И дело здесь было вовсе не в том, что враг, в общем-то, и не должен тебе нравиться. Нет, просто за этой маской простодушного с виду и как будто бы недалекого вояки, коему полками командовать на параде, скрывался на самом деле очень хитрый и умный противник. А именно таких, чересчур умных врагов, в Ордене не любили особенно - и старались от таких избавляться в первую очередь.

Так и барон Конрад фон Кинбург, прибыв в Земиголье из Мальборка, столицы Ордена Меченосцев, и вручая верительные

грамоты новому наместнику, сразу почуял неладное. И долго затем не мог избавиться от неприятного ощущения, так и не осознав до конца, что же больше его смутило - сам Кориат Довмонтович, или же его окружение, прибывшее вместе с ним из столицы в эту глухомань. Правда, хвала темным колдунам, защитникам Ордена, ни одного волхва в свите наместника не наблюдалось - и давало некоторые надежды, что с этим новым правителем глухого и дикого края удастся все-таки совладать. Потому что до этого сюда и соваться-то меченосцам было бесполезно - Земьгород походил больше на захудалую деревушку и насчитывал едва несколько сотен дворов, а предыдущий наместник только назывался таковым: и в самом крае полновластными хозяевами были барздуки, эти зловредные коротышки, вечно путавшиеся у Ордена под ногами. Даже тогда, в битве на Семи Холмах, закованные в броню клинья рыцарей без особого труда разметали бы рыхлые, хоть и людные дружины Великого Князя, не вмешайся в сражение те самые земники-бородачи. Их рать и не была так уж особо многочисленной - но скрывались они в лесу до последнего так умело и изощренно, и нанесли удар в тыл меченосцам так внезапно и сокрушительно, что разгром блистательного орденского войска стал, увы, неминуем - и был настолько неожиданным, как и гром средь бела дня.

Однако ни до той злополучной битвы на границе Холма и Дола, иначе Жемайтии, когда князю Любарту посчастливилось отстоять свои кордоны от меченосцев, ни после, Ордену так и не удавалось добраться каким-либо образом до барздуков. Край свой они защищали надежно, а чащобы и леса там были столь дремучие и глухие, что соваться туда с войском было равносильно погибели. И положение это стало меняться лишь с появлением в Земиголье людей. Однако пока людские поселения были крайне малочисленными, мечты прибрать эти дикие земли к своим рукам оставались для меченосцев все еще несбыточными. Ибо земник не человек - и подобрать ключик к его страстям лиходеям удавалось ой как редко. Барздуки, в отличие от нас, людей, происходили из колен тех первородных существ, души которых отличались полнотой и целостностью. И если уж их племя наравне с волшебным народом дивов изначально служило добру, то уж будьте уверены - ни на какое мало-мальское соглашение с кривдой оно не пойдет, хоть ты тресни. И склонить его на сторону зла не удастся никогда. В те давние времена, на заре рождения нашего мира, когда впервые взросло Вековечное Древо, создатель сущего, всевышний Святовит, именуемый также Вышнем, наградил свои самые первые творения многими из своих

качеств. И эта искра божественной правды жила в тех первозданных народах до сих пор. И даже Черноголову, отпавшему от вышняя и ставшего его извечным коварным врагом, так и не удалось их обратить на свою сторону - чего не скажешь о нас, людях, испорченных творениях поздней поры.

Всё это знали исстари темные чародеи Ордена Меченосцев - а потому и вели борьбу против земников на их полное уничтожение везде, где только можно было. И лишь одному из племен тех стародавних карликов удалось в свое время ускользнуть из их цепких лап и затеряться в пуще Неманского края, став недосягаемыми на долгое время для мрачного Ордена. Кордоны свои на протяжении веков барздуки охраняли крепко, древние заветы свои блюли свято - и казалось, что добраться до них меченосцам будет возможно еще не скоро, если вообще это выйдет. Но тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Когда в Ордене осознали, что им в очередной раз не удалось совладать с Великим Княжеством Неманским - ни сперва ратною силою, ни затем коварным миром - и на трон сел ставленник волхвов Ольгерд, казалось, что все их усилия пошли прахом. Но тут открылась новая возможность - а именно прибрать к рукам то самое окраинное Земиголье и наконец-то разделаться-таки с ненавистным для меченосцев народом барздуков. Ибо Ольгерд, хоть и повел политику хитрую и крайне непредсказуемую, казалось, перемудрил в итоге самого себя, избавившись в конце концов от всех людей из близкого окружения своего отца - даже тех, многие из которых были самыми верными и последовательными врагами Ордена. Одним из таких и был Бут, с почетом отправленный (а, если смотреть правде в глаза, то попросту изгнанный) в качестве наместника в глухой дикий край, вотчину земников. А вместе с Кориатом Довмонтовичем туда, в далекое и ранее недоступное Земиголье, потянулись на поселения его люди - много людей, которые ехали туда осесть навсегда.

И когда за несколько лет дремучий некогда край стал понемногу преображаться и заселяться людьми, у меченосцев вызрел новый коварный план - найти доступ к сердцам поселенцев, переманить их тем или иным образом на свою сторону (а если не получится, то склонить насильно), и разделаться наконец-то с земниками, загнав их на погибель в топи и болота. Или, на худой конец, полностью вытеснив их из Неманских земель куда-нибудь дальше, в неведомые глухомани Великолесья. И затем попытаться снова - на этот раз уже окончательно - полностью решить вопрос с Великим Княжеством, лишенным своих самых верных союзников, завоевав и уничтожив

его.

А потому, когда Земьгород буквально не по дням, а по часам стал разрастаться вширь, когда под стук топоров в Земиголье потянулись купеческие обозы, меченосцы тут же попытались наложить руку и на этот промысел, подмяв его под себя. И именно тогда в столице края появились, согласно мирному уложению, торговые ряды купцов из Ордена - а под видом торгового консула в Земьгород прибыл один из самых коварных лазутчиков меченосцев, рыцарский командор, комтур (т.е. властитель) имения и замка Кинбург, барон Конрад, скрывая свою настоящую сущность и подлинные цели под напускной маской лукавого, но простоватого купца.

Однако в свою самую первую встречу с наместником, Конрад фон Кинбург отметил то неприятное чувство опасности, которое никогда не подводило его. А потому он сразу почуял в пытавшемся казаться намного проще, чем он есть на самом деле, Кориате Буте весьма опытного и крайне опасного соперника.

И не ошибся.

Игра в кошки-мышки, начавшаяся с самых первых дней, очень быстро стала настолько запутанной и так усложнилась, что вскоре уже было и вовсе не понять, кто же за кем в итоге охотится - и кто кого выслеживает. Буквально с первых же шагов охрана барона выявила за собой топтунов наместника - однако было непонятно, чего в этом было больше: мастерства слежки той или же другой стороны. Кто кому дал понять, что шутить здесь не надо, было неясно - то ли люди барона, которые так быстро выявили хвост, то ли наоборот, тайная стража наместника, которая сама таким вот ненавязчивым образом осторожно проявила себя, красиво и деликатно намекнув о своем существовании. А дальше - больше. И уже через несколько дней, когда люди барона практически везде натыкались на мягкое, но настойчивое противодействие, Конрад фон Кинбург понял, что его противник - враг очень умелый, и обладает умом весьма гибким и решительным, чем опасен вдвойне.

Но разница была в том, что наместник, хоть и играл на своей земле. В отличие от барона, Кориату Буту все же противостоял не сам по себе торговый консул - а почти вся мощь мрачного лиходейского Ордена меченосцев с его вековым коварством и жестокой изощренностью. А потому и барон, дав наместнику переиграть себя в малом, осторожно и настойчиво готовил свою ловушку, дабы одержать победу в гораздо большем.

Тот самый час пробил, когда Аркону, эту цитадель ненавистных волхвов, взяло и разрушило объединенное войско Ордена и его верных союзников данов. И с этого самого времени

капкан для Земиголья был взведен и силки расставлены - готовая западня ждала свою жертву. Потому что впереди был Янов день, на который старейшины всех барздуков собирались в окрестностях Земьгорода, в священной дубовой роще, на свой ежегодный Вечевой Сбор. И именно к этой дате барон приготовил для них свой зловещий сюрприз, решив одним махом разрубить опостылевший для меченосцев узел забот, связанный как с народом земников, так и с новым наместником Земиголья, вечно путавшимся под ногами.

Однако не всё пошло так, как того хотелось барону. Что-то не клеилось в этой так заботливо выписанной картине действий - и Конрад фон Кинбург чувствовал это всей своей шкурой. Но что именно было не так - понять до сих пор не мог.

Наступил вечер. Барон стоял у единственного открытого окна и мрачно смотрел на сгущающиеся сумерки - и на тучи шумного крикливого воронья, кружившегося над городом, словно предрекая ему сплошные несчастья. Консул криво улыбнулся, думая о том, что в смекалке и догадливости наместнику всё же не откажешь - но увы, мера эта, хоть и была хороша и подрубила крылья доставке донесений из ордена барону и наоборот, была слишком запоздалой и не могла решить уже ровным счетом ничего. Капкан был готов - и ждал своего часа, чтобы захлопнуться.

Барон Конрад фон Кинбург зловеще ухмыльнулся - и подбросил на ладони золотой перстень со старинными рунными знаками. Тот самый, который видел Лиго на руке у Велемира.

ГЛАВА 16
ПРОБУЖДЕНИЕ

Когда Лиго открыл глаза, было уже далеко за полдень. День стоял ясный и жаркий - и его бойкий шум то усиливался, то ослабевал, доносясь со всех сторон.

Земник слабо застонал.

"Где я? Что я?" - подумал Лиго и с трудом открыл глаза. Прямо над ним, уходя на пару-тройку аршинов вверх, заканчивался острым конусом небесный свод с вышитыми на нем яркими звездами, солнцем и луной одновременно, мерно пошевеливавшихся от легкого ветра.

Некоторое время Лиго непонимающе смотрел затуманенным взором на этот почему-то сузившийся до соль ничтожных размеров некогда огромный мир, пока до его проясняющегося сознания с трудом не достучалась мысль, что это - и не небо вовсе, и мир также не так уж и мал. А что лежит он на походной кровати в большом шатре из плотной синей ткани, украшенной

изнутри вышитыми изображениями неба и разных светил.

- Слава могучим богам! Вы живы, сударь! - радостно воскликнул кто-то рядом до боли знакомым голосом.

Лиго с трудом повернул голову - и увидел сияющее от счастья лицо Прока Пеколса с вечно взъерошенными волосами.

- Как вы, сударь? - спросил старый слуга и, подойдя поближе, осторожно поправил подушки под головою Лиго.

Лиго медленно облизнул пересохшие губы и еле слышно попросил:

- Пить...

- Да-да, сударь, сейчас же! - поспешно закивал Пеколс и поднес к его губам носик медного чайника.

Но, едва глотнув, Лиго тут же закашлялся - обжигающая терпкая густая жидкость резанула горло.

- Что... это... за... дрянь? - откашливаясь, тихо спросил Лиго: свод шатра над его головой поплыл из-за выступивших на глазах слез. - Дай лучше в-воды...

- Воды? - захлопал ресницами Пеколс, и тут же замотал головой: - Нет, воды я вам не дам, сударь! Приказано поить вас вот этим - чтобы быстрее поставить на ноги!

Лиго попытался было приподнять голову и осмотреться - но сил еще не хватало и он снова тяжело откинулся на подушки.

"Что за чертовщина? - подумал он. - Кем это еще приказано не давать воды? И где я вообще нахожусь?"

Лиго недовольно покосился на Пеколса. Тот стоял рядом, радостно улыбаясь - и в то же самое время с самым заботливым выражением своего простодушного лица, готовый в любой момент исполнить любую же прихоть своего хозяина.

- Вы лежите покамест, сударь, не разговаривайте, - сказал Пеколс. - Вам еще сил набраться надо - успеете еще поговорить!

Лиго сомкнул глаза. Голова все еще шумела, дико болела грудь и помятые ребра, а во всем теле чувствовалась опустошающая слабость. Но, странное дело, глоток выпитой обжигающей жидкости, оставившей свой терпкий привкус на растрескавшихся губах, делал свое удивительное дело - слабое пульсирующее тепло успокаивающе разливалось по телу, капля за каплей насыщая его жизненной силой.

- Сударь, может, еще глоточек? - проворковал Пеколс, нагнувшись над головой своего хозяина.

Лиго, приоткрыв глаза, кивнул. Пеколс снова поднес к его рту старый медный чайник.

Закашлявшись снова, Лиго слабо улыбнулся:

- Спасибо, Прок...

- Ну что вы, сударь, - только и смог сказать тот - и тут же

поспешно отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся слезы.

Странный обжигающий напиток делал свое дело - по телу молодого земника разносился он тысячей мелких иголочек, покалывающих то тут, то там. В голове постепенно прояснялось, и мысли стали выстраиваться в четкий стройный порядок, выбираясь из вязкой липкой путаницы забытья. И когда последние клочья тумана беспамятства растаяли, на земника хлынули воспоминания прошедшей ночи.

Он вспомнил, как его помчал взбесившийся лошак, как летел он на нем незнакомыми переулками чужого города, не разбирая дороги. Вспомнил тот злополучный тупик - и своё падение в куст чертополоха. А затем... А затем, вдруг облившись холодным липким потом, вспомнил появление тех. И особенно той тени чужака со страшным голосом, что так выморозил своими ледяными звуками всю его душу. Вспомнил и то, как корчился от адской боли у ног жестокого незнакомца - и свои видения за мгновение до собственной смерти. И в этот миг Лиго вдруг громко вскрикнул - и вскочил на своих подушках: откуда только и силы-то взялись.

- Что такое, сударь? - в испуге закричал Пеколс и, уронив свой медный чайник, бросился к своему хозяину.

Лиго сидел с широко раскрытыми и ничего не видящими глазами - сердце его так сильно билось в груди израненной птицей, что грозило вот-вот вырваться из этой тесной клетки.

- Где заколка? - вдруг жестким голосом спросил Лиго, схватившись за грудь.

И, не найдя ее там, страшно закричал:

- Где она?!

Пеколс в ужасе схватил его и прижал к себе - но Лиго оттолкнул его с небывалой силой и стал судорожно шарить руками вокруг, ощупывая свою постель.

И в этот миг на крик Лиго кто-то откликнулся - полог шатра широко распахнулся, и внутрь ворвался ослепительный солнечный свет и дневной гомон большого лагеря. Оба земника на мгновение зажмурились - а когда открыли глаза, то увидели, что свет на секунду померк и снова прояснился: высокая статная фигура переступила порог.

- Что случилось, мальчик мой? - спросил густой сочный голос, вселяя спокойствие и изгоняя все страхи.

От звука этого мелодичного глубокого голоса пережитый только что ужас стал быстро отступать - даже сердце у Лиго забилось медленнее и спокойнее.

- Где заколка? - вновь упрямо спросил земник.

- Не беспокойся, Лиго, всё в порядке, - ответил ему тот же

голос, - лежит она с тобою рядом, мальчик мой.

И у Лиго в этот миг словно пелена спала с глаз - он увидел рядом с собой, у подушек, маленький кожаный чехол. Быстро схватив его, земник посмотрел внутрь - там огнисто и таинственно мерцала та самая загадочная заколка. И как только Лиго прикоснулся к ней, то сразу же почувствовал то самое знакомее целительное тепло, пробежавшее по его пальцам вверх, к локтю, а оттуда прямиком к сердцу, окончательно успокаивая его и растапливая в нем остатки ледяных игл, возвращая утраченные силы.

- Да, мальчик мой, она тебе нужна сейчас, - мягко произнес тот самый голос, знакомый настолько, что сердце вдруг ёкнуло в груди.

Лиго вскинул взгляд - и его глаза широко распахнулись от внезапно нахлынувших чувств. Эта высокая статная фигура, этот густой сочный голос, эта незабываемая старинная манера говорить стихами, как волхвы-вайделоты, могли принадлежать только одному человеку!

- Владыка Куреяс!!! - радостно закричал Лиго. - Это вы?!

И попытался вскочить с постели.

- Лежи, мой мальчик, набраться сил тебе пока необходимо, - сказал Куреяс, владыка вайделотской школы в Вольно-граде, и мягко, но настойчиво снова уложил земника на подушки. - Покой и сон - вот снадобья для исцеленья!

Старый волхв стоял, высокий и статный, с огромной окладистой седой бородой, в темном синем плаще с рассеянными по нему мелкими звездами, и в широкополой островерхой шляпе с большой серебряной пряжкой.

- Да, это я, мой мальчик, - улыбнулся в густую бороду Куреяс, владыка храма. - Поди, не ожидал меня увидеть снова? По правде говоря, и я не чаял этой встречи - и скоро так причем.

И, прислонив к изголовью кровати свой витиеватый изогнутый посох вайделота, испещренный старинными колдовскими знаками, сел рядом на стоявший у постели высокий резной стул.

Заметив внизу, под ногами, натёкшую лужицу темной густой жидкости из оброненного медного чайника, волхв грозно сдвинул брови и сурово покосился на Пеколса, зацокав языком.

- Я - что? Я - сию минуту, сударь! - пролепетал тот и опрометью бросился убирать.

Затем, более уже не обращая внимания на слугу, волхв посмотрел на молодого земника.

- Я вижу, тебе лучше стало, - сказал вайделот и улыбнулся. - Настойка корня огнецвета знай дело делает своё!

Тут он вновь глянул на Пеколса и заметил:

- Особенно, если ее не разливать напрасно. Не так ли, Прок?

Старый земник обмер - но, увидев в глазах волхва веселую искорку, облегченно выдохнул.

- Ты вот что, Прок, - снова сказал вайделот. - Ступай пока - с хозяином твоим потолковать нам надо срочно.

И слегка махнул рукой.

А когда полог шатра за слугой закрылся, волхв обернулся к Лиго:

- Ну, мальчик мой, поскольку, как я вижу, тебе уж стало лучше, серьезно мы должны поговорить. И многое тебе придется мне поведать - хотя за это время, что ты лежал в бреду, слугу я твоего вопросами донял немало и вызнал всё, что только смог. Грозился даже жабой пустить его по свету, если он, не дай господь, попробует забыть хотя бы безделицу за всё то время, как ты покинул стены храма. Устал порядком я и слишком волновался, заботясь о тебе в последние три дня.

- Последние три дня? - изумился Лиго. - Так сколько же я здесь пробыл?

- Я ж говорю - последние три дня и страшные три ночи, которые тянулись как три года для меня, - ответил волхв.

Легкая тень набежала на лицо Лиго - он снова привстал на подушках и с дрожью в голосе спросил:

- Так это вам, сударь, я обязан своим спасением?

И склонил голову в знак признательности.

- Ну что ты, мальчик мой, - улыбнулся старый волхв. - И да, и нет. Я подоспел лишь вовремя сюда, чтоб вытащить тебя оттуда, где вечно княжит сумрак и покой. Но если бы не оберег твой, дар Велемира, то даже я боюсь загадывать, что было бы с тобой. Спасли тебя твоя заколка - и мой старинный друг, который-то и вырвал твою душу из лап врагов.

- Так значит, это был Велемир? - радостно вскинулся Лиго. - Это он меня тогда спас?

Но лицо вайделота вдруг посуровело - лоб прорезали глубокие мрачные морщины. Куреяс положил свою ладонь на руку Лиго и тихо сказал:

- Крепись, мой мальчик, Велемир погиб... Мы больше не узрим его...

В шатре на минуту воцарилась гнетущая тишина.

- Так он... погиб тогда? - срывающимся голосом прошептал Лиго: на глазах его блестели слезы.

- Увы, мой мальчик, - кивнул вайделот. - Но - не тогда. А раньше - и не здесь.

Лиго посмотрел на волхва:

- Что это значит, сударь?

- А спас тебя, мой мальчик, тоже друг мой - но с ним тебя я познакомлю позже. Великий витязь он - и сильный чародей. Не подоспей он вовремя - как знать, как повернулась бы судьба? Ведь это он и разогнал те тени, что обступили, мучая, тебя.

- А кто это были? - дрожащим голосом тихо спросил Лиго.

- Это были навьи, - мрачно сказал волхв., - ожившие умертвия, исчадия из ада. Ты, мальчик мой, лишь чудом спасся из их лап - а это, уж поверь, случается нечасто.

- Навьи? - в ужасе повторил Лиго - и в сердце снова вонзились сотни холодных иголок разъедающего страха.

- Да, навьи, - сказал вайделот, - будь проклято их имя! Ведь именно они и погубили Велемира - он пал от их жестоких рук.

- Но... Но как же так? - не унимался земник. - Этого не может быть! Кто я такой? И Велемир!

И Лиго замотал головой.

- Увы, мы хоть волхвы и можем предугадывать судьбу - но изменить ее не в силах, - сказал владыка. - Судьба в руках богов. Им было так угодно, чтоб он нашел свою погибель в наших землях - а спасся из Арконы!

- Из Арконы? - глаза земника от удивления широко раскрылись.

- Да, мальчик мой, из гибнущей Арконы,- ответил Куреяс. - Он был из тех волхвов, что избежал своей судьбы в пылающем Руяне - но лишь затем, чтобы погибнуть здесь.

- Так это значит, в том страшном сне, когда я умирал под ногами вражьих теней, я видел Велемира и его путь из Арконы? - воскликнул Лиго.

- Что за сон? - вскинулся Куреяс. - Поведай мне его!

И Лиго, борясь с пережитым ужасом, рассказал волхву свое видение.

Тот помолчал немного, пожевал губами, склонив в задумчивости голову.

- Так-так-так, вот истинное чудо! - наконец сказал вайделот. - Увидел путь ты Велемира. А знаешь ли, куда стремился он? Зачем спасался из Арконы? Что ведомо тебе про это, мальчик мой?

- Нет, сударь, ничего, - пожал плечами Лиго.

- Виденье то навеяно заколкой было! Она спасла тебя - а он спасал ее! - в друг повысил голос Куреяс. - Заколка эта - древний оберег из храма, служителем которого был Велемир. Стремился он ко мне - на встречу с давним другом, чтоб передать ему тот древний оберег. Но... не дошел. Судьбе угодно было, чтоб повстречал тебя он в пуще той лесной. Завидев на твоей руке знак вайделота, кольцо спудея нашей школы, тебе он передал

бесценный дар - чтоб не достался он врагу. И сам ушел в лесные дебри, уодя погоню - себе на гибель. Но главное, что оберег спасен - ценою жизни Велемира. Дар Святовита снова с нами, а значит, участь зла предрешена - конечно, если ноша эта посильной будет для тебя.

И Куреяс сурово посмотрел на Лиго.

Тот сидел, съежившись на постели - и ничего совершенно не понимая.

- Но... Но я не волхв пока, владыка, - пролепетал Лиго. - Такая ноша едва ли будет подъемной для меня...

- Заколка выбрала тебя - и точка! - жестко отрезал вайделот. - Ты спас ее, она спасла тебя. Поверь, что к недостойному она бы не попала. И Велемир знал то, что недоступно нам - а потому тебе и отдал оберег. Видения твои - часть силы Велемира. И более того - часть древней силы Святовита, которая сама вершит судьбу. Ты избран ею, пусть и на краткий миг, а потому тебе не должно пререкаться. Лежи и спи - твою судьбу решим мы завтра, после Вечевого Сбора.

И волхв резко встал, сверкнув глазами.

- Но, сударь, - воскликнул Лиго, - погодите!

- Что еще, мой мальчик?

- Ведь вы хотели услыхать всё остальное, - сказал земник.

- Достаточно я слышал на сегодня для раздумий,- ответил вайделот. - Всё остальное я узнал от Прока - а также от тебя, когда ты бормотал в бреду.

- Постойте, сударь, - снова взмолился Лиго.

- Ну что еще такое? - нетерпеливо спросил волхв.

- Скажите хотя бы, кто меня спас тогда ночью от... - тут Лиго запнулся и через силу вымолвил: - ...от тех навий?

- Кто спас тебя, мой мальчик? - улыбнулся владыка. - О, это тот, кто должен был нести тот оберег, пока не помешали злые силы. Он - витязь с юга, светлый чародей, друг Велемира, мой знакомец.

И, повернувшись, устремился к выходу.

- Но имя! Имя-то у него хоть есть? - крикнул Лиго в спину волхву.

Тот на миг остановился, замер, и, полуобернувшись, весело сказал:

- Я попрошу, чтоб навестил тебя он, непоседа. Имен и прозвищ много у него. Не знаю я, каким тебе его представить - пусть лучше сам тебе он назовется, когда придет. Его узнаешь сразу - лишь наберись терпенья, мальчик мой, лежи и отдыхай.

И стремительно вышел вон - только тяжелый полог слегка раскачивался за ним.

Лиго в отчаянии откинулся на подушки, стукнув от своего полного бессилия кулаком в постель.

"Да что же это такое? Что еще за тайна такая?" - зло подумал он.

***

Спустя некоторое время полог шатра отодвинулся - и внутрь всунулась лохматая голова Пеколса.

- Как вы, сударь? - спросил Прок. - Я войду?

- Валяй, - устало махнул рукой Лиго, кусая губы.

Прок бойко прошмыгнул в средину.

- Пить хотите, сударь? - спросил слуга, указывая на чайник. - там еще осталось немного этого зелья, не всё разлилось по полу.

- Нет, в другой раз, - мотнул головой Лиго.

- Зря, сударь, - сказал Пеколс. - Больно забористая штука - надо бы выведать точный состав у владыки.

- Что? - быстро посмотрел на него Лиго и вдруг улыбнулся: - Ах ты, плут! Ты уже успел приложиться к этому зелью?

И рассмеялся.

- Что вы, сударь, - покраснел Прок. - Всего лишь один глоток - надо же знать, чем велел вас поить владыка Куреяс.

- Да он же сказал тебе - настойка огнецвета. Сам, поди, ведь слышал.

- Ну, настойка, не настойка - а там ведь еще и другие травы были. Я сам видел, как владыка туда их добавлял, - сказал прок. - Всё ж для науки интересно!

- Для какой такой науки? - подмигнул ему Лиго. - Для этой твоей алхимии? Тут вон какая каша заваривается - а ты всё об ней хлопочешь, Прок. Слышал ведь, наверное, наш разговор с владыкой?

- Нам, сударь, подслушивать не велено, - замотал головой Прок. - Владыка обещал за то меня в жабу превратить.

Ой ли, Пеколс, - заговорщицки глянул на него Лиго. - разве можно поверить, что ты в нашу беседу не воткнул свой любопытный нос?

Пеколс снова густо покраснел.

- Ну, разве что самую малость, - буркнул он, и тут же добавил: - И всё равно ведь ничегошеньки непонятно было - поди его разбери, этого владыку Куреяса с его витиеватым слогом! Только голова кругом идет от этих стихов.

- Что верно, то верно - голова действительно кружится, - кивнул Лиго. - Но не от слабости, а от всего того, что происходит нынче. Как, кстати, я попал сюда? И что это за место?

И Лиго обвел рукой вокруг.

- Ну, сударь, когда вас конь понёс-то, - прокашлялся Прок, -

мы уж с сударем Мартином думали всё, конец и вам, и нам. Вы голову себе свернете где-нибудь на этом бешеном лошаке - а нам за то батюшка воевода самим головы пооткручивает. Но делать-то нечего было - мы сразу и кинулись вслед за вами.

- И что?

- А ничего - успели, как говорится, к самому шапочному разбору. Когда нам навстречу шарахнулся этот ваш ополоумевший лошак, будь он неладен, мы сразу же смекнули, что вы где-то уже неподалеку находитесь. Да только чуть дальше сунулись - и почти как ватные стали. Мы стоим с Мартином, переглядываемся, и ничего не понимаем - шагу ступить не можем! А тут вдруг ни с того, ни с сего страх такой накатил - аж душа в пятки ушла. И под нами наши лошади тоже как давай брыкаться и фыркать - насилу их успокоили. Но дальше и они - ни на шаг, хоть ты режь их.

Тут Прок кашлянул и продолжил снова:

- Спешились мы тогда, привязали коней к первому столбу - и вперед, туда, откуда жуть та самая исходила волнами. Глядь в тот переулок - а там темно, ни зги не видать! А вокруг-то - еще только сумерки еле-еле начинались, хорошо видать всё вокруг. Мы смотрим туда, а там - эти чужаки, что в корчме сидели, во как! И жуть такая замогильная от них идет, аж сердце заходится - мы и шагу-то сделать не можем больше вперед.

Пеколс замолчал.

- Дальше-то что? - поторопил его в нетерпении Лиго.

- Ну, тут-то всё и произошло, - ответил слуга. - Склонились они над вами - и вы вдруг как закричите! Мы аж похолодели. И тут - бах, трах! - гром и молния, треск и вспышка! Чуть не ослепли мы с Мартином. И, откуда ни возьмись, всадник этот на белом коне - прям в гущу этих теней рванулся. И саблей туда-сюда, как молнией, сверкнул - только чирк-чирк - вмиг всех порубал. Не знаю, куда и делись тени эти - завыли вдруг страшно из-под своих черных капюшонов, и сгинули неведомо куда - только плащи ихние на землю попадали бесплотно. А этот всадник подхватил вас, глянул на нас грозно и говорит: "Что ж вы, олухи и ротозеи, хозяина-то своего не уберегли? Ну, слава богам, хоть жив он остался - насилу успел его спасти!" А мы что? Только рты от изумления пооткрывали - так всё быстро произошло.

- И? - снова нетерпеливо спросил Лиго.

- А затем всадник этот сказал что-то спутнику своему, соколу, что кружился рядом - тот и улетел куда-то. А нас затем спрашивает: "Это ваш лагерь там стоит у дубовой рощи на окраине Синелесья?" Мы отвечаем: "Да, наш". "Ну, - говорит, -

езжайте туда, да побыстрей. Там и меня с вашим хозяином сыщете!" И поскакал - да так, что исчез в один миг. Ну а мы следом заторопились, покудова городские еще не заперли. Да только там...

И Пеколс немного замялся.

- Ну? Что? - одернул его Лиго.

- Да только в воротах мы и наткнулись и на батюшку воеводу, и на дядюшку вашего. Они в аккурат от наместника возвращались. Ох и устроили они нам взбучку - да еще какую! И за отлучку самовольную, и за вино - а когда узнали, что за переполох с вами случился, то я уж думал, мы и вовсе не жильцы с Мартином будем - сгноят, как пить дать сгноят! А тут еще как про вас подумаем - так и вовсе выть хочется!

- Ну и мастак ты рассказывать, - хохотнул Лиго. - Дальше-то что было? Откуда владыка Куреяс взялся? Так это он все-таки спас меня?

- Нет. Сударь, не он, - сказал Пеколс. - Куреяс позже объявился, когда вы в беспамятстве и бреду у костра в лагере лежали. И всадник этот вокруг вас всё хлопотал, не отходя ни на шаг. А тут сокол этот снова прилетел, и за ним следом прискакал уже и владыка Куреяс - и сразу к вам. Вот вдвоем они вас с этим всадником до утра и выходили - а в лагере никто так и глаз не сомкнул. Утром уже слуги Куреясовы подоспели со своим обозом, шатер вот его походный привезли, да и разбили здесь - в него вас и перенесли. Меня же владыка забрал от воеводы и дядюшки вашего - сказал, что сам с меня семь шкур спустит, ежели я от вас хоть на шаг отойду. Только зря это он так сказал - куда ж я без вас-то, сударь? А вот Мартина жаль - страшно даже подумать, что с ним воевода сделает. И Сухан тоже ходит, как побитая собака - себя винит во всем.

- Ну, я и сам-то хорош тоже - нечего другим себя винить, - сказал Лиго. - Ведь это ж я вас задержал в корчме, настоял остаться подольше. Вот и влипли в историю эту с чужаками. Раньше надо было убираться оттуда - и не было бы ничего!

- Это как знать, сударь, - неопределенно ответил Пеколс. - Как-то оно всё так завертелось, что уже и не поймешь, что к чему. Не заплутай мы тогда с вами в лесу - не было бы и неприятностей в корчме. Эвон как те чужаки на подарок-то этот ваш пялились - из-за него-то и весь сыр-бор! Предупреждал я вас ведь тогда, что опасно встревать в дела волхвов - и ведь не зря же!

- Да что ты, Прок! - рассмеялся Лиго. - Я ведь и сам-то на волхва-вайделота учился! Забыл что ли?

- Ну, учились, да не доучились, и слава богам! - сказал Пеколс. - Лучше вот на себя посмотрите-ка - еле-еле живы

остались-то. Опасная эта штука, волшба - костей не соберешь.

- Ладно, прок, ты не умничай, - сердито отрезал Лиго. - Остался ведь жив - что же еще? Давай-ка лучше дальше выкладывай, что было-то.

- А дальше, сударь, почитай что уже ничего особливого и не было, - пожал плечами слуга. - Вы еще целый день затем в бреду метались, пока владыка Куреяс травы этой, огнецвета дикого, не достал где-то. Ну, меня еще он застращал, выпытывая, что да как было с момента нашего отъезда из храма. Да как глянет в душу своими глазищами-то - аж муторно становится, не по себе. И захочешь - а ничего не скроешь. И Мартина, как я понял, он тоже умучил своими расспросами. Всё-всё вызнал, что делали, где были - вплоть до минутки самой последней. Пожалуй, что и всё, сударь.

И Пеколс развел руками.

- Да-а-а, дела, - протянул Лиго. - А остальные роды собрались уже на Вечевой Сбор?

- Да, сударь, уже все прибыли - только и судачат, что о вас.

- Вот те на! - удивился Лиго. - А я-то при чем?

- Ну как же, сударь? - сказал Пеколс. - тут из-за вас такой переполох в Земьгороде поднялся, что ой-ой-ой! Наместник, как узнал, что на вас навьи ожившие, будь они неладны, напали - так всех на уши поднял. А тут еще и владыка Куреяс за вами хлопочет - наотрез отказался к наместнику в город перебраться. И всадник этот тоже туда-сюда снует - меж Земьгородом и нами, и всё о вашем здоровье справляется. Даже наместник вместе с ним самолично приезжал, проведывал - только вы еще в беспамятстве были, сударь. Пошептались они там что-то между собой - наместник и уехал к себе затем. Так что вы, сударь, теперь в своем роде знаменитость - во как!

- Да уж, - кисло улыбнулся Лиго. - Дела - так дела. Только ты-то хоть можешь сказать мне, Прок, кто таков этот мой загадочный спаситель? И как его звать-величать?

Но Пеколс вдруг замялся и потупил глаза.

- Не могу, сударь, - промямлил он.

- Это еще почему? - удивился Лиго.

- Он мне приказал строго-настрого держать язык за зубами...

- Кто? Всадник этот?

- Нет, сударь, владыка Куреяс, - сказал Пеколс.

- Да что такое, в конце-то концов?! - возмутился Лиго. - Почему это ты не можешь мне назвать его имя?

- Потому что владыка пообещал меня... - тут голос Пеколса стал совсем еле слышным и перешел на шепот, - ...превратить в камень или слизняка.

Лиго горько расхохотался.

- Что, его имя так таинственно, что даже нельзя произнести вслух? - вскричал он. - Все его знают, все его видели - и что? Что тут такого, ежели я узнаю его имя?

- Владыка сказал, чтобы вы не волновались преждевременно, - испуганно сказал Прок. - Ибо это может сильно навредить вашему выздоровлению.

- Какая чушь! - воскликнул Лиго. - Куда уж больше моему здоровью, особенно душевному, навредит вот этот вот дурацкий и никому не нужный покров тайны!

И сердито добавил:

- Смотри, Прок, если ты мне сейчас же не скажешь его имя, я встану и пойду узнавать его сам! А не хватит сил дойти - поползу. И пусть тебя за это превращают хоть в камень, хоть в скользкую жабу!

И Лиго в подтверждение своих слов откинул одеяло и свесил ноги с постели - в твердом намерении исполнить свою угрозу.

Пеколс испуганно подскочил к нему и, оглядываясь по сторонам, горячо зашептал:

- Я скажу вам, скажу, сударь... Только, ради всех богов, ложитесь обратно!

И, склонившись к самому уху своего хозяина, что-то быстро проговорил одними только губами, почти беззвучно.

- Что-о-о?! - вскричал Лиго. - Это правда?

Пеколс утвердительно затряс головой.

- Истинная правда, сударь, - торопливо проговорил он.

- Не может быть... - прошептал Лиго и откинулся на подушки.

Но затем, внезапно вскочив, громко воскликнул:

- Боже мой! Его зовут Мамай! Сам чародей Мамай!

И снова упал без чувств на постель.

ГЛАВА 17

МАМАЙ

В те давние времена Лихолетья, о которых у нас, собственно, и речь, колдуны, волхвы и прочие чародеи не были вовсе такой уж невидалью. Издревняя предвечная сила, данная Вышнем Святовитом на заре времен и прозванная впоследствии волшбою, была еще щедро разлита по всей нашей земле. А потому и находилось немало разного ученого люду, который искал и собирал ее, и применял во благо весьма успешно, уподобляясь в том малом своему всевышнему творцу Сварогу. Однако отпавший от него извечный искуситель умудрился напитать своим коварным ядом силу ту издревнюю, извратив и загрязнив ее - и все, кто прикасался к ней, тот час же попадали под ее отраву. А

потому с тех самых времен и стали требоваться величайшая осторожность и высочайшее искусство в обучении тому исконному знанию и той предвечной силе, чтоб не попасть под чары Морока Черноголова, под его темное обольщение духа и сердца, ведущих по тропе лихоимства к полному перерождению в облике зла.

Так и повелось с той древней поры, что силе этой стали обучать лишь самых одаренных к ней и добрых духом, передавая знания неспешно и с оглядкой, по крупицам, тщательно присматриваясь к каждому ученику, устраивая им разные испытания и суровые проверки. И тот час же отсеивая всех тех, в ком была хоть малейшая толика сомнения. Ибо споткнуться можно и на малом камне - и этим загубить весь предыдущий пройденный путь. Ведь и ничтожная капля змеиного яда, по злому умыслу или по неосторожности простой, попавшая в медовую чашу, тут же делает и весь напиток смертельной отравой. Так и с ищущим волшебной силы - лишь капля тщеславия и ложной гордыни, проросшие в сердце, не замеченные вовремя и не выкорчеванные оттуда с корнем, приводили идущего по тропе волшбы прямиком в сети Морока, на сторону зла. Ибо нет ничего хуже, как, получив небесный дар из рук Всевышнего, исток предвечной жизни и волшбы, возомнить себя в затмении душевном выше своего творца, и отпасть тем самым от живительного родника добра. Так был низвергнут и Черноголов в пучины ада, когда пытался сесть на каменный трон Алатырь в небесных чертогах Сварги в то время, как ее хозяин Вышень сеял зерна жизни на земле. Господь по благости своей не забирает то, что даровал однажды - но от источника его тот час же отсекает. Так и Морок, бессильно скрежеща зубами в своей лютости в мрачных безднах преисподней, не может даровать никому из ставших на его сторону той извечной волшебной силы - он сам нуждается в ней постоянно и жаждет тех заполучить к себе, кто ею обладает. Он может всего лишь малой каплей своего яда отравить все помыслы того, кто владеет этой силой, проникнуть в его душу и переродить навечно, принудив прислуживать злу и сам питаясь его силой. А потому и волхвы так строго берегли свои древние знания, полученные от Сварога, блюдя их чистоту и незапятнанность. Ибо ведали, что зло не спит и ждет лишь малейшей оплошности, чтобы пожрать ту силу вместе с обладавшим ею - ибо само уже было лишено иного доступа к ней, по-прежнему страстно желая ею владеть. Про это ведали волхвы - и стали крепкой и надежной стражей на пути Черноголова, препятствуя ему. А потому и вел он лютую войну с волхвами, носителями древних знаний. И лучшей наградой ему

служила вовсе не гибель волхва - а его измена и переход на сторону зла. Ибо вместе с ним тогда переходила Мороку и часть той древней силы, в коей он нуждался. А потом где искушеньем тонким, а где мучительной расправой вытягивал клещами он согласие себе на службу у плененного волхва, пытаясь обратить того на мрачную сторону тьмы и понуждая стать черным чародеем. И много уже скопил таких приспешников зла за долгие века Черноголов, напитываясь от них силой и наливаясь всё больше и больше мрачной мощью. Среди волхвов свежи были страшные рассказы о неожиданных перерождениях своих бывших собратьев, внезапно перешедших на сторону зла. И кровоточила память при мысли о тех, кто не выдерживал кошмарных мучений, коим подвергал своих пленников Черноголов в застенках своих темных замков, вырывая из них с мясом согласие отречься от Вышня и его добра и стать слугою ада. И ни один из светлых волхвов, борясь изо всех своих сил с таким исходом до последнего, не мог все же зарекаться от такой ужасной участи. И лишь один-единственный чародей всегда потешался и над судьбой, и даже над самим кошмарным Мороком - он запросто смеялся в глаза самому злу, и нещадно, везде и всюду, боролся с ним.

Кто он был и откуда взялся, этот чародей - никто того не ведал и не знал. Не знали даже в точности, был ли он волхвом - и если да, то где и у кого учился. Однако в самую скрутную годину он внезапно объявлялся именно там, где в нем нуждались более всего. И вмиг рассеивал все злые чары, побивая сонмища врагов и обращая их в бегство. А затем исчезал всё так же внезапно, как и появлялся - чтобы затем вновь объявиться именно там, где его больше всего ждут. И так из века в век: где только ни приключилось какое лихо, так сразу жди и его, этого светлого чародея - он тут как тут, с бедою оплечь, всегда готовый с нею совладать. Рассказывали про него, что он - великий бессмертник и никогда не может умереть, исполин духа, который любого врага под корень рубит, а самому ему всё нипочем, даже козни и чары самого Черноголова. Мол, сам черт ему не брат, тому чародею - хоть за столетия вражды с тою злой силой он и набрался от нечисти всяческих ее повадок, а оттого и глумился над нею вдвойне. Говаривали шепотом иной раз про него такое, что даже у волхвов волосы поднимались от ужаса - ибо выходило так, что он давно уж должен был стать приспешником тьмы. Ан нет - для того загадочного чародея, казалось, и зло в игрушку было: как будто забавлялся он с ним. Рассказывали, что забавы ради ловил он чертей стаями и связывал их вместе хвостами по нескольку штук сразу, а затем бил нещадно плетью своей сыромятной,

приговаривая, мол, чтоб не повадно им больше было зловредничать. Иной нечистый так рвётся, так дергается от суровой той расправы, что из последних своих чертячьих сил возьмет да и выскочит вон из шкуры своей поганой - да так и побежит что есть духу с воем и криком к хозяину своему адскому. А чародей тот недобро усмехнется лишь вслед ему - и подберет ту серую чертячью шкурку себе на память. И баяли даже, что шкурками теми у него был даже подбит изнутри весь его дорожный плащ!

Всё было по колено тому чародею. Играючись, он мог ловить волколаков за уши и запросто разогнать всю их стаю в одиночку. Мог сверзить с неба любого колдуна, летящего на колесе над лесом по своим недобрым делам, одним лишь только щелчком. А ведьм, говорят, как и чертей, гонял целыми дюжинами за раз. Мог взглядом своим испепелить поднявшегося из могилы упыря - и вогнать обратно в преисподнюю вылезших оттуда умертвий. Один лишь слух о появлении того чародея наводил такой ужас на всю нечисть в округе, что она в страхе пряталась кто куда. А сам владыка зла, Черноголов, лишь скрежетал зубами от бессилья заполучить его в свои сети.

Рассказывали, правда, что и на того чародея бывала иной раз проруха - и он тоже попадался в лапы приспешникам Морока. Однако как попадал туда - так и выбирался из любой передряги, всегда выходя, как говорится, сухим из воды. А то и в ковш той самой воды, ему преподнесенный, нырнет, как рыба - а вынырнет оттуда аж за тридевять земель где-нибудь посреди синего моря. Или угольком из золы намалюет на стенке речку и лодку на ней - и прыг! - усядется в нее и уплывет себе вдаль, смеясь над своими незадачливыми пленителями. А то и сам в любую речку перельется - да и утечет сквозь щели в каменном полу. Или вместо себя своих же тюремщиков в кандалы и закует, отведя им очи - а сам неизвестно куда и денется. Одно слово - заморочник, да и только!

Шепотом пересказывали даже, что пару раз чародей этот попал в плен даже к самому Черному Властелину. Однако и оттуда этот бессмертник отважный как-то выбирался - нельзя сказать, что так уж и невредимым, даже скорее изрядно замученным и сильно потрепанным. Но все же каким-то лишь ему одному ведомым образом оставлял заморочник этот с носом даже слуг самого Морока. И снова, смеясь, гулял по земле нашей, сражаясь с нечистью, как будто ничего и не бывало - и бил нещадно зло его же собственными лихими повадками.

Говорили, что чародей этот и сам мог хоть в волка, хоть в черта оборотиться - и тем самым частенько потешался над

нечистью и нежитью всякой, вводя ее в заблуждение. И не только волшба светлая, но и колдовство всякое были ему также по плечу. А потому и сплетничали злые языки, что будто бы давно уж он сам перекинулся на темную сторону и оттого обнюхивается иной раз с чертями, кои ему за это услуги разные делают. Да и от лап самого Черноголова, из коих, как известно, никому еще вырваться не удавалось, мол, неспроста так легко он уходил. Другие же вполне резонно возражали, что нечисть вся дрожит лишь от одного его вида - и рады черти оказать ему услугу в чем угодно, лишь бы он с них самих не спустил их поганые шкуры. Но все же водился за ним такой вот нехороший слушок - но сам он только смеялся в ответ беззаботно, да еще подмигивал: мол, думай, что хошь - а я вот свое дело знаю, да тебе не скажу!

И много чего всякого и разного рассказывали про того загадочного чародея - я уж и не упомню всего. Да и то сказать, припомнил-то здесь я всего лишь десятую часть того, что мне рассказывали - а рассказывали-то мне всего лишь малую толику того, что было! Ох, этот таинственный витязь-бессмертник! И сколько ведь историй-то про него было сложено - и не счесть!.. Да, кстати, а как его зовут, того чародея? А то всё про него сказки да предания сказываем - а имени-то его так ни разу и не назвали! Ну, здесь внимательный читатель только улыбнется да подмигнет: ну как же, ведь называли уж его имя раньше. Мамай - вот кто он. Вот как звали того чародея!

Верно-то верно - да не совсем. Ибо слово-то это - и не имя вовсе, а так, всего лишь прозвище. И, как говорили знающие люди, на древнем степном говоре означает оно... "никто"! А ведь так ответить на вопрос "Ты сам кем будешь?" в лихом Диком Поле мог кто угодно!

Вот так-так, это что же такое получается? Ни имени у того чародея нет, ни родословной? Он сам есть - а вот кто он, нам того не ведомо? Загадка - да и только!

Однако же не всё так плохо, как кажется на первый взгляд. И если стерлось из памяти людской истинное происхождение и настоящее имя того удивительного чародея, то, может, стоит обратиться к памяти иных народов и племен? Скажем, к преданиям волшебной нелюди - народа Дивов или племени барздуков? И, как ни странно, самодивские легенды и рассказы мелкого народа чуди и проливают нам свет на загадку того таинственного витязя.

***

Испокон веку у земников, той самой сказочной чуди, про которую у нас и рассказ, водилась такая привычка малевать разные рисунки из жизни своей - да только и не в книгах вовсе

(кои земники не очень-то и жаловали, если честно). А рисовали прямо на домашних дверях и заслонках печей, крышках старинных сундуков и липовых колодах ульев, а то и просто иной раз прямо на днищах огромных глиняных блюд или на крышках своих пивных бочек да кадушек для солений - а чего уж там мелочиться? И картинки эти были просты и незатейливы - то сбор урожая, то пирушка там какая шумная, а то еще что-нибудь в этом духе, что у любого искушенного зрителя могло вызвать лишь улыбку. Однако же самим барздукам эти простецкие картинки очень даже нравились: ибо рисовали они лишь то, что видели сами - а видели-то они чаще всего самих себя, своих друзей да соседей. Вот намалюет один такой земник себя и кого из приятелей своих - да и пригласит затем их к себе в гости. Стоят, пальцами тычут, гогочут громко, да еще и обсуждают весело - кто получился на картинке этой хорошо, а кто так себе, посредственно. Ну, понятное дело, что хорошо там мало кто получался - а потому, чтоб ясно было, кто есть кто и что там за событие изображено, иной раз снабжали рисунки эти смешливыми надписями, а то и вовсе потешными, но грубыми виршами, как-то: "Парамон и его кобыла, которую муха укусила" или "Кто кого поборет всхватку - получит два яйца всмятку!"

Однако такая забава, пусть и грубоватая, вскоре также претерпела свои изменения. И дело здесь в том, что земники страшно любили загадки загадывать и разгадывать - и очень гордились этим своим умением. И вот как-то один такой смекалистый земник (время, увы, так и не сохранило до нас его имени) - а может, и не один, что, впрочем, совершенно уже неважно - вдруг как-то взял да и догадался превратить эти потешные картинки в эдакие рисованные загадки! Раз уж всё равно не понять, кто там есть кто, и оттого надписи всякие поясняющие приходится делать, то зачем же нужно, чтобы строки эти прямо указывали на того, кто там изображен? Уж не веселей ли поступить как раз наоборот - надписью этой всего лишь намекнуть на того, кто там изображен, как в загадке? Идея эта так пришлась по душе барздукам, что они с большой охотой и готовностью сочиняли всякие вирши-загадки и щедро снабжали ими свои незатейливые рисунки. И затем шумно и долго спорили и обсуждали, что же такое они да значат. Так и появились многочисленные потешные малеванные изображения, да еще с не менее развеселыми стихами-загадками: "Что это за Маркел, что пирогов отродясь не ел?" А поскольку рисовали картинки эти попервах на липовых досках, да на бересте, да на лубе, то и прозвали их лубочными, а то и попросту лубки.

Забавой своей этой и умением малевать такие вот веселые

потешки земники очень гордились - и важничали всегда чересчур, всем и всюду доказывая первенство свое в этом деле.

Дивы те, правда, оспаривали это частенько - в том числе и умение рисовать, которое, мол, по их словам, барздуки именно у них-то и переняли когда-то в незапамятные времена. Но кто же того не знает, что дивам как раз в этом деле веры-то особой и нет, и быть не может - ибо ежели послушать Дивный Народ, так ну прямо буквально всё на белом свете они же и придумали: и песни, и стихи, и живопись всякую. А остальные народы, люди и чудь то есть, всего лишь только переняли у них все эти умения, да переиначили кое-как, тяп да ляп, каждый на свой лад. Однако так ли это было на самом деле или же нет, про то досконально лишь одним вышним богам и ведомо: так что правды тут какой-то одной и не сыскать вовсе - у всякого она своя. Справедливости ради все же стоит отметить, что и дивы тоже умели такие вот картины рисовать - но только не в пример искусней, чем барздуки. Однако же, что есть, то есть, любовью такой, как у земников, рисунки такие потешные у дивов отродясь не пользовались. Так что есть очень веские основания полагать все же, что именно народ барздуков и был первым и придумщиком, и составителем таких вот потешных народных картин с забавными виршами-подписями в виде загадок. А уж от земников-то, видать, умение это и нам, людям, передалось.

И вот что удивительно - среди этих старых, затертых временем картин мы часто находим весьма странные изображения одного и того же образа: витязя-чародея, со златострунными гуслями, с длинным чубом на голове и пышными усами, сидящего скрестив ноги в красных сафьяновых сапогах под зеленым дубом в чистом поле. Рядом стоит конь белогривый, а в небе парит сизый сокол. Копье-ратовище воткнуто в землю, с бунчуком и хоругвью гербовой - а на дубе том кудрявом висят его торба-волосянка, да баклага-горлянка, да меч-кладенец. И надписи в виде вирша-загадки:

"Сидит витязь,
В гусли играет.
Что задумал -
Всё так и бывает.
Смотри, не смотри
Всё равно не узнать
Откуда я родом
И как меня звать.
Кому ж приключилось
В степи побывать -
Тот может и имя

Моё угадать!"
Или вот еще такой стишок:
"Я витязь-чародей,
Ни о чем не тужу,
Лишь с трубкою своею
Волшебною дружу.
Какого же я роду -
Каждый это знает,
Кто по свету бродит
И судьбу пытает..."

И были эти картинки у земников в большом почете - малевали их на кленовых и дубовых полотнищах дверей, вышивали на коврах и рисовали на кувшинах, каждый раз подмечая всё новые и новые подробности его похождений - то как черти от него разбегаются в разные стороны, то как он на мохнатой бурке плывет себе по воде, да еще на гуслях себе наигрывает.

И никого из барздуков подписи эти смутить не могли - ибо кто ж не знал тогда похождений того чародея знаменитого, защитника всего Великолесья и Дикополья от происков зла?

Рассказывали, что давным-давно, еще в дни своей юности, в одной далекой стране, что лежит там, далеко, на восходе солнца, за дивной Ра-рекой, служил тот витязь одному незнаемому правителю. Служил ему верой и правдой тридцать лет и три года - да только не заслужил от того царя себе ни коня, ни вола, ни даже доброго слова. И ушел тот витязь блукать по свету, правды искать да за добро грудью стоять. И сапоги те, красного сафьяну, что были на том чародее, не простые были - а говаривали, что могли они своего хозяина по воде, что посуху нести. А торба-волосянка та тоже была волшебной - ежели знать слово особое, да сказать его, когда надо, то выскакивала из той торбы тьма-тьмущая силы нечистой, и исполняла все твои приказы и желания, а затем назад в торбу пряталась. Да и баклага-горлянка тоже необычная - была налита в ней солнечная Сурица, вода живая, напиток светлых богов, что глотни ее, и будешь запросто понимать птичий или звериный язык. И достались те дивные вещи витязю этому лукавством да хитростью, когда он взялся рассудить трех чертей, бившихся за них на степном кургане. Посмеялся тогда чародей тот над нечистью, взвился на своего коня, да и ускакал вместе с сокровищами, кои теперь ему служат верой и правдой и по сей день.

А конь тот гривастый, что на рисунках на клячу частенько смахивал, был также не просто обычный конь. Нет, не было вовсе у него никаких крыльев, как про то в сказках говорится - но

понимал он человеческий язык и мог вынести своего хозяина из любой беды. И заслужил его нелегким трудом тот чародей, выпасая диких кобылиц у одной древней ведьмы - и строила та злобная карга ему всякие козни, лишь бы не отдавать в награду своего чудо-коня, что жар ест. И что с того, что не вышел он ни статью, ни мастью, ни видом своим? Это ведь только хорошего коня выбирают по стати, да по костяку, да по мышцам крепким. А у чудесного скакуна это всё то ли исчезло, то ли утратилось, то ли забылось. Но зато такой чудо-конь мчится, не поднимая пыли и не оставляя следов - летит стремительной птицей над самыми верхушками деревьев и камышей, подобно вольному ветру.

А уж про меч-самосек, да про копье волшебное, да про лук-самострел и вовсе легенды ходили, что достал то оружие дивное чародей этот из старого великанского клада, на который заклятье было положено на девяносто девять голов. Уж как он то заклятье страшное силы своей лишил - это лишь богам и ведомо: да только вот сумел он как-то сокровищами теми завладеть. И пуще огня боялась нежить и нечисть разная огненных стрел того чародея и молнией блистающего клинка, когда он их обнажал.

Однако же не только силой этих волшебных вещей силен был тот чародей. Владеть древними сокровищами, используя их чары - дело нехитрое и большого ума для этого не надо. А вот суметь завладеть ими - тут уж действительно нужно быть самому исполином духа. Таким он и был, чародей этот, про которого все в Неманском краю знали от мала до велика, и пересказывали его похождения каждый раз всё с новыми и новыми подробностями.

Ибо каждый раз всё новые и новые слухи о его подвигах доносились из беспокойного Дикого поля, что лежало где-то там, далеко на юге, за окраинами Великолесья, куда ныне простирались владения Великого Княжества.

Однако же и чародей этот отнюдь не был фигурой лишь сказочной, эдаким волшебным героем земниковских преданий. Попал и он на страницы летописей Земигольского края, что позволяет судить о нем как о личности вполне исторической и жившей взаправду. В одной из немногочисленных сохранившихся барздучьих книг, старинном пергаментном "Родословце", в котором земники довольно обстоятельно описывали происхождение своего народа и всех своих многочисленных семейств, очень тщательно отмечено, что чародей Мамай особо благоволил народу барздуков и был одним из его самых рьяных защитников и тайных покровителей от происков зла. И на протяжении долгого времени, внезапно объявляясь в этом северном лесном краю, далеко от своего беспокойного Дикого Поля, не раз выручал барздуков в лихую годину. Водил он дружбу

не только с волхвами Неманского края, но и со многими знатными семействами людей и барздуков. И тот же "Родословец" отмечает, что какой-то там из Великих Князей пожаловал чародею тому за неясные барздукам заслуги даже высокое шляхетское звание - оттого и герб был изображен на хоругви той. Однако ни когда это произошло, ни как звали того Великого Князя, земниковские летописи об этом умалчивают - ибо в книги их попадали только те сведения, которые касались непосредственно их чудного народца, и в дела других племен барздуки не лезли.

В придворных книгах самой Неманской Державы мы также почти не находим никаких упоминаний о том событии. Ведь все во все времена правители весьма неохотно вспоминают, что кому-то там чем-то обязаны - зато очень сильно любят оставлять своим потомкам тщательные и чересчур пышные описания того, как сами они облагодетельствовали кого-либо. Так и в летописных сводах неманских мы обнаруживаем всего лишь одно-единственное упоминание про этого чародея - и то всего лишь среди длинной вереницы ничего не значащего списка шляхетских имен Державы Неманской: Мамай, князь Глинский.

Дошедшие до нас хроники мрачного Ордена Меченосцев еще больше запутывают дело - ибо среди их сообщений, повествующих, конечно же, только о славных деяниях благородных рыцарей, время от времени упоминается и крайне ненавистный меченосцам витязь из числа неманской шляхты, обладавший колдовскими способностями. Орденские манускрипты называют его маркиз Суад - и за его образом, изображенным рыцарями далеко от правды, мы с удивлением узнаем и нашего чародея.

Так кто же он такой, этот загадочный витязь? И почему он называл себя Мамай - то есть Никто? И лишь обратившись к рукописным свиткам древнего народа Дивов, мы можем, наконец-то, хоть частично пролить свет правды на то, кем же был этот загадочный чародей.

Знаменитая "Бархатная книга" дивов, этот бесценный фолиант истории их древнего народа, указывает нам, что был тот витязь с самого рождения очень знатного рода и происходил из племени киятов, потомков славных ориев. Когда же тьма поглотила великую державу Дикополья Русколань, последний из потомков этого царственного рода бежал - и сгинул где-то без следа. Прошло без малого полвека, как в Диком Поле объявился витязь - себя он называл Никем, Мамаем то есть, и прослыл великим чародеем. Было мало что известно о нем изначально - лишь доходили смутные слухи, что учился он у восточных

мудрецов в таинственной стране Кабир, что лежит далеко на востоке за дивной Ра-рекой и высоким Каменным Поясом, подпирающим небо. А про те земли говорили только, что там и есть край света да огромное студеное море, омывавшее те суровые берега. У Дивов тот чародей известен стал под именем Майсуркият, или Маркисуат - и слыл потомком царственного рода пропавшей навсегда Русколани. Маркисуат стал другом Дивного народа и всегда был желанным гостем в их чертогах. От дивов же и слава про него разошлась дальше на юг, во все полуденные страны. И вскорости в некоторых летописях тех земель чародей этот становится уже святым Марком или Мамасом - его изображают верхом на льве или грифоне, разящим нечисть.

Те же дивы в "Бархатной книге" сообщают, что Мамай действительно однажды спас одного из Гедиминовичей, славного рода Великих Князей Державы Неманской, когда тот наголову был разбит в одном из походов в Дикое Поле, и вывел его потайными тропами Великолесья в безопасные земли. За что и жалован был титулом князя, над которым сам чародей немало смеялся и всячески над ним шутил.

Вот кем был тот славный витязь, чародей Мамай, царевич Маркисуат, князь Глинский, защитник старых добрых вольностей и охранитель кордонов Великого Княжества, друг дивов и волхвов, покровитель народа барздуков и помощник всех светлых людских племен Великолесья - и грозный недруг зла и всей нечисти во главе с Черноголовом, в каком бы обличье он ни являлся, и как бы ни старался затопить светлый край волнами своего мрачного лиходейства и черной волшбы.

А потому и Лиго был поражен до самой глубины души своей, и, еще не веря услышанному, прошептал "Не может быть..." и откинулся на подушки.

А затем, вскочив внезапно, воскликнул громко:

- О боги! Его зовут Мамай! Сам чародей Мамай!

И снова упал на постель от избытка чувств.

***

Лишь к вечеру окончательно пришедший в себя земник поднялся с постели. Настойка корня огнецвета поставила его на ноги - как и обещал владыка Куреяс. Прок Пеколс хлопотал вокруг, помогая одеться своему хозяину, и втайне радуясь в душе его исцелению.

Когда же Лиго, несмотря на лето, накинул на себя свой плащ, рука его предательски задрожала - и он протянул ее за заколкой, все еще находившейся в чехле.

Странный металл не то серебрился, не то перемигивался

изнутри еле видными слабыми искрами в своей таинственной глубине. Унимая внезапно напавшее волнение и дрожь в руках, земник прикрепил заколку на плече.

Ничего не произошло - ни вспышки огнистой, ни волны тепла. Заколка холодно мерцала своим загадочным светом.

- Как вы, сударь? - спросил Пеколс. - Сами сможете идти?

- Пожалуй, что да, - ответил Лиго, и сделал первый шаг.

Ноги еще слабо слушались его и были какими-то ватными и не своими. Но, странное дело, с каждым шагом они наливались силой, и, когда земник пересек шатер и подошел к порогу, то переступил его, как будто ничего и не было - ни нападения умертвий на него, ни этих трех страшных дней и ночей, когда он был в бреду, на грани жизни и смерти, ни утренней невероятной слабости.

Едва Лиго откинул тяжелый полог шатра и переступил порог, как на него тут же навалился всей своей липкой тяжестью навязчивый шум большого стана. Вокруг, насколько хватало глаз, стояли шатры, палатки и просто холщовые навесы. Ржали кони, скрипели подъезжавшие телеги обозов, слышался звон металла и треск костра. Но всё это перекрывалось невиданным гулом голосов, зудящим, словно пчелиный улей - то затихая, то вновь становясь громче. На какой-то миг у Лиго закружилась голова и земля вдруг попыталась уйти из-под ног, но он быстро взял себя в руки и упрямо шагнул вперед.

- Лиго! Мальчик мой! - вдруг раздался откуда-то сбоку знакомый голос.

Земник оглянулся - навстречу ему, пыхтя и отдуваясь, спешил Брыль Бирзулис, побросав все свои дела.

- Ты жив, слава богам! Жив! - причитал дядюшка, облапив Лиго своими ручищами.

И затем, чтобы никто не увидел, украдкой смахнул с глаз навернувшиеся слезинки.

- Уф, дядя! - только и крякнул в его объятиях Лиго. - Ну сколько раз же повторять, что хватка у вас медвежья! Дайте-то хоть отдышаться - я ведь и на ногах-то еще еле держусь!

И, когда Брыль отпустил свою хватку, шумно выдохнул.

- Ничего, мой мальчик, главное, что владыка тебя на ноги поставил, - сказал дядюшка. - А уж мы-то позаботимся, чтобы ты на них крепко стоял!

И, подмигнув, спросил:

- Ужинать небось хочешь?

Лиго еще и рта не успел раскрыть, как Брыль Бирзулис повернулся и рявкнул на Пеколса:

- Ну, чего стоишь, старый ротозей? Давай, пошевеливайся

быстрей - ступай к костру! Вольк и Ждан вместо тебя уже три дня куховарят, дурья твоя башка!

- Оставьте Пеколса в покое, дядя, - вдруг строгим голосом сказал Лиго и посуровел. - Не виноват он вовсе в том, что приключилось три дня назад. Он - мой слуга, и делал то, что я ему велел. Что было - то уже произошло, и всё тут. Чего уж здесь кричать?

И посмотрел прямо в глаза Брылю.

Тот невольно отшатнулся и опустил глаза, не выдержав взгляда племянника. А затем, немного повременив, сказал:

- Ты изменился как-то, мальчик мой, за эти три дня. Словно другим стал...

Но Лиго в ответ только пожал плечами:

- Простите, дядя, но больно вы не справедливы к Проку бываете иной раз. А я - всё тот же, ничуть не изменился, как по мне.

И вдруг, словно спохватившись, торопливо спросил:

- А Мартин где? Что с ним?

И оглянулся вокруг.

- А ну его, - отмахнулся Брыль. - Сидит себе в холодной. Что с ним станется-то?

- В холодной? - удивился Лиго. - Да за что?

- Эх, вот выдрать бы вас всех троих хорошенько, - сказал Брыль. - Но от славной порки вас выручило только заступничество самого владыки Куреяса. Ну, да ладно - слава богам, что и так всё обошлось.

И, улучив момент, всё же погрозил Пеколсу своим огромным кулаком.

Но Прок только горестно вздохнул и отвел взгляд.

- А что, уже все семейства прибыли на Вечевой Сбор, дядя? - спросил Лиго, указывая вокруг.

- Да, мой мальчик - последние сегодня днем вот подтянулись, - ответил Брыль. - Шумным будет Вече, чует моё сердце. И старине Бубиласу придется побороться за свою булаву с этим пройдохой Шпаком Лаздонисом. Видел я его тут совсем недавно - выхаживает с важным видом, будто пава. Тьфу!

И Брыль смачно сплюнул себе под ноги.

Какой-то земник, пробегавший мимо, вдруг услыхал последние слова Брыля и оглянулся.

- Иди-иди себе, почтенный, - накинулся на него Брыль. - Не твоего ума это дело, что я тут говорю!

Земник только хмыкнул - и припустил себе дальше. Брыль проводил его долгим неприветливым взглядом.

- Ишь ты, уши навострил свои, - буркнул он. - Пойдет теперь

небось по всему лагерю языком чесать, что я тут по особе Шпака Лаздониса прохаживался.

Но Лиго только рассмеялся.

- Зато вы, дядюшка, всё тот же! - весело сказал он. - Но вот именно за это я вас и люблю!

Брыль покраснел и надулся, а затем с важным, но довольным видом ответил:

- Ну, вот завтра пойдешь со мной на Вече - как-никак, ты ведь тоже знатного рода Бирзулисов - там и увидишь этого выскочку Лаздониса. Поймешь тогда, о чем я говорю.

- На Вече? Я? - изумился Лиго.

- Да, мальчик мой, ты, - невозмутимо ответил Брыль. - Пора уж привыкать, что и тебе быть вирсайтом придется рано или поздно.

Но тут Брыля окликнули, и он, крутнувшись, присмотрелся - а затем, в сердцах крякнув и ругаясь себе под нос, вдруг побежал в ту сторону. Земники, улыбаясь, проводили его веселым взглядом.

- Вот дела! - хмыкнул Лиго и почесал затылок. - Что думаешь об этом, Прок?

- Не моего ума это дело, сударь, - уклончиво ответил тот. - Может, в шатер вернемся? Вечереет уже.

- Нет, Прок, как раз наоборот - давай-ка уж лучше пройдемся, а то належался я тут за эти три дня, - сказал вдруг Лиго и добавил: - Кстати, не знаешь, куда подевался владыка Куреяс? И воевода Бортень где? Куда же все запропастились?

- А кто их знает, сударь, - пожал плечами Пеколс и отшутился: - В дела чужие носа не суй - целее будет!

- Что верно, то верно, - согласно кивнул Лиго. - Да только вот меня не покидает чувство, что уж слишком глубоко мы засунули свой нос в чьи-то дела.

Но Прок, вздохнув, тихо добавил:

- А узнаем ли мы когда-нибудь об этом?

Но Лиго махнул рукой и сказал:

- Только боги то ведают - поэтому не ломай себе голову, Прок. Пойдем-ка лучше!

Но не успели барздуки сделать и двух шагов, как в этот самый миг позади них раздалось тихое конское ржание. Земники обернулись - и обомлели. На огромном, ослепительно белом длинногривом скакуне сидел высокий статный всадник с черными, как смоль, усами. И казалось, что в лучах заходящего солнца за его спиной он весь пылает, будто соткан из огня.

- Ну, здравствуй, Лиго, - просто сказал всадник. - Не возьмешь ли и меня в попутчики?

И загадочно усмехнулся.
Это и был чародей Мамай.

ГЛАВА 18
ВЕЧЕВОЙ СБОР

Трижды три пропели горны, пронзив ясное утро своими звонкими голосами. Девять раз девять горнистов подносили ко рту свои серебряные трубы, чтобы сыграть на них старинный зов народа земников - клич, призывающий на древний и священный совет старейшин всех родов племени барздуков, на славный Вечевой Сбор. И зов этот проносился каждый год над древним священным местом - волшебной дубовой рощей у подножия Старого холма на самой окраине Синелесья. В те давние времена, когда пращуры народа земников заложили здесь обычай этот и свято блюли его, Синяя пуща была вовсе не зловещей, и никаких темных тайн в ней не было совсем. Отсюда, с этим самых земель, и началось тогда расселение барздуков по пущам Неманского края, когда после десятилетий мытарств, скитаний и бегства от вражьих сил, измученные беглецы обрели наконец-то долгожданный покой на новой родине. И помнили древние дубы-великаны седые заветы основателей Земниковской Правды, по которой исстари жили и которой придерживались барздуки: не убий, не укради, не лги, следуй предковскому Слову и всегда полагайся на совесть свою и сердце. Ибо они одни укажут тебе, как отличить правду от кривды, и благо от зла. И этот извечный бой темной и светлой сторон, бой добра и лиха, и был запечатлен на самой древней хоругви земников, которую водружали у подножия Старого холма средь величественных зеленоглавых дубов. Два лютых зверя, два волка - черный и белый - переплелись на том старинном полотнище в немыслимый узел, сцепились намертво и рвали друг друга когтями и клыками. И когда ветер развевал ту хоругвь, то казалось, будто и вправду оживают эти лютые звери - и вот-вот спрыгнут с блестящего шелка, и покатятся прямо под ноги, в траву, рычащим бешеным клубком.

Вокруг хоругви той с лютой битвой правды и кривды, развевались на ветру среди ярких бунчуков из конских хвостов и другие хоругви всех присутствовавших на Вече родов барздуков. Вот стяг достопочтенных Озолсов - могучий дуб на темном камне, под стать деревьям этой же дубовой рощи, в обрамлении золотистых рун, сплетенных в узорчатый старинный девиз: "Стоять незыблемо, как дуб и камень!" А вот хоругвь и рода Лаздонисов - резной лещинный лист оттенка изумруда, и орех лесной посередине с обломками внизу мечей и копий. "Крепки

мы, как орешек!" - гласила подпись серебром. Вот флаги Пушкайтсов, старинного семейства, из числа которых часто выходили вайделоты-земники. Священная рябина, колдовское древо, раскинула на полотнище свои ветви-руки. Девиз рассказывал: "Не только меч, оружье наше - чары!", хотя, конечно, не сравнить их было с настоящею волшбой. И многие, многие древние стяги и хоругви развевались на ветру в дубовой роще соцветием родов славного племени барздуков.

А чуть поодаль, справа от полотнища с битвой двух лютых волков, стояли хоругви Бирзулисов и Бубиласов. Первая, украшенная обрамлением из рун Беркана, вышитых по кругу, изображала белую березу верх корнями - прообраз Вековечного Древа, которое, по поверьям земников, было вовсе не дубом, а как раз березой, деревом со светлою священною корой, исконную белизну которой запятнала кривда своими черными мазками. Но, несмотря на это, когда заходишь в березовую рощу - попадаешь будто в дивный чертог светлых богов, вершины которого уносятся в небесную лазурь. А потому и березу барздуки считали деревом желанным и непростым - ибо подметили, что на старых гарищах и зольных пепелищах сперва уж вырастают светлые березы, словно залечивая израненную огнем землю, а уж затем тянется верх за ними и остальной зеленый молодняк леса. А потому и выбран был девиз для рода, гласящий так: "Мы древо светлое - для светлых дел!"

Хоругвь же рода Бубиласов была, напротив, золотистой, вся в цветах и травах, окаймлявших изображение сидящего на кусте не то шмеля, не то огромной пчелы. Под стать рисунку был и текст внизу: "Хоть любим мы медок - ужалить можем больно!"

Рябинники Шермукшнисы и липняки Лиепасы, сиренники Аливасы и ельняки Иглутисы - их стяги также развевались здесь, как и десятки других хоругвей разных родов племени барздуков, искони поклонявшихся деревьям и силам природы, а потому и избравшим их себе в покровители. А под ними стояли и сидели вирсайты этих славных и достопочтенных семейств - кто помоложе, кто постарше, а кто и вовсе убеленный древними сединами и немощный от старости. Здесь были вирсайты Ругинасов и Дундулисов, Крукисов и Крумасов - и несть им числа, этих древних семейств народа барздуков.

Среди них находились и Брыль Бирзулис со своим племянником Лиго, наследником знаменитого воеводы Лютня, впервые в своей жизни попавшего на Вечевой Сбор, а оттого и жадно разглядывавшего всё происходящее вокруг широко раскрытыми глазами. Рядом с ними важно расселся и воевода Бортень Бубилас, грозно поглядывавший из-под кустистых бровей

на своего извечного соперника Шпака Лаздониса, который стоял с чересчур надменным видом в кругу своей родни, находясь неподалеку.

А чуть поодаль от хоругви битвы правды с кривдой сидели и почетные гости народа барздуков, приглашенные на это Вече - сам Кориат Довмонтович Бут, наместник Земиголья, волхв Куреяс, владыка храма в Вольно-граде, главной твердыни вайделотов в Неманском краю, а также шляхтич Альгис Шварн, гонец Великого Князя, и, наконец, тот самый чародей Майсуркият, известный чаще как Мамай, старинный друг и покровитель племени барздуков. Все они, как того требовали обычай и заветы Земниковской Правды, могли присутствовать на Вечевом Сборе славного народа земников - но правом голоса не обладали вовсе, лишь наблюдая за происходящим.

И когда отзвенели старинные горны девять раз свою древнюю пеню, и шум и гомон улеглись, забили частой дробью барабаны, и возвестили речь старейшего - и начало ежегодного Вечевого Сбора.

На середину утоптанного круга, под сень хоругви племени барздуков, вышел самый старый земник, Бовас Бардойтс, вирсайт рода Бардойтсов, поддерживаемый с двух сторон под локти земниками помоложе из его семейства. Был Бовас очень худ и жилист, прожитые годы склонили его к земле, и от древности и дряхлости своей он еле-еле передвигал свои ноги. Но самым удивительным был его возраст - как говорили будто он прожил без малого полторы сотни лет, и помнил много такого, что для других уже стало чуть ли не сказками. За эти долгие годы у Боваса его седая, как лунь, борода отросла настолько, что длиною своей изумляла даже остальных земников-бородачей. И эту длинную-предлинную бороду, перевитую черной шелковистой лентой, несли позади старика Боваса, словно сверкающую серебром мантию, два земника из его слуг.

Когда этот древний удивительный вирсайт вышел в середину круга и грозно оглядел собравшихся своим глубоким пронзительным взором из-под мохнатых сгустков бровей, напоминавших скорее клочья белого мха, то улегся даже последний шепот. Старик, окинув взглядом всех старейшин и цвет народа земников, пошамкал малость своим беззубым ртом и вдруг, слегка подняв дрожащими от старости руками свой узловатый посох, воскликнул неожиданно чистым и громким голосом:

- Славные старейшины племени земников, сыны Вековечного Древа и священного Солнца-Сокола! Пришел к нам снова его светлый праздник - Янов день, когда тьма отступает, а день

набирает свою мощь и входит во всю свою силу. Как завещали наши предки в Земниковской Правде, в этот самый длинный день нам заповедано решить на Вече все светлые дела народа нашего, барздуков, на целый год вперед! Так Лиго, земники! Возрадуйтесь!

- Лиго! Лиго! - разнеслись со всех сторон радостные кличи, и полетели шапки в воздух.

А когда крики улеглись, старый Бовас Бардойтс, бывший и сам когда-то вайделотом своего народа, снова окинул всех острым взором, и сказал, переходя на древнюю манеру ведунов вещать стихами:

- По древнему обычаю нам подобает избрать старейшину на Вече, который будет и главой на Сборе до самого заката солнца. Кто будет им, барздуки?

Слова эти были всего лишь обычаем, данью ритуалу, который, тем не менее, земники соблюдали свято. И по обычаю этому главой на вечевом Сборе был, как правило, самый умудренный жизнью барздук. А кто умудрен ею как не самый старый? Поэтому и Бовас Бардойтс знал наперед, кто будет дальше вести Вече - но неукоснительно повторял из года в год заветные слова.

Из круга земников вышел воевода Бортень и, грустно, но, величаво поклонившись до самой земли, сказал:

- Кому, как не тебе, всемудрый Бардойтс, и быть владыкой сего Вече?

И, повернувшись к кругу и поклонившись ему трижды на стороны света, каждый раз спрашивал:

- Так ли, господа старейшины? Верно ль я говорю?

А те ответили воеводе:

- Так! Так! Верно! Бывать же Бовасу Бардойтсу главою нашим на весь день!

Исполнив и этот древний ритуал, Бортень Бубилас снова отвесил низкий поклон Бардойтсу и провозгласил:

- Тебя избрали, мудрый Бовас! Будь на сегодня до заката солнца владыкой Вечевого Сбора! Садись на древний трон - суди нас и ряди!

И помог слугам подвести старого вирсайта к кореньям древнего дуба, росшего на холме. Корни эти выпирали из земли и часто были толще многих деревьев в лесу - и образовывали странное сплетение, напоминавшее ступени, ведущие наверх, к огромному стволу. Там, в этом месте, причудливый изгиб корней был вырублен в виде трона - и корни же с двух сторон служили ему подлокотниками. Углубление в стволе и было сиденьем, спинкой которому был сам ствол огромного священного дуба на

Старом холме.

Когда старейшину Вече усадили на этот древний трон и увенчали его покрытую сединами голову венком из дубовых листьев и ветвей как короной, старый Бовас Бардойтс величественно поднял свой посох - и трижды громко стукнул им о корни дуба.

- По древнему обычаю и Земниковской Правде, составленной еще лесным владыкой Обероном, правителем и праотцем народа славного барздуков, должны мы наше Вече разделить на трое - так делится и день, - провозгласил Бовас Бардойтс. - С утра, согласно утренней зарнице, решим мы неотложные дела, которым впору в рост идти. А в полдень жаркий, когда денница стоит на головою в небосводе, мы изберем старейшин над собою - пусть и они главенствуют весь год над нами, как солнце светит свысока. Под вечер же, о славные барздуки, когда вечерница зажжет свой красный свет, решим дела мы мира, что окружает нас - а вести там, увы, недобрые бывают часто. И лишь затем мы разойдемся - и возвратимся к народу своему, чтоб встретить славный вечер Лиго, Янового дня, с купальскими огнями, молитвами и песней. Возрадуйтесь, барздуки - Лиго! Открыто Вече наше!

И старый Бардойтс снова величаво окинул взором круг стоящих земников, подняв свой древний посох.

- Лиго! - закричали барздуки. - Радуйтесь, народ! Открыто наше Вече!

***

Обычаи у земников чудны и интересны. И многие из них восходят еще к древним, предковечным временам, когда бродил землею нашей Вышень Святовит со своими детьми и братьями. Однако много воды утекло с тех пор - и многое нами позабыто. Забыты древние заветы - и заповеди стерлись из памяти поколений людских. Людских - но не барздуков, сохранивших их в своей первозданной чистоте и ясном понимании. Из уст в уста на протяжении столетий передавались они старейшинами и жрецами этого древнего племени - пока первая тьма не иссушила Вековечное Древо, и не рассеялись по белу свету все народы, что жили у него. Тогда, в годину мрака и гонений, сошлись три светлых племени на первый свой собор - то были дивы, земники и люди, заключившие свой великий союз на долгие века. И, зная, что истинное знание может исчезнуть навсегда, решили они его увековечить в первых своих книгах, названных тогда Ведами. Из них же мы многое и узнали о старинных обычаях и законах барздуков, записанных в их собственный древний извод, получивший название Земниковской Правды.

Так, согласно ей, каждый род барздуков владел разными

лесными угодьями, ему принадлежащими. И права эти подтверждались на собрании старейшин из года в год. Но кроме прав, на каждое семейство земников возлагались и повинности обязательные - беречь тот лес от всякой нечисти и следить за ним, ухаживать за мостами да лесными тропами, и много чего еще. Однако, помимо этих нужных повинностей, на каждый род возлагались и иные, необходимые для выживания барздучьего племени, обязанности, как, скажем, выплата оброка Великому Князю, в пределах власти которого и находился Земигольский край.

Нет смысла перечислять все эти обязанности и их распределение на каждый год. Отметим лишь, что наносились они рунными надписями на мелкие деревянные чурки и высыпались в большую горлатную шапку, которая и пускалась по кругу старейшин, каждый из которых и вытягивал свою повинность и оброк, надлежащий к исполнению в текущем году. И так, решив очередной вопрос, старейшины переворачивали шапку вверх дном и хорошенько трясли, показывая тем, что ничего не утаили и повинности все распределены. И после каждого такого круга старый Бовас Бардойтс в очередной раз вопрошал, следуя древним заветам:

- Всё верно ли, браты барздуки? Так или не так?

И земники отвечали ему, громко восклицая:

- Верно! Верно! Всё любо нам!

И за этими хлопотами да разборами мелких житейских дел катилось Вече к своему полудню.

Солнце стояло уже высоко и начинало припекать, пробиваясь сквозь резную крону того могучего дуба, под которым в венце из листьев и ветвей, будто в живой зеленой короне, восседал самый старый земник, Бовас бардойтс. Гости, приглашенные на Вече, уже порядком утомились и клевали носом, подрёмывая и ничего не смысля в хлопотах барздуков. И тут снова затрубили горны и забили дробью барабаны, а старый Бовас вновь воздел свой посох и воскликнул:

- На небе денница, барздуки! Успели мы решить свои вопросы, как и завещано нам было по обычаю. Давайте же закрепим наш договор хмельною чашей - запорукою того, что и в теченье года держать мы твердо будем слово промеж собой, о братья!

И, повернувшись к слугам, приказал:

- Подайте братину сюда, барздуки, наполненную медом!

И снова затрубили горны, а в круг внесли огромную чашу, искусно вырезанную из липы в виде ладьи с птичьей головой и распушенным хвостом - наполнена он была по самые края

пенистою медовой брагой. Братина пошла по кругу, подтверждая готовность каждого барздука исполнить выпавший ему зарок. И каждый старейшина, принимая чашу, кланялся передавшему ее - чтобы затем с поклоном же вручить ее следующему.

Так, обойдя по кругу всё собрание, братина добралась и до Боваса бардойтса, которому ее поднесли два важных вирсайта. Бардойтс поднялся и отпил из чаши, а затем, окропив в ней пальцы, трижды брызнул по сторонам света.

- Остатки меда вылейте в огонь, барздуки, - сказал Бовас. - Пусть боги с нами братину воспримут - и запечатают тем самым наш уговор!

И когда слуги унесли чашу к священному костру, Бардойтс снова стукнул посохом о корни дуба и воскликнул:

- На небе денница сияет, братья! Пришла пора нам перейти к избранию старейших и мудрейших над собою. Подите же сюда, о выборные главы! Сложите здесь, под сим священным дубом, свои булавы и клейноды, как символ вашей власти. И снова станьте в круг - как равные средь равных!

И вышли из круга старейшин выборные главы - воевода, судья, и писарь со скарбником, и сложили свои булавы и резные трости как знаки своей временной власти над племенем, и поклонились всему честному кругу до самой земли, благодаря за доверие. И снова вставали в круг, теперь уже ничем не отличаясь от других вирсайтов.

- Добро ли они нами правили, барздуки? - восклицал Бардойтс. - Всё ль было верно и хорошо?

- Верно! Верно! - кричали земники.

- А не оставить ли кого из них на следующий год, о братья? - снова вопрошал старый Бовас, а слуги его стояли рядом, готовые тут же вырезать названное имя рунами на деревянной чурке, да и сложить ее тут же в шапку для голосования.

И выкрикивали старейшины имена тех, кто им пришелся по нраву - а те выходили из круга, кланялись ему трижды, и уходили вон, чтоб не мешать священному волеизъявлению. А ежели кто не был больше желанным, барздуки кричали:

- Нет! Нет! Не хотим его больше! Пусть отдохнет пока от трудов!

А тот, пристыженный, густо заливался краской и стоял, понурив голову.

- Так чью же голову мы изберем заместо этой? - спрашивал Бардойтс.

И земники громко называли имена своих ставленников, шумно спорили и пререкались, стараясь перекричать противную сторону.

В конце концов настала очередь и Бортня, имя которого выкрикнул кто-то из круга.

- Ну вот, сейчас и начнется замятня, - проворчал себе под нос Брыль Бирзулис и, приложив руки ко рту, заорал что есть сил:

- Бортня хотим воеводой! Бортня Бубиласа!

Вокруг все зашумели и задвигались - и тут же раздались одобрительные возгласы.

- Бортень! Пусть будет снова Бортень! - кричали вокруг.

Но тут с другой стороны круга кто-то выкрикнул громко:

- Шпака хотим! Хотим Шпака Лаздониса! Пусть он же будет воеводой! Хватит Бубиласам булаву носить - прилипла, поди, уже к рукам!

В ответ им заулюлюкали, засвистели, круг беспокойно задвигался, и то и дело раздавались возгласы: "Бортня хотим!" или "Шпак пусть будет!"

Оба претендента вышли на середину круга и, под общий, все еще не стихающий гомон, низко поклонились старейшинам и Бовасу Бардойтсу.

- Благодарим за честь, о братья, - пророкотал Бубилас из своей пышной бороды, и грозно зиркнул на своего соперника.

Они стояли рядом, являясь друг другу полной противоположностью. Один грузный и толстый - а другой наоборот, худой и костистый, с надменно задранной кверху жиденькой бородкой, с тщеславным и хитрым блеском в своих маленьких колючих глазках. Это и был Шпак из рода Лаздонисов, вечный соперник Бортня Бубиласа за булаву воеводы.

Однако тут и произошло то самое неожиданное, что порой бывает на Вечевых Сборах. Лаздонис вдруг перегнулся пополам, точно сломанная палка, и низко поклонился до земли - а затем, распрямившись, внезапно сказал:

- Благодарю нижайше за доверие, барздуки! Но только в этот раз не смею я просить булаву воеводы...

- Что? Как? - загалдели шумные земники, немало изумившись его речам. - Что еще такое?

- Увы, о братья, - снова упрямо мотнул головой Лаздонис, - прошу покорнейше избавить меня от этой чести в этот раз!

- Ах, ты такой-сякой! - заорали возмущенные барздуки. - Перечить вздумал кругу? Да где ж это видано?

Бортень и сам изумленно уставился на своего вечного соперника, ежегодно споривше с ним за булаву на Вече. Бубилас уже внутренне приготовился к долгой и изнурительной борьбе - и вдруг такое! Ужель на Шпака снизошло озарение, что булава - не только почести и титул, но каждодневные обязанности, и порою суровые лишения, и тяжкий труд на благо

края? Но тут Бортень вдруг уловил недобрый блеск, случайно вырвавшийся из-под полуопущенных век Лаздониса, который он тут же умело спрятал внутрь.

"Ба! Вот так-так! - подумал Бортень. - Не чисто дело здесь, однако..."

И переглянулся с Брылем - видел, мол, или нет?

Но Брыль взглядом молча указал на наместника, сидевшего среди почетных гостей поодаль.

Кориат Довмонтович даже глаз своих не поднимал, рисуя на земле перед собою какие-то черточки и знаки своей богато изукрашенной тростью, и вполголоса переговаривался о чем-то с владыкой Куреясом, как будто бы не интересуясь всем происходящим. И лишь слабая, едва заметная улыбка слегка тронула его губы при словах Лаздониса - и тут же снова погасла.

Бортень весь побагровел от возмущения - ведь как бы он ни хотел снова стать воеводой, однако же всегда привык действовать прямо и честно, без всяческих интриг, в которых так поднаторел еще при дворе Великого Князя наместник Земиголья. И какие бы узы дружбы ни связывали земника и человека, однако Бортень искренне считал, что негоже ему оказывать такие вот медвежьи услуги.

А круг тем временем шумел и волновался, раздавались крики "Бортень! Шпак! Гнать его в шею, этого Шпака - он и сам не хочет!" - и спор уже грозил перейти в бурную потасовку, имевшую место иной раз на шумных сборищах барздуков. Тогда поднялся старый Бовас Бардойтс и, трижды ударив посохом в землю, воскликнул:

- Прошу я тишины, барздуки!

И когда споры мало-помалу улеглись, Бардойтс провозгласил:

- Пишите рунами на жребии обоих - и пусть судьба сама рассудит их!

И, обращаясь к соперникам, сказал:

- Идите же подальше вы от круга - и не мешайте воле вы его. Как того боги пожелают - так и будет. Идите с миром, братья!

Оба земника поклонились ему и, выйдя из круга, каждый удалился в свою сторону ожидать решения вече.

Тем временем среди старейшин пустили снова шапку - и каждый вирсайт клал туда одну из чурок с руной претендента. Когда же шапка вся наполнилась доверху, ее преподнесли Бардойтсу - и высыпали перед ним.

Спустя минуту Бовас встал, и, воздев к небу руки, раскатисто сказал:

- Судьба свершилась, о барздуки! Нам боги светлые явили свою волю - и жребий пал. Судьбе угодно снова видеть Бортня с

булавою - он воевода наш на следующий срок! Возрадуйтесь же, братья! Лиго!

Радостные громкие крики огласили поляну - и в воздух снова полетели шапки, раздался свист и улюлюканье.

Под руки в середину круга слуги снова ввели Бортня Бубиласа и Шпака Лаздониса - и каждый был явно обрадован таким исходом дела.

Бардойтс воскликнул:

- Обнимитесь, братья, чтобы обиду не таить! Судьбе угодно было так распорядиться - вины в том вашей личной нет!

И, когда, по древнему обычаю, оба земника обнялись и облобызались, и Шпак вышел из круга, старый Бовас снова поднял голос:

- Возьми же булаву, о Бортень рода Бубилас! Теперь ты воевода снова сроком на год! Носи ее же крепко, владей же ею честно - и помни, что народ барздуков ты должен защищать!

Бортню на расшитой золотом парчовой подушке поднесли булаву - он важно и с достоинством поклонился на все стороны и, взяв ее двумя руками, шумно поцеловал рукоять. Затем, подняв ее над головой, зычно крикнул:

- Спасибо за доверие, о братья! Клянусь служить вам честно!

И громко крикнул старый ратный клич барздуков:

- Валио!!!

- Валио! - со всех сторон оглушительно рявкнули земники, и в воздух снова полетели шапки.

И лишь когда радостный гомон утих, старый Бардойтс вновь воздел свой посох - и снова запели трубы, и воздух наполнился частой дробью барабанов.

- Сегодня, о барздуки, мы выбрали себе голов на следующий год - так пусть же правят нами с честью! Лиго! - воскликнул древний Бовас. - Так пусть внесут же в круг хмельную чашу снова - мы ею запечатаем наш выбор! Подайте братину нам, слуги!

И снова затрубили серебряные горны, и снова забила барабанная дробь, пока хмельная чаша с медом обходила круг. И лишь когда унесли ее с остатками напитка к священному огню, брдойтс провозгласил:

- Теперь же, когда денница сменяется своей сестрой вечерней, и день священный наш уж движется к закату, пришла пора решать нам и дела иные. Возрадуйтесь, барздуки - ведь скоро мы закроем наше Вече, когда погаснет свет зари вечерней, и выйдем из дубравы, чтобы отметить буйным пиром священный праздник Лиго, Янов день!

И снова трижды стукнул посохом о корни дуба. Когда же разговоры улеглись, старик вдруг помрачнел челом и грозно молвил:

- А теперь, о братья, пришла пора услышать вести нам лихие - на то и пригласили мы к себе гостей. Как символично это - день к закату, и вести добрые кончаются, на смену им приходит ночь...

Когда же пораженные его последними словами барздуки изумленно замолчали и поляну затопила тревожная тишина, Бовас Бардойтс поклонился гостям и сказал:

- Войдите в круг, друзья, скажите ваши вести. Внимательно мы здесь услышим их. И с вами вместе примем мы решенье, как должно дальше быть.

И затем, обратившись к земникам, добавил:

- Наверняка вы знаете гостей, о братья! Вот Куреяс, верховный волхв из Вольно-града, владыка храма древнего Триглава. А вот и Альгис, шляхтич Шварн, посол Великого Ольгерда Князя. Вот сударь Кориат, Довмонтов сын, наместник Земиголья и Земьграда, шляхтич Бут - он также волей княжьею поставлен здесь служить. А вот и странник с юга, наш покровитель давний и защитник, витязь славный, известный нам Мамай - или Маркисуат у Дивов. Все четверо - желанные друзья и гости, войдут к нам в круг сейчас, барздуки!

И, когда названные им гости, покинув своё место, входили в круг и кланялись старейшинам низко, снова пели горны и звучала дробь.

И снова сухо стукнул посох о корни дуба, и снова раздался уставший голос Бардойтса:

- Хотя в кругу у нас четыре гостя, братья - всего три скорбных вести они нам донесут. Наместник скажет нам про ополченье, что Князь Великий снова созывает. Владыка Куреяс - про преступленье, леса затмившее погибелью волхва, его собрата. Но самая лихая весть у Альгиса у Шварна - темною рукою скорби она сожмет ваши сердца.

Поднявшись и воздев руки к небу, Бардойтс воскликнул скорбно:

- Так слушай же, народ барздуков, горестную весть - Аркона пала, цитадель волхвов, обитель Святовита. Мрачнеет рядом с этой вестью даже тьма, что наступает в наши земли. О горе нам, народ барздуков! Грядет большая битва добра и зла. Так выпал жребий наш - нам жить в такое время. Так слушайте же горестные вести от гостей...

И обессилено сел на свой дубовый трон, скорбно уронив убеленную сединами голову на дряхлые морщинистые руки. Венок дубовый упал с его чела - и покатился вниз. То был

недобрый знак - и земники тревожно зашептались.

Однако старый Бовас был не прав - ибо была еще и четвертая весть, которую и принес Мамай. Но она вовсе не предназначалась для широкого круга.

ГЛАВА 19

НА ЯНОВ ДЕНЬ

- Как думаете, сударь, кого изберут воеводой на следующий срок? - спросил Пеколс у Мартина Бубиласа.

Тот быстро глянул на него и сказал:

- Думаю, снова батюшка Бортень будет.

- Вы так считаете, сударь? - переспросил Прок.

- Я даже не считаю, я просто уверен, - ответил Мартин и, немного подумав, добавил: - Почти наверняка.

Тут настала очередь Пеколса посмотреть на него.

- Хм, интересно... а позвольте спросить, почему? Ежели, конечно, не тайна какая-нибудь.

- А что тут такого? - удивился Мартин. - Я сам слышал, как люди наместника это дельце и обтяпывали, пока под стражей сидел.

И, подмигнув Пеколсу, добавил:

- Это ты у нас легко отвертелся от наказания, Пеколс, когда приставлен был за Лиго ухаживать. А я вот земник служивый, получил своё по самое некуда. Это слава всем светлым богам, что Лиго живёхонёк остался - а не то батюшка Бортень и вовсе сгноил бы мня, места мокрого бы не осталось. Как, кстати, он там?

- Кто - он? Бортень что ли? - пожал плечами Пеколс. - А я почем знаю - к нам он не заглядывал покамест, своих дел, видать, невпроворот.

- Да при чем тут Бортень! - возмутился Мартин. - Я про Лиго спрашиваю. Как он?

- А-а-а, хозяин, - протянул Прок. - Так он на Вечевом Сборе вместе с дядюшкой Брылем и есть.

- Вот как! - удивился дружинник. - Надо обязательно повидать его после Вече. А давно ли пришел в себя?

- Да вот вчерась буквально, незадолго до пополудни. А к вечеру и вовсе поднялся - зелья владыки Куреяса его поставили-таки на ноги, почитай, всего за три дня. Так что жив-здоров наш Лиго. В аккурат к своему празднику-то и поправился. Ведь у него ж сегодня - день рождения и есть, сударь. Знаете об этом?

- Да-да, слышал, - несколько рассеянно кивнул Мартин, погруженный в свои мысли. - Говорил он мне сам об этом.

Прок внимательно посмотрел на него.

- Что-то вы погрустнели внезапно, сударь, - спросил он.

- А? Что? - вскинулся Мартин.

- Говорю, помрачнели вы чего-то, - повторил Пеколс.

- А нет, Прок, всё в порядке. Просто подумалось вот. Разговор тут недавний вспомнился...

И Мартин замолчал, покусывая губы.

Два земника шли по лесу - по самой закраине Синей пущи, с наказом от Сухана выбрать сухостой для праздничных огней. Мартин после той злосчастной ночи был взят под стражу и просидел в холодной все три дня в ожидании своей участи. Но сегодня утром, ближе к пополудни, к нему вдруг вошел Сухан и сказал:

- Ну вот что, сынок, хватит отлеживаться да отсиживаться - давай-ка выходи на белый свет отсюда! Сегодня праздник как-никак - так что нечего бездельничать. Пойдешь сушняк к кострам валить.

И, как ни в чем не бывало, похлопал его по спине.

Земник вышел из темной землянки дровосеков, приспособленной под холодную, - и сразу же зажмурился от яркого солнечного света.

Сухан сунул ему в руки топор и сказал:

- Благодари батюшку Бортня - это он мне с утра наказал тебя освободить. Как знать, может, уже сегодня к вечеру он и воеводой-то не будет.

И Сухан поскреб затылок, а затем, легонько подтолкнув Мартина в спину, добавил:

- - Ступай, сынок. Поживем - увидим, как оно там на Вече обернется. Да, и этого с собой оболтуса старого прихвати, Пеколс который. Он в шатре у владыки Куреяса ошивается - Лиго там был все дни. Скажешь слугам, что от меня - они предупреждены.

И, нарочито весело насвистывая, старший дружинник ушел.

Мартин постоял еще малость, щурясь от яркого света, а затем, взвесив в руке топор и посмотрев в спину Сухану, развернулся и пошел к лагерю.

Барздучий стан раскинулся широко - вдоль самой границы зеленого луга и прилеска Синей пущи, у самой ее окраины. Каждый род земников старался стать отдельным лагерем, разбив свои походные шатры и палатки, со своим собственным кострищем и со своей вереей посередине, на которой крепилась родовая хоругвь. Однако сейчас все хоругви были сняты и унесены старейшинами на Вечевой Сбор - как того требовал древний обычай. А потому сразу так было и не понять, где какое семейство остановилось.

Холодная для Мартина была недалеко от стана Крумасов, вечно каких-то растрепанных и неопрятных барздуков, прям под

стать своему родовому прозвищу. И Мартин решил пойти прямиком в их лагерь, а там и узнать, где находится шатер волхва Куреяса.

Но когда навстречу ему попался какой-то из земников Крумасов, и Мартин схватив его за рукав, придержал с вопросом - тот посмотрел на него чумными глазами, вырвался и убежал, ничего не сказав.

"Вот те на!" - подумал Мартин и, хмыкнув себе под нос, продолжил путь.

За станом Крумасов сразу простиралось огромное зеленое поле, на окоёме которого, вдалеке, виднелся и сам Земьгород - со своим земляным затравевшим валом, высоким частоколом тына с узкими бойницами для стрелков и рублеными островерхими башенками для часовых. А из-за высокой дубовой стены выглядывали разноцветные крыши Земьгорода - грязно-желтые, крытые соломой и камышом, темно-бурые, выстеленные гонтой и тёсом, и цветов повеселее: деревянные, выкрашенные в голубые, темно-синие, зеленые и красные колера, с забавными коньками или прапорцами наверху. А где-то там, левее, где в городском валу угадывались ворота, туда-сюда муравьями сновали люди по битому шляху - тому самому. По которому недавно пришли и сами земники в обход Синей пущи в столицу Земиголья, в растущий, что называется, не по дням, а по часам Земьгород.

"И когда только успели расстроиться?" - подумал Мартин.

Ведь еще, казалось, совсем недавно он был в этих краях, всего-то пару лет назад - а Земьгород за это время разросся вширь и вверх, и его дубовые стены уже с трудом вмещали бьющую внутри ключом жизнь. Город напоминал собой огромную деревянную кадушку с подошедшей опарой, которая уже еле-еле втискивалась в тесной посудине, выплескивалась через верх и грозилась вот-вот и вовсе вырваться прочь, затопив собою всё вокруг.

Идя вдоль закраины лагеря, по самому рубежу зеленого поля, Мартин вдруг вспомнил Сухана - и его нечаянно оброненные слова про Бортня. И усмехнулся про себя - уж он-то, в отличие от старшего дружинника, был полностью уверен, что Бортня и сегодня изберут воеводой снова, сроком на год. Ибо еще предыдущей ночью, сидя в своей землянке взаперти, стал случайным свидетелем одного ненароком подслушанного разговора.

Часовой, видимо, крепко заснул - потому что Мартин уже давненько не слыхал его мерных шагов у дверей: тот скорей всего где-нибудь мирно посапывал под кустом. Поэтому, когда невдалеке вдруг ухнул сыч - раз и другой - Мартин непроизвольно

вздрогнул. Был в этом крике что-то неестественное - птица так крикнуть не могла.. А значит... А значит, это был чей-то условный сигнал - и Мартин так и прикипел к небольшому слуховому оконцу под самым накатом землянки.

И точно - вскорости хрустнула ветка, а следом за ней раздались осторожные шаги. И, судя по ним, подошедший был человеком. Зато вот второй был явно земником - и в этом Мартин, как истинный барздук, проведший всю свою жизнь в лесах, мог поклясться чем угодно.

"Земник и человек? В такую пору? И вместе? - изумился Мартин. - Что может связывать их?"

И дружинник весь окаменел, затаив даже малейшее дыхание.

- Что хочет сударь... - начал было второй, являвшийся барздуком.

- Давайте без имен, дражайший! - резко перебил его человек. - Вы знаете, что и лес имеет уши.

- Ну что же, вам виднее, сударь, - согласился земник и, недовольно засопев, спросил: - Что будет вам угодно? Чем вызвана эта встреча - да еще в таком месте?

- А вы предлагаете мне вызвать вас письмом с нарочным? - тихо рассмеялся человек. - Или прийти прямо к вашему кострищу посреди лагеря - да и выкладывать вам эти новости? Новости, которые, смею заверить, для вас и вашего вирсайта могут оказаться куда более ценными, чем те услуги, что мне оказываете вы с вашим хозяином.

- Но что за спешка, сударь? Неужели послезавтра, после Вечевого Сбора, нельзя было бы спокойно нам повидаться? Вы знаете, что будет пир на Янов день - и разговор барздука с человеком на нем ни у кого не вызовет никаких вопросов.

Человек в ответ на это снова тихо хохотнул:

- Вы знаете, дражайший, что ложка дорога к обеду - а после драки незачем размахивать кулаками. Так и моя новость - она хороша и бесценна сейчас, а после Вече эти сведения не будут стоить ни гроша.

- Так может быть, не стоит и выкладывать ее? - язвительно спросил земник. - Ведь она бесценна - то есть не стоит ровным счетом ничего.

Настала тишина. Затем, спустя мгновенье, человек раздраженно ответил:

- Ну что ж, милейший, вам виднее - как знаете. Только, боюсь, как бы булава воеводы для вашего хозяина не оказалась слишком уж тяжелой ношей. Прощайте!

- Постойте, сударь! - вдруг воскликнул барздук и тут же осекся.

- Тише вы, любезный! - зашикал на него человек.

- Да-да, простите, сударь, я немного погорячился. И приношу свои извинения. Что там у вас? Выкладывайте!

Раздался снова тихий смешок.

- Я так и знал, милейший! Я так и знал!

- Хм, а не могли бы все же побыстрее? Не ровен час, еще застанет нас здесь кто-нибудь.

- Ну что ж, извольте, - ответил человек. - Новость первая - Аркона пала, цитадель волхвов в Свияжском море. А вот вам и вторая новость сразу - Великий Князь потребует созыва ополченья. Ну как, вам нравится, милейший? Захочет ли хозяин ваш становиться воеводой в этот раз? Не лучше ли ему у себя пересидеть, покамест всё не утрясется?

Барздук, оглушенный, замолчал. А его собеседник, явно довольствуясь произведенным впечатлением, снова чуть слышно засмеялся.

- О! Понимаю! Я сам остолбенел, когда новость эту услышал. Но увы, это всё - иситнная правда. Вы ведь знаете, что на днях примчался в Земьгород гонец из Ковно? Вы видели его - он приглашен на Вече. Как думаете, к чему бы это?

- Да-да... - прошептал пораженный барздук. - И этот волхв, владыка Куреяс. И даже чародей Маркисуат - всё неспроста действительно...

- Ну вот вам и ответ, любезный - насколько мои новости бесценны, - язвительно сказал собеседник барздука. - Вы сами знаете обычай, что на Вече все гости из числа приглашенных входят в круг и оглашают свои вести лишь в самом конце дня. А воеводу избирают в полдень. Я думаю, хозяин ваш и сам не будет рад, узнай он то, что мог бы узнать и раньше!

- Ну, не вам решать, какое примет он решение! - отрезал барздук. - за новости - благодарю! Так какова цена бесценной этой вести?

- Ба, милейший! Вы любите шутить однако, - снова рассмеялся человек. - Цена обычная - возьму хоть золотом, хоть серебром. Не знаю, право, откуда вы, барздуки, добываете его - но знаю точно, что не переводится у вас звонкая монета!

- Держите, сударь, - холодно ответил барздук.

Тихо звякнула монета.

- Остальное - как обычно: услуга за услугу, - сказал земник и спросил: - Чего желаете теперь вы, сударь?

- Нет-нет, в этот раз ничего, милейший, - поспешно сказал его собеседник, собираясь уходить. - Покамест ничего. Но как только что-то будет нужно - я сразу же дам вам знать. Прощайте!

- И вы прощайте, сударь, - прохладно ответил барздук и, судя

по наступившей тишине, исчез в ночи.

Его собеседник еще постоял немного, а затем улыбнулся - и тоже ушел, что-то тихо напевая себе под нос.

"Вот так дела! - присвистнув, подумал Мартин. - Это кто ж такие были-то?"

Но, побыв немного в раздумьях, пришел к единственному выводу - барздуком мог быть только кто-то из окружения Шпака Лаздониса, этого давешнего соперника Бортня за булаву. Но вот кто был вторым, для дружинника пока оставалось загадкой. Хотя ответ на нее был прямо на поверхности.

Отойдя немного от места встречи, тот человек откинул капюшон плаща и ухмыльнулся, глядя на блеснувший при свете месяца и звезд кружок серебряной монеты. Ибо новости эти были выданы вовсе не за деньги, хоть ими и прикрывались старательно для виду - а по приказу самого наместника. Ведь звали того человека Блохой - и был он правой рукой Собыря, начальника тайной стражи Земьгорода.

Но и сам наместник, в интересы которого входило снова обеспечить Бортня булавой воеводы, и Собырь с Блохой немало бы удивились, если бы вдруг узнали, что новость эта для самого Шпака Лаздониса была уже вовсе не в новинку. Пока его слуга беседовал в ночном лесу с Блохой, вирсайт Лаздонис получил эти вести из совершенно других рук. И принес ему их тот самый гнилозубый человечишка, которого уже видели Лиго и Мартин в корчме у Тырновича. Звали его Гландом - и состоял он на службе у барона Конрада фон Кинбурга.

***

- Что это ты там все время наклоняешься, Прок? - спросил Мартин у Пеколса. - Небось, ищешь чего? Время вон уже к вечеру близится - а мы толком лесины так и не нарубили к кострам.

- Да боги с ней, стой лесиной, - пробурчал Пеколс. - Вам ведь Сухан вообще сказал, что отметить только сухостой надобно - и в лагерь назад. А мы, сударь, вон уже сколько отмерили по лесу - и не только меток понаставили, а еще ведь и салили-то не один сухой ствол. В самую пору уже в лагерь-то возвращаться, сударь Мартин. Пущай на подмогу других пришлют, чтобы споро всё это добро поперетаскивать.

- Вот ты любитель поворчать, Прок, - сказал ему Мартин, и, сняв с плеча топор, вытер со лба пот и огляделся. - Хотя да, что верно, то верно - надо возвращаться в лагерь, пока солнце еще высоко.

Но Прок Пеколс в это время что-то сосредоточенно рассматривал, глядя вниз.

- Эгей, Прок, что там у тебя? - поинтересовался Мартин.

- Тс-с-с, сударь, - приложил Пеколс палец к губам. - Не испугайте - а то она снова упорхнет...

- Она? Птица что ли? - спросил Мартин и двинулся было к нему.

- Стойте, где стоите, сударь, - снова зашикал Пеколс и сделал круглые страшные глаза. - Сейчас я наконец-то ее заполучу...

И он вдруг прыжком кинулся вперед и вниз, стараясь накрыть это нечто, столь заинтересовавшее его, двумя руками.

Упав навзничь, Пеколс какое-то время лежал тихо, а затем, весело отдуваясь, попытался осторожно посмотреть, что же у него в руках. Но, заглянув в щелку между ладонями, земник вдруг громко чертыхнулся и горестно сказал:

- Э-эх, ушла...

И, расстроенный, поднялся с земли, отряхивая ладони и колени от травяного сора и налипшей пыли.

Мартин смотрел на него с большим недоумением, пока наконец не решился спросить.

- Гм, Пеколс, - кашлянул он. - А что это было?

Прок глянул на него глазами побитой собаки и только махнул рукой в ответ.

- Нет уж, подожди, - не унимался дружинник. - Что-то ведь ты ловил? Или мне показалось?

- Да уж не важно теперь, сударь, - буркнул Пеколс. - И вправду говорят, что не с нашим-то счастьем ее и ловить.

- Кого - её? - снова спросил Мартин, но теперь уже настойчивей.

- Да её - перелёт-траву, - глянув на него, хмуро ответил Прок.

Мартин замер на месте, открыв рот и захлопав глазами.

- Что-что? - изумился он.

Пеколс бросил на него быстрый взгляд:

- Перелёт-траву говорю, сударь. Что, разве не слыхали про такую?

Мартин остолбенело смотрел на него:

- Н-нет, - наконец выдавил он из себя.

- Ну, нет - так нет, - развел руками Пеколс. - Тогда зачем и спрашивать было?

Дружинник постоял немного, а затем, мотнув головой, сказал:

- Я вот одного не пойму, Прок. Ты действительно не от мира сего - или только таким вот дураком притворяешься?

Пеколс вспыхнул и весь побагровел.

- Что это за ахинея еще такая - перелёт-трава? - не успокаивался Мартин. - В первый раз слышу такую чушь!

Пеколс от возмущения, казалось, готов был лопнуть - и даже

поначалу не нашел слов для ответа.

- Ну знаете, сударь, - с трудом выдохнул он, когда первый гнев прошел. - Вы с вашим коротким носом много чего еще не знаете, что есть на белом свете. Так что уж не обессудьте, но свои суждения уж как-нибудь да оставьте при себе!

Настала очередь Мартина вспыхнуть до самых корней волос.

- Да как ты смеешь вообще мне говорить такие речи? - начал было он - и вдруг осекся.

Глаза дружинника тревожно сузились, и он стал настороженно всматриваться за спину старому слуге.

- Вот теперь уж ты помолчи... - прошипел Мартин, и медленно указал туда рукой.

Пеколс замер - и также медленно и осторожно, будто во сне, обернулся.

На небольшом пригорке в конце прогалины стоял согбенный дряхлый старик, опираясь на узловатую клюку, и пристально смотрел на двух земников, замерших на другой стороне поляны. Был он когда-то высокого роста - но уродливый, огромных размеров горб согнул его к самой земле. Длинные, давно немытые волосы желтыми грязными паклями свисали с головы, а из-под седых кустистых бровей сердито смотрели его колючие глаза, причем каждый разного цвета. А прямо на длинном крючковатом носу красовалась большая жирная бородавка. Низ этого страшного лица скрывала редкая пегая бороденка с торчащими в разные стороны клочьями грязных волос. И этот старик-горбун стоял и хмуро разглядывал земников.

- Батюшки-светы... - охнул Пеколс. - Кажись, Бирюк тот самый, с которым меня недавно спутали.

- Чур тебя, - пробормотал Мартин и полез за пазуху, нащупывая древний оберег от сглаза.

Разгоравшаяся было перепалка мгновенно улетучилась - от нее не осталось даже и следа.

- Ну, и долго он так стоять будет? - шепнул Пеколс и пододвинулся на всякий случай поближе к дружиннику.

- А я почем знаю? - на ухо ответил ему тот. - Точно Бирюк это - больше ведь некому.

Горбун тем временем стоял на пригорке в своем выгоревшем плаще непонятного цвета и всё так же сверлил взглядом двух барздуков, неосторожно забредших в Синюю Пущу. Затем, пожевав губами, хмыкнул - и в этот момент солнце будто взыграло и качнулось в небе, коснувшись своим ярким лучом изборожденного морщинами лица старика. Тот отшатнулся недовольно и отступил назад, в тень деревьев - и уже оттуда снова сердито глянул в сторону земников и, подняв свой

крючковатый когтистый палец, погрозил им барздукам. А потом сделал шаг назад - и вдруг на этом месте, где он только что стоял, раздался громкий хлопок и вслед за тем поднялся белый столб дыма: и в его туманных клочьях страшный горбун исчез!

- Свят-свят-свят, - забормотали оба барздука, заворожено глядя на тот пригорок и поднимавшийся дым.

И тут клочья вдруг сгустились и поплыли через прогалину прямо на земников, приобретая образы каких-то скачущих грозных зверей с оскаленными мордами и вздыбившимися холками. И эта белесая стая призрачно плыла на барздуков через всю поляну, всё время увеличиваясь в размерах и становясь всё больше и больше похожей на свору огромных волколаков.

Земники испуганно попятились от плывущего по воздуху прямо на них бестелесного зверья. Но тут снова взыграло в небе жаркое солнце - и зловещие призраки медленно растаяли, не долетев буквально несколько шагов.

- Уф, - только и смог вымолвить Мартин, все еще стоя на месте.

А Пеколс, вцепившись ему в локоть обеими руками, расширенными от ужаса глазами смотрел вперед.

Дружинник недовольно поморщился и, передернув плечами, попытался освободиться от хватки Пеколса.

- Пожалуй, ты прав, Прок, - сказал Мартин. - Надо точно сбираться назад - а то что-то далековато мы с тобой забрели.

И, сердито сверкнув глазами, уже погромче приказал:

- Ты руку-то отпусти - совсем уже от твоих лапищ она занемела.

Пеколс нехотя отпустил дружинника, но, увидев, что тот собирается повернуться, вцепился в него снова.

- Что еще такое? - недовольно воскликнул Мартин.

- Не оборачивайтесь, сударь, - испуганно замотал головой Пеколс. - Ни в коем случае не оборачивайтесь!

- Это еще почему? - удивился дружинник.

- Потому что к нечисти, тьфу на нее, никогда спиной поворачиваться нельзя. Еще, не дай боги, прыгнет сзади и начнет грызть. Задом, только задом пятиться надо, сударь - а лицом вперед, свят-свят-свят.

И Пеколс стал мелкими шажками пятиться спиной назад, всё время пристально глядя на то место, где исчез страшный старик. Мартин не стал прекословить - и последовал примеру старого слуги.

Лишь пройдя так с полсотни шагов и не видя более никакой опасности, земники наконец-то перевели дух.

- Вот тебе и на! - сказал Мартин, когда они отошли от этой

страшной прогалины. - Чуть было самому Бирюку в лапы не попались. Надо побыстрей отсюда в лагерь выбираться, Прок.

- Ага, - только и смог, что кивнуть тот.

Дружинник тем временем, почесав в затылке, вдруг нервно хохотнул.

- С ума сойти можно! - сказал он. - Я за одну только эту поездку за глаза уже насмотрелся всякой нечисти - и причем больше, чем за всю свою ратную службу. Тьфу!

И Мартин сердито сплюнул на землю.

- Так за чем ты там, говоришь, охотился, Прок? - немного погодя, весело спросил он.

- За святоянским зельем, - пробормотал тот, все еще толком не отойдя от только что увиденного.

- Чего-чего? - переспросил Мартин.

- Янов цвет, божье дерево, заячья кровь... - странно ответил Пеколс. - Их на Янов день как раз и собирают: или завтра с утра, с первой росой - или же вот сегодня, до первых купальских огнй...

- Какая еще заячья кровь, Прок? - пихнул его Мартин. - Я вот смотрю, это тебе кровь в голову ударила, что ты всё не отойдешь никак!

И, хмыкнув и весело мотнув головой, снова хохотнул:

- Тоже мне еще скажешь - заячья кровь! Ты бы еще лучше за цветом папоротника сходил бы! Или ты его как раз и искал?

И дружинник подмигнул старому слуге.

Но тот вдруг задумчиво спросил:

- А вы видали их, сударь?

- Кого? Цветы папоротника? - улыбнулся Мартин.

- Нет, сударь, призраков этих, что облаком на нас летели- сказал Пеколс.

- А, ну да, - кивнул дружинник. - Только выбрось ты это из головы, Прок. Наваждение одно - да и только! Это, видать, старик мороку на нас напустил - для острастки наверное. А что такое?

- Так ведь волколаки то были, - снова сказал Пеколс.

- И что с того? - пожал плечами дружинник. - Мало ли что привидеться может!

- Может, согласился Пеколс. - Только вот сдаётся мне, что не к добру наваждение это...

- Тьфу ты, Прок! - сердито сказал Мартин. - Но ведь ушли уже мы оттуда - и старик этот нам, слава светлым богам, так ничего плохого и не сделал! Так что ты там всё время ворчишь? Давай лучше побыстрей выбираться отсюда!

И Мартин, приладив за поясом топор, двинулся вперед. Пеколс последовал за ним.

А когда земники уже подходили к лагерю, дружинник вдруг

неожиданно рассмеялся и легонько подтолкнул в бок старого слугу.

- Заячья кровь говоришь? Ишь ты! - сказал ему Мартин и весело подмигнул.

- Какая заячья кровь? - удивленно спросил Пеколс.

- Ну там, на той поляне, - ответил дружинник.

- Нет, сударь, то была перелёт-трава.

Мартин на мгновение замер - а затем, весело закинув голову назад, громко рассмеялся.

- Какая, говоришь, трава? - хохотал сквозь слезы он. - Перелёт?

- Да, сударь, перелёт-трава, - кивнул Пеколс.

- И что же это значит? - не унимался от смеха Мартин. - Что еще за зелье такое?

- Она имеет силу переноситься с места на место, - буркнул Пеколс. - И тем, кто ее сорвет, будет счастье. А ежели нет - стало быть, наоборот!

И сердито пошел вперед.

***

Праздник Купала не зря называют еще Ян Бражник. Потому что количество выпитого в эту чарующую ночь иногда достигало размеров просто невероятных. А как же иначе? Ведь Янов день - это небесная свадьба, а какая же свадьба обходится без щедрой и обильной попойки?

А потому и земники, памятуя сей древний веселый обычай, охотно и со всей душой следовали ему. И уже с самого утра из Земьгорода на окраину Синей Пущи, к стану барздуков недалеко от священной дубовой рощи, где собирался Вечевой Сбор, потянулись возы и телеги с пенным пивом и хмельным вином. Скрипели колеса, фыркали кони, весело балагурили сопровождающие обоз мужики и хитрые торговцы - и все эти звуки заполонили собою огромный зеленый луг, что отделял столицу Земиголья от стана барздуков.

А в самом лагере земники цокали языками, подмигивали друг другу и радостно, в праздничном возбуждении, тёрли руки, ожидая подхода телег.

"Конечно, рассуждали барздуки, - пиво из Земьгорода - свершено не то, что пиво, сваренное самими земниками на своих лесных хуторах. Но да что делать? Испробуем и людской напиток - как говорится, на безрыбье и из рака уху варят".

Конечно, приказ старейшин, ушедших на Вечевой Сбор, был строг и однозначен - до вечера и их возвращения с Вече ни капли не пить. И земники, конечно же, были вынуждены ему подчиниться.

Но, как обычно, нет такого указа, который нельзя было бы обойти. А чем земник в этом отличается от человека? И то дело - было бы желание, а способ найдется. И барздуки сами для себя, в оправдание, придумали другое объяснение - как же все-таки испить пива да вина в обход строгого наказа. И назвали это словом совершенно иным - оценить вкус напитка!

А потому, когда первые телеги с бочками добрались-таки до земниковского стана, то большое количество таких ценителей уже собралось в предвкушении того, когда же наконец откупорят первую бочку, чтобы они смогли вынести свой вердикт. И уже к полудню немало захмелевших земников разгуливало по лагерю и рассказывало всем встречным и поперечным про все достоинства или наоборот, недостатки того лили иного пива от одного или другого хозяина. А некоторые так и вовсе лежали себе тихонечко в тенёчке да холодке под кустами, и с блаженной улыбкой наблюдали, как в буквальном смысле этого слова солнце на небе весело играет и сильно раскачивается, словно паодтверждая всю правдивость рассказов про Янов день.

Вообще-то Вечевой Сбор - дело особой важности, на который всегда собирались старейшины народа барздуков отдельно, сами по себе, прибывая в священную дубовую рощу каждый год в означенное заранее время, в сопровождении своей челяди да слуг. Само же это место для земников было священным и заповедным еще с тех пор, как они впервые заселили Неманскую пущу. И хотя с того времени воды утекло немало, и, как это часто водится в истории любого народа, что его святыни в итоге заселяют чужаки, вытесняя прежних хозяев куда подальше, окраина Синей Пущи с вековечной дубовой рощей по-прежнему оставалась для земников священной и заповедной. И когда Земиголье добровольно вошло в состав Державы Неманской, и в эти глухие края стали проникать первые люди, Великий Князь издал указ, которым строго-настрого запрещалось трогать эти заветные для земников места и каким-либо образом нарушать древний порядок. А поскольку сами барздуки в этих краях селились мало, считая их заповедными, то для охраны их старинных святынь Великий Князь распорядился срубить малую крепостцу и разместить в ней небольшой ратный гарнизон, делом которого и было блюсти как интересы Великого Княжества, так и строго следить за нерушимостью и сохранностью всех земниковских прав, вольностей и святынь.

Так и возник в свое время Земьгород поселение людское с самого начала, но призванное защищать барздуков от лиха или ненастья какого. Шло время, сменялись поколения - и уже через пару-тройку столетий былое назначение Земьгорода стало понемногу забываться и отошло на задний план, а сама крепость

разрослась и превратилась в большое людское поселение, которое стало уже столицей Земиголья, окраинной вотчины, которая в самом Великом Княжестве уже скорее рассматривалась не столько как земля их верных союзников-барздуков, сколько как место еще не освоенное и годное для заселения людьми. Хотя права земников при этом, положа руку на сердце, соблюдать старались - а потому и каждый новый наместник считал своим долгом обеспечить как сохранность святынь барздуков в Синей Пуще, так и добрососедские отношения с ними.

Конечно, самим старейшинам земников совершенно не нравилось, что возле их исконных и заповедных мест столь быстро разросся большой и шумный людской город. Однако что они могли поделать с этим? Таков неумолимый ход истории - одно сменяется другим. Ведь когда-то и сами барздуки на этих землях были всего лишь чужаками и пришельцами издалека, а до них здесь тоже кто-то жил и старался сберечь свои святыни.

Потому так и шло из года в год - Земьгород бережно охранял святыни барздуков, а сами старейшины этого племени каждое лето в тот или иной урочный час собирались здесь на свой Вечевой Сбор.

Сроки проведения ежегодного Вече для земников определялись каждый раз по-разному - но все они были уделом жрецов-вайделотов, их заботой и хлопотами. Гадя по звёздам, по полёту птиц, выбрасывая старинные руны, начертанные на звериных костях, вайделоты-барздуки определяли то или иное время, благоприятствующее проведению Вече. И тогда мчались гонцы во все закоулки глухой Неманской пущи по всему Земиголью с приглашением на сбор.

В этот раз руны и звезды легли таким образом, что священное Вече попало на не менее священный праздник Лиго, Янов день, купальское свято. Такое бывало и раньше - раз в сорок, а то и в пятьдесят лет.

Конечно, лучше бы Купало отметить дома, на родном хуторе, среди своих - или же приехать в гости к ближайшим соседям со всем своим многочисленным семейством, да попировать всем вместе всласть, попеть святоянские песни да веселые купальские стишки, попрыгать через священный костер, да утопить его остатки в реке, гадая по пущенным на волах венкам. Ведь Лиго - это свадьба небесная, Яна да Марены, солнца золотого и серебряной луны, которую пытался расстроить Морок Черноголов, похитив Солнцеву невесту и спрятав ее в своих подземных чертогах. А потому и жгли всю ночь костры и пускали с холмов огненные колеса в реку, отгоняя нечисть, которая стремилась расстроить светлый праздник. А потому и прыгали

через бушующее пламя да омывались в ключевой воде, чтобы очиститься от всего злого да лихого.

На хуторах и лесных заимках парни-барздуки ухаживали за молодыми барздучихами, приглашали их на зажигательные танцы да прыжки через костер. А девушки, в свою очередь, уединившись на речном берегу, гадали на венках из собранных на Янов день цветов и трав о своем суженом, да о будущем с ним. Ведь свадьбы бывают не только небесные - еще больше их на земле.

Веселый праздник Лиго, шумный и буйный. Верхушка лета, зоряная купель. Ибо если много будет звезд на небе - к урожаю плодов лесных, ягод и грибов. А люди знающие говорят, что и детей тогда тоже будет много. Ибо начинали на купала парни за девками ухаживать - а к осени да Новому году уже и семьи крепкие часто сколачивали. А где семья - там ведь и дети. Вот тебе и Купало, что в траву упало!

Веселый праздник Лиго, теплый и жаркий. Солнце на зиму, а лето в теплынь поворачивает. Ибо после Янова дня от земли такой дух идет жаркий, что на ней запросто и сиднем сидеть можно, и босиком ходить, и даже спать просто так - до самого конца лета. И дожди уже не в дожди, и туманы не в сырость, не холодные и промозглые, как раньше - а теплые и грибные. А потому и говорят, что после праздника Яна не нужно кафтана - лето вошло в свои извечные права.

Веселый праздник Лиго, хмельной и пьяный. Ибо травы лесные да росы утренние в такую силу входят, что пьянят одним своим только духом, кружат голову одним своим только видом, а уж соки земли в них так и бьют ключами. И Янов день - самое время собирать целебное зелье да колдовские разные травы. Ведь говорят знающие люди, что дивный жар-цвет папоротника дает власть над зарытыми в землю сокровищами, да возможность понимать звериный да птичий язык, да способность видеть, как на праздник Купала дубы переходят с места на место и разговаривают промеж собой. И у кого, мол, есть тот волшебный цвет папоротника, тот запросто может увидеть всё это и понять.

Как бы там ни было, а после обильных хмельных возлияний, как говаривают иные острые языки, к вечеру да ночью после праздника не только ходячие деревья увидишь - может кое-что и похуже померещиться. А что уж говорить про огненное цветение папоротника - или радужное сияние той самой перелёт-травы, что искал Пеколс? Потому как и он с самогог утра откупорил уже не первую бутылочку из своих алхимических запасов в шатре Куреяса, да и отметил заранее светлый Янов день. И мерещились ему не только травы дивные, но и разные чудеса чудесные. И

лишь одно ему не давало покоя - неужели то страшное видение горбуна на поляне было взаправду? А судя по словам Мартина, именно всё так и выходило.

Потому и Пеколс сидел угрюмый и сердитый, раздумывая над произошедшим в лесу. И не менее взволнован был и сам Мартин, спешивший побыстрее вернуться в лагерь и рассказать Сухану о встрече с Бирюком.

И когда у самой черты лагеря им навстречу попался рыжий детинушка-барздук, Мартин схватил его за локоть и спросил:

- Скажи, почтенный, а не видал ли ты Сухана?

Детина земник медленно повернулся, глядя сквозь подошедшего Мартина стеклянным взглядом, долго дул губы и морщил лоб, соображая, о чем же его все-таки спросили, а затем вдруг выдал, заорав на весь лес:

- Здравствуй, праздник, здравствуй, Лиго,
Здравствуй, светлый Янов день!
На коне своем красивом
Отгони ты лиха тень!
Дай лесам густые травы,
Песню пел чтоб соловей,
И на празднике веселом
Вдоволь нам вина налей!
Лиго!!!

И, пошатываясь, побрел прочь.

- О боги! - простонал Мартин. - Когда же они только успели набраться? Где же нам теперь искать Сухана?

И посмотрел на Пеколса. Но тот угрюмо промолчал - поскольку его мысли были заняты вовсе не поисками старшего дружинника, а тем, как и, главное, где и самому бы успеть так повеселиться, как тот рыжий земник.

Однако в самом стане, вопреки мрачным ожиданиям Мартина, всё же царил относительный порядок. Земники довольно бойко и шустро расставляли под навесами свои лавки да столы, и накрывали их всяческой снедью, щедро поставляемой из Земьгорода. Ну и что с того, что в этот раз Вече выпало на Янов день и Купалу не всем придется праздновать дома, прыгая с девками через костер? Праздник он всегда праздник и есть. А потому и отмечать его негоже с кислыми лицами из-за отсутствия рядом розовощеких смешливых барздучих, так охочих до танцев и внимания парней. Так что земники вовсе не унывали духом - и собирались отметить Янов день со всем размахом, на который только была способна широкая душа самого настоящего барздука.

И что сказать - такое совпадение, Вече и Янов день, вы падают всего-то раз на сорок, а то и больше лет. Есть уже о чем

поговорить сейчас - и что вспомнить в будущем.

Потому земники так споро управлялись со своими делами, ожидая возвращения старейшин с Вечевого Сбора - и с известиями, кто же будет ими править весь следующий год. Чтобы затем всем вместе весело и широко отметить эти события.

И когда среди этой оживленной суматохи и беготни вдруг раздался знакомый голос, Мартин и Прок от неожиданности даже подпрыгнули.

- Ба! Господа Пеколс и Бубилас! - звонко сказал знакомый голос - Как же я рад вас видеть в полном порядке и отличном здравии!

Земники быстро обернулись - и увидели широкое веснушчатое, радостно улыбающееся лицо Валдиса Тырновича, хозяина трактира "У Гуся".

- Здравствуйте, мои дорогие! - улыбался Тырнович. - Несказанно рад встретить вас здесь в совершенной целости и сохранности!

И Земники, не успев даже опомниться, тут же оказались в его крепких объятиях.

- А я уж так себя корил, так себя ругал за всё то, что произошло тогда в корчме, - не переставая, тараторил Тырнович, обнимая и похлопывая барздуков. - Я все эти дни чувствовал себя настолько виновным за то, что стряслось, что даже места себе не находил. И когда наместник поручил мне заняться доставкой снеди и вина на ваш праздник, я охотно согласился в надежде вас повидать. Однако вот уже как полдня я нахожусь здесь, а до этого трижды смотался за запасами в Земьгород и назад, а вас всё никак не видел и не находил! И уже начал было нещадно корить себя за всё произошедшее тогда. Ведь я уж не знал-то, что и думать теперь. Да мало ли что могло ведь с вами-то стрястись! О событиях той ночи весь Земьгород, почитай, до сих пор гудит и судачит - а тут еще и вас нет! И вот, когда я уж и вовсе помрачнел весь, вижу - вы идете, судари мои почтенные! Как же я все-таки искренне рад и счастлив вас видеть!

И Валдис, выпалив всё это на одном дыхании, радостно оглядел еще раз обоих барздуков - и снова крепко прижал их к себе.

- А где же господин Лиго Бирзулис? Что с ним? - вдруг взволнованно спросил трактирщик. - Почему его нет с вами?

И он испуганно посмотрел на них.

- Здравствуйте, сударь Валдис, - откашлялся Мартин, потирая помятые объятиями трактирщика ребра и плечи. - Не беспокойтесь, с Лиго всё в порядке - он просто на Вечевом Сборе.

- На Вечевом Сборе? - изумился Тырнович, а потом вдруг

снова заулыбался. - Так я и знал, что господин Лиго - земник не простой, а знатный. Какое счастье, что с ним всё в порядке! И какая честь для меня, господа, что вы посетили моё заведение! Не желаете ли вина или пива, судари? А?

И, когда земники переглянулись и замялись, Тырнович заговорщицки подмигнул и сказал:

- За встречу, господа, - и всего лишь чуть-чуть... Я понимаю, что приказ сударя Сухана нарушать нельзя - но так мы ведь с вами немножко, самую малость, не так ли?

И он снова подмигнул.

- Сухана?! - вскричал Мартин. - сударь, где мне найти его? Он-то как раз мне и нужен - причем срочно и, что называется, позарез! Слишком важные известия у меня к нему!

Тырнович сразу как-то погрустнел и махнул куда-то неопределенно рукой:

- Там, господа, его и ищите.

Но затем вдруг снова оживился и добавил:

- -Но, думается мне, сегодня с вами я-то уж точно еще выпью заздравную чашу!

Земники улыбнулись и, вежливо откланявшись, пошли искать Сухана.

ГЛАВА 20

ТАЙНЫЙ СОВЕТ

Горели огни под липами. Огненными шарами с холмов катились пылающие колеса в реку, вздымая снопы искр - и с шипением сердито гасли в воде. Ликующие земники кричали "Лиго! Лиго!", и снова, и снова пускали с вершин огневые круги, как то и заповедывали предки. Янов праздник был в самом разгаре - настала та самая колдовская ночь.

Горели огни под липами. И через эти рдяные обжигающие языки пламени с разгону прыгали вооруженные барздуки, выписывая порой немыслимые коленца и потрясая своим древним прадедовским оружием: кистенями, мечами и палицами. Ибо солнцевы дети, к роду коих относились и земники, очищали себя от всякой скверны в священном пламени, отсвете небесного ока, что взирает на нас с вышины. И, как гласило предание, тому барздуку, кто дальше всех прыгнет, кто выше всех взовьется в своем немыслимом и лихом прыжке, кто удалее и ловчее всех исполнит свой замысловатый трюк над жаркими языками костра, удача и успех будет сопутствовать во всех его делах и начинаниях. А потому и соревновались между собой воины племени земников - кто из них лучше, удачливей и сильней. Прыгали через огромное пламя, нисколько его не боясь, и,

казалось, купались в его огнистых струях. И красные отблески жара делали лица лесных бородачей еще более суровыми и дивными.

Горели огни под липами. Стояли столы дубовые между цветных шатров, освещенные трескучими факелами. Ломились от яств и напитков столы эти, ждали своих хозяев, похвалявшихся друг перед дружкой удалью и молодечеством своим ратным в огненном танце. Седые сказители настраивали свои гусли, и тихо бренчали струнами, бормоча под нос издревние вирши. Ибо пир праздничный для ратников барздучьего племени всегда проходил по обычаю под дивное пение старинных былин. Сновали тени слуг меж древесных стволов, присматривая за яствами, и готовые в любой миг встретить своих хозяев. А еще поодаль, совсем-совсем далеко, перекликались часовые окрест, оберегая окраину Синей пущи и лагерь барздуков от всяких неожиданностей.

И над всем этим раскинулось огромное черное небо, в котором задумчиво мерцали льдистые звезды, глядя с вышины на древние забавы лесного народа. Качались зори в своей темной бездне и недовольно сверкали, когда вдруг над вершинами деревьев вздымался яркий сноп искр, соревнуясь в этот миг с самой россыпью небесных песчинок. Но искры с шипением гасли и быстро таяли в бархате ночи, а звезды усмехались и продолжали переливаться холодными бликами, недостижимые в своей дали. Праздник Лиго достиг своего пика - шла та самая купальская ночь...

Но не все земники отмечали праздник, прыгая через костер и катая огненные шары в реку. Одни из них собирались, пакуя последнюю поклажу и проверяя, хорошо ли взнузданы их пони. Были это барздуки из рода Лаздонисов. Нет-нет, иной раз то один, то другой земник из них взглянет на красные отблески купальских кострищ между деревьями да на ломящиеся от яств столы, да и вздохнет украдкой. Но приказ есть приказ - раз велел вирсайт срочно выходить, то и спорить нечего. И непонятно, чего больше было в таком решении - норова самого Лаздониса, оставшегося без булавы воеводы и в этот раз, и затаившего от того обиду и не желая признавать свое поражение, или в действительности спешки из-за тех неприятных известий, что огласили барздукам после Вечевого Сбора. А вести были таковы, что на хуторе Лаздонисов волки задрали нескольких пастухов и порезали скотину домашнюю. И гонец, мол, взмыленный, примчался в самый аккурат к окончанию Вече.

Праздник есть праздник - но и вести были уж больно-то лихие. А потому и старейшины племени земников дозволили Лаздонису и его отряду в канун купальской ночи, всупереч

давнему обычаю, отбыть восвояси.

Лишь Бортень с Брылем переглянулись загадочно между собой, предупрежденные Суханом. Да Кориат Довмонтович пожевал травинку, задумчиво глядя вслед Лаздонису, поспешившему в свой стан.

Когда весть об этом прокатилась по всему лагерю, Прок Пеколс почесал свою лохматую голову и сказал:

- И какого ляда этот Шпак Лаздонис вдруг засобирался домой? Не, тут дело нечисто - не верю я в этих сказочных волков на его хуторе...

- Ты давай пошевеливайся лучше, Прок, - недовольно сказал Лиго, стоя наполовину одетый среди шатра Куреяса. - Вон уже гонец на совет за мной примчался, а я всё никак не переоделся еще после Вече. Негоже опаздывать мне на совет.

И Лиго кивнул на дверь шатра, за полотном которой, как было видно по тени, переминался с ноги на ногу посыльный.

- А за что это вас, сударь, на совет-то покликали? - бурчал Пеколс, помогая облачаться своему хозяину. - Ну, Вечевой Сбор - дело понятное, знатная кровь как-никак. А на совет? Видать, и тут дело недоброе, сударь - помянете мое слово.

- Вот ты старый ворчун! - дернул плечами Лиго. - И любопытный чрез меру. Всё тебе знать надобно. То Лаздонис не к месту уехать вздумал, то на совет меня позвали.

- Да уж ежели б вы знали то, что мы с Мартином сегодня узнали, то вы бы еще и не так на этого Лаздониса посмотрели бы, - ворчал Пеколс, поправляя перевязь на Лиго. - Да только вот ваш дядюшка мне строго-настрого запретил об этом кому-либо рассказывать...

- Что-что? - быстро обернулся к нему Лиго. - Ну-ка, повтори, что ты сейчас только что сказал?

И, глядя, как Пеколс вдруг изменился в лице от испуга и прикусил язык, тряхнул его хорошенько.

- Ну, что там еще с Лаздонисом? - переспросил молодой Бирзулис.

- Я...Мы... - замычал слуга, раздосадованный, что снова не к месту распустил язык.

- Выкладывай давай, раз уж начал, - взял его в оборот Лиго.

И Пеколсу больше ничего не оставалось, как рассказать то, что он узнал от Мартина, когда тот сидел взаперти и подслушал разговор ночных гостей.

- Вот дела - так дела! - удивился Лиго. - Чтоб вирсайт земников, пусть и Шпак Лаздонис этот - и знался с лиходеями? Чудеса! Вот и думай, взаправду у него на хуторе несчастье произошло - или выдумки это всё?

И Лиго хмыкнул.

- И я говорю - не к добру это, - буркнул Пеколс.

- Да ну тебя! - отмахнулся от него Лиго. - Заладил старую песню. И так заболтались вовсе - давай-ка лучше плащ и заколку.

- Ту самую? - с нажимом произнес слуга.

Лиго задумался на мгновенье - но затем упрямо мотнул головой.

- Да, ее - подарок Велемира, - твердо сказал земник.

Слуга только тихо вздохнул про себя - но не посмел перечить хозяину.

Заколка холодно блеснула на плече. Лиго прислушался к ней - но, как ни старался, ничего не почувствовал.

Тогда он, постояв еще миг и оглядевшись вокруг, ничего ли не забыл, кивнул Проку - и вышел в ночь.

***

- Сударь Лиго из рода Бирзулисов, сын достославного воеводы Лютня! - провозгласил слуга, распахивая полы шатра.

Лиго вошел - и поклонился присутствующим.

К своему счастью, он был вовсе не последним из приглашенных. Когда он вошел в шатер и мельком огляделся, он слегка перевел дух - в шатре вокруг стола было еще несколько свободных мест. Но дядюшка Брыль тем не менее сердито сверкнул на него глазом, хотя его сосед, воевода Бортень, сохранял полнейшее спокойствие. Завидев Лиго, он сочным басом сказал:

- Иди к нам, мой мальчик!

И приветливо помахал своей огромной лапой.

Соорудив вокруг себя подобие трона из подушек, Лиго наконец-то мог спокойно осмотреться. Мест вокруг стола было значительно меньше, чем старейшин племени барздуков, что прибыли на Янов день. А это означало, что пригласили далеко не всех - что было весьма странным. Но самым странным было то, что на этот совет пригласили его, совершенно ничем не примечательного земника, пусть из знатного рода, но вовсе никакого не вирсайта. Чем была вызвана эта честь, Лиго мог только догадываться - и сердце его слегка ёкнуло в груди.

Но окружающие не обращали на него, казалось, никакого внимания, занимаясь каждый своим делом и тихо переговариваясь между собой в ожидании, пока все соберутся.

Напротив Лиго, прямо через стол, сидели владыка Куреяс и чародей Мамай, и совершенно не церемонясь, налегали на стоявшие вокруг них блюда, изредка обмениваясь между собой какими-то фразами. Правда, в какой-то миг земнику показалось, что оба волхва на мгновение зацепились взглядом за его заколку,

тускло сверкавшую на его плече, и мельком переглянулись - но тут же отвели взгляд. А может, это всего лишь показалось молодому барздуку?

Однако, завидев, что Лиго исподволь рассматривает их, Мамай незаметно улыбнулся в свои длинные смолистые усы - и вдруг уставился на блюдо с пампушками, стоявшее недалеко от земника. Блюдо слегка задрожало, словно в испуге. Бортень и Брыль, сидевшие рядом, внезапно прервали свою тихую беседу и удивленно воззрились на него. В этот момент Мамай подмигнул своим глазом - и тут блюдо слегка подпрыгнуло, и с легким стуком ударилось об стол - а самая верхняя пампушка вдруг подскочила от этого удара, взлетела в воздух, зависла на какое-то мгновение, а затем, кувыркаясь, понеслась в воздухе через весь стол - и влетела прямо в рот чародею!

Лиго только ахнул от изумления - и глянул на Брыля с Бортнем. Те сидели, широко разинув рты - как, впрочем, и все присутствующие за столом. И лишь один Кориат Довмонтович и бровью не повел, и сидел с самым невозмутимым видом, как будто ничего не произошло.

Земник перевел взгляд напротив - степной чародей вовсю уминал пампушку и ухмылялся во весь рот, с задором посматривая на барздуков.

Но в этот момент его сосед, владыка Куреяс слегка кивнул своей седой окладистой бородой - как со стола подскочил серебряный кубок, вслед за ним в воздух взлетела тяжелая плетеная бутыль и, наклонившись, наполнила кубок до самых краев. Кубок, плавно покачиваясь, подплыл в воздухе ко рту Куреяса. Тот с невозмутимым видом сделал глоток - и кубок медленно и величаво опустился на стол.

- Да, владыка, гляжу, не потерял ты еще старую сноровку! - засмеявшись, сказал вайделоту Мамай, и покрутил свой черный, как смоль, длиннющий ус.

А затем весело подмигнул земникам.

Те сидели, выпучив глаза и не находя от потрясения слов. Такие застольные забавы чародеев им были явно в диковину.

Но в этот миг наваждение разлетелось медным звоном колокола у входа - это слуга оповестил, что прибыл еще один приглашенный на совет.

- Господин всемудрый Бовас, глава рода Бардойтсов! - провозгласил слуга и распахнул полы шатра.

Старейшина Бовас медленно вошел внутрь, поддерживаемый под локти его слугами. Господин Бардойтс был одет в темно-синий плащ с серебряными позументами, и в этом дивном наряде с длинной-предлинной белой бородой он чем-то напоминал

древнего звездочета из детских сказок.

Все присутствующие в шатре встали и поклонились древнему мудрому старцу - хотя, как подумалось Лиго, тот же Куреяс мог быть запросто старше в несколько раз этого самого древнего земника.

Пока всемудрый Бовас усаживался на ворох пышных подушек, а его слуги хлопотали вокруг своего господина, все присутствующие почтительно стояли и терпеливо ожидали. И лишь когда старейшина племени земников окончательно уселся, он дал знать своим слугам мановением руки удалиться - что те и сделали бесшумно и почти мгновенно.

- Простите, друзья, мне мою немощь! - сказал Бовас. - Присаживайтесь, прошу вас!

А когда гости снова расселись вокруг стола и выдержали небольшую паузу, старый Бардойтс снова взял слово.

- Собрались мы здесь, друзья, сегодня во второй раз, чтобы обсудить то, что нельзя было обсуждать на Вечевом Сборе, - начал Бовас. - Ибо не для всех ушей эти вести предназначены. Узнал народ земников прискорбные новости о событиях грозных. Мгла обступила наши земли - и норовит вот-вот поглотить их навеки. Но даже в полном мраке, если присмотреться, всегда брезжит огонек малой надежды. Надежды, что рано или поздно тьма отступит и сгинет навсегда. И как бы ни был ничтожно мал этот слабый проблеск - воспользоваться надо им без промедления.

И, повернувшись к Альгису Шварну, Бардойтс сказал:

- Так расскажи еще раз всем, гонец, о том, что произошло в Арконе, на светлом острове богов издревних. Но расскажи нам, витязь, на этот раз всё без утайки - всё так, как было в ту роковую ночь. Не так, как кратко ты поведал всем на Сборе - а некоторым из гостей и раньше...

Тут старый земник метнул взгляд из-под своих седых бровей на приглашенных барздуков и наместника, и продолжил:

- А расскажи-ка полностью всем приглашенным о том, что произошло на самом деле. Тебе слово, сударь Альгис!

И замолчал, давая слово Шварну.

Рассказ гонца Великого Князя все слушали молча в скорбном молчании. Не в первый раз уже эта весть обжигала сердца и души своей горечью. Все заново переживали разгром Арконы и пленение Яромира. Но когда Альгис Шварн дошел до этих событий, он внезапно оживился - и его глухой дотоле голос посветлел и стал несколько звонче.

- Но не всё сгорело в пламени пожарищ на Арконе - и не все из ругов погибли в великой битве, - сказал Шварн и внимательно обвел глазами присутствующих, замолчав на время.

Куреяс, Мамай и владыка Бардойтс сидели, потупив взор. Они знали то, что было еще неведомо остальным - но также сохраняли полное молчание. А все присутствующие, когда до них дошел смысл сказанного, вдруг также оживились, зашептались и стали переглядываться, тихо перешептываясь. И вот, когда молчание уже несколько затянулось, и гул понемногу стал нарастать, первым нарушил тишину наместник Земиголья.

- Скажи, о достопочтенный сударь Шварн, - возвысил голос Кориат Довмонтович, - не хочешь ли ты сказать, что кто-то спасся из Арконы? Что кто-то вырвался из огненного плена и избежал печальной участи той ночью? Так назови нам имя этого смельчака! Неужели он добрался до земель Неманской Державы и находится при дворе Великого Князя?

Альгис посмотрел на Куреяса и, словно повинуясь его неуловимому знаку, вздохнул:

- Увы, сударь! Никто из них не смог добраться к нам...

- Никто из них?! - воскликнул Бут и привстал. - Никто из них?! Так значит...он был не один? Их было много? Сколько?

- Увы, мой господин, я знаю только то, что знаю. И ведомо лишь мне, что трое вырвались из Арконы - но ни один из них так и не смог добраться до Великого Княжества...

- Не смог добраться? - снова вскричал наместник. - Или не смог пробиться сквозь вражеские заставы?

И Бут с вызовом оглядел присутствующих.

- Тогда откуда это всё известно, сударь? - спросил наместник.

Но Альгис лишь развел руками:

- Простите, сударь, что раньше я не смог вам сообщить всех подробностей - но так поручено мне было говорить Великим Князем. Я должен был дождаться в Земьграде досточтимого владыку Куреяса - и лишь после совета с его участием я отправлюсь обратно с донесением в Ковно...

- С донесением о чем? - удивился наместник. - Всё ли в порядке в Земиголье?

И тут голос подал сам владыка Куреяс.

- Прошу вас, сударь Кориат, остыньте - всему сейчас черед придет. Нам витязь Шварн поведал то, что было велено ему поведать. Зачем же голос повышать на друга? Садитесь, сударь!

И глянул быстро из-под своих бровей на Кориата Довмонтовича. И то ли в голосе волхва таилась колдовская сила, то ли сам его взгляд был насыщен чародейством - но наместник Бут вдруг остыл, слегка покачнулся и сел, устало вытерев чело.

Земники только переглянулись между собой - а воевода Бортень уже готов был вместо наместника возмутиться и открыл было рот, как на него также молниеносно глянул Куреяс:

- Остыньте все, друзья! Молчите!

И Бортень мгновенно осекся и тут же захлопнул рот, громко клацнув зубами.

- Вот так-то лучше, - хмыкнул Куреяс и улыбнулся себе в бороду.

А затем, огладив ее руками, продолжил:

- А я вот расскажу иные вести - точнее, древний стих, преданье старины глубокой. Он нам дает ту самую надежду, что мудрый Бовас всем нам говорил. Передается этот сказ среди волхвов - но далеко, увы, не каждый из них его слыхал хоть в жизни раз. Поэтому всё то, что вы услышите - считайте как бесценный дар богов всевышних. Они вас привели в этот шатер - цените это! Цените то, что древнее преданье, которое передавали лишь посвященным в глубокой тайне, сейчас и вашим станет достоянием, друзья!

И Куреяс, оглядев еще раз всех присутствующих, начал:

Пришедший с севера
От севера погибнет,
Когда на севере
Наступит мгла.
Огонь сожжет
Языческие храмы -
Искрой останется
Стрела одна.
Волхвы укроют
Дар небесный,
И тайно
Унесут его.
Пройдут сквозь грозы,
Море, земли.
Но в страшную
Годину смерти
Уйдут на дно...
Речные воды
После битвы
Навеки спрячут
Тайны след...
Но птица чудная
Их ношу
Возьмет -
И выполнит завет.
Из древних сказок
Всадник с юга
Березу с рунами волшбы

Возьмет с собой -
И змей ужасный,
Черный витязь,
Повержен будет
Той стрелой.
Пришедший с севера
От севера погибнет,
Когда на севере
Наступит мгла.
Но волей судеб
Дивным чудом
Стрела Сварога
Будет спасена...

При первых же строках этого давнего преданья Лиго вдруг замер и обомлел - сердце его забилось гулко и учащенно. Ведь эти строки он уже слышал! Слышал из письма волхва Велемира, встретившегося ему на пути домой из вайделотской школы. Того самого Велемира, который, по словам Куреяса, затем погиб где-то в лесной пуще. Того самого Велемира, который передал ему, маленькому земнику, тот самый древний оберег-заколку, вокруг которой - он это чувствовал и знал - начинают происходить какие-то грозные и непредсказуемые события. И он, слабый и ничего еще толком не понимающий земник, оказался вовлечен в них помимо своей воли какой-то роковой цепью случайностей. И никак не может вырваться из этого круговорота событий, которые его втягивают в себя всё глубже и глубже, засасывая, словно трясина или зыбучие пески.

И в этот миг Лиго вдруг почувствовал на себе взгляды всех окружающих, которые удивленно рассматривали его. А лицо Лиго пылало, будто в отсветах красного пламени. И пламя это рдело прямо у него на плече - но не пекло и не обжигало, а наоборот, словно обволакивало приятной прохладой и негой. То мерцала своим таинственным глубинным светом заколка - дар волхва - будто отзываясь на слова старинного предания, звучавшего в шатре.

Владыка Куреяс закончил - и обвел всех присутствующих своим глубоким проникновенным взглядом. А заколка на плече Лиго мерцала мерно и таинственно, словно дивный и чудесный самоцвет. Куреяс улыбнулся и тепло посмотрел на молодого земника. А Бортень и Брыль сидели рядом, широко разинув рты и глядя на Лиго, ничего еще толком не понимая.

- Так вот почему я приглашен на тайный совет! - воскликнул Лиго. - Всему виной - этот дар волхва?

- Не виной - а всему причиной, мальчик мой, - мягко, но с

укором поправил его Куреяс. - Ты, Лиго, можно сказать, главный на этом совете! Тебе он посвящен.

- Мне? - только и смог спросить Лиго. - Да что же такого я успел-то натворить?

Но в этот момент вдруг раздался резкий стук - это ударил об стол тяжелым кубком Кориат Довмонтович.

- О боги вышние! - сердито воскликнул он. - Вы что, позвали меня сюда, чтобы обсуждать поступки какого-то маленького земника? Или выслушивать древние стишки и разгадывать загадки? Да у меня дел по горло - и своих головоломок тоже хватает! И уж они-то посерьезней будут всех ваших недомолвок. Вы что, не понимаете, что вокруг происходит? Враг на пороге - а вы здесь вздумали разгадывать старинные преданья!

И наместник с вызовом посмотрел на Куреяса, поднимаясь из-за стола.

- Сядьте, сударь! - вдруг резко и хлестко, словно удар бичом, рявкнул Куреяс.

Наместник снова упал на подушки - но тут же снова попытался вскочить, весь красный от гнева. Бут скрестил свой взгляд со взглядом старого волхва, будто сабли - и казалось, что даже воздух вокруг зазвенел от напряжения.

Но Куреяс, казалось, без особых усилий отразил этот наскок и медленно, но уверенно усадил вспыльчивого наместника снова за стол, словно пригвоздив его к месту. На лбу наместника вздулись жилы и мелкими бисеринками выступили капли пота - наконец он выдохнул и бессильно отвел взгляд.

- От того, как разгадаем мы старинные преданья - судьба зависит не только Земиголья, но и всего Великого Княжества, сударь! - резко сказал Куреяс, сурово глядя на наместника. - А может быть, и судьба вообще всего светлого мира. Поэтому все ваши дела, господин наместник, не просто переплетены с нашими делами волхвов - а я бы сказал, что они очень тонко и искусно вплетены в них. И со множеством других дел уже иных рук, не только наших, они и образуют тот самый узор судьбы, который мы сплетаем все вместе! Поэтому слушайте, господин наместник, всё, что здесь происходит - и вы к концу вечера сами всё поймёте!

И Куреяс сурово посмотрел еще раз на Бута, который сидел, закусив губу и сердито дергая себя за ус.

Но в этот миг голос подал уже воевода Бортень, громко загудев, как огромная пивная бочка.

- Помилуйте, владыка Куреяс! Но сии загадки уж не под силу нашему уму! - пробасил воевода, глядя на волхва. - Здесь уже столько всего было наговорено, что впору те самые отгадки нам давать.

- Да, объясните нам, причем здесь Лиго, мой племянник, - поддержал своего соседа Брыль. - Неужели он, тихий и скромный юноша, уже успел куда-то ввязаться? В какую историю он попал, если всё время был под присмотром да под приглядом?

И тут раздался тихий смех.

- Воистину, владыка, годы руководства вайделотской школой уж точно не пошли вам впрок! - сказал веселый голос, принадлежащий самому Маркисуату. - Вы столько, старина Куреяс, здесь уже наговорили, что воистину никто ничего не сможет разобрать. Давайте-ка уж лучше по порядку, дружище! Растолкуйте всем участникам совета, что означает это древнее преданье и что мы думаем о нем. Не все же здесь волхвы, в конце концов!

И Мамай улыбнулся, почему-то подмигнув Лиго.

Куреяс снова погладил свою бороду и оглядел участников совета.

- Простите вы меня, друзья, немного сбился я, - начал Куреяс, вновь переходя на свой старинный слог волхва. - Преданье это нам досталось с тех самых пор, как Вышень Святовит еще ходил по свету, а мудрые записывали все его слова. В преданье этом - прорицанье Бога про будущую битву сил добра со мраком. Но туман незнанья скрывал от нас значенье этих слов. Увы, но лишь до самого недавнего мгновенья, когда Аркона пала...

Тут волхв замолчал на мгновенье, и продолжил вновь:

- Аркона пала, цитадель богов, нарушив ход времен. Но вместе с ней исчезла вдруг и пелена незнанья, что скрывала настоящий смысл издревних слов. Так слушайте разгадку вы, друзья!

И Куреяс возвысил голос:

- Пришедший с севера от севера погибнет, когда на севере наступит мгла... Друзья мои, о горе нам! Пришедший с севера есть готов Черный Властелин, хозяин Тьмутаракани мрачной на дальнем юге, за степями Дикополья. Он с Гримуаром, владыкой Ордена лихого, давно плетет злодейства сети в нашем мире. Увы, сбылось старинное преданье - уж наступила тьма у нас на севере, и поглотило пламя светлую Аркону... Огонь сожжет языческие храмы - нет уж больше храма Святовита и богов тресветлых на острове святом. Пожрали мрак и пламя их!

Волхв вздохнул и продолжил:

- Но тут, друзья, раскрою я вам тайну древнюю - словно зеницу ока берегли ее волхвы. В храме Вышня его изображенье хранило не только облик Бога светлого, но и его оружие - огнистую стрелу Сварога, которой поражал он нечисть со своей небесной колесницы. Откована она была небесным ковалем для

Святовита из древнего металла перунита, что водится лишь на окраинах ирия...

- Из перунита? - привстал от удивления Бортень и изумленно оглядел всех присутствующих.

- Да, брат мой, воевода, - отозвался Бовас Бардойтс. - Из перунита, который еще кличут громовым железом. Металла ценного настолько, что за малейшую его крупинку можно купить пол-царства. Ибо сталь небесная сия имеет дар крушить любой заговоренный тьмой металл - будь то меч или броня. Стрелой из перунита поражал Вышень Святовит земную нечисть, что расплодилась после появления Врага. И сам Отец Зла был в итоге сокрушен клинком из этой стали. Повержен - и закован в кандалы из перунита. Ибо Зло могли сдержать лишь стали громовой оковы. А потому и перекован в кандалы и цепи для извечного Врага клинок волшебный Святовита. Когда же стали не хватило из меча, пошли в оковы стрелы Вышня, которые смогли найти - кроме одной. Той самой, что затем хранилась в храме Святовита на Руяне, в святой Арконе, павшей в пламени пожарищ.

- Но как? - вдруг вскрикнул Лиго. - Ужель не сохранился тот дивный меч Святовита, о котором нам рассказывали в храме?

Куреяс посмотрел на него и ответил:

- Увы, мой мальчик, волхвы хранят обилье тайн - но тайны эти не все принадлежат лишь нам одним. Мы - лишь хранители. На то и тайна есть, чтобы быть скрытой ото всех. А потому и в школе вайделотов мы говорили только то, что велено было вам знать...

- Но подождите... - вдруг подал голос наместник. - Неужели для оков Врага не хватило всего перунита в нашем мире? Так каковы же его размеры?

И вдруг он осекся и прошептал:

- О господи...

И сник с расширенными от ужаса глазами.

В шатре повисла гнетущая тишина - лишь потрескивали смолистые факелы по бокам.

- О да, друзья, - наконец тихо сказал Куреяс. - Теперь вы поняли, с каким врагом сражался бог наш Святовит. То было время великанов - не нам, увы, чета. Мы - всего лишь мелкие песчинки в игре богов. Но волею судьбы вмешались в дело исполинов. Хотя порой одна такая незаметная песчинка способна запросто влиять на ход событий...

- Но Враг закован до скончания времен, не так ли? - воскликнул Альгис. - Так откуда же тогда берется зло?

- О, друг мой, - ответил Куреяс. - Извечный Враг сидит в оковах в глубинах ада - и будет там сидеть, пока не сгинет весь

этот мир под солнцем. Но отражения его из преисподней добираются до нас - и сотрясаются тогда устои мира. Ведь Вышень Святовит ушел в ирий - нам не понять божественных поступков. Он дал нам знания и силы - чего же больше требовать пристало? Теперь, увы, мы сами должны справляться с нечистью и злом. И все волхвы лишь этим занимались во все века - и занимаются поныне.

- Но зло - откуда же оно берется? - подхватил Лиго.

- Откуда?- вдруг повысил голос Куреяс. - Я ведь говорю - из ада! Оно - лишь слабое дыхание извечного Врага. Лишь шевельнется он слегка в оковах божьих - как тут же сотрясается земля! Представь теперь, что было б с миром, вырвись он на волю! Темнейшее из зол, мрачнее всех кошмаров мирав сравненьи с ним покажется светлейшим проявлением добра. Никто не знает, что есть Враг на самом деле - и что такое вечный Мрак. И хвала богам всевышним, что избавили наш мир от знанья этого. А то, что мы лишь кличем злом - всего лишь отзвуки дыхания Врага, что к нам доносятся из преисподней. Сгущаясь, бродят мрачными тенями они по миру нашему, ища себе пристанища - и воплощаясь в образе хозяина на протяжении веков. Хвала богам, что все они - всего лишь отражения извечного владыки мрака. Но эти воплощения сменяют друг друга то здесь, то там, внезапно появляясь в новом месте и точно также вдруг развоплощаясь - чтобы вновь сгуститься в других местах и мир терзать подлунный.

- Так что, победить их совершенно невозможно? - спросил Альгис. - И откровенно бессмысленна и бесконечна эта борьба?

- О нет! - воскликнул старый вайделот. - Ты прав в одном - борьба эта бесконечна, но вовсе не бессмысленна. Ибо мы не даем злу сгуститься достаточно плотно, чтобы оно не пожрало весь наш мир. И мы используем все знанья древности, все чары и волшбу, что заповедали нам наши боги. Но когда и их бывает мало, используем мы божие оружье - перунит.

- Но как? - воскликнул Альгис. - Ведь его не сохранилось кроме той стрелы, что в храме Святовита? Но ведь Аркона - теперь в руках врага! Надежды нет? Борьба теряет всякий смысл?

И тут подал снова подал голос старый Бовас:

- Насколько слышал в пору юности своей от убеленных сединою старцев, которым я не чета совсем, что все остатки перунита, что в нашем мире есть, и даже те со временем исчезнут...Так правда ль это, о владыка Куреяс?

- Увы, друзья, сие есть правда, - тихо ответил волхв. - Но не всё так просто. В металл оружия, что зло разило, мы лишь заковывали малую частицу перунита - чтоб только можно было

развоплотить сгущающийся мрак. Так были нами в древности повержены все Властелины Тьмы, которые являлись в злых обличьях в разные века в подлунном мире. Но вот лишь враг был побежден и погибал - оружие святое также испарялось вместе с развоплощающимся злом - и таяли тогда частицы перунита, что были в нем. И спустя столетья от божественной стрелы Сварога, откованной еще самим небесным ковалем, осталась за века лишь небольшая часть. Ее и берегли мы, как зеницу ока...

- Тогда о чем мы здесь так долго говорим? - вскочил Кориат Довмонтович. - В борьбе со злом волхвы использовали громовую сталь - точнее те остатки, что не пошли на кандалы Врагу и были в нашем мире. И вот теперь их нет! Даже то, что оставалось - в руках врага, захватившего Аркону! А сколько много пышных слов - сказать, что мы побеждены! Так стоило ли затевать совет?

И горестно сел, поникнув головой.

В шатре повисла тяжелая тишина, лишь изредка нарушаемая треском чадящих факелов.

- Но погодите, сударь, - вдруг встрепенулся Альгис Шварн. - Вы сказали, что не всё так просто - и есть еще надежда! Так какова она? Скажите!

Приглашенные на совет вдруг медленно, словно с трудом осознавая смысл сказанного княжеским гонцом, стали поднимать головы и выходить из мрачного оцепененья.

- Надежда есть, - кивнул владыка Куреяс и улыбнулся в бороду, оглядев присутствующих.

- Ну не тяните же, владыка! - вскрикнул Бортень. - Скажите всё, как есть!

И тут Куреяс обернулся к Лиго и, сделав паузу, стал пристально смотреть на него.

Земник поначалу удивленно глянул в ответ - но, поскольку волхв ничего не говорил, а во взгляде его сквозила таинственная улыбка, слегка пожал плечами и опустил глаза. Но вайделот всё смотрел и смотрел на него, не отводя глаз и слегка улыбаясь уголками рта - и молчал по-прежнему, будто ожидая ответа от самого земника.

Молчание затягивалось. Взгляды всех приглашенных обернулись в сторону Лиго с немым вопросом - и он стал чувствовать себя совсем неловко. И когда тишина стала накаляться, земник поначалу заерзал на подушках, а затем тихо-тихо спросил:

- Уж не заколка ли, подарок Велемира, и есть надежда?

И, выдохнув остаток фразы, вжался весь в свои подушки, испуганно побледнев.

- О да, мой мальчик, ты ведь знал, что это правда! - громко

воскликнул Куреяс.

И торжествующе оглядел всех приглашенных.

- Что-о-о? - изумленно переспросил наместник и даже привстал, слегка наклоняясь через стол, чтобы внимательно разглядеть земника.

- Но как? - удивился Альгис Шварн, а Брыль и Бортень даже слегка отодвинулись от Лиго и стали его ошарашено рассматривать.

Даже старый и мудрый Бовас Бардойтс, и тот удивленно покачал головой и слегка пожевал губами.

- А нет ли здесь ошибки? - еле слышно спросил Лиго, сжавшись в комок.

- А ты как думаешь, мой мальчик? - мгновенно парировал Куреяс и тут же спросил сам: - Загляни внутрь себя, Лиго - и ты поймешь, что это правда. И ты догадывался про нее давно...

Лиго опустил глаза. Он знал, что так оно и есть. И что каким-то чудом судьба вдруг взвалила на него неподъемную ношу - ношу, которая была впору древним и могучим исполинам, а вовсе не маленькому земнику из забытых богами дремучих лесов.

- Вот так-так, - хмыкнул Кориат Довмонтович и стал задумчиво жевать свой желтый ус.

А воевода Бортень огромной пятерней начал ожесточенно чесать свою взлохмаченную густую шевелюру, силясь понять всё сказанное.

- А нет ли здесь ошибки? - осторожно спросил Бовас Бардойтс. - Уж не торопишься ли ты, владыка Куреяс?

Но волхв в ответ лишь покачал головой, по-прежнему улыбаясь в свою серебристую бороду.

- Но дальше-то что? - пробасил Бортень. - И причем здесь Лиго? Вот чего я не уразумел никак.

- Да-да, владыка, растолкуй нам что к чему, - подержал его Брыль Бирзулис.

- Лиго? - обернулся к нему старый вайделот. - А Лиго здесь вот причем. Заколка эта перекована из перунита, что оставался нам от громовой стрелы в Арконе. И чтобы сохранить от злых очей ценнейший дар небес, у изваянья Святовита волхвы переменили оберег. Идол Вышня среброусый стал держать в руке лишь копию стрелы, подделку. А истинный металл волхвы перековали в безделицу с виду - заколку для плаща - и стали охранять в своем кругу, передавая по наследству. И знали тайну эту лишь только посвященные особо. Так сберегали в ожиданье три столетья волхвы божественный подарок Святовита. И только лишь в годину лихолетья подарок сей бесценный исполнить должен был свой долг - его должно перековать в оружье

смертоносное от Властелина Тьмы, и поразить исчадье ада. Вот в чем суть заколки - ей суждено оружьем стать в итоге!

Здесь Куреяс слегка перевел дух и продолжил:

- Но Враг прознал про тайну древнюю - Аркона пала. Сгорел дотла весь идол Святовита в храме. А обереги ругов Врагу достались - все, кроме одной стрелы, что перекована была в заколку. Из пылающей Арконы бежали два волхва, хранителя стрелы Рарога - им удалось спастись от участи печальной. И в утлом челне в бурю грозовую они пересекли просторы моря и скрылись от Врага. Вот так заколка дивная, подарок Святовита, была сохранена. Внимайте снова древний стих преданья - в нем скрыт тот тайный смысл, который явным попытался сделать я: Волхвы укроют Дар небесный, И тайно унесут его...

И здесь вайделот слегка возвысил голос:

- Их имена восславятся вовеки - один был Велеслав, второй был Велемир...

И прикрыл глаза, вздохнув.

Приглашенные на совет сидели, изумленно слушая старого волхва, лишь изредка переглядываясь. И когда он замолчал, Брыль спросил:

- Прошу простить меня, владыка, но при чем здесь Лиго? Я вот чего всё не могу уразуметь...

- Лиго? - вскинулся старый вайделот и вдруг расхохотался: - О боги! Битый час я объясняю, что заколка эта, бесценный дар небес, досталась Лиго, твоему племяннику, Бирзулис! Судьбе угодно было так распорядиться. Но почему - неведомо то нам! А как досталась та стрела из перунита Лиго - пусть сам расскажет он присутствующим здесь.

И, обращаясь к молодому земнику, Куреяс вдруг грозно сдвинул брови:

- Вставай, мой мальчик, и поведай нам о встрече с Велемиром. Но только не забудь упомянуть письмо, что видел ты и что истаяло затем в руках. И стих сей древний, что был к нему приписан - и что уже звучал под сводами шатра сегодня. Рассказывай - мы слушаем тебя!

И то ли повинуясь взгляду волхва, то ли еще какому-то неведомому наваждению, Лиго вдруг поднялся, позабыв свою недавнюю нерешительность, и начал свой рассказ про встречу с Велемиром и таинственную заколку.

***

В очаге тихо потрескивали уголья да шипели чадящие факелы вдоль стен. Земник умолк. В шатре повисла тишина.

- Вот так дела... - первым нарушил молчание воевода Бортень. - Выходит, что Велемир отдал заколку Святовита Лиго. Но зачем? В чем суть решения волхва?

И воевода пожал плечами.

И тут раздался голос того дивного чародея, что доселе тихо

сидел и наблюдал за всем происходящим, не вмешиваясь до поры в события совета. То был Мамай, который словно вынырнул из тени и вдруг привлек к себе всеобщее внимание.

- Брат Велемир спешил ко мне на встречу, - сказал Маркисуат. - Заколка эта по преданью должна быть перекована в стрелу обратно - и поразить Врага на юге. Тогда исполнится пророчество богов. За ней и прибыл я сюда. Но не успел на встречу - предательство везде свои расставило капканы. И Велемир погиб. Но, зная это, он сумел спасти стрелу - скрываясь от погони, он окинул оком чародейским вокруг себя лесную пущу. И юный земник из школы вайделотов, что шел домой к себе в поместье, был выбран Велемиром не случайно. Был избран он судьбой на самом деле, как позже понял это Велемир. Вот так сплелись лесные тропы - и привели двух земников к волхву.

И Мамай умолк.

- Так это было чародейство Велемира? - вскричал Лиго. - То есть, вся эта встреча в лесу была вовсе не случайна? Меня к нему вела волшба?

- И да, и нет, мой мальчик, - ответил Куреяс. - Наверное, сперва и Велемир так думал, что чарами своими к себе он притянул того, кто хоть на время окажется достоин громовой стрелы. И ты как младший вайделот, забредший в дебри леса, был для волхва не худший выбор. Он знал, что Куреяс тебя затем разыщет - и передаст стрелу Мамаю. Тому, кто должен ею обладать.

- Но...Но вы затем сказали, что Велемир погиб... - дрожащим голосом сказал Лиго.

- Увы, погиб, - тихо кивнул Куреяс. - Лишь только убедился, что ты достоин, он передал тебе стрелу, и удалился, уводя погоню. А вас же охраняли его чары - чтобы Вражьи слуги не прознали до поры, где спрятана стрела.

- Но вы-то, сударь, как узнали всё это? - прошептал Лиго.

Куреяс горько усмехнулся и ответил:

- Ты забываешь, мальчик мой, что все волхвы мудры. Ведь ты закончил только первый круг ученья. Ты слышал про следы волшбы, что остаются, витая в воздухе вокруг? Мудрец сумеет их прочесть! И более того, волхвы общаются ведь меж собою посредством мысли. А потому и намеренья Велемира доступны стали мне. Усильем воли в свой предсмертный час меня позвал он - и затем погиб, сражаясь с нечистью превосходящей. Тебя спасал он, Лиго! Тебя, чтоб не досталась та стрела Врагу...

- А как погиб он? - спросил Лиго.

И в уголках его глаз заблестели предательские капли.

- Умертвия и волколаки... - глухо ответил Куреяс. - Они

прорвались сквозь кордоны и шли по следу мудрого волхва. А потому он и скрывал свои следы - и уводил погоню дальше в пущу. Он мог, конечно, скрыться в Вольном граде, придя ко мне. Или придти под длань Великого Ольгерда в Ковно. Но Велемир ведь знал, что это тут же приведет к войне Державу - и Орден Меченосцев мрачной мощью обрушится на земли наши. А потому не стал всех подвергать той участи, которую Аркона разделила - и бремя тяжкое взвалил лишь на себя.

- А Велеслав? - вдруг спросил наместник. - Вы, владыка, сказали раньше, что из Арконы спаслись два хранителя стрелы.

- Брат Велеслав погиб от нечисти намного раньше, - снова сказал Мамай. - Собою прикрывал он отступленье Велемира, чтоб смог он скрыться в пущах близ Немана, и передать стрелу по назначенью.

- И оба утонули, - добавил Куреяс. - Первый - на берегу в пучине моря, и за собою потянул врагов на дно, пока второй в лесу скрывался. Второй же в свой предсмертный миг сорвался со скалы - и тоже унес с собой на дно речное нечисть лютую. Всё было так, как и в предании - волхвы ушли на дно в годину смерти...

- И Враг был в полном неведении про судьбу стрелы, пока я не попался на глаза его мрачным слугам в Земьгороде, - прошептал в ужасе Лиго. - Ведь не только я, а судьба всего светлого мира была на волосок от гибели из-за моего глупейшего поступка! Из-за него ведь самый ценный оберег мог достаться Врагу! О тресветлые боги, как же я был глуп и самонадеян!

И Лиго закрыл лицо руками, сгорая от стыда.

- Ну-ну, мой мальчик, ведь всё уже обошлось, не так ли? - прогудел вдруг воевода Бортень. - Ты передашь сейчас сию заколку чародеям - и все дела! Успокойся!

И воевода повернулся к Брылю:

- Я ведь говорил тебе, соседушка, что витязь надобен нашей земле. Вот он и сыскался! Только кто ж ожидал, что это будет твой племянник?

И, подмигнув, добавил:

- Конечно, не совсем в отца, славного воеводу Лютня, но всё же, думается мне, и про Лиго сложат пару-тройку песен - как прятал он от волколаков оберег Святовита, чтобы затем вернуть волхвам!

И воевода радостно пихнул локтем Брыля Бирзулиса, хлопнул по спине Лиго и торжествующе оглядел всех присутствующих, всем своим видом показывая, что совет, пожалуй, можно и заканчивать.

Но чародей Мамай вместо этого достал свою трубку с

длинным чубуком и стал молча ее набивать, погруженный в свои мысли. А затем, раскурив ее и пыхнув несколько раз, с интересом посмотрел сквозь сизые клубы дыма на молодого земника.

- Сдается мне, что история эта отнюдь не заканчивается - а только-только начинается, - сказал умудренный жизненным опытом Кориат Довмонтович и снова покрутил свой ус.

Воевода недоуменно покрутил вокруг головой.

- Что, что такое? - спросил он.

В ответ на это Маркисуат выпустил огромное кольцо дыма, которое поплыло в сторону Бортня и зависло у него над головой, слегка покачиваясь.

- Вы забыли, мой друг, про еще одни строки древнего предания, - сказал Мамай и глаза его загадочно замерцали в полутьме.

- Какие еще строки? - покрутил носом Брыль Бирзулис, усиленно стараясь не чихнуть.

- Строки, которые лично для меня были загадкой - до поры до времени, - сказал Мамай и снова затянулся. - А разгадка ко мне пришла лишь совсем недавно - после того, как я в последний миг успел вырвать из лап умертвий вашего племянника, сударь!

- И что это значит? - пожал плечами Брыль и посмотрел на Бортня.

Воевода также удивленно воззрился на чародея, силясь понять, куда тот клонит.

- Береза с рунами волшбы, - сказал Мамай. - Вы забыли, что в предании говорится про березу с рунами волшбы. Как ваше родовое прозвище, сударь? Бирзулис? А это означает на местном наречии березу, не так ли?

И Маркисуат откинулся на подушки, с интересом разглядывая земников.

Бортень и Брыль недоуменно переглянулись.

- Вы думаете, в предании речь идет о Лиго? - изумился воевода. - Не может быть!

- А руны? При чем здесь руны волшбы? - недоуменно пожал плечами Брыль. - Конечно, Лиго учился в вайделотской школе и знает много всяких рун. Но домыслы ваши, сударь, мне кажутся излишне натянутыми.

- Чушь и чепуха! - поддержал его Бортень.

- Чепуха? - наклонился к ним Мамай и вдруг расхохотался.

А затем, подмигнув воеводе и Брылю, обратился к Лиго:

- А ну-ка, юноша, покажите, что у вас на руке!

И когда Лиго медленно поднял свою руку, Мамай взял ее и указал чубуком на блестевшее кольцо вайделотской школы на пальце молодого земника.

- А это что, судари вы мои разлюбезные, как не руны волшбы?

И снова расхохотался.

Брыль и Бортень окаменели при этих словах - и ошарашено смотрели то на Лиго, то на двух чародеев.

Лиго сидел ни жив ни мертв. Он знал, что чародей прав - как прав был тогда на поляне и старый волхв Велемир. Земник понимал, что это всё - чистая правда. Что это всё - страшная участь, нависшая над светлым миром, волшебная стрела из перунита, перекованная в обычную заколку для плаща, и древнее предание, в которое он попал каким-то невероятным образом - всё это суровая и самая настоящая правда. Понимал - и не верил в происходящее, словно это был какой-то затянувшийся сон, из цепких объятий которого не было сил вырваться.

Лиго вдруг стали отчетливо ясны и понятны почти все строки древнего предания. Что птица чудная - это и есть он, земник. Потому что все окружающие народы считали барздуков не просто чудным народцем - земников чудью и называли. А многие люди за их удивительную черту - дивные трехпалые ноги, напоминавшие гусиные лапы - и подавно считали барздуков лишь сказочными небылицами и попросту принимали за птиц лесных.

Лиго понял, что из древних сказок всадник с юга - это и есть Мамай, тот самый сказочный чародей Маркисуат, воспетый Дивным Народом и которого сами земники изображали на своих скрынях и дверях, считая не только своим покровителем и заступником, но и защитником всего Великолесья. И этот всадник с юга действительно пришел не только за громовой стрелой - но и за ним, маленьким земником Лиго Бирзулисом, еще ничего героического не совершившим, но каким-то неведомым и таинственным образом оказавшимся втянутым в роковые и грозные события.

- Увы, ошибки быть не может, - вдруг промолвил Бовас Бардойтс, дотоле тихо сидевший в своем углу. - Старинное предание не лжет. Сие есть правда вещая - являлась она ко мне во снах.

- Но почему Лиго? - изумился Брыль. - Я бы понял, если бы его отец и брат мой, воевода Лютень, был избранным. Но Лиго...Да что такого он совершил? Ведь нет же еще у него никаких заслуг по младости своей.

- Неведомы судьбы нам повороты, - ответил Куреяс. - С Маркисуатом мы долго головы ломали и бились над разгадкой этой тайны. И хлопотали день и ночь над бездыханным телом сына Лютня. Тогда-то и сложились в голове у нас частицы этого преданья. Но лучше пусть об этом нам всем поведает мой друг Мамай.

И волхв повернулся к чародею с юга.

Мамай сидел весь в клубах дыма, окутавших его плотным сизым туманом. И оттого вид его был еще более таинственным и загадочным.

- Вы знаете, друзья, откуда взялись готы на дальнем юге Дикополья, - начал свой рассказ Мамай. - Столетия назад пришли они с подножий далеких и суровых Инеистых гор, что лежат под вечным снегом за Свияжским морем. Мы не знаем, от какого лиха они бежали всем своим народом с тех земель. Возможно, было это древнее проклятье. А может, чары злые на них из древних великанов кто-то наложил навеки. Но ужас готов был велик настолько, что покинули они родные земли и устремились далеко на юг, в чужые страны - и там разлились широко рекою полноводной, селясь своими племенами среди местного народа, с которым заключили вечный мир. В ту пору девы снова пели песни, ходил за плугом землепашец вольно, и воздух был пропитан спокойствием и счастьем. И лишь одна угроза над всеми нависала - тень дракона, что крепко спал в укромном месте у подножья гор, что протянулись далеко за Лукоморьем. Драконьими те горы назывались - хозяина же Фафниром прозвали за то, что кольцами свивался он чудесно, когда он ползал по земле. А Дивы древние его прозвали Балауром - и долго воевали с клятым змеем. Но каждый раз, как только витязь Дивов убивал очередного змея, чудесным образом тот возрождался снова - и нёс погибель всем окрестным племенам.

Мамай замолчал на некоторое время и, затянувшись, выпустил кольцо густого дыма, которое закачалось и вдруг приняло облик древнего дракона, который ощерил свою пасть. Дракон начал увеличиваться в размерах, а затем поднялся в воздух и пару раз облетел вокруг головы чародея. Но дым понемногу стал рассеиваться и наваждение прошло.

- Но вы сказали, сударь, что готы, расселившись в Диком поле, нашли там наконец покой и мир? - робко спросил Лиго. - Их что, дракон не беспокоил?

- И да, и нет, мой мальчик, улыбнулся Маркисуат. - Когда на юге поселились готы, последний из драконов был стар и дряхл. Стали забывать окрестные народы, что змей есть вообще - он крепко спал в своих горах, лишь изредка ворочаясь в своей пещере и оглашая скалы сонным рёвом. Но на охоту больше змей не выходил - а потому веками он никого не беспокоил, и постепенно стал стираться из памяти людской. К тому же Дивы, народ перворожденный, всё реже стали появляться в обжитых местах среди людей. В те годы Лукоморье процветало - на берегах его возникла великая держава Русколань, что северной своей

границей упиралась не только в эти земли у Немана, но и тянулась намного дальше, достигая суровых скал Студёного моря, что вечно скрыто подо льдом и снегом.

- Как? Та самая Русколань, что пала под ударами зла? - снова спросил Лиго. - Но при чем здесь готы, сударь?

- Не нужно торопить рассказ, мой мальчик, - сверкнул глазами Мамай. - Моё повествование уж близится к концу - вы все узнаете развязку. Погибель Русколани была близка, лишь только готы объявились в ее пределах и расселились свободно на той земле. Среди них был витязь Сигурд, воспитанник чудесного умельца Гримуара. Вдвоем они пришли еще из северных земель. Тот Сигурд молодой стоял на страже готского народа и охранял его от напастей различных. А Гримуар был мудрый карлик - и часто стал пропадать в горах Драконьих, лишь только к Лукоморью переселились готы. И этот хитрый карлик разведал логово дракона и захотел сгубить его. Напрасно Дивы убеждали не делать этого - и не тревожить зло, что тихо почивало под горами. Увы, никто из готов не внял предупреждениям мудрейших Дивов. И Сигурд вызвался то совершить убийство змея - и славой осенить себя навеки.

Здесь чародей замолк на мгновенье, прикрыв глаза.

- А Гримуар тем временем готовил всем ловушку - дракону древнему, и готам славным, и даже Сигурду, которого он сам же обучал. Хотел тот карлик завладеть богатством змея и стать его хозяином навеки. Но сам по слабости своей без помощи чужой сего свершить не мог. А потому и был придуман Гримуаром коварный способ умерщвления дракона руками Сигурда - чтоб после битвы обманом хитрым завладеть сокровищем издревним и тем возвыситься над всеми. Но, увы, судьба в тот раз распорядилась по-иному.

- К чему вы клоните, любезный? - вдруг пробасил воевода Бортень. - История эта стара как мир - зачем же её нам пересказывать? Что в ней такого, что неизвестно присутствующим на совете?

И воевода победоносно оглянулся вокруг.

- Так может, вы продолжите, мой друг? - спросил Мамай и хитро улыбнулся.

- А что там продолжать? - прогудел Бортень. - Любой из моих дружинников слыхал эту историю десятки раз на разные лады - и сможет пересказать её не хуже вашего, сударь. Была выкопана глубокая яма на тропе близ пещеры змея - и когда тот Фафнир вылез из своего логова и пополз на водопой, Сигурд вонзил ему снизу в мягкое чрево меч. И тем убил старого дракона - а после завладел его сокровищем. За что ему почет и слава!

И Бортень самодовольно усмехнулся в свою густую взлохмаченную бородищу.

- Но здесь, милейший, есть одна большая неувязка, - горько улыбнулся чародей. - Не всё бывает очень просто, как только вы поведали про змея. Скажите, сударь, если Сигурд убил того последнего дракона - откуда ж снова змей тот объявился? Ведь Черный Властелин на юге и есть дракон!

Но воевода только пожал плечами:

- А кто его знает? Вы ж сами сказали, что это тайна - и что змеи возрождаются со временем. Сие неведомо мне, уж извольте.

- Ну что ж, тогда поведаю вам то, что знают все волхвы, - вздохнул Мамай и, задумчиво пригладив свои длинные и черные, как смоль, усы, продолжил:

- Столетиями бились мудрецы и чародеи над разгадкой темной тайны - что возрождает к жизни вновь убитого дракона? Возможно, чары древние, что неподвластны всем волхвам суземным. Или волшебные предметы той старины глубокой, когда сама волшба была разлита в этом мире щедро. А может, сущность змея такова, что погубить его навеки невозможно. Мы до сих пор не ведаем отгадки этой тайны - но знаем точно, что тот, кто обладает кладом змея, со временем становится драконом сам! Поэтому и витязи великого народа Дивов, что воевали с Фафниром веками, после его погибели в него же превращались! Таково заклятие, увы... И чем достойнее был витязь, что змея погубил - тем в более кровавого дракона он превращался - и ненасытно мучил и терзал окрестные народы.

- То есть, вы хотите нам сказать, что Сигурд... превратился в дракона? - с ужасом спросил наместник. - Не может быть!

А глаза Альгиса Шварна и земников расширились от ужаса.

Но Маркисуат лишь горестно кивнул чубатой головой:

- Увы, мой друг, так оно и есть...

- О горестное время! - простонал старый Бовас Бардойтс, прикрыв глаза.

В шатре повисла зловещая тишина.

- Но... Но как же так? - робко нарушил её Лиго. - Откуда это известно? Ведь про Сигурда и его подвиги сложено столько песен - и ни в одной из них не говорится, что он сам стал змеем!

- Увы, увы, мой мальчик, - сказал владыка Куреяс. - Все песни про витязя того как раз и обрываются погибелью дракона. И воздают хвалу лишь подвигам давно минувших дней. Что сказано нам в них? Как Сигурд завладел издревним кладом? И что ходил походом в далекие края, забрав с собою часть народа, что стали прозываться вестготами с тех пор? И как бежал от Сигурда коварный Гримуар, замысливший после убийства змея сгубить и

витязя, но был раскрыт случайно. Увы, не все слова допеты в древних песнях - есть горькие признанья в них, которые скрывают правду до поры.

- Так что же это за горькая правда, владыка? - спросил наместник. - Вряд ли она будет горше той, чем та, которую вы только что рассказали нам про Сигурда.

- Я думаю, мой друг, Мамай продолжит сей рассказ, - уклончиво ответил Куреяс и сел.

Взоры всех присутствующих обратились к Мамаю.

Маркисуат вновь задумчиво затянулся и выпустил клубы дыма.

- Давно волхвы ломали голову над тем, какая тайна скрыта в возрождениях дракона, - начал Мамай. - И чтобы подтвердить свою догадку, добраться надо нам в глубины той пещеры, где почивал последний змей. Лишь так мы можем что-то изменить в цепи событий. Не зря ведь Гримуар стремился тайной этой овладеть. Но он старался сам превратиться во Владыку Мрака, убив последнего дракона. И лишь воля провиденья спасла нас от прихода вечной тьмы...

- О светлые боги! - вдруг возопил воевода Бортень. - Я уж вовсе запутался во всех ваших недомолвках - голова идет кругом от этих намеков, понятных только волхвам! Да кто таков этот Гримуар? Чем он для нас опасен?

Мамай глянул на толстого земника и удивленно спросил:

- Вы что ж, мой друг, не знаете сей тайны?

- Ни этой, ни какой другой! - мотнул головой воевода. - Совсем запутали меня вы, сударь! Начните лучше по порядку - чтобы мы наконец-то вникли в суть происходящего.

- Да, сударь, вы это, как-то здесь попроще изъясняйтесь, что ли, не так витиевато, - поддержал его Брыль Бирзулис. - Мы земники простые, живем в лесах и никаких вайделотских школ не оканчивали. Возможно, это Лиго и известно - но мы, увы, что-то никак не возьмем в толк, о чем здесь речь. С заколкой, подарком Велемира, пусть земля ему будет пухом, мы уж как-то да разобрались. А при чем здесь Сигурд, дракон и павшая Аркона? Какая связь между этим всем? Вот чего мы никак уразуметь не можем!

- Ну что ж, извольте, - пожал плечами Маркисуат. - Гримуар, наставник Сигурда, был чародей известный - но слишком рано принял сторону он зла. А потому давно искал он способ стать драконом - и тем открыть через себя предвечной тьме дорогу в этот мир. И если б стал он Черным Властелином - навеки б воцарилось царство мрака! Но судьбе угодно было, чтобы замысел его коварный был раскрыт. Дракон погиб в мучениях, но перед

смертью он витязю сказал, что карлик злой против него готовит. И Гримуар был изгнан Сигурдом навеки.

- Позвольте, сударь, - несмело подал свой голос Лиго, - но ведь драконы - известные лжецы! И Фафнир мог коварно оклеветать одного из них, чтобы отомстить за свою смерть. Ведь так? И может, Гримуар и не виновен вовсе?

Мамай с удивлением глянул на него, а затем, обращаясь к Куреясу, сказал:

- Мои тебе похвалы, владыка Куреяс! Ты выучил его совсем неплохо!

А затем, снова повернувшись к земнику, продолжил:

- Увы, мой мальчик, лишь сердце доброе в тебе так говорит. На самом деле Гримуар - исчадье ада, и мраку служит он давно. Бежал на север карлик этот злобный - и здесь он свил себе гнездо! Все знают детище его, но только лишний раз произносить боятся названье темное...

- О боги! Неужели Орден Меченосцев? - выдохнул наместник.

- Увы, сие есть правда, - кивнул Мамай. - И карлик Гримуар - его магистр.

И при последних словах чародея пламя в очаге вдруг вспыхнуло ярко, а затем погасло. В шатре наступил полумрак, и лица сидевших за столом были освещены причудливыми багровыми бликами факелов.

Кликнули слугу. И пока тот разводил огонь в очаге, все присутствующие сидели, погрузившись в тяжелые мысли. И лишь когда слуга удалился, наместник подал голос.

- Скажите, сударь, - обратился он к Марксиуату. - Но какова же связь всего того, что вы нам рассказали? Я много видел на своем веку - и наслышан про разные, порою чересчур пугающие вещи. Но во всем этом уже запутались не только земники, но и я сам. Прошу вас, дайте наконец отгадку - зачем всех нас вы здесь собрали?

- Всё просто - и одновременно сложно, - сказал Мамай. - В горах Драконьих Сигурд в змея превратился - не сразу, а спустя года, когда драконьи чары сердце подточили. За это время славный витязь свершил немало дел чудесных - о них и сложены красивые преданья, что поют под гусли в нашем мире. Но время шло, и древнее заклятье точило душу Сигурда, как капля точит камень. Никто не думал, почему сей витязь легко так подвиги свои все совершает. Никто не думал, почему оружью вражескому он неподвластен. Считали, что кровь драконья его омыла, когда вонзил он змею меч свой - и от крови этой ороговела кожа витязя навеки. Но так ли это? А может, Сигурд уже тогда в дракона постепенно превращался? И был уже тогда в душе драконом? Кто

знает...

Мамай затих и снова потянулся за своей трубкой.

Тогда вместо него заговорил владыка Куреяс:

- А Гримуар, исчадье ада, никак не мог простить себе того, что сам в дракона не оборотился, и что не стал он Черным Властелином. Терзает душу Гримуара жажда мести. И тогда придумал он коварный способ, как сгубить последнего дракона - и самому воссесть на древний черный трон. Увы, такое будущее никому не пожелаешь - с восшествием магистра на престол в горах Драконьих оборвется связь времен. Своими чарами он сбросит оковы божьи с рук Врага в глубинах преисподней - и зло затопит навсегда подлунный мир...

- Так что это за способ? - спросил наместник.

- А способ этот прост, - ответил Куреяс. - Магистру надобна была стрела, что берегли волхвы в Арконе. Чтоб ею поразить соперника на расстоянье - и, завладев сокровищем издревним, воссесть на трон.

- Но почему стрела? - удивился Лиго. - Ведь перунит - оружие богов! Как могут слуги зла её использовать себе во благо?

- Во благо? - горько рассмеялся чародей. - Ну уж нет! Ты забываешь, мальчик мой, что Гримуар - сам чародей. Он из волхвов, что отказались от добра и возжелали власти вечной над людьми. А потому в его руках оружье Вышня сослужит службу лютую...

- Но в чем задумка, сударь? - не унимался Кориат Довмонтович.

- А хитрость вот в чем состояла, - сказал Мамай, попыхивая трубкой. - Когда в засаде на дракона Сигурд находился, к его спине пристал один листок древесный. И кровь дракона затем омыла витязю всё тело, превратив его в броню. Всё тело, кроме места одного - там, где и прилип листок. Лишь в это место можно Сигурда убить - и Гримуар прознал об этом. И жаждет теперь крови!

- Но, простите, - снова подал голос Лиго, - разве нет иного способа умертвить дракона? Ведь перунит - оружие богов! Неужели ему страшна какая-то броня, пусть и драконья?

- Воистину ты хорошо готовишь вайделотов, - снова обратился к Куреясу Мамай. - Приятно мне поддерживать беседу с одним из них.

Лиго смутился и густо покраснел от похвалы чародея.

- Увы, хоть перунит зовется сталью громовой, и происходит из небесного ирия, броня дракона ему вовсе неподвластна, - сказал Куреяс. - Ибо боги и драконы веками издавна сражались между собой. А потому и чешуя зловонных гадов крепка

настолько, что приспособлена к оружию из перунита - её он взять не в силах. Лишь только в место тайное, что не ороговело, и можно поразить последнего дракона стрелой из перунита. Поэтому нужна она магистру Ордена лихого - и потому разрушил он Аркону, в надежде, что овладеет ей. Лишь доблесть двух волхвов спасла нас всех от этого исхода - и потому должны мы любой ценой сберечь от злого Гримуара дар богов.

- Так спрячьте стрелу снова! - воскликнул Бортень. - Причем так, чтобы ни руки Гримуара, ни кого-то другого из приспешников зла до неё не смогли добраться!

- Ого! - рассмеялся наместник. - Старина Бортень уже даёт советы волхвам!

Но воевода только отмахнулся от насмешки наместника.

- А где, позволь узнать, о славный Бортень, мы можем спрятать дар богов? - горько усмехнулся Куреяс. - Аркона пала, как ты знаешь. И даже здесь, в глухих лесах, стрела чуть не попала в лапы зла - спасла её на этот раз лишь чистая случайность и везенье. Иначе б не беседовали мы под сводом этого шатра сегодня.

- Так увезите её на юг, как того требует предание! - воскликнул Лиго. - Сказано же в нем, что черный витязь, змей ужасный, повержен будет той стрелой! Ведь эти слова - про Сигурда, превратившегося в последнего дракона и ставшего Черным Властелином?

Мамай с интересом посмотрел на молодого земника, в задумчивости покусывая чубук трубки.

- О да, мой мальчик, - снова подал голос Куреяс. - Витязь Сигурд стал драконом - и Черным Властелином юга. И мгла покрыла земли Дикополья с тех пор. По велению дракона ворвались орды черные с востока и разорили Русколань - лежит теперь она давно в руинах. А в степях привольных теперь лишь орды дикие кочуют. И нет теперь просвета в землях этих - только зло и горе...

- А готы? Что с ними стало? - спросил Лиго.

- А готы что? Теперь они - прислужники дракона, и исполняют его волю злую, - вздохнул старый волхв. - Заковали готы Лукоморье в стены замков черных, и возвели в горах Драконьих обитель зла и мрака. Ту цитадель мы называем Тьмутаракань - простёрла тень свою она над краем. И мгла день ото дня становится всё больше.

- Но простите, - подал голос Кориат Довмонтович. - Если я не ошибаюсь, то Гримуар и Сигурд теперь находятся в глубокой и непримиримой вражде?

- Вы правы, друг мой, они друг друга люто ненавидят, -

сказал Мамай. - И в этом вижу я возможность спасения для всех. Будь зло единым - оно уже давно всех нас бы поглотило. А так судьба и провиденье показывают выход нам. Ведь и на юге пучина зла собой не всё заполнила - еще есть много светлых сил и островков добра средь моря мрака.

- Дивы? - радостно вскричал Лиго.

- О нет, - вздохнул Мамай, - перворожденные, увы, ушли давно из Дикополья. Будь Дивы в том краю, они б дракона давно уж выкурили бы из гнезда, как это делали неоднократно раньше. А люди не способны сегодня на такое. Хотя сам Гримуар даёт подсказку нам, что делать!

- Гримуар? Но как? - изумились присутствующие.

- Да, именно сам Гримуар, исчадье ада, - кивнул Мамай. - Хотел он завладеть стрелой святою, чтоб погубить дракона и воссесть на черный трон. Но раз стрелу мы от него спасли, так почему б и нам самим оружье это не обратить во имя света и добра? Убив последнего дракона, мы, чародеи, сможем разгадать загадку - что это за сила, что возрождает дракона вновь и вновь. Мы наконец-то сможем прекратить перерожденья зла и корни обрубить ему навеки. И преданье, что слышали сегодня вы, об этом и твердит. Судьба сама выходит нам на встречу - вот в чем отгадка! Это - последняя возможность для добра!

Мамай умолк. В шатре повисла звенящая тишина - так необычно было то, что он сказал. Трещали и чадили факелы вдоль стен, огонь отбрасывал причудливые блики на лица участников совета. И в красноватых отблесках пламени они казались строже и намного суровее.

В эту самую минуту Лиго вдруг поднялся из-за стола, отстегнул заколку со своего плаща и протянул ее чародеям.

- Возьмите, судари, - сказал земник. - Ноша это вовсе мне не под силу - тяжесть её слишком велика для такого юного барздука, как я. Своё призвание я выполнил сполна...

Заколка тускло блеснула на ладони земника и тут же погасла. Но ни Мамай, ни Куреяс не торопились её брать - и Лиго так и стоял с протянутой ладонью.

- В чем дело, судари? - изумился Брыль Бирзулис. - По-моему, ведь именно этого и желали вы от моего племянника, не так ли? Заколка ваша - берите же её!

Но Мамай только покачал головой.

- Но почему? - удивился Лиго.

Чародей вынул трубку изо рта и сказал:

- Она - твоя.

- Но как же так? - вскричал земник. - Кто я такой? Из-за неё погиб ведь Велемир!

- И ты, мой мальчик, тоже чуть не погиб, - жестко сказал Куреяс. - И если ты в живых остался - значит, есть на то причина, зачем судьба так бережет тебя!

- Не понимаю... - замотал головой Лиго.

- А что тут понимать? - спросил Мамай. - Ты помнишь строки Велемира, что он тебе оставил в том письме? Уж не оно ли?

И чародей взмахнул рукой - и к изумлению всех дым от его трубки сгустился и образовал подобие тончайшего, колышущегося в воздухе листка пергамента, на котором проступили тщательно выписанные строчки красивой вязи, а те самые округлые буквицы с причудливыми завитушками, которые земник никогда бы ни с каким другим почерком не перепутал, гласили: "Всемилостивейший государь Лиго Бирзулис..."

То было письмо волхва Велемира, которое земник помнил слово в слово.

- Ты видишь эти строки? - спросил Мамай.

- Но как? - ахнул Лиго. - Ведь письмо развоплотилось!

- Я был на той поляне, когда искал волхва, - сказал Мамай и щелкнул пальцами: письмо растаяло, как в прошлый раз.

- И, как ты помнишь, волшбы следы для чародея не менее заметны, чем иные отпечатки. Только надо знать, как снять заклятие и чары, - продолжал Маркисуат.

- А это значит, что и Вражьи слуги, которые гнались за Велемиром, также могли прочесть письмо! - жестко сказал Куреяс. - Вот потому тебя и выследили, Лиго. Лишь чистая случайность тебя спасла - да чародей Мамай. Ведь слуги Гримуара тебе почти дышали в спину - ты вырван был из черных лап в последний миг!

- Тем более, - воскликнул Брыль, - так заберите ж побыстрей заколку! И дело будет сделано!

И тут Мамай глубокомысленно вдохнул и как-то странно посмотрел на земников.

Брыль и Бортень как-то сразу смутились и заерзали под взглядом чародея. А Лиго и вовсе опустил глаза.

- Что? Что еще такое? - первым не выдержал Брыль Бирзулис.

А Мамай смотрел и смотрел - до тех пор, пока наконец Лиго не поднял на него свои глаза.

- Вы что-то хотите сказать, сударь? - спросил молодой земник, холодея сердцем. Он и так уже догадывался, что сейчас скажет Маркисуат.

- Хочу тебя просить, мой мальчик - ибо приказывать тебе не в силах, - сказал Мамай, - идти со мною далеко на юг, как говорит о том преданье. И тем спасти не только дар богов, но и вообще весь светлый мир. Не важно, передашь ты мне заколку иль нет, тебе покою не дадут враги - теперь ты им известен, и выследить тебя

для них лишь дело чести и времени недолгого.

- Даже если я вам отдам стрелу? - спросил Лиго.

- Увы, сие есть правда, - вздохнул чародей. - В глазах магистра Гримуара ты был виной, что снова ускользнула она из его черных рук. Объявлена охота на тебя, мой мальчик. И потому чем дальше будешь ты от этих мест, тем лучше для тебя. Вспомни участь Велемира - а ведь он был волхв, и не чета тебе, мой друг. Так как же ты надеешься спастись от Гримуара сам? Стрела должна исчезнуть от его взора - и чем быстрей, тем лучше. Тебе лишь путь один открыт - на юг со мной.

- А владыка Куреяс? - спросил Бортень. - Ужель не сможет он защитить племянника Бирзулиса?

- А ведь волхвы правы, - вдруг подал голос наместник. - Ни в коем случае нельзя Лиго оставаться здесь - ни самому, ни тем более с заколкой этой. Потому что это сразу Ордену даст повод к войне - а Держава, увы, еще не готова с ним столкнуться лицом к лицу: слишком неравны пока силы. И вы, друзья, все знаете это не хуже меня.

- Наместник прав, - глухо отозвался из своего угла всемудрый Бовас, покачивая головой. - Ты, воевода Бортень, прислушайся к его словам.

И в подтверждение сказанного Мамай и Куреяс также кивнули.

- Я государев человек, и забочусь прежде о державе, - продолжал наместник. - А так, если Лиго исчезнет вместе с этой стрелой - какие могут быть вопросы?

- Да, друзья, наместник прав, - отозвался Куреяс. - Ведь что нам Орден сможет предъявить? Что тайком сквозь наши земли какой-то чародей пронёс стрелу и передал кому-то. Кому? О том неведомо ни нам, ни Князю в Ковно. Где та стрела? Ищите ветра в поле!

- В Диком Поле пусть ветра ищут, - улыбнулся вдруг Мамай. - Туда не сунутся прислужники магистра. А там придумаем возможность совладать со змеем. Когда же разберемся мы с драконом, тогда найдем и способ, как Орден Меченосцев опрокинуть.

- Да будет так! - сказал всемудрый Бовас Бардойтс.

Все одобрительно загомонили - и лишь один маленький земник остался стоять с заколкой в руках. А когда шум понемногу улёгся, на него наконец-то обратили внимание.

- Разве что-то не так, Лиго? - спросил его Мамай.

- А заколка? - спросил земник. - Кому-то суждено её хранить...

- Пусть будет у тебя она пока, - ответил чародей. - Так мы исполним и древнее преданье, и волю Велемира, подарившего её

тебе.

- Я недостоин, сударь, - упрямо мотнул головой Лиго.

- Как раз наоборот, мой мальчик! - улыбнулся чародей Мамай. - Ужели ты считаешь, что я не мог бы забрать стрелу с собой, пока лежал ты бездыханный в шатре у Куреяса? Храни её - ведь так судьба распорядилась, так сказано в предании. А я буду хранить тебя в пути на юг. И там, в далеком Диком Поле, мы разберемся с другими мудрецами, как нам быть.

И Мамай кивнул земнику.

Лиго сел - совет был окончен. В который раз молодой земник вновь ощутил неотвратимую поступь судьбы, которая схватила его и завертела в своих руках.

Светало. И когда участники совета, откинув полы шатра и щурясь предутреннему серому свету, выходили наружу, воздух вокруг вдруг прорезал леденящий волчий вой в сотни глоток. А следом за тем утро взорвалось бешеной барабанной дробью и пронзительными сигналами боевых рожков, которыми неусыпные часовые поднимали в оружие барздуков, крепко спавших после бурной праздничной ночи.

"Тревога! Вставай!" - громко пели рожки, и им вторили боевые походные барабаны.

На лагерь было совершено нападение.

ГЛАВА 21

НЕОЖИДАННОЕ НАПАДЕНИЕ

"Вставай! Тревога! " - пронзительно пели сигнальные рожки под гулкий рокот барабанов. А вслед за этим над сонным бором прозвучал звонкий голос горна, поднимая спящих земников.

А затем раздался громкий крик:

- Враги!

И с другой, и с третьей стороны ему также вторили:

- Враги! Враги идут!

Бортень замер на мгновенье, словно не веря своим ушам, а затем вдруг весь побагровел от гнева, чертыхнулся, и кинулся с рёвом в свой стан. За ним еле-еле поспевали его телохранители, находившиеся неподалеку.

Брыль Бирзулис остолбенело смотрел ему вслед и не знал, что ему предпринять: бежать ли сразу следом или подождать своего племянника, который замешкался у шатра, пропуская впереди себя Боваса Бардойтса со всей его многочисленной свитой.

- Лиго! Быстро за мной! - прокричал племяннику Брыль Бирзулис и побежал туда же, куда и воевода.

Навстречу Бирзулисам уже спешили Вольк и Ждан,

ближайшие слуги и охранники Брыля.

Наместник, оба чародея и княжеский гонец переглянулись между собой, и Кориат Довмонтович мрачно заметил:

- Нечто подобного я и ожидал...

А затем вдруг заложил пальцы в рот и звонко, залихватски свистнул.

Из кустов выпрыгнул Блоха, протирая заспанные глаза.

- Блоха! Птицей в город - да разузнай, что там и к чему! - крикнул ему наместник. - Собырю передай, что охота уже началась - он знает, что делать. И пусть захлопывает побыстрей капкан!

- Есть, сударь! - хрипло гаркнул Блоха и, быстро развернувшись на пятках, помчался к своему коню. Через мгновенье он уже летел в сторону Земьгорода.

- И малую дружину прихвати, - крикнул ему вслед наместник. - Скажешь, мой наказ!

А потом обернулся к княжескому гонцу и весело ему подмигнул:

- Ну что, сударь Шварн, тряхнем-ка стариною, как в былые времена при князе Любарте? А то мой меч слишком давно залежался в ножнах!

В ответ Альгис выхватил свой клинок - и тот запел мелодичным звоном.

- Сударь Бут, я не знаю, о какой охоте вы только что говорили, - сказал гонец, - но я не прочь потягаться с вами! А, кстати, на какого именно зверя мы идем?

- О, мой друг, зверья для вас будет сейчас хоть пруд пруди - выбирайте любого! - ответил наместник. - А после битвы поглядим, чей меч оказался удачливей!

Гонец отдал честь клинком наместнику и, развернувшись, пошел к своему коню, которого уже взнуздали слуги.

Взлетев в седло, Альгис Шварн оглянулся вокруг и недоуменно пожал плечами.

- Кориат Довмонтович, любезный, - крикнул гонец наместнику, который отдавал какие-то приказания своим оруженосцам.

- Да, сударь, - отозвался Бут.

- Странное дело - а куда подевались волхвы? - спросил гонец. - Ведь только что были здесь!

- За них не беспокойтесь, - рассмеялся Кориат Довмонтович. - В этой свалке вы еще налюбуетесь на них! За мной!

И наместник, громко гикнув, птицей оседлал своего скакуна и сорвался с места. Гонец и оруженосцы бросились за ним.

В лагере царила настоящая суматоха - звенели трубы и

рожки, частили мелкой дробью барабаны, а среди стального бренчанья оружия и брони раздавались громкие крики и приказания. Всё вокруг гудело, как разбуженный пчелиный улей - и сами земники походили в своей спешке на проснувшихся сердитых пчел, которые сновали туда-сюда. Несмотря на бурно проведенную праздничную ночь и гудящие с попойки хмельные головы, каждый из барздуков знал, что делать - и каждый знал свое место. А ежели кто сдуру не мог сообразить, куда же ему бежать и чем заниматься, старшие дядьки таких быстро вразумляли тяжелыми оплеухами да подзатыльниками.

Когда Брыль и Лиго добежали до своего стана, их уже встретил воевода, который восседал на мохноногом пони и зычным гласом раздавал команды налево и направо. Бортень уже успел облачиться в тяжелый тягиляй с высоким воротником, стоявшим козырем, а слуги натягивали воеводе на ноги кованые бутурлуки, пока воевода вертелся в седле и отдавал приказы.

- Батюшка, шелом, шелом возьмите! - кричал ему слуга, протягивая украшенный золотыми и серебряными насечками шишак.

Бортень не глядя подхватил протянутую ерихонку и криво нахлобучил на голову, не застегивая. А потом, заметив краем глаза появившихся Брыля и Лиго, прокричал:

- Сухана ко мне!

А когда рыжий земник возник перед ним буквально из ниоткуда, воевода наклонился к нему и что-то шепнул на ухо, указывая на Лиго. Сухан в ответ кивнул и тут же растворился в суетящейся толпе барздуков.

И в этот же миг Лиго кто-то окликнул:

- Сударь, слава богам, вы тоже здесь! Я искренне рад вас видеть!

Лиго оглянулся - прямо за его спиной стоял Мартин, широко улыбаясь во всё свое веснушчатое лицо, и держа под уздцы двух коней.

- Мартин! - радостно воскликнул Лиго и душевно обнял молодого земника. - Ты-то как сам?

- Потом, сударь, - смутился молодой дружинник, - некогда сейчас рассказывать.

- А Прок где? - не унимался Лиго.

- Да где ж ему быть-то? - отмахнулся Мартин. - Сидит в шатре у Куреяса. Да бог с ним, с этим старым пройдохой - не пропадет он, ежели чего. Оденьте-ка вот лучше это, что я вам принес. Уж простите, в этой суматохе схватил лишь то, что попало под руку.

И Мартин протянул Лиго искусного плетения колонтарь.

- Давайте, сударь, помогу одеться вам с непривычки, - сказал

дружинник, и стал напяливать на Лиго безрукавную кольчугу.

Но колонтарь оказался несколько великоват - и Лиго, осмотрев себя с ног до головы, рассмеялся:

- Да уж, красавец - нечего сказать! Ну, да ладно.

Мартин несколько смущенно развел руками, а затем спросил:

- Вы меч-то хоть или кистень держать в руках умеете, сударь? Учили вас такому в вайделотской школе?

Но прежде чем Лиго успел что-то ответить, рядом суровый голос неожиданно и громко произнес:

- А вам, сударь мой, это вовсе и не потребуется - батюшка воевода приказал с вас глаз не спускать и в свалку вам не соваться!

Это был внезапно появившийся Сухан.

И враз на двух молодых земников со всех сторон надвинулись вооруженные суровые бородачи с нахлобученными по самые брови железными шишаками.

- Это еще что такое? - изумился Лиго.

- Ваша охрана, сударь, - невозмутимо ответил Сухан. - Сказали вас беречь отныне, как зеницу ока.

И, повернувшись к Мартину, старший дружинник показал ему литой кулак:

- И ты, вьюнош, мне так же за него башкой своей ответишь, ежели чего!

И, еще раз сердито осмотрев приставленных к Лиго барздуков, Сухан тут же пропал вмиг - как будто его и не было.

Лиго только и смог, что открыть от удивления рот.

И в ту же минуту воевода Бортень, вздыбив своего пони, взмахнул булавой и громогласно взревел:

- За мной, барздуки! Валио!

- Валио! - подхватили древний воинский клич барздуки в добрую сотню глоток.

И клич полетел вперед, перекатываясь гремящими волнами по всему лагерю земников и нарастая всё громче и громче: "Валио! Валио!" И живое море, ощетинившись колючей стальной пеной, грозно покатилось вперед.

Покатилось - и подхватило с собой и Брыля Бирзулиса со всей его вооруженной челядью, и Лиго с Мартином, и их суровую охрану. Подхватило и понесло, и закружило в бурных водоворотах.

***

А там, на окраине лагеря, уже кипел бой. Словно две волны, встретившись друг с другом, ударились грудью, вздыбились и опали кровавой пеной. Отхлынули слегка назад, будто взяли разгон, и вновь могучим потоком схлестнулись грозно. А затем

снова и снова бились друг в друга, расшвыривая во все стороны красные клочья разорванных тел. И гул стоял, будто в лютую бурю, и рёв, и крик, и дикий стон.

Словно бичом стегал по нервам леденящий душу волчий вой. И была в нем адская ненависть к светлым сынам леса, и нечеловеческая запредельная ярость, и дикая жажда крови.

Волколаки шли темной стеной, круто ощетинив холки и лязгая желтыми клыками. Накатывались волна за волной, скрежетали зубами и бросались в гущу земников. Погибали на месте от их кистеней и шестоперов, и снова бросались с ужасающим воем на острые копья, норовя добраться до теплой плоти. Разрывали кольчуги и панцири, проминали щиты и шлемы, ломали, как былинки, пики и рогатины - и сами погибали в смертельных мучениях под ударами барздуков. А над телами убитых снова вставала темной грядой очередная волна волколаков, люто бросаясь в бой. И так раз за разом, упорно тесня нестройные ряды земников.

Но тут сзади раздался громогласно древний клич "Валио!" - и ветер будто подул в другую сторону, изменив направление волн. Войско барздуков словно вспучилось и выплеснуло из своего нутра конную рать, которая ринулась в гущу волков и опрокинуло ее, погнало прочь. "Валио! Валио!" - звонко кричали земники, насаживая на пики взъярившихся волколаков и разбивая им головы чеканами и кистенями. А мохноногие пони, фыркая и закусывая в гневе удила, топтали толстыми копытами волчьи кости.

Волколаки, взвыв, отхлынули.

Первый напор был отбит.

Замелькали древние стяги барздуков, зазвучали призывно трубы, собирая под древние хоругви перемешавшиеся в свалке барздучьи роды. Вот вспыхнул над головами золотистый прапор Бубиласов с толстой, под стать самим этим земникам, пчелой. Зазеленел стяг рода Лаздонисов, собирая под своей сенью барздуков этого рода, не успевших уехать вместе со Шпаком. Зашелестели на ветру хоругви Дундулисов, Крумасов, Иглутисов, Шермукшнисов - и звонкие голоса выкрикивали древние девизы, сзывая под родовые стяги воев.

И вот наконец над ратью взметнулось в небо прадедовское знамя земников - два лютых волка, черный и белый, намертво сцепившиеся в битве. И то ли знамя так покосилось, то ли так держали древко, но в сизом предутреннем зыбком свете казалось, что белый волк держит верх над черным зверем, сминает и побеждает его.

"То добрый знак!" - переглядываясь, кивали бородами

суровые земники.

Отряхивали одежду и броню, потуже затягивали кушаки и кованые пояса, покрепче сжимали в латных перчатках рукояти секир, шестоперов и чеканов. Задиристо толкали один одного локтями и подмигивали друг другу, словно подбадривая перед новой схваткой. Хмель бурной ночи уже улетучивался из бородатых голов - а вместо него сердца заливала праведная ярость боя.

Миг, еще миг. И еще мгновение без битвы - и вот снова две могучих волны поднялись чуть не до самых небес, вздулись и вздыбились, и выплеснули навстречу друг другу весь накопленный запас взаимной ненависти.

- Ай-йа-а-а!!! - взвыли волколаки и покатились клубком на земников, еле успевших сомкнуть ряды.

И перед ощетинившейся копьями стеной барздуков эти стремительные клубки вдруг разворачивались и превращались на ходу в когтистых кошмарных чудовищ, полулюдей-полуволков - и прыгали сверху в самую гущу земниковского войска, сея вокруг себя страх и смерть.

- Песьеголовцы! - в ужасе зашептали барздуки.

Взмах лапы оборотня - и летит на землю с раскроенным окровавленным шлемом барздук, недоуменно роняя свой топор. Поворот в другую сторону - и новая жертва захлебывается в густой бардовой жиже, бьется в предсмертной судороге. А оборотень уже бросается на третьего, впивается клыками ему в глотку и отшвыривает прочь бездыханное тело.

И так по всему войску.

Ужас и страх обуяли барздуков. Попятились их ряды, дрогнули и затрещали перед вражеской темной лавиной.

"Где ж ваши чары, волхвы?" - в отчаянии шептали земники и, упрямо наклонив головы, встречали натиск кровавых чудовищ. И погибали в их когтях и клыках так же упрямо. А новые барздуки, зло ругаясь и бранясь, снова и снова бросались на волколаков - чтобы тут же встретить свою смерть.

И вот рать лесных воев дала одну трещину, вторую, третью - и рассыпалась на отдельные комки, ощетинившиеся копьями и пиками. Темное мутное море волколаков залило окраину Синей пущи, и затопило собою всё поле. И в этой черной беснующейся воде то тут, то сям мелькали островки упрямо сражающихся барздуков, сгрудившихся вокруг своих родовых знамен.

"Держись покрепче, орешки!" - кричали, подбадривая друг друга, Лаздонисы.

"Стоим незыблемо, как дуб!" - вторили им крепкие, под стать своему покровителю, Озолсы. И мерно вздымали над головами

свои топоры и шестоперы, укладывая перед собой врагов.

А волколаки и песьеголовцы зло щерились, скрежетали зубами и истошно, замогильно выли, бросаясь на земников.

"Эй, пчелы, что ж вы не жалите? Или ваши жала притупились?" - кричали Бубиласам через головы волков и оборотней их соседи Лиепасы. И раз за разом кололи копьями наседавшую нечисть.

А Бубиласы стояли плотной, закованной в броню и латы стеной, окружив кольцом воеводу Бортня, который зычным ревом перекрывал шум битвы и отдавал наказы, размахивая булавой.

- Стоять, барздуки! - кричал воевода. - Валио!

"Валио! Валио!" - ответили ему земники.

Но в ответ еще громче раздавался леденящий вой, в котором уже сквозило неприкрытое торжество.

И тут на другой стороне поля серое предутреннее небо вдруг почернело, будто сморщилось - и вверх повалил большими клубами густой темный дым. А снизу грязные дымные космы лизали кровавые отблески пламени.

- Земьгород горит! - вдруг кто-то громко закричал.

И тут же раздался набат, затопивший своим медным звоном всё поле.

- Мать честная! - крякнул наместник, бившийся в кольце вместе с гонцом и оруженосцами, завидев пожар.

И окунул свой длинный меч в лохматое тело песьеголовца.

- Что-то не заладилось, сударь? - перекрикивая шум битвы, спросил гонец, вертясь на своем коне и размахивая клинком.

- Ну что вы, сударь Шварн, - ответил наместник, - просто небольшая заминка. Скоро всё образуется!

И тут же рубанул наотмашь волколака, внезапно прыгнувшего сбоку на гонца. Обезглавленное тело пролетело вперед и грохнулось под ноги коню Шварна.

- С меня причитается, сударь! - кивнул наместнику гонец и тут же развернулся, чтобы встретить бросок еще одной твари.

- После боя посчитаемся! - крикнул в ответ Кориат Довмонтович и стал теснить наседавших волков.

А Брыль Бирзулис со своей челядью остервенело бился неподалеку от отряда воеводы, крушил шестопером налево и направо, натужно крякал, когда оружие опускалось на чью-то вражью голову, и бранился во весь голос. А когда толстенная рукоять с жутким треском сломалась, схватил чей-то железный шлем и стал колотить им во все стороны. И если кто из волколаков уворачивался от удара Брыля, то ему тут же на голову или ребра опускался могучий кулак земника в тяжелой латной рукавице. Страшны были удары старого хозяина Пригорок, и

разили они не хуже топоров или кованых палиц.

- Эх, Лиго, мальчик мой, где ты? - бормотал себе под нос старый Брыль.

Но времени осмотреться не было вовсе - вокруг бурлил кровавый водоворот.

А волки между тем ворвались в лагерь и принялись всё крушить на своем пути. Летели во все стороны клочья шатров и палаток, зачадили смрадным дымом затоптанные костры, со звоном покатилась посуда и чьи-то латы, брошенные впопыхах. Дико ржали и фыркали кони, истошно визжали и скулили походные собачонки, поджав хвосты и прячась в гуще леса, где их настигали и резали волколаки.

- Ну, сударь, держитесь - сейчас начнется, - сказал Мартин Лиго, и покрепче сжал в руках чекан.

На земников летела остервенелая орава огромных волков со вздыбившимися холками, воя и лязгая клыками. Суровые барздуки теснее сомкнули кольцо вокруг Лиго Бирзулиса, выставив вперед рогатины.

- Возьмите, сударь, - шепнул Мартин, сунув Лиго в руки старинный кистень. - Только глядите, из наших никого не зашибите ненароком!

Лиго быстро глянул на него и хлопнул себя по перевязи с мечом, показывая, что у него уже есть оружие.

- Ай, сударь, это людям да вайделотам пристало с такими цацками нянчиться, - отмахнулся Мартин. - А нам, барздукам, негоже изменять родовым топорам да секирам.

И взвесил в руках литой чекан.

А Прок Пеколс тем временем с ума сходил от страха и неведения в шатре у Куреяса. Старый земник при первых же сигналах мигом проснулся - и бросился ко входу встречать своего хозяина. Но его всё не было и не было. Затем откуда-то с поля принесло волчий вой и звуки разгоравшейся битвы. Вокруг шатра метались взъерошенные земники, поспешно одеваясь на ходу и хватая первое попавшееся под руки оружие. Все куда-то неслись, раздавались чьи-то крики и наказы, звенели трубы и рожки, и глухо выколачивали душу своим грохотом барабаны.

Потом ветер с поля принес "Валио! Валио!" и жуткий рёв сражения. Снова трубы и рожки, радостные зазывные кличи - и снова леденящий вой и крики ужаса.

И вот страшный шум всё ближе и ближе, жуткий треск, лязг зубов, предсмертные крики. Прок схватил подвернувшийся под ноги топор и ринулся ко входу.

Но тут раздался оглушительный грохот и яркая синяя вспышка, опрокинувшая старого земника навзничь. Прок от

неожиданности на мгновенье закрыл глаза.

А когда открыл их - перед ним величественно и грозно стоял владыка Куреяс со своим посохом. И одежды волхва ослепительно сияли.

***

- Где Лиго? - первым делом спросил Куреяс.

- До сих пор еще не являлся, - ответил старый земник, потирая ушибленное место.

Волхв осмотрел его с ног до головы и кивнул в знак приветствия.

- Вот что, Пеколс, - сказал старый вайделот. - Хватай свою сумку с зельями, да поживей. Работы нам сегодня будет невпроворот. И возьми вот это и это.

Старый волхв быстро ходил по шатру и совал в руки еле поспешавшему за ним слуге свои снадобья.

- Так, - окинул взглядом напоследок свой шатер владыка Куреяс. - Идем - и от меня не отставай!

И стремительно вышел вон.

Пеколс бросился за ним - и чуть не грохнулся, споткнувшись о тела двух огромных волколаков, лежавших снаружи у двери в шатер. Туши с опаленной шерстью еще дымились и слегка подрагивали.

"Это их молнией Куреяса убило", - догадался Пеколс про вспышку, отшвырнувшую его от входа.

А волхв уже тем временем стремглав ушел вперед. И Пеколс ринулся за ним, чтоб не отстать.

Вокруг творилось что-то невообразимое. Треск и грохот сокрушаемого лагеря сменился на иные звуки. Резкое щелканье, громкий клёкот и хлопанье сотен крыльев заполонили собой всю окраину Синей пущи.

Земник задрал голову и увидел кружащиеся стаи орлов, которые с клёкотом бросались с вышины на волколаков, хватали и рвали их своими когтями, разбивали им головы клювами. А затем снова взмывали в небо, чтобы камнем броситься сверху на очередного врага. Летели клочья шерсти и выдранные перья, волки лязгали зубами и крутились во все стороны, прыгая на одном месте и пытаясь достать огромных птиц.

Воспрянувшие духом барздуки усилили свой отпор врагу и бились еще более неистово. Вокруг всё смешалось в невообразимую кучу - и со стороны уже было не разобрать, кто и с кем сражается. Вот клубком покатились огромный волк и вцепившийся ему мертвой хваткой в глотку суровый барздук. А когда зверь оказался сверху и раскрыл свою зловонную пасть, ему на затылок вдруг опустилась палица другого земника.

- Спасибо, друже, - кряхтя сказал первый барздук, выбираясь из-под черной туши. И тут же ринулся снова в бой.

Вот два орла клевали и били крыльями отчаянно рычащего волколака, разодрав ему всю окровавленную морду, уворачиваясь от его когтистых лап и лязгающих зубов. А вот три или четыре земника загнали в угол песьеголовца и уже подняли его на копьях - зверь бился в судорогах и страшно выл.

- Вот тебе! Вот! - колошматил налево и направо Брыль Бирзулис.

- Вжик! Хрясь! - отвечали ему секиры неуклонно следовавших за ним Волька и Ждана, прикрывавших спину своего хозяина.

- Ба-бах! - шарахнуло впереди снова яркой вспышкой и тут же понесло паленой шерстью. И еще раз громыхнуло, и еще - Куреяс прокладывал себе дорогу, вздымая посох и извергая молнии на оборотней и волков.

- Тресветлое солнце, это еще что такое? - изумился Альгис Шварн, завидев яркую вспышку.

- А это, сударь, наш владыка наконец-то объявился! - крикнул ему Кориат Довмонтович, тесня конем припавшего к земле волколака. - Можете полюбоваться - теперь уж точно наша возьмёт! Вы только на небо поглядите, сударь!

И наместник махнул рукой куда-то вдаль, а затем стал снова наседать на волка, отчаянно клацавшего клыками.

Гонец посмотрел вверх - всё небо над полем между Синей пущей и Земьгородом заполонили птицы. Клёкот и крик стоял несусветный. Огромные вороны и грачи с противным карканьем кружили, норовя оттеснить орлов. Но те взмывали ввысь и оттуда стремительно падали на черных птиц, сбивая их на землю. Во все стороны летели пух и вороньи перья, и всё меньше и меньше черных точек становилось в небе. Остатки каркающих стай попытались было вырваться из орлиного кольца, но те держали оборону плотно - зорко высматривали вороньё и метко его били.

- Что за чертовщина такая? - крикнул гонец, указывая на сражающихся птиц.

- Волхвы на подмогу орлов призвали, своих вечных союзников, - ответил наместник. - А про ворон не беспокойтесь, сударь - что-то их слишком уж много развелось в наших краях с приездом консула.

- Какого консула, сударь Бут? - удивился гонец.

- Ну как какого? Барона Конрада фон Кинбурга, - зло сказал наместник.

- Он-то здесь при чем? - удивился гонец.

- А кто, по-вашему, милейший, призвал сюда всю эту нечисть? - и наместник обвел рукой вокруг. - Его рук дело, клятого барона.

Ну, ничего - я с этой жирной свиньей еще сегодня же посчитаюсь!

И с яростью бросился преследовать волколака.

А ворота Земьгорода меж тем открылись, и оттуда на поле хлынула конная рать на подмогу барздукам. Клубы дыма, валившего из-за городских стен, становились всё меньше и меньше, посветлели и вскоре вовсе стали сереть. Пожар был потушен.

А конная дружина неслась через поле во весь опор - сверкали в лучах восходящего солнца острия пик и мечей, переливались яркие блики на латах и сбруе, вспыхивали искрами серебряные маковки шлемов с красными прапорцами. Кони мчали во весь опор, закусив удила, а витязи, надрывая глотки, грозно ревели: "Холм!" И впереди этой конной, закованной в броню лавины летел на белогривом ослепительном коне огненный всадник - чародей Маркисуат.

"Валио!" - радостно закричали барздуки, заслышав клич земьгородской дружины.

Всадники со всего наскоку врезались в волчью стаю. Сшиблись грудью кони и волколаки, покатились кубарем на землю первые жертвы, страшно крича перед смертью. А пламенный всадник прошел сквозь темные ряды волколаков, будто нож сквозь мягкое масло. Развернулся, взвился на своем волшебном скакуне, и опять ринулся на врага, кроша его налево и направо. И ложилась нечисть снопами от взмахов его грозного меча, будто огненный серп собирал кровавую жатву.

Барздуки, завидев подмогу, усилили напор - и наконец снова смяли врага, стали бить и преследовать его. Дружина Бортня прорвала окружение и начала топтать озверевших волков, стремясь соединиться с конной ратью земьгородцев. Снова высоко взвилось древнее знамя барздуков, и с новой силой зазвенели трубы и рожки.

- Наддай! - орали земники, круша врага.

Бортень размахивал своей булавой, громогласно отдавал наказы, поспевая везде и всюду. Его огромная бородища была взлохмачена и воинственно топорщилась во все стороны. Завидев ринувшихся в лес волков, воевода заревел:

- Сухан, быстро в лагерь! Там Лиго!

Рыжий дружинник крякнул и опустил с размаху топор на морду песьеголовца. А затем молча развернулся и, прихватив с собой еще нескольких барздуков, устремился в разоренный стан.

Бортень одобрительно отметил по себя выполнение наказа, проводив взглядом дружинника. И не заметил, как в этот самый миг большая черная тень мелькнула в воздухе - и выбила его из седла.

Воевода тяжелым кулем свалился на землю. На грудь ему тут же прыгнул ощерившийся громадный волк, прижал лапами - и лязгнул желтыми клыками перед самым лицом. Бортень еле успел схватить его за глотку своими могучими руками и натужно хрипел, отстраняя от себя зловонную пасть зверя. Лицо воеводы покраснело от напряжения, на лбу толстыми узлами вздулись вены.

- Р-раз! - опустился на загривок волколака сверкающий меч.

И оскаленная голова оборотня покатилась в сторону.

- Вы живы, сударь? - спросил чей-то знакомый голос. - Давайте встать помогу!

И тучного воеводу схватили чьи-то руки и потащили вверх.

- Ну и неподъёмны же вы, сударь - прямо надорваться можно! - натужно, но весело сказал голос.

Раскрасневшийся Бортень, кряхтя и охая, поднялся с земли, тяжело дыша. А когда поправил съехавший на брови шлем, вытирая ручьями ливший пот, наконец-то смог рассмотреть своего спасителя - и тут же зарычал:

- Ты?!

Перед воеводой стоял тот самый наглый коробейник, встретившийся ему у ворот, он же Блоха из тайной стражи наместника. Голова его была наскоро перевязана и, несмотря на то, что из-под грязно-белой полотняной полосы сочилась свежая кровь, он довольно улыбался. Но увидев, кого же он выручил в трудную минуту, глаза коробейника от удивления округлились.

- Вот тебе на! - присвистнул он.

Бортень тоже стоял, раскрыв рот. А затем, смутившись, что-то буркнул в ответ.

- Ну что ж, сударь, это судьба, наверное! - рассмеялся Блоха и развел руками.

А со всех сторон к ним бежали перепуганные земники, опасаясь за судьбу воеводы.

Бортень еще раз кивнул Блохе, и при помощи двух подскочивших барздуков пытался влезть на своего мохнатого коня, кем-то услужливо пойманного.

Но Блоха уже взвился на своего жеребца и помчал в сторону наместника, яростно отбивавшегося от наседавших на него врагов.

Кориат Довмонтович крутился ужом в седле, еле-еле успевая рубить налево и направо. Завидев Блоху, наместник прокричал:

- Молодец, Блоха! Я на тебя рассчитывал! Вовремя ты успел!

- Эх, ежели б не чародей Маркисуат - то всем нам пришлось бы туго! - отвечал Блоха, ввязываясь в гущу свалки. - Он домчал меня до Земьгорода и тут же схватился со слугами барона. Бр-р-р,

жуткие твари, будто с того света явились...

- Так это они чуть город не сожгли? - крутился в рубке наместник.

- Ну да, это их рук дело, - через плечо кричал ему Блоха, вращая клинком. - Слава богам, вовремя заметили!

- А Собырь-то сам где?

- Его Мамай оставил выкуривать из дому этого чертового барона! - отвечал Блоха, топча копытами волков.

- Значит так, - кричал наместник, вертясь на своем коне и размахивая мечом, - эту сволочь в угол загнать, под самые крылышки взять, и ко мне доставить! И чтоб ни единого перышка с его жирной туши не упало - я его тут сам ощипаю!

- А как же с этими? - спросил Блоха, указывая на скалящихся волков. - Помощь нужна, сударь?

- Теперь уж как-нибудь сам совладаю, - прорычал наместник и вздыбил коня.

- Держитесь, сударь! - где-то сбоку закричал гонец, пробиваясь к наместнику.

Над его головой грозно мерцал клинок, со свистом рассекая воздух.

- Скачи, Блоха! - гаркнул Кориат Довмонтович. - Мы справимся!

Блоха напоследок рубанул по подвернувшейся волчьей гриве и умчался прочь.

- Эгей, сударь! Вы как? - кричал гонец, бешено крутясь среди волколаков.

- А вы, сударь? - отвечал вопросом на вопрос наместник, уклоняясь от острых клыков.

- Уже сбился со счета! - бросил через плечо Альгис Шварн, вгоняя острие меча в горло песьеголовцу.

- Ну, конец не за горами, - зло усмехнулся наместник, - ведь скоро рассвет!

И в этот миг рядом с ними что-то шарахнуло и сверкнуло - а когда клубы белого дыма рассеялись, вокруг лежали лишь опаленные туши волков.

- Вы живы, господин Бут? - прокричал владыка Куреяс.

- Жив, владыка! - наместник откашливался и щурил глаза от едкого дыма.

- А Лиго где? - спросил вайделот.

- А кто ж его знает! - ответил наместник. - В этой кутерьме теперь ничего не разобрать. После начала свалки они с Брылем Бирзулисом за воеводой побежали.

Куреяс в сердцах топнул ногой и, оглядевшись, сказал:

- Там дальше ваша дружина, господин Бут. Думаю, вам тут

больше делать нечего...

И растворился в тумане белесого дыма.

Наместник оглянулся и хохотнул - после волхва ему действительно здесь делать было больше нечего.

- Сударь, вас не зацепило? - спросил, подъехав, гонец.

- Как сказать, - неопределенно сказал наместник. - После осмотримся, сейчас на это времени нет.

И, взвив еще раз своего коня на дыбы, наместник взмахнул мечом и победно прокричал: "Холм!" А затем понёсся в сторону сверкавших клинками всадников.

Но не только владыка Куреяс искал Лиго. С разных сторон к нему сквозь остервенелую волчью стаю пробивались Брыль Бирзулис и Сухан, а чародей Мамай прокладывал дорогу через сонмы рычащих песьеголовцев, оставляя за собою выжженный след.

А Мартин и Лиго в кольце суровых бородатых земников отчаянно дрались с наседавшей нечистью. Взбесившиеся волколаки лезли друг другу на спину, словно соревнуясь, кто первым доберется до барздуков. Лязгали желтые клыки, летела клочьями пена и брызгала ядовитая слюна, а смрадное дыхание волков шибало в нос.

- Коли! Руби! - кричали, подбадривая друг дружку, барздуки.

И всаживали острые жала копий и топоров в черные взбесившиеся туши. А над головами со свистом рассекал воздух кистень Лиго - и метко бил чекан Мартина.

- Ого, сударь! - кричал Мартин. - Да вы, как посмотрю, времени в вайделотской школе не теряли зря!

- Не скромничай, Мартин, - отвечал Лиго, прикладываясь кистенем к зарвавшемуся волколаку.

А на груди земника ярким цветком алела заколка, подарок старого волхва. И своим огненным жаром словно придавала сил барздукам, слепя глаза врагам и доводя их прямо до неистовства.

- Иду, Лиго! Иду, мальчик мой! - издалека кричал сквозь волчий вой Брыль Бирзулис, расшвыривая месиво волков.

- Держитесь, парни - помощь близко! - ревел с другой стороны Сухан, прорубая себе дорогу сквозь рычащее остервенелое зверьё.

Но силы были слишком неравны. Вот волки выхватили из кольца одного земника, а за ним выволокли второго и третьего - и с диким неистовым рычанием люто рвали их зубами. Оставшиеся барздуки сгрудились поплотней, намереваясь дорого продать свои жизни.

Еще один наскок и еще. Летят окровавленные клочья тел над мордами волков, и победоносный леденящий вой покрывает

поляну. И вот в кольце врагов осталось только двое земников, прижавшихся спина к спине. Обронил в жестокой схватке свой кистень Лиго - и потому выставил впереди себя короткий узкий меч, свою последнюю надежду. А Мартин по-прежнему крепко держит в руках свой родовой чекан, и нехорошо, зло усмехается.

Вокруг - красные горящие глаза, налитые лютой злобой, и окровавленные смрадные пасти. Рычит зверьё, скребет когтями, вот-вот бросится вперед. Но не решается, будто словно что-то удерживает их.

И вдруг колючим болезненным толчком в голове раздается стылый замогильный голос:

- Отдай её...

И мертвенный холод струйками пота бежит по спине.

- Отдай... - настойчиво бьёт в сердце жуткий шепот. - Отдай заколку...

А клочья сизого тумана вдруг начинают уплотняться, сгущаясь и обретая жуткое обличье умертвий, бредущих к земникам среди волков. И эти темные зыбкие тени всё ближе и ближе.

Весь окружающий мир словно отгородили от двух барздуков плотной стеной. Где-то там, уже будто бы совсем вдалеке раздаются звуки битвы, приглушенные одеялом из колдовских чар. Как из глубокого колодца еле слышны крики спешащих на подмогу дружинников. Время замедлило свой ход - а помощь словно отодвинулась в бесконечную пропасть. Глаза слипаются от наважденья, ноги налились свинцом. А руки становятся ватными, начинают мелко дрожать и слабеют всё больше и больше - и вот-вот грозят выронить оружие.

Туман сгущается и накрывает сверху липким плотным колпаком. Осклизлые щупальца марева тянутся к земникам со всех сторон.

Плывут меж волками страшные тени. Плывут и шепчут, будто саваном шуршат:

- Отдай заколку...Отдай...

Вот тень всё ближе и ближе - и наклоняется над Лиго, разрастаясь.

- С-с-сними... Отдай... - злобно шепчет мрачная тень и мерно колышется.

А рука сама, помимо воли, тянется к заколке и отстегивает ее от плаща.

И вдруг...

"Валио!" - из последних сил внезапно крикнул Лиго, и полоснул заколкой по клубящейся тени, а затем туда же вонзил свой клинок.

Вспыхнул багровым огненным светом старинный оберег - и развалился надвое жуткий сгусток тумана, страшно закричав напоследок. Будто сумасшедший черный вихрь вырвал из рук барздука узкий меч и отбросил далеко в сторону. А клубы черной тени бились в ужасных корчах и таяли на глазах.

Взвыли люто волки, зарычали, оскалились. И прыгнули вперед на двух барздуков, смыкая страшное кольцо.

Но в этот миг будто пламя вспыхнуло ярко и взметнуло раскаленные искры вверх - это огненный всадник ворвался в круг и взмахнул пылающим клинком. А затем вздыбил своего коня с ослепительной белой гривой и рассек сверкающим мечом плотный колдовской туман. И стал стремительно кружить в неистовой пляске, словно языки горящего пламени, оставляя после себя разрубленные волчьи тела.

То был Мамай, явившийся в последний миг.

***

Рассвело. Солнце встало, освещая поле боя на окраине Синей пущи.

Дымились трупы волколаков, а среди них бродили уцелевшие в той жестокой сече барздуки, подбирая раненых и мертвых товарищей. Тоскливо и пронзительно пели волынки и сурны, оплакивая павших. А с неба им жалобно вторили орлы своим клёкотом, паря над горами тел.

Тяжел и огромен был урон, нанесенный барздучьему племени нападением волков и оборотней. И хоть враг был наголову разбит и до единого уничтожен, потери земников были страшны и невосполнимы - ибо каждый род лишился в битве чуть не каждого третьего воя. А потому и вкус победы был излишне горьким, и стискивал холодной хваткой сердца.

Такого разгрома барздуки не ведали очень давно - ибо ловушка их врагами была расставлена очень коварно и с изощренной жестокостью. Напасть на земников на виду у всего Земьгорода казалось просто самоубийственным - но, тем не менее, это произошло. Паучьи сети предательства опутали не только столицу Земиголья, но проникли даже к самим земникам, о чем раньше и помыслить-то было совершенно нельзя. И лишь смелая и отчаянная игра тайной стражи наместника да вмешательство волхвов помогли совершить невозможное - не только избежать полного разгрома племени барздуков, но и одержать невероятную победу над распоясавшейся нечистью, пусть и такой тяжелой ценой.

Сам Кориат Довмонтович уже умчался в Земьгород - вершить следствие и суд над пойманным консулом Ордена Меченосцев, бароном Конрадом фон Кинбургом. Ибо тайная стража давно

доносила, что тот готовит кровавый заколот. Вырвать признание у барона в заговоре любой ценой - на дыбе, клещами или огнём - вот было главной задачей наместника на этот час. Лишь только это признание, отправленное в Мальборк, мрачную столицу Ордена, и могло спасти Земиголье и всё Великое Княжество Неманское от обвинений и нападок со стороны коварных меченосцев - и предотвратить опустошительное нашествие закованных в латы орденских войск.

Лиго и Мартин сидели на пригорке, наблюдая, как хлопочет над ранеными владыка Куреяс. А Прок Пеколс, приставленный ему в услужение, метался туда и обратно, разрываясь буквально на части.

Каждый из земников думал о скором расставании. Теперь, после всего случившегося, Лиго с ужасом и болью понимал, что ему больше нет места в этих родных и милых сердцу лесах - ибо ноша его слишком тяжела и горька, и способна принести еще большие несчастья всему народу барздуков. И детство, и шальная юность вдруг закончились внезапно, в один миг - как будто лист сорвало сильным ветром и понесло куда-то вдаль.

- Я... я виноват... - посиневшими губами говорил он Мамаю, когда чародей вырвал его из лап нечисти. - О боги, какой же я был глупец! Ведь эти твари пришли сюда из-за меня!

И плакал от бессильной ярости и злобы, глядя на погибших в кровавой сече.

- Не укоряй себя, мой мальчик, - успокаивал его чародей. - Теперь ты видишь, сколь тяжек твой удел. И выбора, по сути, больше нет. Заколка выбрала тебя - и чем скорее ты исчезнешь вместе с нею из этих мест, тем лучше.

- Я... я готов... - дрожали губы Лиго. - Когда идти? Сейчас?

- Нет, Лиго, не сегодня, - отвечал Мамай. - Сегодня память мы почтим погибших в лютой битве. А завтра же уйдем, лишь только солнце встанет. Теперь же отдыхай, мой мальчик - сегодня будет трудный день.

И чародей ушел, ведя за собой белогривого коня и осторожно пробираясь среди павших тел.

Чуть позже Брыль Бирзулис подбежал к Лиго и стал его радостно тормошить.

- Ты цел, Лиго? Ты цел? - кричал дядюшка Брыль, тряся и обнимая племянника.

Но, заглянув ему в глаза, всё понял и тут же обомлел.

- Когда? - упавшим голосом спросил Брыль.

- Чем раньше, тем лучше, - опустил взгляд Лиго и прошептал: - Прости...

А затем мягко отстранился и побрёл вслед за Мамаем.

Уже сидя на зеленом пригорке и глядя невидящими глазами на поле схватки, Лиго почувствовал, что кто-то рядом молча сел.

- Простите, сударь, вы не против? - спустя минуту тихо спросил Мартин.

Лиго беззвучно мотнул головой и продолжал всё так же глядеть в пустоту. И просидел так почти до самого вечера, когда его забрал оттуда Брыль...

Уезжали вдвоем тайно. Молча встали на следующее утро задолго до рассвета, пока все еще спали. Мамай задумчиво ехал впереди, а сразу за ним на своем пони трусил маленький земник, ссутуленный под бременем ноши, выпавшей ему. И перед его глазами еще долго стояли багровые костры тризны, уносившие с густым черным дымом на небо, в счастливый ирий, души павших в бою барздуков.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ